АЛЕКСЕЙ ГРОМЫКО

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ВЕСЬ МИР

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Российская Академия Наук
Институт Европы

АЛЕКСЕЙ ГРОМЫКО

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ВЕСЬ МИР
Москва
2007

УДК 329(410)
ББК 66.69(4Вел)
Г 87

Редактор: *Чеканова Елена Леонидовна*

Громыко Ал.А.

Г 87 Модернизация партийной системы Великобритании — М.: Издательство «Весь Мир», 2007. — 344 с.

ISBN 978-5-7777-0382-8

Книга посвящена процессу модернизации партийно-политической системы Великобритании. В центре внимания автора находятся как ведущие, так и малые партии страны. Анализируются внутрипартийные механизмы принятия решений, структурные изменения британских партий, перемены в их идейном оснащении. Уделяется внимание не только динамике парламентских, но местных, европейских и региональных выборов. Рассматривается вопрос, насколько деятельность британских партий отвечает современным запросам развитого демократического общества.

УДК 329(410)
ББК (66.69(4Вел)

ISBN 978-5-7777-0382-8 © Издательство «Весь Мир», 2007

Оглавление

Введение vii

Глава I. Трансформация общенациональной партийной системы . 1

1. От двухпартийной системы к системе «двух с половиной партий» 2
2. Всеобщие выборы в динамике межпартийной борьбы . . 21

Глава II. Модернизация партийных организаций 39

1. Лейбористская партия 39
2. Консервативная партия 58
3. Партия либеральных демократов 67

Глава III. Идеологическая модернизация 75

1. От социал-реформистского к либерально-рыночному циклу 75
2. Тэтчеризм и посттэтчеризм 84
3. «Третий путь» — идеология «нового лейборизма» 94
4. Современные политические циклы 149

Глава IV. Региональные партийные системы и процесс федерализации 157

1. Шотландия 158
2. Уэльс 179
3. Северная Ирландия 192

Глава V. Изменения партийной системы на локальном уровне 221

Глава VI. Роль малых партий 235

1. Левые партии 238
2. Правые партии 250
3. Зеленые 255
4. Евроскептики и проблема британской самоидентификации 257

Глава VII. Системные функции политических партий 263

1. Политическое участие 264
2. Политическое представительство и организация выборного процесса 274
3. Государственное управление и политическое рекрутирование 282
4. Политическая коммуникация 285

Заключение 291
Литература 305
Summary 321
Указатель имен 327

Введение

Великобритания — одна из первых стран либеральной демократии, в которой возникли политические партии, а затем сложилась партийно-политическая система двухпартийного типа. История ее возникновения и утверждения растянулась с XVII по XIX в. За этот период протопартии — тори и виги — превратились в полноценные структурированные массовые партийные организации: Консервативную и Либеральную партии. В XX столетии британская партийно-политическая система претерпела значительные изменения после того, как место либералов заняли лейбористы, однако, по сути, осталась двухпартийной и по-прежнему продолжала опираться на присущие британской политической модели принципы сдержек и противовесов между ветвями власти, суверенитета парламента, мажоритарную избирательную систему.

Процессы, обусловившие переход Великобритании от индустриального к постиндустриальному типу развития: новые принципы экономической деятельности, социальная и классовая фрагментация, культурные сдвиги, различные проявления глобализации, — затронули все стороны жизни общества, включая партийно-политическую систему. С 70-х годов XX в. начался процесс ее модернизации. Он привел не только к крупномасштабным переменам в трех ведущих партиях (Консервативной, Лейбористской и Либеральной), но и к качественным изменениям самого характера системы, ее состава, структуры и динамики. Одним из проявлений кризиса двухпартийной системы стало то, что на общенациональном уровне механизм политического маятника, определявший долгое время чередование у власти

двух партий, дал серьезные сбои: сначала на 18 лет к власти пришли консерваторы, затем доминирующую позицию заняли лейбористы.

В последней трети XX в. политическая система Великобритании, в том числе партийно-политическая система, оказалась перед необходимостью приспосабливаться к требованиям национального развития в условиях двуединого процесса глобализации и регионализации, европейской интеграции и размывания национального суверенитета. В результате начался процесс модернизации британской партийно-политической системы.

Политические партии как институт политической системы сформировались в своем современном виде не раньше XIX в. Их появление стало возможным благодаря сумме факторов. Во-первых, политическая система достигла высокого уровня дифференциации и специализации, при котором выработка и реализация политических решений могла осуществляться силами нескольких постоянно и целенаправленно действующих коллективных политических субъектов, занимающих разные платформы, в том числе идеологические. Во-вторых, стало неизбежным применение принципа ответственного и представительного управления. Ряды электората разрослись настолько, что властные структуры не могли игнорировать его волю и были вынуждены следовать требованиям и ожиданиям избирателей. И в-третьих, у партий появились внепарламентские массовые составляющие в виде местной сети партийных отделений и рядового членства.

В результате воздействия этих факторов на смену факциям, клиентелам, аристократическим кликам, коалициям нотаблей, политическим клубам и другим непостоянным элитарным образованиям пришли современные политические партии. При всем многообразии и непохожести этих партий к ним применимо следующее определение: политическая партия — это структурированное и идеологически мотивированное устойчивое объединение людей, стремящееся к политическому влиянию и контролю над государственной властью в целях реализации своей программы общественного устройства и мобилизующее население в свою поддержку.

Политические партии в своей совокупности и взаимодействии — центральный элемент партийно-политической системы (ППС), которая, в свою очередь, играет роль важного звена политической системы общества. Традиционным является определение партийной системы как политической структуры, состоящей из совокупности партий разного типа[1]. Однако в таком определении упущен

[1] См., например: Политическая энциклопедия. М.: Мысль, 1999. Т. 2. С. 118.

важный момент: ППС не просто механическая сумма входящих в нее партий. Наличие нескольких партий в стране не есть достаточное основание для того, чтобы говорить о формировании партийной системы.

Во-первых, задачи, которые стоят перед политической партией и партийной системой, не совпадают. Если каждая политическая партия в отдельности стремится к завоеванию политической власти или к контролю над ней для выполнения воли своего электората, то партийная система призвана обеспечить эффективное делегирование воли народа политическим институтам и сбалансированное представительство интересов ведущих социальных групп в государственных органах власти.

Во-вторых, совокупность политических партий представляет собой разновидность партийной системы лишь тогда, когда они находятся в отношениях взаимозависимости и взаимовлияния, руководствуются формализованным или неписаным сводом правил политической борьбы (в том числе принципом ротации политических сил у власти и способностью идти на компромисс), устойчиво позиционируют себя в отношении друг друга по определенным кливажам (расколам), включая устоявшиеся идеологические ориентиры и группы электората. Только в этом случае «механическая сумма партий» превращается в динамичную структуру и возникает партийная система.

Исходя из вышесказанного, партийно-политическую систему можно определить как систему устойчивых взаимоотношений политических партий, обеспечивающую представительство электората и реализацию его воли государственными органами власти.

Политическая модернизация означает способность политической системы государства видоизменяться на новом этапе общественного развития. Эта способность проявляется в перестройке существующих политических институтов, включая партийно-политическую систему и государственное устройство страны, и в создании новых, в изменении алгоритмов действий политических элит и лидеров.

Применительно к рассматриваемому периоду британской истории политическая модернизация — это способность политической системы развитых государств адаптироваться к условиям постиндустриального общества на основе принципов плюрализма, толерантности и разнообразия культур, готовность политической элиты учитывать интересы и требования оппозиционных группировок. Новый виток политической модернизации Великобритании пришел на смену «первичной» модернизации (в отличие от «вторичной» модернизации, характерной для государств догоняющего типа развития), происходившей в государствах,

перешедших от аграрного к индустриальному типу развития на базе внутренних, а не внешних импульсов[1].

В анализе партийно-политических процессов в современной Великобритании ключевое значение имеют понятия мажоритарной и плюральной демократии. При мажоритарной модели демократии с британской спецификой (вестминстерская модель) для политической системы свойственна концентрация исполнительной власти в руках однопартийного правительства, располагающего большинством в парламенте. Происходит частичное слияние функций законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. Партийно-политическая система носит четко выраженный двухпартийный характер. Выборы проходят по мажоритарному типу избирательной системы, которому присуща культура политического противостояния. Государственное устройство — унитарное. Краеугольный принцип конституционных отношений в условиях «неписаной конституции»[2] — суверенитет двухпалатного парламента, в котором доминирующая роль принадлежит нижней палате. Механизмы прямой демократии применяются в исключительных случаях.

Идеальному типу плюральной модели демократии свойственны такие принципы, как коалиционный характер государственного управления, четкое разделение законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, многопартийная система (в отличие от двухпартийной), применение пропорционального типа избирательной системы на выборах, многовекторная модель партийной конкуренции. Государство имеет децентрализованное унитарное или федеративное уст-

---

[1] Известная классификация предыдущих этапов политической модернизации Великобритании принадлежит Сэмуэлю Биру: старый торизм (XVII в.), старый вигизм (XVIII в.), к которому он относит начало эпохи модерна в Англии, либерализм и радикализм (XIX в.), коллективизм (XX в.). Позже к этой типологии Бир добавил постколлективистский этап, первыми признаками которого он назвал активизацию студенческого движения и кельтского национализма на рубеже 60–70-х гг. XX в: см.: Beer Samuel H. *Modern British Politics*. London: Faber and Faber, 1982. О волнообразном характере процесса модернизации см.: В.И. Пантин. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Московский философский фонд, 1997.

[2] «Не кодифицированное» — более точный термин в применении к британскому конституционному праву, так как его значительная часть «записана»: парламентские акты (статутное право), судебные постановления (прецедентное право), правила, обычаи, устоявшаяся практика работы парламента и правительства (конвенции), королевские прерогативы, работы британских правоведов XIX в. (Альберт Дайси, Томас Мэй, Уолтер Баджет и др.), правовые акты ЕС, инкорпорированные в британское законодательство.

ройство. Высший законодательный орган власти — двухпалатный парламент, в котором обе палаты имеют равное значение. Страна обладает кодифицированной конституцией и независимым Центральным банком. Широко используются механизмы прямой демократии.

Одна из разновидностей плюральной модели — консоциативная демократия[1] (демократия согласия, сообщественная модель развития)[2]. Она представляет собой альтернативу мажоритарной демократии в многосоставных, плюралистических обществах с фрагментированной политической культурой. Понятие «консоциативная демократия» может иметь и широкое, и узкое толкование. В узком смысле оно обозначает демократическое устройство общества, разделенного этнонациональными и сопутствующими им религиозными и культурными расколами. Это модель покоится на таких принципах, как квотирование по этнонациональному признаку при формировании исполнительных органов власти и пропорциональность при избрании законодательных, автономия и равенство общин, право вето для меньшинств.

В широком смысле это понятие обозначает новую степень зрелости демократического общества, когда политические элиты страны готовы отказаться от централизованной модели демократии, отражающей интересы большинства, и от монополии принципа прав индивида в пользу согласования интересов организованных крупных и мелких социальных слоев и сочетания прав индивида и общественных групп.

В данной монографии предложен анализ комплекса качественных изменений, происходящих в партийно-политической системе Великобритании, описываются новейшие тенденции в идеологическом оснащении партий, региональные партийно-политические подсистемы. Их развитие рассматривается в русле усиления федеративных элементов в государственном устройстве страны. Существенное внимание уделено классификации и деятельности малых партий. В то время

---

[1] Consociational democracy.

[2] Впервые разработана в западной политологии Арендом Лейпхартом, см.: Lijphart Arend. *Consociational Democracy*. World Politics, No 21, January 1969; *Typologies of Democratic Systems*. Comparative Political Studies, Vol. 1, No 1, 1968; *Democracy in Plural Societies*. New Haven: Yale University Press, 1977. В британской политической науке развита применительно к политическому процессу в Северной Ирландии Бренданом О'Лири, Джоном Макгари, Стефаном Уолфом и др., см.: McGarry John, O'Leary Brendan. *Introduction: The Macropolitical Regulation of Ethnic Conflict*. In: McGarry John, O'Leary Brendan (eds). *The Politics of Conflict Regulation*. London: Routledge, 2003; Wolff Stefan. *The Institutional Structure of Regional Consociations in Brussels, Northern Ireland, and South Tyrol*. Nationalism and Ethnic Politics, Vol. 3, No 10, Autumn 2004.

как в нашей стране остро стоит проблема создания эффективной и устойчивой политической и партийной системы, эта монография имеет особое значение, так как в решении названной проблемы необходимо опираться на научно обоснованные представления о политической и партийной системе, функциях политических партий в современном обществе, зависимости между партийно-политической системой и разновидностью демократической модели развития.

Глава I

Трансформация общенациональной партийной системы

Современная британская партийно-политическая система имеет многоярусную структуру, включающую несколько подсистем. Она функционирует в двух измерениях: электоральном (партийная конкуренция в ходе избирательных кампаний и в промежутке между выборами) и институциональном — в сферах законодательной и исполнительной власти. Из ее четырех подсистем три имеют общенациональный характер: локальная (местные выборы и довыборы), национальная (всеобщие и дополнительные парламентские выборы) и с 1979 г. наднациональная — выборы в Европарламент. Четвертая подсистема — региональная, включает Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию. Здесь традиционно проходят местные и национальные выборы, к которым со временем прибавились европейские.

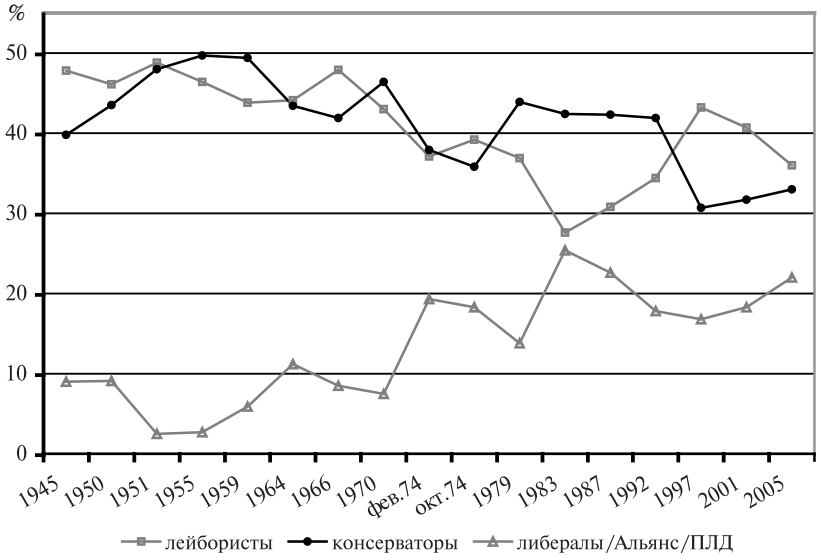
В разное время на уровне четвертой подсистемы, за исключением Англии, появились контуры, а затем стали складываться свои автономные партийные системы, которые не были проекцией развития общенациональной партийной-политической системы. В Северной Ирландии с 1921 г. формировалась собственная автономная партийно-политическая система, прошедшая несколько этапов развития. В 1998 г. в результате деволюции — распыления суверенитета центральной власти — то же самое произошло в Шотландии и Уэльсе. В этих трех регионах, как и на общенациональном уровне, появились свои электоральные и институциональные измерения. В Англии эти процессы находятся в зачаточном состоянии.

Свои особенности имеет взаимодействие британских партий на европейском уровне, где оно протекает главным образом на электоральном поле — выборы в Европейский парламент. В законодательной сфере британские партии действуют в составе общеевропейских парламентских фракций, а в исполнительной сфере их представительство отсутствует. Выборы в Европарламент, как и местные выборы в Великобритании, рассматриваются британскими партиями и избирателями в первую очередь как возможность выразить свои симпатии и антипатии правительству в промежутке между всеобщими выборами.

1. От двухпартийной системы к системе «двух с половиной партий»

Двухпартийная система Великобритании в начале XXI в. существует в своем классическом виде на уровне национальных выборов и довыборов. До сих пор она может быть образно описана в виде политического маятника, который на всеобщих выборах 1945–2005 гг. раскачивался исключительно между лейбористами и консерваторами (*график 1*).

График 1
Доля голосов на всеобщих выборах с 1945 г.



В остальных случаях она либо значительно модифицирована, либо уступает место иным вариантам партийной системы. В 1945–1970 гг. партийно-политическая конфигурация Великобритании была наиболее близка идеальному типу двухпартийной системы, присущей мажоритарной модели демократии, описанной Робертом Маккензи[1]. Это не исключало того, что на электоральном поле присутствовали Либеральная и другие малые партии. Однако лейбористы и консерваторы доминировали, определяли динамику развития ППС и контролировали подавляющее большинство голосов избирателей (порядка 90%).

В 1970–2005 гг. система сохранила двухпартийный характер в том смысле, что у власти находились по-прежнему либо консерваторы, либо лейбористы. Однако термин обрел новое качество, так как «третья сила» — Либеральная партия, затем Партия либеральных демократов, а также малые партии перестали быть статистами в соревновании между консерваторами и лейбористами. Не раз в 70-е годы, а затем в 90-е баланс сил в парламенте зависел от того, на чью сторону они становились. Двухпартийная система превратилась в «двухсполовинную» (систему двух с половиной партий).

Более того, на всеобщих выборах 1983 г. Социал-демократическая партия в альянсе с либералами набрала почти столько же голосов, сколько Лейбористская партия Великобритании (ЛПВ). В случае оттеснения последней на третьи позиции «двухсполовинная система» превратилась бы в многопартийную (трехпартийную), так как на власть реально претендовали бы больше двух партий. Лейбористов спасла специфика мажоритарной выборной системы.

Важный этап в развитии «двухсполовинной» системы начался в 1998–1999 гг. после избрания в Белфасте, Эдинбурге и Кардиффе новых законодательных и исполнительных органов власти. Этому этапу предшествовала полная потеря консерваторами своего представительства в Шотландии и Уэльсе. Деволюция привела к тому, что «двухсполовинная» система, сохраняясь на общенациональном уровне, на уровне региональных подсистем трансформировалась в различные варианты многопартийной системы.

Большое влияние в британской политической науке имела классификация партийно-политических систем, разработанная Джованни Сартори[2]. До него применялись понятия однопартийной, двухпартийной и многопартийной систем. Сартори усложнил эту градацию.

---

[1] McKenzie Robert T. *Political Parties*. London: Heinemann, 1955.

[2] Sartori Giovanni. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. London: Cambridge University Press, 1976.

Его классификация обнаружила упрощенность традиционной трактовки британской партийно-политической системы как системы двухпартийной. Три из предложенных Сартори типов систем представляют интерес с точки зрения развития британской ППС.

Первый тип — двухпартийная система, при которой партии имеют незначительные идеологические различия. Ее иллюстрацией служит Британия 1945-го — середины 1970-х гг. Второй тип — система умеренного плюрализма, например Британия периода 1886–1930-х гг. Именно тогда впервые возникла ситуация, когда одна из ведущих политических сил была вынуждена полагаться на поддержку малой партии: в 1886 г. либералы стали правительством меньшинства благодаря поддержке ирландских депутатов — сторонников гомруля (автономии). Либеральное правительство 1892–1895 гг. также держалось у власти с их помощью. Бюджет 1910 г. был бы отклонен, если бы с либералами не блокировались лейбористы и часть ирландских депутатов. Признаки многопартийности проявились особенно в 20-е — первой половине 30-х гг. XX в. Так, на выборах 1923 г. консерваторы, лейбористы и либералы получили соответственно 38, 30 и 31% голосов.

После большого перерыва элементы такой системы вновь появились в Великобритании в 70-е годы. На это указывает формирование лейбористского правительства меньшинства в 1974 г. и потеря им большинства в 1976–1979 гг. В парламенте в тот период лейбористов поддерживали вначале либералы в рамках «либерально-лейбористского пакта»[1], а затем националистические партии Шотландии и Уэльса. 80-е годы отмечены расколом лейбористов и появлением Социал-демократической партии. Либерал-демократы подошли совсем близко к участию в установлении баланса власти в 1992 г., когда была высока вероятность того, что ни одна из партий не наберет рабочего большинства в парламенте. В 1993 г. консерваторы воспользовались помощью ольстерских юнионистов для укрепления своих позиций в ходе ратификации Маастрихтского договора. Консервативное правительство фактически было правительством меньшинства в период 1996–1997 гг.

Третий тип — партийная система с доминирующим элементом, в которой одна партия длительное время обладает рабочим большинством голосов. Примерами служат национальные системы Скандинавских стран, Японии, Италии, региональная система Северной Ирландии в 1922–1972 гг., а также отдельные периоды в политической истории Британии, например в 1979–1997 гг.

---

[1] Lib-Lab Pact.

Используя анализ Роберта Маккензи и Джованни Сартори, британскую партийную систему можно охарактеризовать в период 1945–1970 гг. как систему двухпартийную, а с 70-х годов — как «двухсполовинную» систему умеренного плюрализма. Первый период характеризуется политическим консенсусом, когда программные установки лейбористов и консерваторов принципиально не отличались, взаимные нападки носили в основном риторический, предвыборный характер, были вопросом тактики, а не стратегии, формы, а не содержания. В партиях имелись свои левые и правые фланги, однако магистральное направление политики задавалось центристами. Партии часто перенимали друг у друга лозунги, которые пользовались популярностью у широких слоев избирателей. Переход власти от консерваторов к лейбористам и наоборот не приводил к большим изменениям в политике правительства и не представлял угрозы для политического будущего проигравшей партии. Характерным было и то, что правящая партия не стремилась разделять власть с другими политическими силами даже в ситуации, когда оказывалась в меньшинстве. Победа на выборах предполагала, что преуспевшая партия обладает безраздельной монополией на формирование правительства.

Взаимоотношение консенсуса присуще двухпартийной системе, которой грозит нестабильность в случае существенных расхождений в политике партий, сменяющих друг друга у власти, и в случае претензии на политическую монополию. Когда это происходит, партийное взаимодействие и конкуренция сменяются борьбой «на уничтожение», партии ориентируются не на «среднего избирателя», а на определенную группу электората, которая противопоставляется другой. Нарушение баланса в партийной системе приводит к дестабилизации политической ситуации в целом, в обществе нарастает социальное напряжение.

Такое развитие событий во второй половине XX в. было типично для периода тэтчеризма, когда консерваторы сделали ставку на коренное изменение расстановки сил на политической арене, если не на дезинтеграцию Лейбористской партии как политической силы, то, по крайней мере, на длительное отстранение ее от власти. На практике это вылилось в 18 лет безраздельного господства тори — с 1979 по 1997 г. Общество пережило политическую и социально-экономическую поляризацию. Однако британская двухпартийная система продемонстрировала свою устойчивость и большой запас прочности. В 80-е годы третьи партии не смогли занять место Лейбористской партии в качестве ведущей оппозиции. В первой поло-

Таблица 1

Индексы политических партий и парламентских фракций на всеобщих выборах 1945–2001 гг.

	ИПП	ИПФ
1945	2,52	2,07
1950	2,40	2,07
1951	2,13	2,05
1955	2,16	2,03
1959	2,28	1,99
1964	2,53	2,06
1966	2,42	2,03
1970	2,46	2,08
февр. 1974	3,13	2,25
окт. 1974	3,16	2,25
1979	2,87	2,14
1983	3,45	2,09
1987	3,33	2,17
1992	3,03	2,26
1997	3,21	2,11
2001	3,24	2,14

ИПП — индекс политических партий
ИПФ — индекс парламентских фракций

вине 90-х годов консерваторы потеряли монополию на власть, и в 1997 г. правительство было сформировано лейбористами. Укрепилась тенденция по восстановлению консенсусного характера партийной системы.

Сам факт четырехкратной победы консерваторов на парламентских выборах в 1979–1992 гг. не свидетельствовал о формировании в стране ППС с партией-монополистом, схожей с описанным выше третьим типом. Поспешные выводы о складывании такого типа партийной системы уже появлялись после трехкратной победы тори на выборах в 50-е годы. Тогда они опережали лейбористов по голосам в среднем на 3%. В 1979–1992 гг. этот показатель вырос до 10%. Однако и на этот раз доминирование консерваторов не имело под собой прочного фундамента.

Во-первых, фактически оно было ограничено периодом 1979–1992 гг., после которого правительство Джона Мейджора вступило в полосу перманентного кризиса. Во-вторых, в 80-е годы Лейбористская партия пережила самый глубокий кризис в своей истории. В-третьих, можно говорить о монополии консерваторов в пар-

ламенте и правительстве, но не на электоральном поле — здесь они получали чуть больше 30% голосов. Консерваторам не удавалось приблизиться к сумме голосов, полученных следующими за ними двумя партиями (лейбористами и либералами/либерал-демократами). В-четвертых, их успех на общенациональной политической арене в 80–90-е гг., уникальный для послевоенной истории Британии, с точки зрения международного опыта таковым не был. Так, консерваторы сильно уступали по длительности пребывания у власти итальянским христианским демократам, шведским социал-демократам и японским либерал-демократам. В истории самой британской региональной партийной системы имелись более убедительные примеры: ольстерские юнионисты были доминирующей партией Северной Ирландии пятьдесят лет — с 1921 по 1972 г. В-пятых, на парламентских выборах в 1979–1997 гг. консерваторы доминировали в Англии, однако еще с 1945 г. в Шотландии и с 1922 г. в Уэльсе они уступали лейбористам по голосам и мандатам.

О существенном сдвиге в 70-х годах в традиционной для послевоенного периода конфигурации британской ППС наглядно свидетельствуют данные *табл. 1.* Она включает в себя индекс политических партий (ИПП) и индекс парламентских фракций (ИПФ) в партийной системе. Первый вычисляется на основании доли поданных за партию голосов, второй — на основании доли представительства партии в парламенте. Например, отметка «2» в первом и во втором случае указывает на то, что партийная система представлена двумя субъектами, «3» — тремя и т. д.[1] Данные таблицы свидетельствуют, что, начиная с выборов в феврале 1974 г., британская партийная система на национальном электоральном уровне, согласно ИПП, пережила заметный

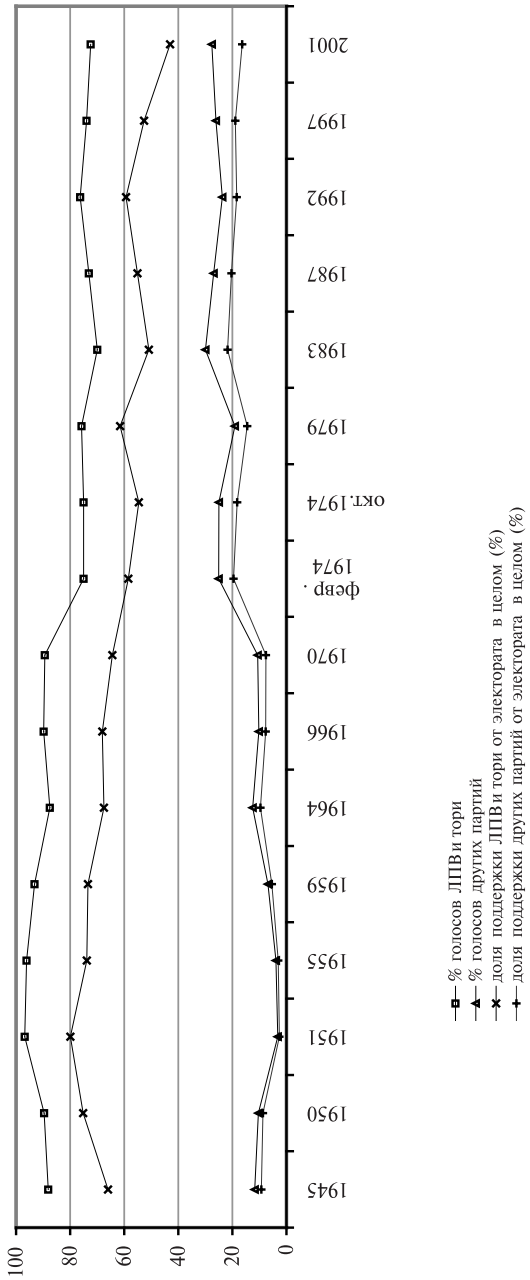
---

[1] Метод расчета индексов предложен в: Laakso Markku, Taagepera Rein. *«Effective» number of parties: a measure with application to Western Europe.* Comparative Political Studies, Vol. 12, No 1, 1979. В основе метода расчета ИПП и ИПФ лежит формула, представляющая дробь, где числитель — единица, а знаменатель — сумма долей в квадрате поданных за партии голосов (в случае ИПП) или долей представительства партий в законодательных органах власти (в случае ИПФ). Так, на всеобщих выборах 2001 г. доли поданных за партии голосов распределились следующим образом: лейбористы — 40,7%, консерваторы — 31,7, либеральные демократы — 18,3, другие партии — 9,3%.

Соответственно ИПП рассчитывается как $\frac{1}{0{,}4072 + 0{,}3172 + 0{,}1832 + 0{,}0932} = 3{,}24.$

В наиболее развернутом виде в период до всеобщих выборов 1997 г. включительно этот метод использован в: Webb Paul. *Modern British Party System.* Sage Publications, 2000. В *табл. 1* расчеты сделаны отдельно по Консервативной, Лейбористской и Либеральной (с 1988 г. — Партия либеральных демократов) партиям; все другие партии рассматриваются как единое целое.

График 2
Относительная и абсолютная электоральная поддержка Лейбористской, Консервативной и других партий на всеобщих выборах 1945–2001 гг.



сдвиг в сторону многопартийности. Он не только достиг отметки «3», но в ряде случаев заметно ее превзошел. Благодаря мажоритарной системе голосования ИПФ значительно нивелирует эти данные — на национальном уровне двухпартийная система была затронута лишь поверхностно, но и он вырос.

На всеобщих выборах 1983 и 1987 гг. британская партийная система ближе всего во второй половине XX века приблизилась к модели многопартийности (в данном случае трехпартийности), а Лейбористская партия оказалась перед реальной угрозой вытеснения на третьи роли Альянсом социал-демократов и либералов (*график 1,* см. с. 2). После неудачи политического проекта под названием «Социал-демократическая партия» сдвиг к многопартийности замедлился, о чем говорит снижение ИПП в период с 1983 по 1992 г., но не остановился. Ниже отметки «3» он уже не опускался. Несмотря на то что система продемонстрировала свою устойчивость и ее двухпартийное ядро сохранилось, вызов, брошенный ей альянсом, имел продолжение. В 90-е годы индекс политических партий вновь вырос, и размывание двухпартийного характера системы продолжилось.

О сдвиге от мажоритарной модели демократии к плюральной и соответственно от двухпартийной/«двухсполовинной» модели к многопартийной свидетельствуют и другие данные (*график 2*). Прослеживается очевидная тенденция к снижению абсолютной и относительной поддержки лейбористов и тори, в то время как у малых партий оба показателя постоянно увеличиваются. Популярность консерваторов и лейбористов в стране неуклонно снижалась, а третьих партий — росла. В 70-е годы увеличилось не только количество малых партий, участвующих в выборах всех уровней, но и их вес (*табл. 2,* см. с. 10). Если в 1945–1966 гг. в среднем в парламентских выборах приняло участие более пяти партий, то в 1970–1997 гг. — более девяти. На долю третьих партий пришлось в среднем соответственно 13 и 40 депутатских мандатов. Особого успеха добились либералы (*табл. 3,* см. с. 11). Если в 1945–1970 гг. они получали на парламентских выборах в среднем 7% голосов, то в 1974–2001 гг. — 19%. На выборах 1970 г. они довольствовались шестью депутатскими мандатами, а в 2005 г. — 62. Поддержка других малых партий среди избирателей, принимавших участие в парламентских выборах, увеличилась втрое, а количество мест в Палате общин — вчетверо.

Представительство партий «кельтской периферии» в Вестминстере — Шотландской национальной партии (ШНП) и уэльской Плайд Камри (ПК) — перестало быть исключением и стало заметным также с 1974 г. Необходимо отметить, что при всех своих недостатках

Таблица 2

Показатели выступления партий, прошедших в палату общин, на всеобщих выборах 1945–2005 гг.

	количество партий	количество мандатов малых партий*
1945	8	34
1950	6	11
1951	6	9
1955	5	8
1959	5	7
1964	4	9
1966	5	14
1970	8	12
февр. 1974	9	37
окт. 1974	10	39
1979	11	27
1983	11	44
1987	11	44
1992	9	44
1997	10	75
2001	9	81
2005	10	92

* включая мандаты, полученные либералами/Альянсом/либерал-демократами

мажоритарная система голосования, применяемая на парламентских выборах, с точки зрения представительства малых партий в парламенте не препятствовала успехам тех партийных организаций, в первую очередь ШПН и ПК, электорат которых был географически сконцентрирован. В то же время она негативно сказывалась на представительстве в парламенте партий, избиратели которых тонким слоем распределялись по всей стране, например либеральных демократов.

Суммарная поддержка лейбористов и консерваторов в 1974–2001 гг. существенно снизилась по сравнению с предшествующим периодом. Если в 1945–1970 гг. они контролировали порядка 90% голосов избирателей, принимавших участие в парламентских выборах, с пиком 96,8% в 1951 г., то в 1974 г. суммарная поддержка партий упала ниже 75% и за исключением 1992 г. уже не превышала этой цифры. Еще нагляднее о падении популярности двух ведущих партий говорят данные о степени их абсолютной поддержки электоратом (*табл. 4,* см. с. 12). До 1974 г. они получали в среднем свыше 70% голосов британцев, на-

Таблица 3

Результаты всеобщих выборов 1945–2005 гг.

Годы	Лейбористы		Консерваторы		Либеральные демократы[1]		Другие	
	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса[2] (%)	места
1945 (640)[3]	47,8	393	39,8	213	9,0	12	2,7	22
1950 (625)	46,1	315	43,5	298	9,1	9	1,3	3
1951	48,8	295	48,0	321	2,5	6	0,7	3
1955 (630)	46,4	277	49,7	344	2,7	6	1,1	3
1959	43,8	258	49,4	365	5,9	6	0,9	1
1964	44,1	317	43,4	304	11,2	9	1,3	0
1966	47,9	363	41,9	253	8,5	12	1,7	2
1970	43,0	287	46,4	330	7,5	6	3,1	7
февр. 1974 (635)	37,1	301	37,9	297	19,3	14	5,8	23
окт. 1974	39,2	319	35,8	277	18,3	13	6,7	26
1979	36,9	269	43,9	339	13,8	11	5,3	16
1983 (650)	27,6	209	42,4	397	25,4	23	4,6	21
1987	30,8	229	42,3	376	22,6	22	4,4	23
1992 (651)	34,4	271	41,9	336	17,8	20	5,8	24
1997 (659)	43,2	418	30,7	165	16,8	46	9,3	30
2001	40,7	412[4]	31,7	166[5]	18,3	52	9,3	29[6]
2005 (645)	36	356	33	197	22	62	n/a	30[7]

[1] В период всеобщих выборов 1945–1979 гг. — Либеральная партия, в 1983–1987 гг. — Альянс Либеральной партии и СДП.

[2] Доля голосов всех малых партий, включая не получивших мандаты.

[3] Число мандатов в Палате общин и его изменение в последующие годы

[4] В период после выборов 2001 г. один парламентарий-лейборист перешел во фракцию ПЛД. В сентябре 2003 г. и в июле 2004 г. на довыборах либерал-демократы отобрали у лейбористов мандаты соответственно в округах Восточный Брент и Южный Лейсестер.

[5] Позже один парламентарий-консерватор перешёл в ряды независимых.

[6] На выборах 2001 г. в парламент вошли шесть малых партий и один независимый.

[7] На выборах 2005 г. в парламент вошли семь малых партий и три независимых.

Источники: Britain 1999. The Official Yearbook of the United Kingdom. Office for National Statistics. London: The Stationery Office, 1998. P. 43; *UK 2004.* The Official Yearbook. Office for National Statistics. London: TSO, 2003. P. 33.

деленных правом голоса, с пиком в 1951 г. — 79,9% (при явке 82,5%), однако в 1974 г. каждая партия в отдельности впервые набрала меньше 30%, а в среднем за период до 2001 г. суммарная поддержка этих партий упала ниже 55%. Лейбористы поставили «рекорд» в 1983 г., когда привлекли на свою сторону лишь 20,1% от общего числа избирателей,

Таблица 4

Электоральная поддержка партий (процент от электората в целом)

	Консерваторы	Лейбористы	Другие партии
1950	36,5	38,7	8,7
1951	39,6	40,3	2,6
1955	38,2	35,6	3,0
1959	38,9	43,5	5,4
1964	33,5	34,0	9,6
1966	31,8	36,3	7,7
1970	33,4	31,0	7,6
февр. 1974	29,5	29,0	19,6
окт. 1974	26,1	28,5	18,3
1979	33,4	28,1	14,5
1983	30,8	20,1	21,8
1987	31,9	23,2	20,3
1992	32,6	26,7	18,4
1997	21,9	30,8	18,9
2001	18,8	24,2	16,4

Источник: Phil Cocker, Alistair Jones. *Contemporary British Politics and Government.* 3rd edition. Liverpool: Liverpool Academic Press, 2002. P. 94.

а консерваторы в 2001 г. — 18,8%. Даже при всей популярности лейбористов на выборах 1997 г. и всплеске политической активности в стране сформированное ими правительство заручилось поддержкой лишь трети электората, а в 2005 г. — менее одной четвертой. В 2004 г. на лондонских, европейских и местных выборах за консерваторов и лейбористов проголосовала пятая часть электората. В то же время малые партии, включая либералов, на всеобщих выборах увеличили свою поддержку среди британцев, имевших право голоса, в среднем с 6,7% в период с 1945 по 1970 г. до 18,5% на последующих выборах.

Косвенный показатель ослабления позиций ведущих партий — учащение разногласий в рядах парламентских фракций; крайней формой таких разногласий были «восстания заднескамеечников». В отдельные периоды возрастал риск поражения правящих партий на голосованиях в парламенте, особенно в 1977–1979 и 1992–1997 гг. Изменилось и негласное правило об отставке кабинета в случае поражения. Теперь требовалось, чтобы голосование носило четко выраженную форму вотума недоверия.

О нарастании кризиса двухпартийной системы говорит и то, что со второй половины 60-х годов резко увеличилось количество окру-

гов, переходящих на довыборах к другой партии. В 1946–1966 гг. их насчитывалось в среднем 10%, а в 1966–1997 гг. — 30%. (Такой высокий показатель был зарегистрирован в период между двумя мировыми войнами, когда британская партийно-политическая система также переживала трансформацию.) В первый период консерваторы потеряли 12 округов, во второй — 29, а лейбористы — 4 и 28. Что касается либералов Альянса (а позже и Партии либерал-демократов), то в первом случае они потеряли один мандат, а во втором — ни одного, количество же выигранных ими мандатов увеличилось с 3 до 21. Успех сопутствовал и другим малым партиям: в первый период они не смогли отобрать у других партий ни одного места и потеряли 4, однако во второй — выиграли 9, потеряв также 4[1]. Ситуация изменилась в 1997–2001 гг., когда на 17 довыборах лишь в трех случаях мандаты перешли в руки новой партии, что было косвенным свидетельством временной стабилизации партийно-политической системы; крупные и малые партии достаточно уверенно чувствовали себя на уже занятой ими территории.

В 70–90-е гг. на трансформацию мажоритарной модели демократии, которая в Британии тесно связана с традицией неписаной конституции, косвенное влияние оказали внешние факторы, не имеющие прямого отношения к партийной системе. Вступление Великобритании в Европейский союз в 1973 г. положило начало размыванию государственного суверенитета по ряду направлений. Один из наиболее наглядных примеров — присоединение страны в 1997 г. к Европейской конвенции по правам человека. Далекоидущие последствия имело решение правительства Тони Блэра реформировать палату лордов и активнее использовать инструмент прямой демократии — референдумы.

Трудно переоценить последствия деволюции для региональных партийно-политических систем. С 1998–1999 гг. при избрании новой законодательной власти в регионах, а также на выборах мэра Лондона начали применяться варианты системы голосования с пропорциональным элементом: на выборах парламента Шотландии, ассамблей Уэльса и Большого Лондона — «дополнительного голоса»[2], на выборах мэра Лондона — «замещающего голоса»[3], на выборах ассамблеи

---

[1] Расчеты по довыборам произведены с использованием данных из: Butler David, Butler Gareth. *Twentieth-Century British Political Facts. 1900–2000.* Macmillan Press, 2000. P. 252.

[2] Additional Member Vote.

[3] Supplementary Vote.

Северной Ирландии — «единого переходного голоса» (ЕПГ)[1]. Необходимо также отметить, что пропорциональная система голосования (региональных партийных списков)[2] по методу д'Ондта применялась с 1999 г. на выборах в Европейский парламент.

В результате коалиционный принцип формирования органов управления в этих регионах, консенсусный характер межпартийного взаимодействия укрепились, стало возможным говорить о появлении в политической системе страны элементов плюральной модели демократии. Открытым остается вопрос, пойдут ли лейбористы на проведение референдума о введении пропорциональной системы голосования в национальном масштабе. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что большинство населения симпатизирует этой идее. В случае ее реализации британскую ППС ожидает решительная перестройка.

Вслед за изменениями в социальной конфигурации британского общества, ослаблением классовой идентификации, ростом культурного, религиозного, национального плюрализма эрозии подверглась и однолинейная модель партийной конкуренции. Партии больше не ассоциировались с определенными социальными классами и стали ориентироваться на широкие коалиции социальных слоев, не связанных друг с другом жестким набором интересов и ценностей. Партийная борьба перешла из одномерного пространства, для которого характерно противостояние коллективистской и индивидуалистической парадигм и социалистической и капиталистической идеологий, в многомерное, в котором парадигма «левые-правые» утратила главенствующую роль. Проблемы децентрализации государственной власти и национального самоопределения, европейской интеграции, защиты окружающей среды, гендерные вопросы придали партийной конкуренции новые измерения.

Наглядным является пример европейской интеграции, споры о которой в разное время противопоставляли не только Консервативную и Лейбористскую партии, но и различные фракции внутри каждой из них. Если новые измерения британской партийно-политической системы лишь затронули, хотя и значительно, поведение партий истеблишмента, то для других политических сил они стали основным полем деятельности. Так, националистическая проблематика была приоритетной для Шотландской национальной партии и Плайд Камри — партии националистов Уэльса, экологическая — для Партии

[1] Single Transferable Vote.

[2] A regional list-PR system.

зеленых, европейская — для Партии независимости Соединенного Королевства и т. д.[1]

Потеря партиями устойчивости на электоральном поле привела к изменению взглядов на коалиционный характер правления. Стало допустимым обращаться за неофициальной поддержкой к третьим партиям для удержания власти. Так, не добившись абсолютного большинства мест в парламенте на выборах в феврале 1974 г., Эдвард Хит обратился с предложением к лидеру либералов Джереми Торпу о сотрудничестве, но получил отказ. В результате правительство было сформировано лейбористами. Последние оказались более удачливыми в 1977–1978 гг., когда Джеймс Каллагэн, парламентская фракция которого лишилась большинства, и новый лидер либералов Дэвид Стил заключили «либерально-лейбористский пакт». Либералы получили доступ к механизму принятия государственных решений, хотя и не к министерским портфелям. После расторжения пакта с либералами и до референдумов по деволюции в 1979 г. правительство нуждалось в голосах партий «кельтской периферии». Позже, в 1993–1997 гг., правительство Джона Мейджора имело негласную договоренность о поддержке с ольстерскими юнионистами.

Развитие коалиционной практики происходило не только во взаимоотношениях ведущих и третьих партий, но и между самими малыми партиями. Яркий пример — Альянс Либеральной партии и Социал-демократической партии (СДП), созданный в 1983 г. на основе программного документа «Новый старт для Британии». Альянс успешно выступал на всеобщих выборах 1983 и 1987 гг., однако отодвинуть ЛПВ на третью позицию так и не сумел.

СДП была образована в 1981 г. вышедшими из состава ЛПВ депутатами Палаты общин во главе с «бандой четырех» — ее лидером Роем Дженкинсом, Ширли Уильямс, Дэвидом Оуэном и Уильямом Роджерсом. Все четверо в прошлом занимали правительственные должности. Пик карьеры Дженкинса пришелся на конец 60-х годов, когда он был министром финансов в кабинете Гарольда Вильсона. Откол части правого крыла Лейбористской партии стал реакцией на резкое «полевение» организации на рубеже 70–80-х гг. радикализацию ее программы, принятой на специальной партконференции в январе 1981 г. Она включала пункты об одностороннем ядерном разоружении и выходе Великобритании из состава ЕЭС. Масштаб дезертирства из ЛПВ был сравним с событиями 1931 г., когда партия раскололась в результате политики Рамсея Макдоналда и Филиппа Сноудена. В ряды СДП пе-

[1] См. подробнее Главу VI «Роль малых партий».

решло 25 депутатов-лейбористов и один консерватор. Кроме того, на дополнительных выборах в 1981 г. депутатские мандаты вернули себе Рой Дженкинс и Ширли Уильямс. Первый покинул Палату общин в 1976 г. после назначения на пост президента Европейской комиссии, а Уильямс потеряла свое место в 1979 г.

Альянс претендовал на место Лейбористкой партии в ППС и был близок к этому, однако на его пути встала мажоритарная избирательная система. На выборах 1983 г. он получил 25,4% голосов, но лишь 23 депутатских мандата, шесть из которых достались СДП. А Лейбористкой партии, которую поддержали 27,6% избирателей, досталось 209 мандатов. Ширли Уильямс вновь потеряла свое место в палате общин. В том же году Дженкинс по состоянию здоровья уступил пост лидера СДП Оуэну. В результате довыборов в 1984 г. депутатская фракция социал-демократов пополнилась еще двумя членами. Тем не менее всеобщие выборы 1987 г. не принесли Альянсу желаемого успеха. И по голосам, и по количеству мест его показатели снизились соответственно до 22,6% и 22 мандатов, шесть из которых по-прежнему принадлежали социал-демократам.

В том же году либералы выступили с предложением об объединении, которое крайне болезненно восприняла часть социал-демократов во главе с Дэвидом Оуэном. Несмотря на такую реакцию, идея о начале переговоров была поддержана на референдуме СДП, и Оуэн подал в отставку. Его место до слияния организаций в марте 1988 г. занимал Роберт Макленнан. Объединению предшествовал дополнительный референдум среди членов обеих партий. После марта 1988 г. Оуэн и его сторонники объявили, что в их лице СДП продолжает действовать, однако к 1990 г. их активность свелась на нет, и три депутата от СДП, оставшиеся в палате общин, приняли статус независимых социал-демократов. Оуэн не стал отстаивать свой депутатский мандат на всеобщих выборах 1992 г., а двое его коллег потеряли свои места.

Раскол британского политического левого центра, произошедший в 1981 г., на время поставил под вопрос способность лейбористов сохранить свое место в двухпартийной/«двухсполовинной» системе страны, но не само существование этой системы. СДП претендовала не на звание третьей крупнейшей партии страны, а на замену ЛПВ, т. е. пара «консерваторы — лейбористы» сменилась бы парой «консерваторы — социал-демократы». В политической истории Великобритании уже имелись подобные примеры. Так, в 20-е годы Либеральная партия, несмотря на мажоритарную систему, уступила место Лейбористской. Но на сей раз фундаментальных предпосылок для того, чтобы ЛПВ по-

стигла учесть либералов, не оказалось. Конечно, мажоритарная система свою роль «смирительной рубашки» партийного плюрализма сыграла, тем не менее не она была основной причиной неудачи социал-демократического проекта.

СДП была в основном партией протестного типа, которая могла играть роль альтернативы ЛПВ до тех пор, пока лейбористы занимали не свойственные им левацкие позиции. В случае если бы в стране действовала пропорциональная или комбинированная система голосования, социал-демократы имели бы шансы закрепиться в партийной системе в качестве малой центристской партии, однако претендовать на большее вряд ли могли бы. Деятельность СДП привела не столько к ослаблению двухпартийной системы, сколько способствовала ее выздоровлению, ведь не зря участники «банды четырех» неоднократно заявляли, что они были предтечей «нового лейборизма» и что вызов, брошенный ими левому крылу ЛПВ, дал импульс началу модернизации партии. В то же время тот факт, что СДП пошла на создание альянса с либералами и затем на объединение с ними, а не вернулась в ряды ЛПВ, повысил весомость третьей силы в британской политике, был важным опытом межпартийного взаимодействия и использования в партийной борьбе принципов коалиционности и плюральности. Этот опыт был востребован в 90-е годы на уровне региональных партийно-политических подсистем.

До 1992 г. Партия либеральных демократов (ПЛД) держалась с двумя крупнейшими партиями страны на равной дистанции и в зависимости от обстоятельств могла действовать против каждой из них. Так, одна из причин поражения лейбористов в 1992 г. — тактическое голосование многих либеральных демократов за тори против кандидатов ЛПВ. Однако вскоре положение изменилось. Готовность Джона Смита и Тони Блэра сотрудничать с ПЛД встретила понимание со стороны ее лидера Пэдди Эшдауна. Блэр в своих выступлениях не раз обращался к теме союза лейбористов и либералов в начале XX в. и отмечал вклад Джона Мейнарда Кейнса и Уильяма Бевериджа в послевоенное развитие страны. Сближение лейбористов и либерал-демократов имело прочную основу. Обе партии симпатизировали европейской интеграции и были сторонниками пакета конституционных изменений, включая проведение деволюции, принятие билля о правах, реформирование палаты лордов и модернизацию системы голосования. Дополнительные выборы, прошедшие после 1992 г., показали, что на сей раз либерал-демократы использовали тактическое голосование в пользу лейбористов.

Во второй половине 90-х годов сотрудничество между лейбористами и либерал-демократами активизировалось после того, как Пэдди

Эшдаун отказался от принципа равноудаленности от двух крупнейших партий в пользу сближения с лейбористами. В программу последних, нацеленную на следующие парламентские выборы, были включены принципиальные для ПЛД положения, в которых впервые обещалось провести референдум о замене мажоритарной системы голосования. Развитие сотрудничества между партиями также принимало форму создания коалиций в местных органах самоуправления. На выборах 1997 г. «тактическое голосование» в поддержку друг друга повлияло на исход голосования во многих округах.

Несмотря на то что лейбористы на выборах 1997 г. завоевали подавляющее большинство голосов, их интерес к взаимодействию с либерал-демократами не пропал, хотя стал менее интенсивным. Так, был создан межпартийный комитет на уровне правительства, в котором проводились консультации по вопросам конституционных реформ. В 1998 г. была учреждена независимая комиссия под председательством Роя Дженкинса (ставшего к тому времени лордом), призванная разработать предложения по реформе избирательной системы. До этого крупные партии были заинтересованы в поддержке малых лишь из тактических соображений. Можно предположить, что по мере ослабления позиций лейбористов желание активизировать сотрудничество с либерал-демократами вновь усилится и заключение новых предвыборных и парламентских альянсов станет реальностью. Также не исключено, что это сотрудничество выйдет за пределы законодательного поля и распространится на сферу исполнительной власти.

Модернизация ППС Великобритании получила значительное ускорение в 90-е годы. Это было связано не только с внутрипартийными процессами обновления (см. Главу II) и с социально-экономической перестройкой общества, но и с радикальным изменением институциональной среды, в которой они функционировали. До недавнего времени в стране практически отсутствовало законодательство, регулирующее деятельность политических партий на национальном уровне, регламентирующее условия их создания, финансирования и участия в электоральном процессе. Существовал лишь свод правил по проведению индивидуальных предвыборных кампаний в избирательных округах.

Первые признаки изменения ситуации относятся к 1994 г. Тогда после нескольких политических скандалов вокруг ряда депутатов и членов правительства от Консервативной партии (самые громкие связаны с фигурами Джонатана Эйткена и Нила Хамилтона) была создана правительственная Комиссия по стандартам общественного

поведения[1] во главе с лордом Ноланом. В подготовленном ею докладе предлагалось ввести новый кодекс поведения для парламентариев, направленный на упорядочение их коммерческой деятельности, борьбу с коррупцией и взяточничеством. Одной из мер стала замена малоэффективных Комитета по привилегиям[2] и Комитета по интересам депутатов[3] единым Комитетом по стандартам и привилегиям[4] и назначение парламентского комиссара, ответственного за рассмотрение обвинений, выдвигаемых против законодателей.

В последующие годы этот Комитет занимался как незначительными, так и серьезными проступками парламентариев. Например, Тони Блэр получил предупреждение за то, что не зарегистрировал поездку на отдых в Италию, совершенную по приглашению, а Уильям Хейг оказался виновен в том, что не задекларировал посещение спортивного зала, принадлежавшего лорду Арчеру. Для законодателей дело не всегда ограничивалось принесением извинений. Так, Питер Манделсон, один из сподвижников Блэра, был вынужден подать в отставку с поста министра торговли и промышленности после того, как выяснилось, что он не сообщил о получении крупного кредита на покупку дома в престижном районе Лондона от государственного министра, казначея министерства финансов Джеффри Робинсона.

Комитет впоследствии возглавил лорд Нейлл. Лейбористы после победы в 1997 г. в соответствии с предвыборными обещаниями поручили ему подготовить рекомендации по финансированию деятельности партий. Разработанные рекомендации и легли в основу Акта о политических партиях, референдумах и выборах 2000 г. Были установлены правила финансирования партий и соответствующие лимиты. Благодаря этому закону политическая партия как юридический субъект впервые получила признание в статутном праве. Для партий, претендующих на все 659 мест в парламенте, был введен потолок расходов в размере 30 тыс. ф. ст. в перерасчете на каждый избирательный округ или около 20 млн ф. ст. (на выборах 2001 г. потолок расходов составлял 15 млн ф. ст.). Данная сумма может быть потрачена в течение года до очередных выборов. Запрещены пожертвования в партийную казну со стороны иностранцев и анонимные пожертвования, превышающие 50 ф. ст. Стало обязательным регистрировать пожертвования на общенациональные нужды партии и на ее деятельность в отдельных изби-

---

[1] The Committee on Standards in Public Life.
[2] The Committee of Privileges.
[3] The Select Committee on Members' Interests.
[4] The Committee on Standards and Privileges.

рательных округах, превышающие соответственно 5 и 1 тыс. ф. ст. Введена строгая система аудита партийных финансов. Закреплены положения о запрете на платную радио- и телевизионную рекламу партий и правила бесплатного доступа к эфиру. Была учреждена Избирательная комиссия, в обязанность которой вошли контроль за соблюдением вышеописанных правил, мониторинг выборов всех уровней и ведение Регистра политических партий. Также ей поручена разработка рекомендаций по повышению эффективности электорального процесса, в первую очередь по увеличению явки избирателей.

Кроме того, по рекомендации комитета Нейлла было увеличено государственное финансирование оппозиционных парламентских партий (так называемые деньги Шорта[1]). Так, оппозиция Ее Величества стала получать 3 млн ф. ст. в год. Продолжается дискуссия о том, должны ли политические партии полностью перейти на государственное обеспечение (помимо системы членских взносов), однако данное предложение не находит широкой поддержки. Конечно, эта мера сделала бы максимально прозрачной партийные финансы и избавила бы лейбористов от финансовой зависимости со стороны профсоюзов, а консерваторов — со стороны большого бизнеса, но она мало согласуется с политической культурой страны, в которой партии и институты гражданского общества ценят свою автономию от государства и относятся к нему с изрядной долей скептицизма.

В 1998 г. был принят другой важный закон, регламентирующий деятельность политических организаций. В соответствии с Актом о регистрации политических партий те из них, которые хотят участвовать в выборах, должны фиксировать свои названия, эмблемы и данные об официальных представителях в Регистре политических партий. Эта мера в значительной степени упорядочила деятельность партий и выбила почву из-под ног партий и кандидатов-двойников. К 2000 г. в Регистр было внесено около 80 партий. Позже функция регистрации перешла к Избирательной комиссии. Важно отметить, что процедура регистрации политических организаций в Великобритании носит заявительный характер и, как и их деятельность, обставлена минимальным количеством требований. К партиям не предъявляются требования по минимальному количеству членов или минимальному проценту голосов, полученных на выборах, для прохождения в парламент.

---

[1] Short money.

2. Всеобщие выборы в динамике межпартийной борьбы

Важнейшим электоральным измерением, в котором происходят межпартийное взаимодействие и конкуренция, являются всеобщие выборы — узловой элемент партийно-политической системы Великобритании. В связи с этим необходимо кратко остановиться на наборе правил неписаного, прецедентного и статутного характера, который складывался и модифицировался в течение столетий.

Система всеобщего избирательного права страны формировалась с XIX в. Избирательная реформа 1832 г. наделила правом голоса каждого 24-го жителя страны, реформа 1867 г. — каждого шестого, реформа 1884 г. — каждого четвертого. Однако к 1911 г. лишь 30% взрослого населения страны обладали правом голоса. В 1918 г. мужчины старше 21 года и женщины старше 30 лет получили право участвовать в голосовании. В 1928 г. возрастной ценз для женщин был снижен до 21 года, а в 1969 г. для обоих полов — до 18 лет.

Парламентские выборы проходят путем прямого тайного добровольного голосования не реже одного раза в пять лет на основе мажоритарной системы голосования (системы простого большинства), а точнее, одномандатной плюральной системы (ОПС). От каждого округа избирается один кандидат в депутаты, набравший простое большинство голосов. Результат применения такого механизма подсчета голосов — доминирование в партийно-политической системе страны двух политических партий: в XIX в. — Консервативной и Либеральной; в XX в. — Консервативной и Лейбористской. По традиции лидер партии, которая получает большинство депутатских мандатов или пользуется поддержкой большинства депутатов вновь избранного парламента, занимает пост премьер-министра и формирует однопартийное правительство.

Мажоритарная избирательная система вызывает немало критики (см. Главу VII). Значительная часть избирателей остается не представленной в парламенте, а малые партии почти не имеют шансов провести в палату общин своих кандидатов. Возможна победа партии, уступившей главному конкуренту по количеству поданных голосов. Такая система способствует практике «тактического голосования», когда сторонники одной партии голосуют за кандидатов другой в расчете не допустить победы третьей партии. Сторонники действующей системы голосования считают, что пропорциональная система голосования на парламентских выборах разрушит связи между депу-

татами и избирательными округами, а небольшие партии получат непропорциональное представительство в парламенте.

Для обеспечения принципа равенства парламентские комитеты (по одному на каждую из четырех составных частей государства — Англию, Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию) следят за тем, чтобы число избирателей в округах было примерно равным. Пересмотр границ избирательных округов проводится раз в 8–12 лет (последний раз в 1995 г.). В Англии избирательные округа насчитывают порядка 70 тыс. человек, в Шотландии[1] и Уэльсе — 55 тыс., в Северной Ирландии — 66 тыс. человек.

Правом голоса обладают граждане Великобритании и граждане стран–членов Содружества, а также Ирландской Республики, постоянно проживающие на территории Великобритании. К моменту выборов им должно исполниться 18 лет, а их фамилии должны быть включены в избирательные списки. В 2001 г. в стране были зарегистрирован 44,5 млн избирателей. Не имеют права голоса члены палаты лордов, лица, признанные умалишенными и находящиеся на лечении в психиатрических учреждениях, заключенные в тюрьмах и лица, признанные в течение пяти лет до выборов виновными в злоупотреблениях на выборах. В избирательные списки включаются граждане Великобритании, проживающие за рубежом не более 15 лет. Если в день голосования избиратель по уважительной причине не может прийти на избирательный участок (болезнь, характер работы, отпуск, переезд и т. п.), он имеет право проголосовать по почте или через своего представителя. С 2001 г. правила голосования были значительно либерализованы (см. Главу VII).

Право быть избранными в палату общин имеют граждане Великобритании, а также постоянно проживающие в ней граждане стран–членов Содружества и Ирландской Республики, достигшие 21 года. Этого права лишены не восстановленные в правах банкроты, лица, приговоренные к тюремному заключению на срок более одного года, священники Англиканской, Шотландской, Ирландской и Римско-католической церквей, лорды–члены верхней палаты парламента, а также некоторые категории государственных служащих, включая судей, профессиональных военных и работников полиции.

Кандидатура депутата парламента должна быть выдвинута двумя и поддержана восьмью избирателями, чьи фамилии включены в список избирателей данного округа. Кандидаты в депутаты обычно пользуются поддержкой какой-либо политической партии, однако могут

---

[1] В 2005 г. количество избирательных округов для всеобщих выборов в Шотландии было снижено с 72 до 59.

выступать и независимо. Избирательный залог составляет 500 ф. ст., который удерживается, если кандидат набирает менее 5% голосов. Кандидат имеет право выставлять свою кандидатуру в нескольких избирательных округах. В случае если он проходит по двум или более округам, необходимо в течение недели выбрать округ, который депутат будет представлять в парламенте.

Максимальная сумма, которую кандидат может потратить на парламентских выборах, — около 5,5 тыс. ф. ст., плюс 4,6 либо 6,2 пенсов на каждого выборщика в зависимости от величины избирательного округа. Кроме того, кандидаты имеют право на бесплатную рассылку по почте своих предвыборных обращений каждому избирателю округа, на бесплатное использование муниципальных помещений для проведения агитационных собраний. На дополнительных выборах, которые проводятся в случае смерти действующего депутата, его отставки или перехода в Палату лордов, кандидаты могут потратить до 100 тыс. ф. ст. Это свидетельствует об особом статусе довыборов, которые в Великобритании рассматриваются как проверка позиций партий в промежутке между парламентскими выборами.

В 1970—2005 гг. на общенациональном уровне лейбористы и консерваторы по-прежнему обладали монополией на власть. Однако в рамках этого периода тори безраздельно правили 18 лет, а в общей сложности — 22 года. В 1997 г. победу в стиле «лендслайд»[1], т. е. с подавляющим преимуществом, одержали лейбористы, и ППС страны вновь оказалась в режиме доминирования одной партии. В первый раз маятник «завис» на 13 лет в 1951—1964 гг., второй — на 18 лет в 1979—1997 гг., оба раза в пользу тори. Не обещал ли 1997 г. дальнейшее замедление его движения? С высоты 2005 г. это предположение выглядит оправданным, ведь лейбористы останутся у власти по крайней мере до 2009 г.

Все три периода «торможения» сходны с точки зрения длительности доминирования одной из партий. Однако дело не только в сроке пребывания у власти. В первый раз разница в полученных голосах составляла лишь несколько процентов[2]. Кроме того, по принципиальным вопросам развития страны противоречий между тори и лейбористами не было. Во второй раз ситуация сложилась прямо противоположная: образовался не только огромный разрыв по полученным голосам, но позиции консерваторов и лейбористов кардинально отличались. Третий период

---

[1] Landslide (консерваторы в рассматриваемый период победили лейбористов в стиле «лендслайд» в 1983 г.).

[2] В 1951 г. лейбористы получили больше голосов, чем консерваторы, но проиграли выборы из-за искажающего эффекта мажоритарной системы голосования.

принес свои неожиданности: по голосам лейбористы намного оторвались от консерваторов, а по принципиальным социально-экономическим и внешнеполитическим вопросам развития страны, как и в первый раз, был достигнут межпартийный консенсус.

На протяжении XX в. лейбористы с разной степенью успешности использовали складывавшуюся историческую ситуацию. В первой половине столетия они обернули в свою пользу усиление коллективистских, социалистических настроений в обществе, возрастание роли государства, произошедших в результате Первой и Второй мировых войн. Затем настала очередь консерваторов воспользоваться сложившимися обстоятельствами (устаревание кейнсианства, Фолклендская война и распад социалистической системы). Просчеты в публичной политике, резкий крен влево способствовали падению популярности лейбористов. Ослабление позиций ЛПВ в 70–80-е гг. было наиболее сильным по сравнению с большинством западноевропейских левоцентристских партий. Многие из них не только не испытали сопоставимого по глубине кризиса, но успешно выступали на парламентских выборах. Социал-демократические партии Дании и Германии потеряли власть, а вот французские, испанские и греческие социалисты, шведские социал-демократы и норвежские лейбористы (за пределами Европы австралийские и новозеландские лейбористы) в тот период побеждали на выборах.

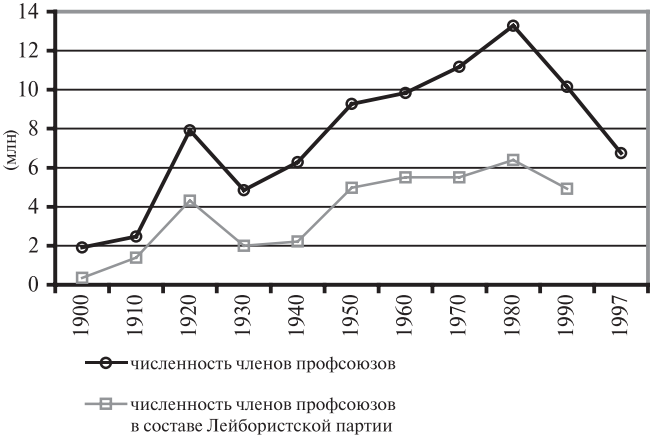
Победа 1 мая 1997 г. стала результатом глубокого реформирования организационной структуры и идеологии ЛПВ, осуществленного «новыми лейбористами». Они пересмотрели политическую стратегию и тактику ЛПВ, коренным образом изменили ее образ в глазах избирателей, превратили расколотую организацию в сплоченную партию, готовую взять на себя груз ответственности за страну. Всеобщие выборы 1997 г. оказались наиболее значимыми из всех предыдущих за прошедшие три десятилетия (не считая выборов 1979 г.). Усиление лейбористов сопровождалось небывалым ослаблением консерваторов. Масштаб победы одних и поражения других по полученным голосам, сравнимый во второй половине XX в. лишь с ситуацией 1983 г., наглядно демонстрируют данные *графика 1* (см. с. 2). Период супрематии (доминирования) тори закончился, и политический маятник после длительной паузы вновь качнулся влево, подтвердив тем самым двухпартийный характер британской ППС.

Ключевым фактором, повлиявшим на судьбы ЛПВ во второй половине XX в., стал процесс изменения социальной конфигурации британского общества, размывания традиционной социальной базы лейборизма. Возникнув как рабочая партия, политический авангард

тред-юнионистского движения, ЛПВ в дальнейшем превратилась в заложника изменений социальной структуры электората. Преимущества ее социальной базы наиболее полно раскрылись во второй половине 40-х — начале 50-х гг. На всеобщих выборах 1951 г., проигранных из-за парадоксов британской мажоритарной системы голосования, партия получила самое большое количество голосов за свою историю — около 14 млн, а в следующем году было зарегистрировано максимальное количество индивидуальных членов ЛПВ — свыше миллиона. В следующие четыре десятилетия наблюдалась регрессивная тенденция в изменении обоих показателей, достигших своего минимума соответственно на выборах 1983 г. — 8,5 млн голосов и в 1991 г. — 261 тыс. членов ЛПВ. Коллективное членство профсоюзов в ЛПВ увеличивалось вплоть до конца 70-х годов, но в тот же период прирост общей численности членов профсоюзного движения был вдвое выше (*график 3*). Почему Лейбористская партия не привлекла эти голоса, на чьей стороне они оказались?

Во второй половине XX в. в социальной структуре британского общества произошло снижение доли низко- и неквалифицированных рабочих, которые всегда были ядром лейбористского электората. Сокращение численности работников физического труда явилось непреложным фактом, указывающим на переход страны от индустриального к постиндустриальному типу развития. Промышленность

График 3



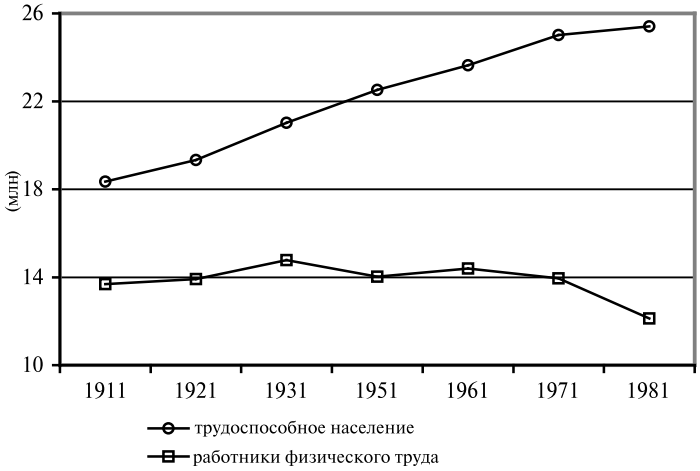
Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts 1900–2000.* Macmillan Press, 2000. P. 158–159, 399–401.

уступала место сфере услуг и высокотехнологичным производствам. До Второй мировой войны костяк британской экономики образовывали судостроение, угольная отрасль, хлопчатобумажное производство, металлургия. После 1945 г. их удельный вес постоянно снижался. В то время как численность трудоспособного населения страны увеличивалась, численность работников физического труда сокращалась (*график 4*). Если в 1979 г. в промышленности было занято 32% трудоспособного населения, то в 1997 г. — только 18%, а в сфере услуг в тот же период занятость поднялась с 58 до 75%.

Соответственно увеличивалась доля средних слоев, особенно заметно тех из них, которые граничили со слоем «синих воротничков». К началу 90-х годов «белые воротнички» составляли около четверти всего занятого населения страны. Хотя ЛПВ не была партией исключительно рабочего класса, примерно около $^2/_3$ ее электората до 60-х годов составляли работники физического труда, тогда как в электорате консерваторов их насчитывалось не более $^1/_3$. Поэтому сокращение численности низко- и неквалифицированных рабочих больнее всего ударило именно по лейбористам.

Более того, ЛПВ теряла в абсолютном выражении поддержку среди своих традиционных сторонников, которые начинали голосовать за тори или за третьи партии, а «белые воротнички» никогда не отдавали

График 4



Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts 1900–2000.* Macmillan Press, 2000. P. 158–159, 399–401.

за лейбористов более 30% голосов. Шел процесс фрагментации и переориентации «естественных сторонников» и лейбористов (рабочий класс) и консерваторов (средний класс). Так, происходила частичная «пролетаризация» нижних слоев среднего класса. В недавнем прошлом «синие воротнички» или выходцы из среды профессиональных служащих, клерков низшего и среднего звена представляли собой наиболее уязвимый в период экономических неурядиц слой среднего класса, материальное положение которого ухудшалось относительно более обеспеченных категорий. Эти работники подключались к профсоюзной борьбе, сохраняли черты представителей рабочего класса и могли голосовать за лейбористов.

Однако последствия этих процессов больнее всего ударили по интересам лейбористов. Во-первых, фрагментация больше затронула рабочих, а не средний класс. Во-вторых, рабочие, как уже отмечалось, составляли самую многочисленную группу трудоспособного населения, и лейбористы не могли компенсировать потерю их голосов за счет изменения партийной принадлежности представителей среднего класса. Лейбористы теряли голоса не только квалифицированных, но и низко- и даже неквалифицированных рабочих.

С главной проблемой лейбористы столкнулись там, где меньше всего ожидали. С 50-х годов жизненный уровень основной массы рабочих начал повышаться. Последствия оказались двоякими для ЛПВ. «Государство благосостояния», созданное лейбористами в 1945–1951 гг., рост социального благополучия меняли классовые ценности и представления, социальные границы становились подвижнее, принципы меритократии[1] более распространенными. Менялся образ жизни, материальные запросы, а вместе с этим социальный статус и политические привязанности. Классовые, коллективные предпочтения размягчались индивидуалистическими, собственническими настроениями. Так, если в 1951 г. в личной собственности находилось 30% жилищного фонда, то к 1992 г. — 67%. На выборах 1979–1992 гг. консерваторы для привлечения на свою сторону широких социальных слоев активно использовали лозунги «народного капитализма» и «демократии собственников».

В 50-е годы консерваторы, смирившись с реформами правительства Клемента Эттли, стали активными участниками послевоенного межпартийного консенсуса — «батскеллизма»[2], приняли на вооруже-

---

[1] Принцип индивидуальной заслуги.

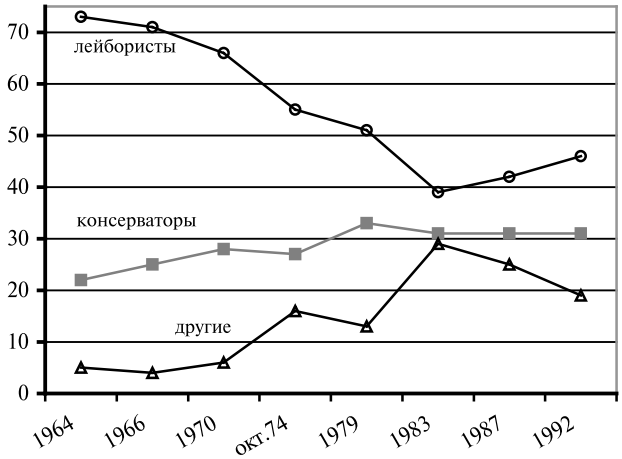
[2] Термин образован от имен Ричарда Батлера, консервативного министра финансов в 1951–1955 гг., и Хью Гейтскелла, лейбористского министра финансов в 1950–1951 гг., лидера ЛПВ в 1955–1963 гг.

ние кейнсианскую модель управления экономикой. Рабочему классу, особенно его квалифицированным слоям, они начали казаться приемлемой политической альтернативой «своей партии». Автоматическое голосование на выборах за «свою» партию уходило в прошлое, классовая лояльность уступала место более дифференцированным социальным предпочтениям и прагматическим соображениям. В годы руководства страной Маргарет Тэтчер значительно увеличилась доля частного сектора в экономике. Благосостояние занятых в нем рабочих росло, поэтому профсоюзы, представлявшие их интересы, все больше симпатизировали консерваторам. Возрос фактор третьих партий. Наглядным примером этих тенденций служат данные по количеству аффилированных профсоюзов (*график 5*).

Главное достижение «новых лейбористов» в 1997 г. — использование фактора «текучести», фрагментации британского электората, возможности привлечь на свою сторону голоса не только традиционных сторонников лейбористов, но и социальных групп, обычно голосовавших за другие партии. Лейбористы применили оружие консерваторов, с помощью которого последние так долго не подпускали их к власти.

На всеобщих выборах 1997 г. консерваторы получили 165 депутатских мандатов (336 в 1992 г.), а лейбористы — 419 мандатов (271 в 1992 г.),

График 5
Количество аффилированных профсоюзов



Источник: R. Taylor. *The Trade Union Question in British Politics: Government and Unions since 1945.* Oxford University Press, 1993.

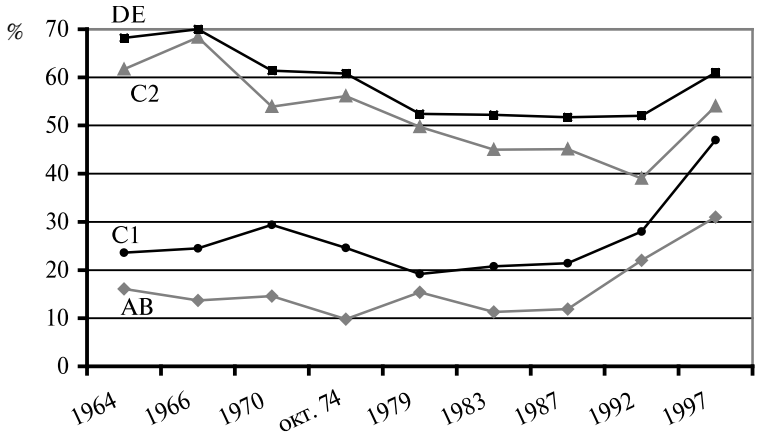
и рекордное большинство в палате общин — 179 мест. Тори не терпели такого поражения с 1906 г. За ЛПВ проголосовали 43,2% пришедших на избирательные участки — лучший результат с 1966 г. Тори набрали 31% — наихудший показатель с 1832 г. У консерваторов лейбористы отобрали 10% голосов — это самый массовый переход голосов от одной партии к другой в послевоенной истории страны. Общее число проголосовавших за ЛПВ превысило 13,5 млн человек, уступив лишь показателю 1951 г. — наилучшему за всю историю партии.

Победа казалась внушительной, но имелись основания и для более осторожной оценки результатов выборов. В процентном отношении ЛПВ получала больше голосов даже во время трех проигранных кампаний 50-х годов. Был скромен по британским стандартам и показатель явки избирателей — 71,5%, наихудший с 1935 г. В абсолютном выражении за ЛПВ проголосовал только 31% избирателей. Внесла свои коррективы и британская избирательная система, наградив лейбористов 65% мест в парламенте в обмен на 43,2% полученных голосов. Не последнюю роль сыграли и усталость электората от многолетнего правления консерваторов, раскол в их партии между евроэнтузиастами и евроскептиками.

Неоспоримым был успех лейбористов в привлечении на свою сторону голосов широких социальных слоев. Они не только консолидировали на этих выборах своих обычных сторонников — низко- и неквалифицированных рабочих (DE — согласно принятой в Британии социальной классификации), значительная часть которых проиграла от реформ тэтчеристов, но и вернули ушедшие к консерваторам в 80-е годы голоса квалифицированных рабочих (C2). Впечатляющим достижением была поддержка лейбористов низшими и средними служащими и мелкой буржуазией (C1 — нижний средний класс), более двух третей которых до этого голосовали за тори. Можно говорить о значительном росте симпатий к лейбористам даже среди верхнего слоя служащих, управленцев и средней буржуазии (AB — верхний средний класс): более 30% проголосовали за ЛПВ. Для консерваторов эта часть избирателей являлась таким же ядром «своего» электората, как для лейбористов низко- и неквалифицированные рабочие (*график 6,* см. с. 30).

В 1992 г., после четвертого подряд поражения на всеобщих выборах, лейбористы начали прикладывать целенаправленные усилия по работе с избирателями групп C1 и C2, большая часть которых немало выиграла от свободнорыночных реформ. Их голоса решили в пользу консерваторов исход выборов 1992 г. Смещение ЛПВ в последующие годы вправо, переход по ряду вопросов на центристские позиции переломили негативное восприятие лейбористов этими ключевыми

График 6
Доля голосов ЛПВ по социальным группам



Источники: I. Crewe, N. Day, A. Fox. *The British Electorate, 1963–1987.* Cambridge University Press, 1991; D. Sassoon. *One Hundred Years of Socialism.* London: Fontana Press, 1996. P. 657; Sunday Times, May 4 1997.

группами избирателей. Результаты выборов 1997 г. были снова решены ими, но на сей раз в пользу ЛПВ. Среди социальных категорий наибольший прирост голосов лейбористы получили в группах C1 — 19% и C2 — 15%. Территориально это происходило в доселе недоступных для лейбористов юго-восточных и юго-западных, а также центральных районах страны. Лондон и юго-восточные избирательные округа — традиционный оплот консерваторов — принесли лейбористам наибольший прирост мест в парламенте.

Позитивные для лейбористов результаты выборов скрывали в себе потенциальные проблемы. Если категории AB и DE в общей массе демонстрировали на протяжении последних десятилетий постоянство в своих партийных привязанностях, то C2 и особенно C1 были «приграничными», в силу обстоятельств переходили от одной партии к другой. Составляя около половины электората, они начали играть одну из ключевых ролей в исходе выборов. У электората ЛПВ теперь была не только горизонтальная, но и отчетливо выраженная вертикальная социальная структура. Это определило крайне осторожный подход «новых лейбористов» к решению стоявших перед ними задач, заставило их социально маневрировать, чтобы не понизить явку традиционных избирателей и не спугнуть новоявленный электорат.

Положение партийного руководства осложнялось тем, что пополнение рядов ЛПВ, набравшее обороты во второй половине 90-х годов, происходило главным образом за счет категорий наемных работников, а не представителей среднего класса. В результате наметились разногласия как между различными группами лейбористского электората, так и между «рабочей» частью членов ЛПВ и руководством партии.

Первые четыре года пребывания лейбористов у власти преподнесли несколько сюрпризов. Впервые в послевоенной политической истории Британии правящая партия не переживала «промежуточного кризиса»[1]. Популярность правительства по своей силе и длительности била рекорды. Первый чувствительный удар по ней нанес «топливный кризис» сентября 2000 г. Свою корректировку начал вносить региональный фактор — развитие партийно-политических систем Шотландии и Уэльса. В первом случае лейбористы были вынуждены вступить в коалицию с либерал-демократами, во втором — избежали коалиции лишь за счет формирования правительства меньшинства. Дали о себе знать известные законы, объясняющие поведение электората на уровне подсистем: понижение политической активность и усиление протестного голосования, повышенное внимание к вопросам локальной политики и сопутствующее ей ослабление традиционных политических симпатий. Помимо этого определенную роль сыграли принципиально новые факторы: укрепление региональных идентификаций, использование пропорциональной и комбинированных систем голосования, возрастание значения малых партий.

Очередные парламентские выборы в Великобритании после четырех лет правления правительства во главе с Тони Блэром состоялись 7 июня 2001 г. Первоначально они планировались на апрель, но из-за эпидемии ящура (заболевание домашнего скота), в результате которого многие сельские районы оказались в зоне карантина, были отложены. Выборы закончились новым «лендслайдом»: лейбористы одержали вторую подряд убедительную победу над консерваторами, так и не сумевшими оправиться от предыдущего сокрушительного поражения.

По итогам выборов произошла лишь незначительная корректировка расстановки сил в Палате общин. Лейбористы потеряли девять мест, выиграв три, и численность их парламентской фракции составила 413 депутатов. После 1997 г. для ЛПВ это был лучший результат за всю историю существования партии. Консерваторы увеличили свое представительство в парламенте лишь на одно место, получив 166 депутатских мандатов, — наихудший, помимо предыдущих выборов, ре-

[1] Mid-term blues.

зультат тори с 1906 г. Существенно укрепилось положение либерал-демократов. Их фракция увеличилась с 46 до 52 человек — лучший результат для партии за 80 лет. Оставшиеся 12 мандатов поделили другие политические силы, самыми крупными из которых были Национальная партия Шотландии и Плайд Камри — Национальная партия Уэльса, которые заняли соответственно пять и четыре места.

В Палате общин правительственное большинство снизилось со 179 до 167 человек, однако ЛПВ сохранила подавляющее превосходство, и, следовательно, широкую возможность проведения запланированных реформ. Характерно, что консерваторы в качестве главной оппозиции Ее Величества отбирали голоса в основном у лейбористов, а либерал-демократы — у консерваторов. Это в очередной раз продемонстрировало, что идеологическая дистанция между лейбористами и либерал-демократами меньше, чем между лейбористами и тори. Избиратели обеих левоцентристских партий охотно шли на взаимовыгодное «тактическое голосование».

На фоне выборов 1997 г. особая интрига в 2001 г. отсутствовала. Победа лейбористов была предрешена, и споры шли лишь о величине парламентского большинства. Избирательная кампания проходила монотонно и без неожиданностей. Победитель был известен заранее, что повлияло на явку избирателей, несмотря на целенаправленные усилия лейбористов мобилизовать своих сторонников. Если в 1997 г. она составила 72% электората, то теперь скатилась до 59% — наихудший показатель за 80 лет. Максимальную активность избирателей зафиксировали в 1950 г., когда в выборах приняло участие 83,9% электората. Для Великобритании всегда были характерны высокие показатели явки, и результаты 2001 г. наводили на серьезные размышления. С учетом мажоритарного характера избирательной системы в Соединенном Королевстве за лейбористов проголосовала лишь четверть электората.

Комментируя итоги выборов, британские политические обозреватели по-разному объясняли низкую политическую активность в зависимости от своих идейных симпатий. Одни считали, что неявка свидетельствует об одобрении политики правительства или о том, что в глазах многих избирателей победа лейбористов была предрешена. Другие говорили о «голосовании ногами», разочаровании в «новых лейбористах». Третьи рассматривали политическую апатию как симптом нарастающего кризиса институтов представительной демократии.

Мнение последних подкреплялось результатами опросов общественного мнения среди воздержавшихся от голосования. 77% этих избирателей на вопрос, почему они не приняли участие в выборах,

заявили, что результаты выборов ничего не изменят; 65% — что не доверяют политикам; 50% — что лейбористы все равно победят. Чем моложе был избиратель, тем более апатично он был настроен. Среди возрастной группы от 18 до 24 лет показатель явки составил 38%; от 25 до 34 лет — 45; от 35 до 64 лет — 62%. Снижение политической активности продолжило тенденцию, обозначившуюся на выборах других уровней. Так, на местных выборах в Англии в 1998 г. явка составила лишь 30%, а на выборах в Европейский парламент в 1999 г. — 23,4%.

Предвыборный манифест Лейбористской партии был сбалансирован и сдержан. Сказывалось желание лейбористов удержать свой многоликий электорат, собранный в 1997 г. Они дали слово не увеличивать подоходный налог и в то же время пообещали поднять уровень минимальной оплаты труда, повысить расходы на образование, здравоохранение, транспорт, а также увеличить количество врачей, учителей и полицейских. В предвыборном манифесте были обойдены такие острые углы, как стремление правительства и дальше использовать частную инициативу в государственном секторе и намерение снизить налог на капитал.

Всеобщие выборы 2001 г. стали знаменательными в судьбе отдельных парламентариев. Питер Манделсон, давний сподвижник Тони Блэра, дважды за четыре года, предшествовавших выборам, по различным причинам лишавшийся министерских портфелей, сохранил свое место. Его кредо выражал лозунг: «Я боец, а не беглец». Против него выставил свою кандидатуру Артур Скаргилл — знаковая фигура 80-х годов. Он надеялся на победу, рассчитывая на то, что репутация Манделсона изрядно испорчена, однако отпугнул избирателей своим леворадикальным предвыборным манифестом.

Полномочия депутата парламента сложил с себя Тони Бенн, ветеран левого крыла партии. То же сделал Эдвард Хит, консервативный премьер-министр в 1970–1974 гг. Как депутат с самым большим стажем он уже несколько лет носил титул «отца палаты общин». Оба именитых политика получили право на пожизненное бесплатное пользование помещениями и услугами палаты. Бенн отклонил предложение о пожизненном пэрстве. Для него это была принципиальная позиция. В течение многих лет он был известным республиканцем, выступал за упразднение Палаты лордов и превращение ее в выборный орган власти. Именно Бенн в начале 60-х годов создал прецедент, по которому человек с наследственным дворянским титулом получил право стать депутатом Палаты общин при условии отказа от него. Нижнюю палату также покинули Джон Мейджор, премьер

в 1990–1997 гг., Майкл Хезелтайн, наиболее колоритный министр в правительстве Маргарет Тэтчер, Мо Моулам, получившая всеобщее признание в качестве министра по делам Северной Ирландии в правительстве Тони Блэра, и Пэдди Эшдаун, первый лидер либерал-демократов.

Исход голосования по традиции во многом зависел от позиции средств массовой информации. На стороне лейбористов выступили не только их традиционные сторонники — газеты «Экспресс», «Дэйли миррор» и «Гардиан», но «Сан» и «Таймс», принадлежащие газетному магнату Руперту Мёрдоку. Если для «Сан» такое решение стало подтверждением выбора, сделанного в 1997 г., то «Таймс» в прошлом была таким же оплотом тори, как и «Дэйли телеграф». Лейбористов второй раз подряд поддержала и респектабельная газета «Файнэншл таймс», орган британских деловых кругов. В общей сложности читательская аудитория этих изданий насчитывала в Соединенном Королевстве свыше 20 млн человек, в то время как газеты «Дэйли телеграф» и «Дэйли мейл», не изменившие тори, могли похвастаться только 8 млн человек.

В 2001 г. впервые право голоса получили наследные пэры, потерявшие в результате реформ лейбористов свои места в Палате лордов, а также бездомные. Выборы проходили на основе нового закона о партиях, который ввел лимиты на предвыборные расходы. Максимальный потолок был установлен в размере 20 млн ф. ст. (15 млн на выборах 2001 г.) в зависимости от количества оспариваемых мест в парламенте. Эта сумма может быть потрачена в течение 12 месяцев до дня голосования. Для сравнения: в 1997 г. консерваторы истратили на свою предвыборную кампанию больше 15 млн ф. ст., лейбористы — 13 млн, а либерал-демократы — 1 млн ф. ст. Кроме того, теперь было обязательно регистрировать пожертвования в партийную казну, превышающие 200 фунтов, а также взносы от иностранцев. В последнем случае одним из пострадавших оказался известный американский актер Шон Коннери, выходец из Шотландии, который многие годы материально поддерживал шотландских националистов.

Избирательная кампания, как уже отмечалось, проходила спокойно, исключение составили несколько эпизодов, которые не привлекли бы особого внимания, будь накал страстей выше. Неделю страна была поглощена обсуждением стычки между Джоном Прескоттом, заместителем Блэра, и фермером из Северного Уэльса. Последний кинул в известного политика яйцом, за что получил удар кулаком по лицу. Во время посещения одной из больниц в ходе своего избирательного турне Блэр оказался лицом к лицу с разгневанной граж-

данкой, которая жаловалась на плохое состояние системы национального здравоохранения. Дважды выборы омрачились беспорядками на расовой почве — в Манчестере и Лидсе.

Послевыборной сенсацией стала отставка Уильяма Хейга с поста лидера Консервативной партии. То, что крупное поражение тори было предопределено, знали заранее, но никто не предвидел таких последствий. В результате в партии развернулась кампания по избранию нового лидера. Наибольшие шансы первоначально имели Майкл Портилло, министр обороны в правительстве Джона Мейджора, и политический тяжеловес Кеннет Кларк, бывший министр финансов. Впервые выборы лидера тори прошли по новым правилам, одобренным Хейгом в 1998 г.[1]

Победив на выборах, лейбористы оказались перед необходимостью решить две основные проблемы. Во-первых, нужно было реформировать «государство благосостояния» — государственную систему социального обслуживания, которой «новые лейбористы» в первые четыре года своего правления так и не стали серьезно заниматься. «Модернизаторы» в партии для осуществления реформы собирались активно привлекать частный бизнес, а «традиционалисты» и профсоюзы общественного сектора считали, что такой шаг грозит основам социального благополучия большей части населения. Во-вторых, крайне взрывоопасной для правительства была проблема евро. Страна оказалась разделенной на два противостоящих лагеря, причем существенным перевесом обладали противники введения в стране европейской валюты. Лейбористы пообещали в течение двух лет принять решение о проведении всенародного референдума по данному вопросу. Впоследствии оно было отложено до 2006 г.

Выборы 2001 г. показали, что лейбористы по-прежнему располагают широкой поддержкой в стране и что у них нет серьезных политических соперников. Была закреплена ситуация, сложившаяся в результате победы ЛПВ в 1997 г. В расстановке партийных сил появились лишь незначительные подвижки.

Последние всеобщие выборы в Великобритании состоялись 5 мая 2005 г., и Лейбористская партия завоевала 356 из 646 мандатов[2]. В XX в. лейбористам ни разу не удавалось сохранить положение правящей партии полные два парламентских срока, что по британским

---

[1] См. подробнее Главу II.

[2] На всеобщих выборах 2005 г. количество оспариваемых депутатских мандатов снизилось с 659 до 646 в результате пересмотра границ избирательных округов в Шотландии.

меркам означает пробыть у власти не менее восьми лет. Теперь им это не только удалось — они одержали победу в третий раз подряд.

В чем важное отличием последних выборов от двух предыдущих? ЛПВ выиграла не благодаря, а вопреки своему лидеру. По персональному рейтингу Тони Блэр опережал консерватора Майкла Ховарда, но уступал либерал-демократу Чарлзу Кеннеди. Долгое время Блэр был самым популярным политиком в стране. В 90-е годы он сумел превратить ЛПВ из партии рабочего класса в «партию одной нации» (этот эпитет Блэр перехватил у тори). Теперь за лейбористов голосовали все слои общества, включая наемных рабочих и крупный капитал. Блэр с успехом пропагандировал идеи «третьего пути», ратуя за примирение идей социальной справедливости и экономической эффективности. Под его руководством в стране были проведены демократические конституционные реформы: расширена региональная автономия Шотландии и Уэльса, восстановлено самоуправление Северной Ирландии, избраны мэр и ассамблея Лондона, большинство наследственных пэров лишилось своих мест в палате лордов. По экономическим показателям Британия опережала большинство своих европейских коллег. Однако война в Ираке в глазах британцев перечеркнула успехи Блэра.

Насколько Тони Блэр был свободен от устаревших догм и стереотипов в социально-экономической сфере и смел в проведении реформ внутри страны, настолько твердолоб во внешней политике. Концепция «особых отношений» с США стала для него священной коровой, ради которой он пожертвовал и собственной популярностью, и популярностью своей партии, а также положением Британии на международной арене. Решение Блэра присоединиться к Вашингтону в нападении на Ирак в 2003 г. раскололо не только ООН, НАТО и ЕС, но и британское общество. Непоправимый ущерб его репутации нанес не сам факт вступления Британии в эту войну, а надуманность предлогов, на основании которых это было сделано. Отсутствие в Ираке оружия массового уничтожения заставило многих британцев, в том числе парламентариев, считать, что премьер не был с ними искренен и вел двойную игру. От него отвернулись и многие коренные британцы, и большая часть мусульманской общины страны. В результате лейбористы крайне слабо выступили на местных и европейских выборах в 2004 г.

Однако всеобщие выборы — дело иное. Если на выборах более низких уровней сторонники правящей партии могут наказать ее за те или иные прегрешения, то на выборах в Вестминстер речь идет о том, кто будет править страной. В данном случае массовый отток голосов от лейбористов означал бы возвращение к власти консерваторов, что

пока для большинства населения было неприемлемо. И все же на этот раз большинство избирателей голосовало не за Тони Блэра, а за его партию, которая помогла ему сохранить кресло премьер-министра. В 2007 г. Блэр уступит пост лидера лейбористов и главы правительства министру финансов Гордону Брауну. Под руководством этого политика шансы правящей партии победить в четвертый раз подряд будут намного выше.

И война в Ираке, и другие накопившиеся претензии к правительству на выборах 2005 г. вылились в резкое уменьшение большинства лейбористов в Палате общин. По сравнению с 2001 г. оно сократилось с 165 до 67 мандатов. Конечно, эта цифра значительна и в своем нынешнем виде: так, Маргарет Тэтчер пришла к власти в 1979 г. с перевесом в 43 места. Однако масштаб этого падения на фоне благополучного экономического положения страны подтверждает негативное значение «фактора Блэра».

На стороне лейбористов и удача, ведь консерваторы — главная оппозиционная сила страны — не смогли убедить британцев в том, что они достойны вернуться к власти. Казалось бы, тори завоевали 197 мандатов, увеличив численность своей парламентской фракции на 33 депутата. Но это лишь показатель того, что они начали «собирать камни», а не серьезная претензия на власть. На территории Шотландии консерваторы победили только в одном из 59 избирательных округов, а в Уэльсе — в трех из 40.

До недавнего времени в рядах тори не прекращалась открытая вражда между евроскептиками и евроэнтузиастами по вопросу о роли Британии в объединенной Европе. С 1997 г. партия сменила трех лидеров, а после выборов 2005 г. и последний из них, Майкл Ховард, объявил о скором уходе с этого поста. В предвыборную кампанию Ховард не удержался и, что называется, перешел на личности — в свете иракских событий присвоил Блэру ярлык «лжеца». Однако британцы хорошо помнили, что тори не меньше лейбористов ратовали за развязывание войны. Но главное все же в другом — после захвата «новыми лейбористами» центра британской политики партия так и не смогла найти адекватного идеологического ответа.

Наибольшее удовлетворение прошедшие выборы принесли либерал-демократам, которые по сравнению с 2001 г. увеличили свое представительство в Палате общин с 52 до 62 депутатов — лучший результат с 1924 г. В отличие от лейбористов и консерваторов либерал-демократы последовательно выступали против ввода войск в Ирак без резолюции Совета Безопасности ООН. По ряду вопросов социально-экономического развития страны они заняли более левые позиции, нежели лейбо-

ристы, а также ратовали за более последовательное проведение конституционных реформ. О качестве совершенного ими в последнее десятилетие рывка говорит тот факт, что в 1992 г. их парламентская фракция состояла лишь из 20 человек. Если задача максимум либерал-демократов состоит в вытеснении тори с позиций второй по значению партии страны, то задача минимум ими была уже почти решена — британская двухпартийная система на локальном уровне превратилась в трехпартийную. В 1999–2005 гг. они приобрели опыт работы с лейбористами в региональных правящих коалициях в Шотландии и Уэльсе, где используется система голосования с пропорциональным элементом. Если подобная система сменит мажоритарную на национальном уровне, то формирования коалиционного правительства лейбористов и либерал-демократов в Лондоне раньше или позже не избежать.

Выборы 2005 г. были примечательны и результатами выступления ряда малых партий. Так, лидер коалиции «Респект» Джордж Галловей, исключенный из рядов лейбористов за жесткую критику иракской политики правительства, одержал громкую победу в одном из лондонских избирательных округов над ставленницей «новых лейбористов», поддержавшей войну. В Северной Ирландии сенсационным стало поражение нобелевского лауреата Дэвида Тримбла, многолетнего лидера умеренной Юнионистской партии Ольстера и одного из архитекторов Соглашения Страстной пятницы, в пользу непримиримых лоялистов — Демократической юнионистской партии Иана Пейсли. Свои позиции за счет Социал-демократической лейбористской партии (умеренной националистической силы провинции) упрочила и Шинн Фейн. Не убедительно выступили националистические партии Уэльса и Шотландии: Плайд Камри снизила свое представительство в Палате общин с 4 до 3 депутатов, а Шотландская национальная партия хотя и увеличила его с 4 до 6, однако также потеряла по количеству полученных голосов. Ультраправая Британская национальная партия не получила мест в парламенте, но набрала по стране свыше 200 тыс. голосов.

Выборы подтвердили: общей проблемой партийно-политической системы Великобритании остается политическая апатия. Явка лишь немного превысила показатель 2001 г., составив 62% электората, притом, что рекордное количество человек — более шести миллионов — проголосовало по почте. Политическая апатия усугубляет недостатки мажоритарной системы голосования. Так, лейбористов поддержали 36% пришедших на избирательные участки, но лишь 22% зарегистрированных.

Глава II

Модернизация партийных организаций

Несмотря на то что эволюция партийно-политической системы Великобритании прослеживается с 70-х годов, а внешняя среда ее функционирования к концу XX в. изменилась радикальным образом, внутрипартийная структура и механизм принятия решений в ведущих политических организациях страны менялись крайне медленно. Первые крупные изменения произошли в Лейбористской партии в начале 80-х годов, но они оказались тупиковыми, не приведя к росту популярности у избирателей, и последующие полтора десятилетия ушли на новую «переналадку». За лейбористами последовали либералы и социал-демократы, объединившиеся в Партию либерал-демократов. Эти события, в свою очередь, оказали влияние на ускорение реформ в ЛПВ. Медленней всего развивалась ситуация в Консервативной партии, трансформация которой началась лишь после разгромного поражения на всеобщих выборах 1997 г.

1. Лейбористская партия

В Лейбористской партии Великобритании, основанной в 1900 г. (до 1906 г. — Комитет рабочего представительства), индивидуальное членство появилось в 1918 г. До этого партия классифицировалась как массовая благодаря коллективному членству аффилированных[1]

[1] Аффилированные организации — ассоциированные организации, входящие в ЛПВ на правах коллективного членства.

профсоюзов и других организаций. Вскоре после своего возникновения ЛПВ превратилась в массовую партию и в узком смысле (трактовка Мориса Дюверже: массовая партия как партия классовая; наличие массового членства), и в широком (трактовка Джованни Сартори: открытость партии для всех желающих вступить в ее ряды; устойчивая ассоциация партии с определенной системой ценностей; ее значительная поддержка в обществе; постоянная организационная структура)[1]. Согласно Уставу («конституции») Лейбористской партии 1918 г., сохранившемуся почти без изменений до 1995 г., ЛПВ имела федеративную структуру, включавшую, с одной стороны, ассоциированные профсоюзы, социалистические общества и позже Кооперативную партию, а с другой — местные лейбористские организации[2]. В том же, 1918 г. рядовые лейбористы получили право представительства на ежегодных конференциях ЛПВ.

Принятие решений на конференциях основывалось на принципе делегирования голоса, который на практике означал, что «блоковый голос»[3] ассоциированных организаций многократно перевешивал голоса местных партийных отделений — «окружных лейбористских партий»[4], т. е. окружных партийных организаций (ОПО). В результате до внутрипартийных реформ 90-х годов профсоюзы, которые были самыми массовыми ассоциированными организациями, занимали доминирующее положение в партии, и стимул в массовом наборе индивидуальных членов отсутствовал. Об этом свидетельствуют данные *табл. 5.* Индивидуальное членство в Консервативной партии до второй половины 90-х годов в несколько раз превосходило показатели лейбористов. Однако с учетом аффилированного членства неоспоримым преимуществом пользовалась ЛПВ. Более того, динамика обоих показателей была разнонаправленной. Если индивидуальное участие в ЛПВ с середины 60-х до середины 90-х годов неуклонно снижалось, то коллективное — росло. В 1983 г., когда Лейбористская партия не досчиталась по сравнению с 1979 г. половины своих рядовых членов, профсоюзное членство еще зашкаливало за 6 млн человек.

---

[1] См.: Duverger Maurice. *Political Parties: Their Organisations and Activity in the Modern State.* London: Methuen, 1954; Sartori Giovanni. *Party Types, Organisation and Functions.* West European Politics, Vol. 28, No 1, January 2005. P. 1–32.

[2] Labour Party. *Labour and the new social order.* A report on reconstruction, revised in accordance with the resolutions of the Labour Party conference, June 1918. London, Labour Party.

[3] На ежегодных конференциях ЛПВ аффилированные организации в лице своих полномочных представителей голосовали от имени всех своих членов.

[4] Constituency Labour Party (CLP)

Таблица 5

Индивидуальное партийное членство (тыс. чел.)

Всеобщие выборы	Лейбористы	Консерваторы[1]	Либералы/Альянс/ Либеральные демократы
1964	830 (5523)[2]	2150	279
1966	776 (5560)	2150	234
1970	680 (5543)	2150	234
1974	692 (5826)	1500	190
1979	666 (6119)	1350	145
1983	295 (6170)	1200	145
1987	289 5619)	1000	138
1992	280 (4685)	500	100
1997	405 (–)	400	100
2001	260 (–)	320	–

[1] Приблизительные данные, так как до 1999 г. в Консервативной партии централизованной статистики членства не велось.

[2] В скобках дана численность аффилированных в ЛПВ тред-юнионов.

Источники: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts, 1900–2000.* 8th edition. Macmillan Press, 2000. P. 159; David Butler, Dennis Kavanagh. *The British General Election of 2001.* Palgrave, 2002. P. 31, 55–56.

Лейбористскую партию часто называют «большим приходом», имея в виду коалиционный характер ее устройства. Разнообразие взглядов внутри ЛПВ объясняется как обстоятельствами ее создания, так и мажоритарной избирательной системой, не допускающей малые партии к власти. В истории ЛПВ разногласия между левыми и правыми приводили не только к внутрипартийным распрям, но и к более серьезным последствиям. Лейбористы окрепли в результате раскола либералов в 1916 г., когда премьер-министром страны стал Дэвид Ллойд Джордж. В свою очередь их постигла та же участь в 1931 г. Лидер партии и премьер-министр Рамсей Макдоналд, Филипп Сноуден и несколько других членов руководства ЛПВ вместе с консерваторами и группой либералов приняли участие в национальном правительстве, в котором преобладали тори. Расколу предшествовало согласие вышеназванных лейбористов с идеей сокращения пособий по безработице в условиях экономического кризиса, которую профсоюзы встретили в штыки.

В руководящих органах ЛПВ и парламентской фракции в большинстве находились представители британского лейборизма, про-

званные «социал-демократами»: они стремились к косвенному контролю рыночных отношений, к реформированию капиталистического строя, сглаживанию его негативных черт, но не к коренной трансформации, а тем более ликвидации. Для этих лейбористов на первом месте стояли не идеологические, а прагматические соображения — как завоевать и удержать власть, а следовательно, получить широкую поддержку избирателей.

Меньшинство в руководстве ЛПВ, опиравшееся на массы лейбористских активистов, и значительная часть профсоюзных лидеров, прозванных «левыми», а при Тони Блэре «старыми левыми», стремились к реализации положения «пункта 4» (точнее, 3d — четвертого пункта третьей статьи) Устава партии 1918 г. о введении в стране общественной собственности на средства производства. Эта редакция Устава партии на многие годы стала водоразделом между левыми и правыми в ЛПВ, хотя и те и другие характеризовали свои воззрения как социалистические.

Левые рассматривали ЛПВ как партию рабочего класса. Правые, разделяя идеи фабианства и этического социализма, считали, что ЛПВ должна выражать общенациональные интересы. Отсюда проистекала различная трактовка понятий «социализм», «социальная справедливость», «равенство». Для одних эти понятия подразумевали национализацию большей части британской экономики, прогрессивное налогообложение и крупномасштабное перераспределение доходов. Намерения других ограничивались огосударствлением некоторых отраслей социальной и экономической инфраструктуры и равенством возможностей.

Несмотря на триумфальный приход к власти в 1945 г., в 1951 г. между руководителями ЛПВ вновь вспыхнул конфликт. Он произошел из-за решения премьер-министра Клемента Эттли оказать материальную помощь США в корейской войне. Изыскать необходимые суммы министр финансов Хью Гейтскелл решил за счет бюджета министерства здравоохранения, которое возглавлял Эньюрин Биван. Действия Гейтскелла поддержало большинство кабинета, и Биван в знак протеста подал в отставку. Пятидесятые годы прошли под знаком борьбы между «бивaнитами», сторонниками Бивана и его социалистических принципов, и последователями Гейтскелла, ревизионистами, которые опирались на идеи работы Энтони Кросленда «Будущее социализма»[1].

В 60–70-х гг. деятельность таких компромиссных фигур, как Гарольд Вильсон и Джеймс Каллагэн, способствовала смягчению разно-

[1] Crosland Anthony. *The Future of Socialism*. London: Jonathan Cape, 1956.

гласий, хотя противостояние парламентской и массовой составляющих партии продолжилось. К концу 70-х годов противоречия между ними вновь достигли уровня конфронтации. Политика лейбористского правительства вызывала неприятие со стороны значительной части Лейбористской партии, к которой перешел контроль над партийными съездами и руководящим органом ЛПВ — Национальным исполнительным комитетом (НИК)[1]. Так, в 1976 г. на ежегодном съезде партии была принята резолюция с требованием национализации банковского и страхового сектора, в то время как правительство пыталось решить проблемы финансового кризиса с помощью займа от МВФ, сопровождаемого жесткими условиями рыночного характера.

Избежать нового раскола не удалось. В 1981 г., спустя полвека после «предательства» Макдоналда, наступила очередь «банды четырех», лидеров социал-демократического крыла ЛПВ во главе с Роем Дженкинсом. Тогда чрезвычайно левая для Лейбористской партии предвыборная программа получила название «самая длинная записка самоубийцы в истории».

В течение всего XX в. ЛПВ представляла собой широкую коалицию левых и левоцентристских сил. В одни периоды истории это приносило выгоды, в другие создавало проблемы. В Лейбористской партии, представляющей собой идеологически пеструю организацию, всегда существовало несколько внутрипартийных течений и идейных центров. Среди них наибольшей известностью пользуется Фабианское общество[2], созданное еще в 1884 г. и сыгравшее видную роль в создании ЛПВ. На левом фланге партии долгое время доминировала группа «Трибюн»[3], основанная в 1964 г. В 80-е годы она значительно поправела, и ряд ее членов стали костяком «новых лейбористов». Реакцией на поправение «Трибюн» было создание в 1982 г. группы «Кампания»[4] во главе с Тони Бенном. В середине 90-х годов уже в среде «новых лейбористов» произошло разделение, и возникло объединение «Новые левые»[5], наиболее видными представителями которого стали члены правительства Джон Прескотт и Робин Кук.

В последней четверти столетия плюрализм мнений в ЛПВ вышел за пределы внутрипартийной дискуссии. Неудачи, сопровождавшие периоды правления лейбористских кабинетов в 60–70-х гг., подтолк-

---

[1] National Executive Committee.
[2] Fabian Society.
[3] Tribune.
[4] Campaign Group.
[5] New Left.

нули и левых, и правых на действия, ввергнувшие партию в кризис. История ЛПВ в XX в. началась как история «широкой Церкви»[1], но едва не закончилась как история расколовшейся партии. Наиболее непримиримые, как слева, так и справа, покинули ее ряды. Однако вторая половина 90-х годов прошла под знаком консолидации рядов лейбористов.

С середины 80-х годов, после поражения лейбористов на всеобщих выборах в 1979 и 1983 гг. и избрания лидером партии Нила Киннока, начался длительный процесс реформирования партийной идеологии и организации[2]. В начале 80-х годов баланс сил в ЛПВ был нарушен в пользу местных отделений ЛПВ, левых профсоюзов и левых элементов в парламентской фракции. Киннок опирался на «мягких левых», выходцы из среды которых позже образовали ядро правительства Тони Блэра. годы лидерства Киннока прошли под знаком борьбы с милитантами[3], к концу 80-х годов разрешившейся в пользу умеренных. Во время забастовки горняков в 1984–1985 гг. Киннок дистанцировался от их лидера Артура Скаргилла. На выборах 1987 г. лейбористы возвратили себе звание оппозиции Ее Величества, после чего лидер партии принялся за ревизию программы.

С 1987 г. в партии началась кампания «По пересмотру политики». Был подготовлен ряд важных документов, среди которых центральное место занимали «Демократические социалистические цели и ценности», «Встретить вызов, осуществить перемены» и «Смотря в будущее». К 1992 г. лейбористы отказались от лозунгов ренационализации, одностороннего ядерного разоружения, всеобщей занятости, отмены антипрофсоюзных законов, принятых тэтчеристами, и выхода Великобритании из ЕС. Расширение расходов на «государство благосостояния» было поставлено в зависимость от экономического роста. Однако для победы на выборах эти изменения оказались недостаточными.

Поражения на всеобщих выборах 1979 и 1983 гг. могли быть отнесены на счет независящих от лейбористов причин, в первую очередь агрессивности неолиберальной идеологии, популизма тэтчеристов, радикализации ряда профсоюзов и Фолклендской войны. Позже на перспективах левого движения негативно сказался развал Совет-

---

[1] Эпитет «широкая Церковь» применялся в XX в. по отношению к Консервативной и Лейбористской партиям по аналогии с движением в Англиканской церкви в XIX в., участники которого выступали за широкое толкование символов веры.

[2] См. более подробно: Громыко Ал.А. Политический реформизм в Великобритании (1970–1990-е годы). М.: XXI век — Согласие, 2001. С. 92–111.

[3] Леворадикальные элементы в Лейбористской партии, как правило, троцкисты.

ского Союза в частности и дискредитация социалистического движения в целом. Но неудачи 1987 и 1992 гг. свидетельствовали о большем. Раскол партии в 1981 г., потеря контроля над деятельностью профсоюзов, открытая вражда между левыми и правыми фракциями в ЛПВ крайне негативно сказались на образе партии в глазах избирателей. Позже эти обстоятельства подтолкнули новое руководство лейбористов во главе с Тони Блэром на глубокое реформирование партии. Едва ли столь сильный сдвиг вправо был бы возможен, сохрани лейбористы единство своих рядов в 80-е годы.

Помимо борьбы с левацкими элементами в партии Киннок начал процесс реформирования партийной организации. Традиционно лидер и его заместитель выбирались членами фракции. В 1976 г. после отставки Гарольда Вильсона таким способом был избран Джеймс Каллагэн, одержавший верх над Майклом Футом, а в 1980 г. — сам Фут, победивший Дэниса Хили (*табл. 6*). Если в первый раз по традиции победу одержал умеренный кандидат, то во второй — представитель левого крыла ЛПВ. Воспользовавшись изменением баланса сил в партии в свою пользу, левые лейбористы перешли в наступление. Развернутая ими «Кампания за демократию в Лейбористской партии»

Таблица 6

Выборы лидера Лейбористской партии в 1976 г. и 1980 г. (голоса членов парламентской фракции ЛПВ)

март – апрель 1976 г.			
	1й тур	2й тур	3й тур
М. Фут	90	133	137
Дж. Каллагэн	84	141	176
Р. Дженкинс	56		
Э. Бенн	37		
Д. Хили	30	38	
Э. Крослэнд	17		
ноябрь 1980 г.			
	1й тур	2й тур	
Д. Хили	112	129	
М. Фут	83	139	
Дж. Силкин	38		
П. Шор	32		

Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts, 1900–2000.* 8th edition. Macmillan Press, 2000. P. 146.

Таблица 7

Выборы заместителя лидера ЛПВ (октябрь 1981 г., %)

	1й тур				2й тур			
	профсоюзы	ОПО[1]	ПФ[2]	Всего	профсоюзы	ОПО	ПФ	Всего
Э. Бенн	6,4	23,4	6,7	36,6	15	24,3	10,2	49,5
Д. Хили	24,6	5,3	15,3	45,3	24,9	5,6	19,7	50,4
Дж. Силкин	8,8	1,1	7,9	18				

[1] окружные партийные организации
[2] парламентская фракция

Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts, 1900–2000.* 8th edition. Macmillan Press, 2000. P. 147.

(КДЛП)[1] привела к учреждению коллегии выборщиков, 40% в которой принадлежали аффилированным профсоюзам и социалистическим обществам и по 30% — местным отделениям и членам парламентской фракции. Выборы, проводившиеся в ходе специальных партийных конференций, считались состоявшимися, если один из кандидатов набирал абсолютное большинство «взвешенных голосов». В противном случае голоса, отданные за претендентов, показавших последний результат, распределялись между первыми номерами. Если пост лидера оказывался вакантным, то претендентам для выдвижения своих кандидатур требовалось заручиться поддержкой 12,5% членов фракции; если он оспаривался — 20% и двумя третями голосов делегатов партконференции.

Впервые по новым правилам выборы прошли в 1981 г., когда пост заместителя лидера оспаривал руководитель левого фланга партии Тони Бенн (*табл. 7*). Это был единственный случай, когда для выявления победителя потребовался второй тур голосования. Тогда победу одержал правый лейборист Дэнис Хили, получивший минимальный перевес голосов. На выборах лидера ЛПВ годом ранее он считался фаворитом, однако проиграл, пав жертвой усиления радикальных настроений в партии. В полноценном формате новая процедура была применена после поражения лейбористов на выборах 1983 г. и отставки М. Фута и Д. Хили. Их место заняли соответственно Нил Киннок, популярный на левом фланге партии, и Рой Хаттерсли (*табл. 8*). Если в 1981 г. Тони Бенн имел реальные шансы занять

[1] Campaign for Labour Party Democracy.

Таблица 8

Выборы лидера Лейбористской партии и его заместителя (октябрь 1983 г., %)

Выборы лидера				
	1й тур			
	профсоюзы	ОПО[1]	ПФ[2]	Всего
Н. Киннок	29	27,4	14,7	71,2
Р. Хаттерсли	10,8	0,5	7,8	19,2
Э. Хеффер	0	1,9	4,2	6,3
П. Шор	0	0	3,1	3,1
Выборы заместителя				
	1й тур			
Р. Хаттерсли	35,2	15,3	16,7	67,2
М. Мичер	4,7	14,3	8,8	27,8
Д. Дэйвис	0	0,2	3,2	3,5
Г. Данвуди	0,03	0,09	1,1	1,3

[1] окружные партийные организации
[2] парламентская фракция

Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts, 1900–2000.* 8th edition. Macmillan Press, 2000. P. 147.

Таблица 9

Выборы лидера ЛПВ и его заместителя (октябрь 1988 г., %)

Выборы лидера				
	1й тур			
	профсоюзы	ОПО[1]	ПФ[2]	Всего
Н. Киннок	39,6	24,1	24,8	88,6
Э. Бенн	0,3	5,8	5,1	11,3
Выборы заместителя				
	1й тур			
Р. Хаттерсли	31,3	18,1	17,3	66,8
Дж. Прескотт	8,6	7,8	7,1	23,6
Э. Хеффер	0	4	5,4	9,4

[1] окружные партийные организации
[2] парламентская фракция

Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts, 1900–2000.* 8th edition. Macmillan Press, 2000. P. 148.

Таблица 10

Выборы лидера ЛПВ и его заместителя (июль 1992 г., %)

Выборы лидера				
	1[й] тур			
	профсоюзы	ОПО[1]	ПФ[2]	Всего
Дж. Смит	38,5	29,3	23,1	91
Б. Гулд	1,4	0,6	6,8	8,9
Выборы заместителя				
	1[й] тур			
М. Бекетт	25,3	19	12,8	57,3
Дж. Прескотт	11,6	7	9,4	28,1
Б. Гулд	2,9	3,8	7,7	14,5

[1] окружные партийные организации
[2] парламентская фракция

Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts, 1900–2000.* 8th edition. Macmillan Press, 2000. P. 148.

пост заместителя лидера, то в 1988 г. вызов, брошенный им Кинноку в знак протеста против перехода последнего на умеренные позиции, носил, скорее, символический характер (*табл. 9,* см. с. 47). На своем месте удержался и действующий заместитель. После поражения лейбористов на всеобщих выборах 1992 г. пришла очередь подать в отставку Кинноку и Хаттерсли. На последующих выборах двух высших должностных лиц в партии победу одержали те, кто выступал за продолжение линии на реформы, — Джон Смит победил левака Брайана Гулда, а Маргарет Бекетт оттеснила на второе место Джона Прескотта (*табл. 10*).

После своего избрания Джон Смит выступил за внедрение принципа «один человек — один голос» (ОЧОГ)[1] на выборах лидера, однако, встретив сильное сопротивление, пошел на компромисс: коллегия выборщиков сохранилась, но с 1993 г. каждая из ее составляющих имела по одной трети голосов. Кроме того, принцип ОЧОГ стал обязательным при подсчете результатов в профсоюзной доле голосов и доле местных партийных отделений. Раньше они подсчитывались автоматически на основе количества платящих взносы членов в обеих структурах, теперь — на основе индивидуального голосования по почте. Право голоса в рамках коллегии выборщиков сохранили лишь те

[1] One Member One Vote (OMOV).

члены профсоюзов, которые уплачивали не только базовый профсоюзный, но и «политический взнос».

Аналогичная борьба шла и по вопросу о выдвижении кандидатов от ЛПВ на парламентских выборах. В 1980 г. в рамках все той же КДЛП была введена процедура обязательного переизбрания депутатов палаты общин перед каждыми парламентскими выборами. На ежегодной конференции в 1990 г. Кинноку удалось провести решение, по которому процедуру переизбрания стало предварять голосование в местных организациях. Раньше по традиции право голоса имели только активисты — члены генеральных комитетов партийных отделений. В 1984 г., когда Киннок впервые предложил взять на вооружение принцип ОЧОГ, конференция выступила против. В 1987 г. он добился компромисса: были учреждены локальные коллегии выборщиков, в которых 40% голосов располагали местные отделения аффилированных профсоюзов, а остальные подавались всеми индивидуальными членами по принципу «один человек — один голос». В 1993 г. при Джоне Смите коллегию выборщиков вовсе отменили, хотя профсоюзы добились того, что за дополнительный взнос тред-юнионисты одновременно считались членами местных отделений ЛПВ и, следовательно, получали право голоса. Также принцип ОЧОГ был введен на выборах в Национальный исполнительный комитет (НИК), который по традиции контролировал исполнение решений лейбористских конференций и принимал участие в выработке партийной политики. В конце 70-х годов он превратился во второй центр власти в ЛПВ.

Как следствие выполнения программы «Пересмотр политики» начался процесс маргинализации НИК и подчинения его воле лидера партии. До логического конца эта реформа была доведена при Тони Блэре, который не только освободился от некогда грозного оружия левых, но часто игнорировал его решения. Если раньше профсоюзы контролировали половину голосов НИК, то после расширения его состава до 32 человек их квота сократилась до 12 мест (*табл. 11,* см. с. 50). Большинство членов комитета избиралось на партийных конференциях, самостоятельная роль которых при «новых лейбористах» также значительно снизилась. В то же время состав НИК, в который вошли представители всех составляющих ЛПВ, стал демократичнее, например были введены квоты для женщин. Левые силы в партии теперь могли обеспечить свое представительство в исполкоме главным образом в рамках квоты местных отделений. В 1998 г. этим с успехом воспользовался Альянс рядовых членов[1] (движение партийных активистов, недовольных реформами «новых

[1] Grassroots Alliance.

Таблица 11

Состав Национального исполнительного комитета (НИК) Лейбористской партии

Лидер партии*
Заместитель лидера*
Секретарь партии*
Лидер группы депутатов ЛПВ в Европарламенте*
Квоты: 12 – профсоюзы (не менее шести женщин)
1 – социалистические общества
6 – окружные партийные организации (не менее трех женщин)
2 – местные органы власти (не менее одной женщины)
3 – кабинет министров (правящий или теневой)
Казначей партии
1 – молодежная организация
3 – фракция ЛПВ в палате общин и в Европарламенте, включая лидера группы депутатов ЛПВ в Европарламенте (не менее одной женщины)

* Входят в состав НИК автоматически.

лейбористов»), который провел в НИК по данной квоте четырех своих выдвиженцев, включая небезызвестную Лиз Дейвис, а также Марка Седдона, главного редактора левого журнала «Трибюн».

К концу 90-х годов тенденция по переходу местных партийных организаций на более умеренные позиции окрепла. Однако баланс сил в партии между теми, кто поддерживал политику «новых лейбористов», и теми, кто относился к ней критически, не всегда был в пользу первых. Так, наиболее принципиальным вопросом, обсуждавшимся на ежегодной конференции ЛПВ в 2000 г., было восстановление индексации пенсий в соответствии с ростом заработной платы. Отношение к нему служило водоразделом между «модернизаторами» и «традиционалистами» в партии. Первые вслед за тэтчеристами, приравнявшими рост пенсий к росту инфляции, считали, что нереформированное «государство благосостояния» не в состоянии обеспечить прежние темпы увеличения государственных пенсий, а последние усматривали в этом нежелание «новых лейбористов» перераспределять национальное богатство в пользу неимущих.

Раньше за восстановление индексации наиболее последовательно выступали члены массовой составляющей партии (рядовые члены, активисты), однако теперь при голосовании за соответствующую резолюцию большинство представителей местных отделений высказа-

лось против. В то же время профсоюзы, которым принадлежало 50% голосов на конференции, поддержали это предложение, чем обеспечили утверждение резолюции. Таким образом, сложилась ситуация, прямо противоположная существовавшей в 50–60-е гг., когда тред-юнионы, как правило, поддерживали лидера партии, а местные отделения оппонировали ему. Не изменилось лишь то, что теперь, как и тогда, партийное руководство могло игнорировать решения конференции. Не стала исключением и резолюция об индексации пенсий.

Другим наглядным примером была резолюция партконференции 2002 г., которую поддержало подавляющее большинство делегатов. Резолюция призывала пересмотреть концепцию «частной финансовой инициативы», в соответствии с которой к работе государственного сектора подключался частный бизнес, однако политика правительства осталась неизменной.

Первым лидером ЛПВ, избранным по новым правилам, стал в 1994 г. Тони Блэр. Выборы назначили после скоропостижной смерти его предшественника Джона Смита. Наиболее сильным конкурентом Блэра был Гордон Браун, однако соперники и бывшие друзья смогли договориться о разделении обязанностей в будущем правительстве, и Браун снял свою кандидатуру. За это Блэр пообещал передать ему со временем пост лидера. Другими претендентами на эту должность были Джон Прескотт и Маргарет Бекетт, занимавшие более левые позиции, нежели их молодой соперник. Как и ожидалось, Блэр уверенно победил во всех трех сегментах коллегии выборщиков (*табл. 12,* см. с. 50). В состязании не участвовал Кен Ливингстон, самый левый среди претендентов: он не смог заручиться поддержкой 12,5% членов парламентской фракции ЛПВ — необходимое условие для участия в выборах лидера. Однако звездный час «красного Кена» был еще впереди. Два других претендента, проигравших Блэру, померились силами в борьбе за пост заместителя лидера, и на этот раз Прескотт не уступил.

Победе Тони Блэра, сторонника продолжения идеологической и организационной модернизации партии, а также его дальнейшим успехам способствовали не только внутренние факторы, но и внешние. В 1992 г. президентом США избрали демократа Билла Клинтона, предвыборный штаб которого взял на вооружение концепцию «новых демократов». На британской почве она трансформировалась в «новый лейборизм» и «третий путь», который стал идейным знаменем Блэра и его сподвижников. Переизбрание Клинтона в 1996 г. укрепило нити, связывающие североамериканский и британский социал-демократический ревизионизм. Кроме того, «новые лейбо-

Таблица 12

Выборы лидера ЛПВ и его заместителя (июль 1994 г., %)

Выборы лидера				
	1й тур			
	профсоюзы	ОПО[1]	ПФ[2]	Всего
Т. Блэр	52,3	58,2	60,5	57,0
Дж. Прескотт	28,4	24,4	19,6	24,1
М. Бекетт	19,3	17,4	19,9	18,9
Выборы заместителя				
	1й тур			
Дж. Прескотт	55,6	59,4	53,7	56,5
М. Бекетт	44,4	40,6	46,3	43,5

[1] окружные партийные организации
[2] парламентская фракция

Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts, 1900–2000.* 8th edition. Macmillan Press, 2000. P. 148.

ристы» внимательно следили за методами ведения избирательной кампании Демократической партии, новыми технологиями изучения общественного мнения и привлечения электората на свою сторону. Именно в эти годы в Британии стали целенаправленно использоваться методы политического маркетинга, а ЛПВ превратилась в организацию, профессионально подготовленную для предвыборной борьбы и ориентированную не на партийных активистов, а на самого широкого избирателя.

На современном этапе в обязанности Национального исполнительного комитета входит контроль над партийной казной, утверждение списков кандидатов на выборах, наказание нарушителей партийной дисциплины, разработка политической программы ЛПВ и вопросы агитации. Если раньше НИК был своего рода противовесом руководству партии, то теперь превратился в приводной механизм по исполнению его решений и проведению в жизнь его политики. Если раньше влияние комитета на отбор кандидатов партии на выборах было на руку левым силам в ЛПВ, то теперь ситуация стала обратной. В результате руководство партии получило возможность ужесточить процедуру отбора и блокировать нежелательных кандидатов, утвержденных местными отделениями. Таким образом, принцип ОЧОГ в данном случае применялся лишь частично. В 1995 г. жертвой новых

правил стала Лиз Дейвис, слишком левая для партийного руководства, а в 2001 г. кандидатура Шона Вудворда была навязана сверху одной из окружных организаций.

Стремление выхолостить суть внутрипартийной демократии встретило сопротивление и в ряде случаев бумерангом ударяло по «новым лейбористам». Например, на дополнительных выборах в лондонском округе Аксбридж в июле 1997 г. ЛПВ, как и на всеобщих выборах, заняла второе место, уступив тори, однако разрыв между ними значительно увеличился. Объяснялось это не природой довыборов — правительство проработало лишь три месяца и было на пике популярности, а тем, что с помощью НИК окружной лейбористской организации был навязан ставленник центра. В результате многие активисты и рядовые члены партии в знак протеста проигнорировали выборы или проголосовали против официального кандидата.

Другой пример: первоначальный отбор кандидатов на выборы в Европарламент проводился в местных отделениях ЛПВ, однако составление окончательного списка, выносившегося на одобрение НИК и конференции, было прерогативой Объединенного совета по отбору[1], который, в свою очередь, назначался централизованно. В 1999 г. при отборе кандидатов на выборы шотландского парламента и ассамблеи Уэльса принцип ОЧОГ применялся в мажоритарных округах, однако кандидатуры по региональным спискам отбирались специальными комитетами, состоявшими из членов регионального и национального руководства партии, и выносились на одобрение региональных «электоральных конференций». В Шотландии несколько кандидатур, неудобных для «новых лейбористов», было «забраковано», в их числе — Дэннис Канаван, который в знак протеста выступил в качестве независимого. За это он поплатился своим членским билетом, но зато одержал убедительную победу. Еще более драматичной оказалась ситуация вокруг избрания в 1998 г. нового лидера Лейбористской партии Уэльса (региональное полуавтономное подразделение ЛПВ). Она негативно сказалась на результатах ЛПВ на выборах ассамблеи Уэльса[2]. Но даже после этого уроки из ошибок извлечены не были. Сильный удар по репутации партии нанесли «аппаратные игры» на выборах мэра Лондона в мае 2000 г.[3]

Одним из самых драматичных эпизодов в истории реформирования ЛПВ стала отмена «пункта 4» Устава партии, принятого на еже-

---

[1] Joint Selection Board.

[2] См. подробнее Главу IV.

[3] См. подробнее Главу V.

годной партийной конференции в феврале 1918 г.[1] В нем была поставлена задача «обеспечить работникам физического и умственного труда полный продукт их труда и его наиболее справедливое распределение на основе общественной собственности на средства производства (распределения и обмена)»[2]. Тони Блэр, только что избранный лидером партии, решил действовать без промедлений. К удивлению многих он поставил вопрос о новой редакции статьи на ежегодной конференции ЛПВ в 1994 г. После окончания конференции Блэр развил бурную деятельность по разъяснению своего предложения среди активистов. Реакция левых была однозначной. Так, левый лейборист, лидер забастовки шахтеров 1984–1985 гг., Артур Скаргилл заявил, что Блэр «объявил партии войну».

В апреле 1995 г. на специально созванной конференции ЛПВ новая редакция статьи получила поддержку около двух третей голосов. Из текста было изъято положение о национализации средств производства. В новой редакции статьи ЛПВ называлась партией демократического социализма, призванной развивать «динамичную экономику... в которой предприимчивость рынка и жесткость конкуренции соединены с силами партнерства и сотрудничества во имя умножения национального богатства, занятости и процветания каждого человека».

К концу 90-х годов позиции левых в ЛПВ заметно ослабли, несмотря на успехи Ливингстона. В результате внутрипартийных реформ их роль в исполкоме, местных партийных организациях, на ежегодных конференциях снизилась. На руководящие посты в партии продвигались лояльные Тони Блэру люди, которые по своим качествам и стилю работы сильно отличались от предшественников. Так, в 1998 г. генеральным секретарем организации впервые стал не мужчина, а женщина — Маргарет Макдона. К тому же она не имела в своем послужном списке опыта отношений с тред-юнионами. Влияние теряли не только «старые левые», но и «старые правые», сторонники традиций ревизионизма Энтони Кросленда. Ветеран левого крыла партии Тони Бенн объявил о своем уходе из большой политики после парламентских выборов 2001 г. Партия дистанцировалась от профсоюзного движения. Остановить победоносное шествие «новых лейбористов» попытался

---

[1] См. подробнее о реформах внутри ЛПВ: Громыко Ал.А. Указ. соч. С. 125–139.

[2] «To secure for the producers by hand or by brain the full fruits of their industry and the most equitable distribution thereof that may be possible upon the basis of the common ownership of the means of production (distribution and exchange)». (Слова в круглых скобках были добавлены на конференции ЛПВ в 1928 г.)

Артур Скаргилл, в знак протеста против пересмотра Устава партии вышедший из ее состава и организовавший Социалистическую лейбористскую партию[1]. Однако на выборах 1997 г. она сыграла малозаметную роль. Единичные факты «восстания заднескамеечников», вызванные рядом чрезмерно прорыночных законопроектов правительства, в целом не влияли на благополучную картину успехов «новых лейбористов». Левые традиции лейборизма оказались отодвинутыми на задний план.

В конце 90-х годов некоторые левые связывали надежды на восстановление позиций социалистического движения в Великобритании с событиями в России. В интервью в сентябре 1998 г. Тони Бенн отметил, что «коллапс свободнорыночного эксперимента в России» — один из факторов, возвращающих левым уверенность в своей правоте. «Мы почувствовали огромный прилив уверенности, — сказал он, — потому что в течение многих лет нас называли “пещерными людьми”... Теперь мы являемся свидетелями того, как ельцинский проект угодил в сточную канаву. Неизбежно, что маятник качнется в противоположную от Тэтчер и Ельцина сторону»[2]. Тони Бенн оказался прав лишь отчасти в отношении и Британии, и России.

Во второй половине 90-х годов проводятся и другие внутрипартийные реформы, направленные на укрепление положения Блэра и его команды. В 1996 г. «блоковое голосование» профсоюзов на конференциях было снижено до 50%, а на конференции в 1997 г. одобрена инициатива «Партнерство у власти»[3]. Ее центральная идея — создание Национального политического форума (НПФ) — была предложена еще на партийной конференции 1990 г. В январе 1997 г. она была развита в консультационном документе «Партия у власти»[4], подготовку которого курировала рабочая группа во главе с генеральным секретарем ЛПВ Томом Сойером. Главная цель документа — скоординировать отношения в треугольнике «руководящее звено — НИК — конференция».

В результате была утверждена двухгодичная процедура выработки политической программы партии. Ключевое значение приобрел Комитет общей политики (КОП)[5], возглавляемый лидером ЛПВ и включающий на паритетной основе представителей НИК, теневого

---

[1] См. подробнее Главу VI.

[2] «UK politics: talking politics Benn predicts government economic U-turn», news.bbc.co.uk/uk_politics/tuc_conference, 15 September 2000.

[3] Partnership in Power. Labour Party, London, 1997.

[4] Party into Power. Labour Party, London, 1997.

[5] Joint Policy Committee.

кабинета/правительства. КОП формирует повестку дня партийной программы и вносит ее на обсуждение в НПФ, который возвышается над сетью региональных форумов. НПФ состоит из 175 человек, представляющих все составные части партии. Затем эстафета переходит к комиссиям по выработке политики[1], назначаемым НПФ и принимающим к более детальному и экспертному рассмотрению его предложения, а также предложения от рядовых членов партии, аффилированных обществ, групп интересов, партийных отделений и т. п. Доклады, подготовленные комиссиями, передаются на одобрение КОП, затем НПФ, после чего возвращаются в Комитет, чтобы после заключительной правки попасть в НИК. Последний шаг — вынесение окончательных предложений на суд конференций. Данный механизм принятия решений, ориентированный на достижение максимального консенсуса, сводит к минимуму шанс того, что включенные в повестку дня конференций резолюции могут вызвать серьезные разногласия. На фоне этих реформ ежегодные конференции номинально остаются высшим органом партии, однако на деле находятся под надежным контролем партийного руководства.

Проект «Партнерство у власти» был развит после победы лейбористов на выборах 1997 г. На этот раз объектом реформирования оказались местные партийные организации. Работу по данному вопросу возглавил будущий председатель ЛПВ Иан Маккартни. В 1999 г. был выработан новый консультативный документ «Партия 21 века»[2], в котором предлагалось укрепить организационную структуру местных отделений, сделать ее более современной. В ряде округов в порядке эксперимента стали организовываться собрания, открытые для посещения не только активистов, но всех членов отделения, создаваться рабочие группы с их участием по конкретным направлениям политики.

Для достижения своих целей Тони Блэр активно применял инструменты прямой демократии. В 1995 г. был проведен референдум всех членов партии по вопросу о новой редакции «пункта 4» Устава ЛПВ. Референдуму предшествовала активная агитационная кампания, которую возглавил Блэр. Как и в случае с Национальным политическим форумом, решались сразу две задачи: демонстрировалась демократичность механизма принятия решений и выводилась из компетенции конференции (высшего органа партии) важная задача внутрипартийной модернизации. В 1996 г. состоялся референдум по поддержке

---

[1] Policy Commissions.

[2] 21st Century Party, Labour Party, 1999.

предвыборного манифеста ЛПВ; ему предшествовала кампания «Дорога к манифесту»[1]. Этими действиями «новые лейбористы» продемонстрировали электорату и СМИ, что их программа, во-первых, выработана на максимально демократической основе и, во-вторых, отражает консенсус в партии.

Таким образом, внутрипартийные реформы в 80–90-е гг. способствовали расширению прав рядовых членов в отборе кандидатов в парламент и лидера, однако влияние активистов и профсоюзов снизилось, а руководство партии расширило свою автономию в принятии решений. Хотя к 1997 г. члены профсоюзов еще составляли подавляющее большинство членов ЛПВ — 85%, численность аффилированных тред-юнионов снизилась до половины от их общего количества. Если в середине 70-х годов ЛПВ финансировалась профсоюзами на 80%, то через двадцать лет — только на 50%. В начале XXI в. 8% бюджета ЛПВ давали партийные взносы, 27 — профсоюзные; 35% представляли собой пожертвования от компаний и частных лиц (у тори — 90%, у либерал-демократов — 66%)[2].

Демократизация ЛПВ, что справедливо и для других партий, не была самоцелью для партийной элиты. Она руководствовалась соображениями поддержания баланса интересов рядовых членов партии, в первую очередь активистов, и электората партии в целом. История лейбористов в 1979–1992 гг. с наглядностью демонстрирует, что успехи партии у избирателей могут быть значительно осложнены стремлением активистов сохранить идеологическую чистоту партийных рядов.

В то же время последнее обстоятельство не должно расцениваться как однозначно негативный фактор. С одной стороны, в 80-е годы ЛПВ пострадала из-за разногласий между большинством «парламентской партии» (депутаты от ЛПВ в Вестминстере и Европарламенте) и массовой составляющей партии (активисты и рядовые члены), а в 90-е годы «новые лейбористы» преуспели в согласовании групповых интересов внутри партии с интересами внешнего электората. С другой — сопротивление активистов и многих рядовых членов сползанию партийной верхушки к электоральному оппортунизму — важный фактор в недопущении чрезмерного ослабления идеологического каркаса, скрепляющего партию.

---

[1] Road to the Manifesto.

[2] Heffernan Richard. *Political Parties and the Party System*. Chapter 7. In: Patrick Dunleavy Patrick, Andrew Gamble, Heffernan Richard, Peele Gillian (eds). *Developments in British Politics 7*. Palgrave Macmillan, 2003. P. 127.

2. Консервативная партия

История Консервативной партии уходит своими корнями в период царствования Карла II, когда в 70-е гг. XVII в. возникли прототипы будущих партий. Одна из протопартий с подачи противников получила название тори (уничижительное прозвище ирландских католиков). В 30-е гг. XIX в., при Роберте Пиле, тори стали именоваться консерваторами; их первый представитель на посту премьер-министра — Бенджамин Дизраэли. Одновременно с тори образовалась политическая фракция вигов. Название «виги» — усеченная форма слова «вигаморы» (прозвище шотландских пресвитериан, непримиримых противников католицизма). В XIX в. виги трансформировались в Либеральную партию.

Начало создания современной структуры Консервативной партии относится к 1867 г., когда в стране была проведена избирательная реформа, в результате которой значительно умножились ряды электората и возникла полноценная сеть региональных и местных партийных отделений-ассоциаций (первые отделения появились после избирательной реформы 1832 г.). Центральный офис партии, возглавляемый председателем, возник в 1870 г. по инициативе Дизраэли.

К началу XX в. партия превратилась в многоярусную организацию с подобием массового членства, сохранив свой элитарный характер. Квинтэссенцией отношения партийных верхов к низам служат слова консервативного премьер-министра Артура Бальфура, который както заявил, что скорее попросит совета у своего слуги, чем у Национального союза (представляет интересы местных консервативных ассоциаций в руководящих органах партии)[1]. Известное описание внутрипартийной демократии в Консервативной партии гласит: она представляет собой «автократию, маскирующуюся под демократию»[2]. Бóльшую часть XX в. партия, согласно классификации Мориса Дюверже, была «кадровой» организацией, хотя другие исследователи, в частности Джованни Сартори, полагали, что Дюверже принизил значение массовой составляющей тори[3]. С незначительными изменениями Консервативная партия оставалась таковой до второй полови-

---

[1] McKenzie Robert. *British Political Parties.* London: Mercury Books, 1964. P. 82.

[2] Ibid. P. 181.

[3] См.: Duverger Maurice. *Political Parties: Their Organisations and Activity in the Modern State.* London: Methuen, 1954; Sartori Giovanni. *Party Types, Organisation and Functions.* West European Politics, Vol. 28, No 1, January 2005. P. 1–32.

ны 90-х годов. В партийной иерархии фигура лидера по традиции считалась главной, в его руках находились все важнейшие рычаги управления партией. К мнению Национального союза прислушивались, однако властными полномочиями он не обладал. Основной функцией ежегодных конференций была демонстрация сплоченности партийных рядов вокруг лидера и всецелой поддержки его политики.

После разгромного поражения тори на майских выборах 1997 г. и отставки Джона Мейджора новым лидером партии избрали Уильяма Хейга. Эти события положили начало реформам, призванным модернизировать Консервативную партию. Хейг без промедлений приступил к разработке далеко идущих планов. В этом опорой ему служили такие опытные политики-консерваторы, как Арчи Норман, Сесил Паркинсон и Майкл Анкрам. Уже в октябре был выпущен консультативный документ «Проект перемен»[1]. Его авторами выступили руководители трех автономных частей партийной организации — председатель партии, подотчетный ее лидеру, председатель Национального союза консервативных и юнионистских ассоциаций (НС)[2] и председатель Комитета 1922, объединяющий членов парламентской фракции. Масштабы поражения 1997 г. и деморализованное состояние тори делали проведение внутрипартийной реорганизации, в первую очередь изменение структуры партии, неизбежным шагом. За 80–90-е гг. численность организации сократилась в разы, а средний возраст ее членов превысил 60 лет. Консерваторы располагали наглядным примером ЛПВ, которая, оказавшись в кризисе, предприняла энергичные шаги по реформированию. Сыграло роль и нежелание Хейга браться за урегулирование внутреннего конфликта между евроскептиками и евроэнтузиастами до тех пор, пока его положение на посту лидера не укрепится.

Невозможно было и дальше игнорировать тот факт, что в партии обострились противоречия между «парламентской партией» и местными консервативными ассоциациями, которые выступали за демократизацию организации. Внутренняя субординация в партии усложнялась тем, что в рамках Национального союза ассоциации обладали значительной автономией и не во всем подчинялись его управляющим структурам. Например, рекрутирование новых членов было всецело прерогативой ассоциаций, не подотчетных в этом вопросе функционерам НС. Отсутствовал не только статус члена партии, но рядовые консерваторы считались членами именно ассоциаций, а не Национального союза. Давние трения привели к открытому противостоянию на кон-

---

[1] Blueprint for Change.

[2] До 1885 г. — Национальный союз консервативных и конституционных ассоциаций.

ференции Национального союза в октябре 1997 г. Централизация структуры партии была необходима и для того, чтобы облегчить финансирование ее деятельности, предоставив руководству прямой доступ к денежным фондам ассоциаций. К 1997 г. партия, долги которой приблизились к 20 млн ф. ст., находилась в глубоком финансовом кризисе.

В 1998 г. серия консультаций по содержанию «Проекта перемен» привела к принятию проекта программы «Новое будущее для Консервативной партии» с предисловием Хейга. Ставилась амбициозная цель — создать массовую добровольную политическую организацию. Обновление партии предлагалось провести на базе «шести ключевых принципов»: организационное единство, децентрализация в пользу консервативных ассоциаций, демократизация процедуры принятия предвыборного манифеста и избрания лидера, широкий охват населения с помощью создания национальной системы партийного членства, высокие стандарты в борьбе с коррупцией внутри партии и открытость в отношении источников финансирования.

В марте того же года проект был вынесен на референдум членов партии, 80% тори поддержали его. Последовала радикальная перестройка внутренней структуры партии. Была создана объединенная организация с единым руководством и партийной «конституцией» — кодифицированным Уставом, занявшим место действовавшего до этого неписаного свода правил. Ранее Консервативная партия представляла собой неформальный союз трех автономных частей, каждая из которых имела собственные организационные структуры и звенья управления: одна часть — «парламентская партия» — (депутаты-консерваторы в Палате общин, Палате лордов и в Европарламенте); вторая — Национальный союз, координирующий деятельность местных консервативных ассоциаций в Англии, Шотландии[1] и Уэльсе; третий — Центральный офис в Лондоне во главе с лидером партии и со своей сетью отделений по стране.

По новым правилам Устав может быть изменен голосами двух третей делегатов Конституционной конвенции, в которую входят депутаты-консерваторы Палаты общин и Палаты лордов, Европейского парламента и члены новоиспеченной Национальной консервативной конвенции. Высшим органом, ответственным за вопросы партийной организации, стал Совет управления[2], в который вошли представите-

---

[1] Партийная организация Шотландии представляла собой автономную организацию, местные ассоциации которой были аффилированы в НС. В Северной Ирландии консервативные ассоциации появились только в 1991 г.

[2] Board of Management.

ли трех объединившихся частей партии. Совету предписано собираться не реже шести раз в год, хотя на практике это происходит чаще. В нем действуют три постоянных комитета, ответственных за рекрутирование членов партии, подготовку и проведение конференций и сбор членских взносов.

Консервативные ассоциации сохранили за собой прерогативу составлять окончательные списки кандидатов в депутаты парламента, а рядовые члены получили право голоса при избрании кандидатов в члены Европарламента, ассамблеи Уэльса и на должность мэра Лондона. В то же время консервативные ассоциации, перейдя под контроль руководства партии, поступились своей автономией. Совет управления разрабатывает для них инструкции по проведению партийных мероприятий и «минимальные критерии» — правила проведения партийных мероприятий, нормативы по набору новых членов и привлечению денежных средств.

Модернизирована и система конференций, среди которых первостепенное значение, помимо ежегодных слетов, играет весенняя ассамблея, а также Национальная консервативная конвенция, ответственная за организационные вопросы. На каждое из этих мероприятий консервативные ассоциации посылают своих представителей, но они в отличие от практики, принятой в ЛПВ, не обладают статусом делегатов. Предложения о повестке дня конференций ассоциации вносят через Форум консервативной политики[1], а ее утверждением занимаются специальные партийные комитеты. Несмотря на эти изменения, конференции по-прежнему выполняют консультативную функцию и призваны продемонстрировать единство партийных рядов, сплоченных вокруг лидера. В целом изменения, последовавшие за принятием программы «Новое будущее», привели к значительной демократизации работы нижних звеньев партии, однако принципиально не изменили механизм принятия решений в верхних эшелонах.

Лидер Консервативной партии по традиции обладал чрезвычайно широкими полномочиями по управлению своей организацией. Он единолично назначал членов теневого кабинета в оппозиции и состав действующего правительства после прихода тори к власти. Под его контролем велась подготовка партийных манифестов. Решения ежегодных партийных конференций носили для него сугубо рекомендательный характер. Долгое время лидер Консервативной партии не избирался, а «появлялся», т. е. занимал этот пост в результате неофициальных консультаций между ключевыми фигурами партийной элиты — «волшеб-

[1] Conservative Policy Forum.

ного круга». В 1963 г. этот закулисный процесс был задействован в последний раз, когда удача улыбнулась Алеку Дугласу-Хьюму.

Сэр Алек, несмотря на свое дворянское происхождение, принял важное решение по демократизации процедуры избрания лидера тори. Теперь требовалось провести голосование среди членов парламентской фракции и получить более 50% поданных голосов. Кроме того, минимальный отрыв первого номера от ближайшего конкурента должен был быть не менее 15%. При невыполнении этого условия назначался второй тур голосования, на котором могли выдвигаться дополнительные кандидатуры, а затем при необходимости — третий, в котором участвовали только два первых номера. В 1965 г. Эдвард Хит стал первым лидером тори, избранным по новым правилам (*табл. 13*). С тех пор они применялись еще пять раз и дважды модифицировались. В 1975 г. было разрешено раз в год оспаривать пост лидера партии, а с 1990 г. предварять процедуру переизбрания должна была петиция 10% депутатов-тори.

В 1975 г. сенсационную победу в двух турах одержала Маргарет Тэтчер, неожиданно для себя ставшая фаворитом оппонентов Хита после схода с дистанции Кита Джозефа. В 1989 г., когда авторитарный стиль «железной леди» начал раскалывать верхние эшелоны партии, претензию на пост лидера заявил Энтони Мейер. На победу он не рассчитывал, но внимание привлек[1]. На следующий год против Тэтчер выступила «тяжелая артиллерия» — в первом туре Майкл Хезелтайн, рассорившийся с премьером еще в 1986 г., во втором — лояльный Тэтчер Джон Мейджор. В 1995 г. уже сам Мейджор был вынужден инициировать перевыборы лидера, упреждая действия евроскептиков во главе с Джоном Редвудом. В последний раз выборы по этим правилам прошли в 1997 г. после отставки Мейджора. Тогда впервые для выявления победителя понадобилось три тура голосования. Сначала преимущество имел евроэнтузиаст Кеннет Кларк, но в итоге он уступил евроскептику Уильяму Хейгу. После этих выборов в Консервативной партии начался период кадровой чехарды, когда за семь лет сменилось три лидера.

В 90-е годы в Консервативной партии росло значение местных партийных ассоциаций и партийных конференций. Депутатам-тори приходилось все внимательнее прислушиваться к настроениям партийных активистов и делегатов. В эти же годы две крупнейшие партии страны «поменялись местами» в отношении к лидеру. К руководите-

[1] Годом раньше аналогичная ситуация сложилась в ЛПВ, когда символический вызов был брошен и лидеру лейбористов Нилу Кинноку.

Таблица 13

Выборы лидера Консервативной партии (количество голосов членов парламентской фракции)

июль 1965 г.

1й тур	
Э. Хит	150[1]
Р. Модлинг	133
И. Пауэлл	15

февраль 1975 г.

1й тур		2й тур	
М. Тэтчер	130	М. Тэтчер	140
Э. Хит	119	У. Уайтлоу	79
Х. Фрейзер	16	Сэр Дж. Хау	19
		Дж. Прайор	19
		Дж. Пейтон	11

декабрь 1989 г.

1й тур	
М. Тэтчер	314
Сэр Э. Мейер	33

ноябрь 1990 г.

1й тур		2й тур	
М. Тэтчер	204	Дж. Мейджор	185[2]
М. Хезелтайн	152	М. Хезелтайн	131
		Д. Хёрд	56

июль 1995 г.

1й тур	
Дж. Мейджор	218
Дж. Редвуд	89

июнь 1997 г.

1й тур		2й тур	3й тур
К. Кларк	49	64	70
У. Хейг	41	62	92
Дж. Редвуд	27	38	
П. Лилли	24		
М. Ховард	23		

[1] Разрыв между первым и вторым претендентом не составил 15%, однако Р. Модлинг снял свою кандидатуру в пользу Э. Хита.

[2] Разрыв между первым и вторым претендентом не составил 15%, однако М. Хезелтайн и Д. Хёрд сняли свои кандидатуры в пользу Дж. Мейджора.

Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts, 1900–2000.* 8th edition. Macmillan Press, 2000. P. 135–136.

лям Консервативной партии перестали относиться с прежним почтением, их позиции ослабли, а внутрипартийные распри приняли перманентный характер. Лейбористы, напротив, оставили в прошлом раскольничество 80-х годов и сплотились вокруг сильной и авторитетной фигуры.

Если «новые лейбористы» во многом следовали за американскими «новыми демократами», то Уильям Хейг после прихода к руководству Консервативной партией немало перенял из опыта Тони Блэра. После составления общенациональных списков членов партии Хейг трижды проводил внутрипартийные референдумы: на первом были подтверждены его полномочия в качестве лидера партии, на втором — поддержана линия партийного руководства в вопросе о единой европейской валюте, на третьем — одобрен партийный манифест перед всеобщими выборами 2001 г.

Хейг продолжил линию на демократизацию процедуры избрания лидера консерваторов. В 1998 г. последовали изменения, по значению не уступавшие реформе Алека Дугласа-Хьюма. Фракция консерваторов в парламенте теперь имела право отбирать двух кандидатов на пост лидера, но решающее слово оставалось за рядовыми членами партии, которые голосовали по почте. Если раньше пост лидера можно было оспорить, собрав голоса 10% членов фракции, то теперь требовалось, чтобы 15% депутатов вынесли лидеру вотум недоверия в форме письма председателю Комитета 1922. Если вотум не набирал большинства голосов всей парламентской фракции, то следующие 12 месяцев действующий лидер обладал иммунитетом.

Впервые выборы по обновленным правилам прошли после поражения тори на парламентских выборах 2001 г. и отставки Хейга (*табл. 14*). Как и в прошлый раз, на этапе голосования членов «парламентской партии» состоялось три тура[1]. Затем пришел черед рядовых членов партии. Исход второго этапа голосования был мало предсказуем, так как лишь 10% от заявленной численности партии в 310 тыс. человек были вовлечены в деятельность местных ассоциаций и их взгляды были известны. Окончательные результаты выборов, в которых приняли участие более 250 тыс. рядовых тори, показали, что хотя парламентская фракция сохранила право первоначального отбора претендентов и на суд рядовых консерваторов выставлялись только две кандидатуры, мнение «масс» могло сыграть решающую роль. Кен-

[1] В первом туре из пяти претендентов двое набрали одинаковое количество голосов — по 21, поэтому во втором туре голосование проводилось по первоначальному списку.

Таблица 14

Выборы лидера Консервативной партии, июнь 2001 г. (количество голосов членов парламентской фракции)

	1й тур	2й тур	3й тур
М. Анкрам	23	17 (выбыл)	–
К. Кларк	36	39	59
Д. Дэйвис	23	18 (снял кандидатуру)	–
И. Данкан Смит	39	42	54
М. Портилло	50	51	53 (выбыл)

Источник: Patrick Dunleavy, Andrew Gamble, Richard Heffernan, Gillian Peele (eds). *Developments in British Politics.* 7th edition. Palgrave Macmillan, 2003. P. 132.

нет Кларк, боровшийся за пост лидера вторично, стал фаворитом среди депутатов-тори, однако по итогам голосования среди членов консервативных ассоциаций вновь проиграл евроскептику, на этот раз Иану Данкан-Смиту. Последнего поддержали 156 тыс. человек, а его соперника — 101 тысяча. На этом посту победителю было суждено продержаться только два года, после чего он стал первым лидером тори, которому вынесли вотум недоверия члены «парламентской партии» (75 голосов против 90).

Таким образом, реформа по демократизации закрепила преобладание в верхних эшелонах Консервативной партии евроскептиков и политиков, в целом лояльных тэтчеризму. Их противостояние с коллегами, настроенными более либерально, продолжилось. «Борьба за лидерство в Консервативной партии, — писал в те дни журнал “Экономист”, — вылилась в “гражданскую войну” из-за разногласий в отношении Европы»[1]. Мало что изменилось и после избрания в ноябре 2003 г. лидером Консервативной партии Майкла Ховарда (он занял этот пост без борьбы, так как другие тори-тяжеловесы не стали выставлять свои кандидатуры). Трудно судить, смогла бы партия выйти из кризиса, победи на выборах лидера в 2001 г. Кеннет Кларк. Внутрипартийные реформы вели к возрастанию роли низовых организаций, которые в своей массе были настроены скептически к ЕС. Не исключено, что проевропейская линия Кларка усилила бы противостояние внутри партии, но на сей раз водораздел прошел бы не внутри парламентской фракции, а между ее большинством и рядовыми членами.

[1] The Economist, 25 August 2001. P. 32.

Отсюда было недалеко и до повторения сценария, расколовшего Лейбористскую партию в начале 80-х годов.

Все же внутрипартийные реформы, проведенные Уильямом Хейгом, так же как и реформы Тони Блэра, привели к укреплению позиций лидера. Теперь он не только единолично назначал членов «теневого кабинета» и правительства и не только возглавлял «парламентскую партию», но был руководителем всей организации в целом, включая местные ассоциации, которые, по сути, превратились в партийные отделения. Ассоциации получили право участвовать в избрании лидера, но поступились частью своей автономии. Кроме того, под его прямой контроль перешла деятельность депутатов от Консервативной партии в Шотландии и Уэльсе, а также Европарламента.

Несмотря на эти реформы, Консервативная партия не трансформировалась из «кадровой» в «массовую» в том смысле, что не освободилась от монополии верхних эшелонов партийной иерархии в механизме принятия решений[1]. Формально данные *табл. 5* (см. с. 41) говорят о многолетнем превосходстве консерваторов над лейбористами по показателю индивидуального участия, однако необходимо учитывать своеобразие статуса индивидуального членства до реформ Уильяма Хейга, а также то, что в ЛПВ львиная доля участия приходилась на членство коллективное. Кроме того, до последнего времени Консервативная партия не располагала официальной сводной статистической базой данных по количеству членов партии и едиными критериями членства, а имевшиеся расчеты делались с использованием разной методологии. Согласно авторитетным источникам, максимальная численность партии была зарегистрирована в середине 50-х годов, — 2,6–2,8 млн человек[2]. Источник данных, приведенных в *табл. 5* (см. с. 41), — Национальный совет, и цифры эти, по мнению ряда исследователей, завышены. Существенно разнятся сведения по ситуации в 70–80-х годах. К началу 90-х годов по самым оптимистическим подсчетам, Консервативная партия имела в своих рядах около миллиона человек, а к концу десятилетия ее численность оценивалась в 250–400 тыс. человек.

---

[1] Более подробно о делении партий на «кадровые» и «массовые» см.: Duverger Maurice. *Political Parties: Their Organisations and Activity in the Modern State*. London: Methuen, 1954; Sartori Giovanni. *Party Types, Organisation and Functions*. West European Politics, Vol. 28, No 1, January 2005. P. 1–32.

[2] Butler David, Butler Gareth. *Twentieth-Century British Political Facts. 1900–2000*. Macmillan Press, 2000. P. 141; Whiteley Paul, Seud Patrick, Richardson Jeremy. True Blues. *The Politics of Conservative Party Membership*. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 21–25.

После 1997 г. Консервативная партия начала трансформироваться в организацию смешанного типа, в которой демократизация затронула некоторые элементы механизма принятия решений. Вопрос о расширении рядов партии в условиях, когда феномен «массовой партии» уходил в прошлое, потерял свою актуальность. В чем консерваторы действительно нуждались, так это в восстановлении минимальной критической массы рядовых членов для реанимации сети местных партийных отделений, особенно на «кельтской периферии». В период 1997–2005 гг. эта задача была решена ими лишь отчасти, и заметного улучшения в электоральном положении партии так и не наступило.

3. Партия либеральных демократов

Партия либеральных демократов (ПЛД) — третья по значению политическая сила Великобритании. Уникальность ее в том, что ПЛД, с одной стороны, наследница Либеральной партии. Впервые наименование «либеральная» применили в 1839 г. — так назвали политический союз вигов и радикалов, а в 1859 г. сформировалось первое либеральное правительство. Либеральная партия в современном понимании появилась после 1877 г., когда было принято решение о создании сети местных партийных отделений. Новый этап в истории либералов начался в 1988 г., когда произошло их объединение с социал-демократами.

Если следовать классификации Мориса Дюверже, бльшую часть своей истории Либеральная партия, так же как и Консервативная, была «кадровой» политической организацией с точки зрения механизма принятия решений (сверху вниз). В XX в. по мере демократизации внутренней структуры права рядовых членов расширялись — процесс, стимулированный слиянием с СДП. Технически СДП просуществовала до 1990 г., так как в 1988 г. группа социал-демократов во главе с Дэвидом Оуэном выступила против ее фактического поглощения либералами. По показателю массовости либералы, а затем либерал-демократы, значительно уступали и лейбористам, и консерваторам (*табл. 5,* см. с. 41).

В соответствии с договоренностями, достигнутыми руководством Либеральной партии и СДП, в мае 1988 г. состоялся референдум членов обеих организаций по вопросу об объединении. Более 46 тыс. либералов поддержали эту инициативу; против высказались 6,3 тысячи. В СДП 18,7 тыс. проголосовали «за» и 9,9 тыс. — «против». Так на британской политической арене появилась Партия социальных и либеральных демократов, которая на следующий год была переименована

в Партию либеральных демократов. Ее первым лидером стал Пэдди Эшдаун. Он был выбран путем голосования по почте всех членов ПЛД; Эшдауна поддержали более 41 тыс. человек, а его ближайшего конкурента — 16 тыс. человек.

В основе механизма принятия решений в ПЛД лежит принцип «один человек — один голос». В этом либерал-демократы опередили и лейбористов, и консерваторов, которые стали использовать его в той или иной мере соответственно после 1992 и 1997 гг. Был создан единый общенациональный список членов ПЛД. До слияния избрание лидера Либеральной партии, как и СДП, проводилось членами парламентской фракции, теперь же он выбирался, как и кандидаты на парламентских, европейских и региональных выборах, голосованием по почте. Высшим органом партии стала Федеральная конференция, пришедшая на смену Либеральной ассамблее. Отличительная черта Либеральной партии и пришедшей ей на смену ПЛД — текучесть и расплывчатость ее социальной базы, а также отсутствие постоянных источников финансирования, каковыми для лейбористов длительное время были профсоюзы, для тори — большой бизнес.

Федеральная структура ПЛД в отличие от ЛПВ основана на принципе территориальности. Она включает, с одной стороны, «государственные партии» Англии, Шотландии и Уэльса, а с другой — общенациональную «федеральную партию». Лидер партии и ее президент, отвечающий за массовую составляющую партии, избираются всеобщим голосованием по почте. До 1988 г. правом выбора этих лиц обладала специальная конвенция делегатов местных партийных отделений. Первым лидером, избранным такой коллегией выборщиков, стал в 1976 г. Дэвид Стил. За него отдали голоса 12,5 тыс. делегатов, а за его ближайшего соперника Джона Парло — 7 тыс. делегатов. Лидер партии уходит в отставку, если члены парламентской фракции выносят ему вотум недоверия, а также если не менее 75 отделений обращаются к президенту партии с таким требованием.

Местные партийные организации направляют своих представителей на федеральную конференцию, которая является высшим органом управления ПЛД. У ее предшественницы, Либеральной ассамблеи, такого статуса не было. В отличие от практики, принятой у консерваторов, а в последние годы и у лейбористов, делегаты федеральной конференции ПЛД выражают свое мнение более свободно; открытое несогласие с линией руководства — нередкость на ежегодных съездах партии.

В ПЛД, особенно в среде ее активистов, за десятилетия перманентной оппозиции утвердилась культура «чистоты идеологии», взращен-

ная пониженными ожиданиями прихода к власти и склонностью мыслить масштабами локальной политики. В результате политические маневры руководства, направленные на сближение с лейбористами (особенно явные в годы лидерства Пэдди Эшдауна — в 1988–1999 гг.), вызывали большую настороженность. Надо сказать, что и лейбористские активисты в отличие от партийной элиты скептически относились к идее союза с либералами, а позже с либеральными демократами. Последних обвиняли в оппортунизме, в неготовности брать на себя ответственность в качестве правящей партии.

В 90-е годы либеральные демократы, преемники Либеральной партии, впервые со времен парламентского пакта Джеймса Каллагэна и Дэвида Стила выразили готовность рассматривать идею сотрудничества с ЛПВ не только на парламентском уровне, но и на уровне исполнительной власти. Перед парламентскими выборами 1997 г. распространились слухи о том, что Эшдаун может занять пост министра иностранных дел в правительстве Тони Блэра, однако после убедительной победы ЛПВ на всеобщих выборах 1997 г. интерес к идее союза с либерал-демократами пропал.

В 1999 г. Эшдаун подал в отставку. В выборах нового лидера приняли участие более 50 тыс. рядовых членов партии при заявленной численности организации в 100 тыс. человек. Чарлз Кеннеди получил 57% голосов, а его ближайший конкурент С. Хьюс — 43%. С приходом нового лидера почвеннические настроения в ПЛД укрепились. Впрочем, некоторое охлаждение друг к другу не помешало лейбористам и либерал-демократам накапливать опыт совместной работы в составе коалиций в региональных и местных органах власти. Вероятно, лейбористы по мере ослабления их электоральных позиций вновь вернутся к проекту коалиции с ПЛД на общенациональном уровне, а те не упустят шанс реализовать свою давнюю мечту — разделить бремя власти.

Наравне с Федеральной конференцией инициировать изменение политической программы партии может Комитет федеральной политики[1], большинство членов которого избираются на конференции прямым голосованием. В случае внесения поправок в действие вступает процедура консультаций с местными партийными отделениями, региональными и государственными конференциями. Окончательные проекты резолюций выносятся на рассмотрение Федеральной конференции. В обязанности Комитета входит также подготовка проектов партийных предвыборных манифестов.

---

[1] Federal Policy Committee.

Из трех ведущих партий страны ПЛД имеет самую демократическую внутреннюю структуру, позволяющую рядовым членам иметь широкий доступ к механизму принятия решений. Наделение «низов» значительными правами отражает стремление руководства ПЛД изыскать дополнительные ресурсы для развития партии. В отсутствие надежных источников финансирования и массового членства энтузиазм активистов поддерживается с помощью демократизации механизмов участия.

Видную роль в переориентации ПЛД на интересы рядовых членов сыграло отношение к этому вопросу выходцев из Социал-демократической партии. Смысл создания СДП заключался в стремлении сломать укоренившиеся правила британской политики, «разбить заливочную форму», порвать замкнутый круг политической непримиримости и конфронтационного стиля межпартийной конкуренции, привить культуру сотрудничества и партнерства, решить проблемы политической апатии. Кроме того, без энтузиазма на местах СДП даже теоретически не могла рассчитывать на успех. Социал-демократический проект был относительно удачен. Провал попытки СДП закрепиться в британской политической системе, покончить с доминированием пары консерваторы — лейбористы был следствием жестких и неравных условий партийной конкуренции в рамках мажоритарной модели голосования, а также отсутствия фундаментальных причин для заката звезды лейборизма. Однако неудавшаяся попытка «разбить заливочную форму» не прошла бесследно. Фактор СДП внес вклад в дело модернизации ЛПВ, способствовал сдвигу британской партийно-политической системы в сторону многопартийности и плюральной модели демократии.

Если успехи ПЛД на уровне региональной и местной партийных систем продемонстрировали важность использования «низовых» ресурсов партии, то уроки раскола Лейбористской партии свидетельствовали об опасности дисбаланса интересов в пользу низовых организаций за счет автономии партийного руководства. Как и в ЛПВ, лидер либеральных демократов остается ключевой фигурой в формировании и проведении политики партии.

* * *

Ни одна из крупнейших британских политических организаций не стала партией, заинтересованной в максимальном расширении своих рядов за счет рядовых членов, которые обладали бы существенными полномочиями (за исключением короткого периода в истории ЛПВ).

В каждой существовала своя иерархия, и властные рычаги были сконцентрированы в верхних партийных эшелонах. Бóльшую часть XX в. эти организации представляли собой «массовые бюрократические партии», ориентированные на своих членов в не меньшей степени, чем на электорат. Они возникли вслед за «массовыми электоральными партиями», которые были озабочены главным образом отношениями с электоратом и в которых на протяжении XIX в. слой профессиональных политиков только складывался. В «массовых бюрократических партиях» доминировало звено средних и высших функционеров, профессиональных политиков, а лидеры и парламентские составляющие партий играли ключевую роль в формулировании и осуществлении политики.

Категории «массовая» больше всего соответствовала Лейбористская партия, имевшая наиболее яркий классовый характер и возникшая по инициативе снизу. На короткое время в начале 80-х годов баланс сил в ней изменился в пользу массовой составляющей. Однако в дальнейшем партийные верхи отыграли свои позиции. Они изменили структуру партии таким образом, что активисты, которые составляли костяк местных отделений, и ассоциированные организации, в первую очередь тред-юнионы, потеряли свое былое значение во внутрипартийной системе сдержек и противовесов. Перераспределение полномочий в пользу рядовых членов избавило руководство от необходимости иметь дело с организованной внутренней оппозицией.

Категории «кадровой», согласно классификации Мориса Дюверже, до 90-х годов больше всего соответствовала Консервативная партия, которая строилась сверху вниз. Ее внутренняя структура была частично демократизирована после избрания на пост лидера Уильяма Хейга. Несмотря на традиционную иерархичность партии, долгое время значительной автономией обладали окружные консервативные ассоциации, напрямую не подчинявшиеся лидеру. Лишение этой автономии и фактическое превращение их в местные отделения укрепили вертикаль власти в партии.

По своему внутреннему устройству Партия либеральных демократов заняла промежуточную позицию. Хотя обе ее предшественницы — Либеральная и Социал-демократическая партии — первоначально возникли как верхушечные политические образования, культура плюрализма мнений и коллегиальности была в них сильна. ПЛД при сохранении наиболее демократичной внутренней организации стала более управляемой и контролируемой сверху. В данном случае свою роль сыграл не авторитаризм руководства, а желание партии избавиться от статуса «вечной оппозиции». При Пэдди Эшдауне

и Чарлзе Кеннеди либерал-демократы стали всерьез претендовать на роль правящей партии не только на региональном, но и на общенациональном уровне.

Во всех трех партиях реформы по демократизации не приняли форму линейного перераспределения власти от партийных верхов к низам. Внедрение определенных элементов партиципарной демократии (демократии участия), расширяющих права рядовых членов партии, сопровождалось усилением автономии верхних этажей партийной иерархии.

В 80-е годы Консервативная партия примерила на себя статус «партии для всех» (или «партии хватай всех»)[1], отобрав у лейбористов значительную часть голосов «синих воротничков». Задолго до этого тори уже именовали себя партией «одной нации», однако на практике опирались на класс собственников и управленцев. В 90-е годы за ними последовала ЛПВ, которая не только вернула себе поддержку верхних слоев рабочего электората, перебежавших в годы тэтчеризма на сторону тори, но и смогла привлечь значительное количество традиционных сторонников консерваторов. В эти годы «массовые бюрократические партии» становились универсальными, т. е. «партиями для всех» или «электоральными профессиональными партиями» (ЭПП). Партийное руководство получало контроль над всеми звеньями организаций, а обращение к плебисцитной форме демократии только укрепляло роль лидеров.

Стремление максимально расширить электоральную базу в условиях, когда классовые различия потеряли былую контрастность, приводило к тому, что идеологический фактор в партийной борьбе потеснили конкуренция персоналий и умение подать себя избирателям. Главным становились не идеи, а компетентность, широкое распространение получили технологии политического маркетинга. Возрастала роль специалистов по связям с общественностью и имиджмейкеров, которые не входили в число партийных бюрократов. В этом смысле происходила «американизация» британской политики. Побочными продуктами этих тенденций стало дальнейшее сокращение численности членов партий; сбор членских взносов как с рядовых партийцев, так и с ассоциированных организаций уступал место корпоративным, а в перспективе и государственным источникам доходов.

---

[1] The catch-all party — термин, предложенный во второй половине 60-х гг. Отто Кирхаймером, см.: Kirchheimer Otto. *The Transformation of West European Party Systems.* In: LaPalombara Joseph, Weiner Myron (eds.). *Political Parties and Political Development.* Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966. В 1969 г. о возможности появления «партий для всех» в Великобритании писал Сэмуэль Бир, см.: Beer Samuel H. *Modern British Politics.* London: Faber and Faber, 1982. P. 431.

ЭПП демократизировались за счет выхолащивания роли своей наиболее активной группы — активистов. В этой связи британские исследователи часто говорят о «законе криволинейного несоответствия», разработанного в трудах Джона Мэя[1]. Согласно Мэю, «лидеры» (руководители партий, переднескамеечники, члены правительства) озабочены в первую очередь прагматическими вопросами привлечения голосов избирателей. В этом их интересы расходятся с интересами «сублидеров» — активистами местных партийных отделений и части заднескамеечников, которые видят себя стражами чистоты партийной идеологии и не готовы идти на компромиссы ради увеличения голосов избирателей. В результате взглядам «лидеров» на позиции партии ближе взгляды не «сублидеров», а «не-лидеров», т. е. симпатизирующих избирателей и массовой составляющей партии — рядовых членов.

С точки зрения такой модели взаимоотношений между различными группами партии и ее сторонниками в электорате модернизация партийных организаций в 90-е годы была логичной и рациональной, так как связывала напрямую интересы «лидеров» и «не-лидеров» и в значительной степени нейтрализовала влияние «сублидеров», негативно сказывавшееся на результатах выборов. Массовая составляющая партии не только не лишилась в ходе внутренних реформ части своих прав, но и обрела новые. Вместе с тем механизм принятия решений оставался прежним — сверху вниз, и расширение права выбора «не-лидеров» не сопровождалось наделением их правом на формирование самого выбора.

По мере развития технологий политического маркетинга и увеличения доли «блуждающего электората» ЭПП, по мнению ряда исследователей, претерпевают дальнейшее превращение в «электоральные кадровые партии», лишенные массовой базы и жестко структурированные по вертикали[2]. Такие партии руководствуются концепцией электорального рынка с ее понятиями политического продукта, упаковки политического послания и его презентации, используют изощренные методы исследования настроений избирателей, например «фокус-групс»[3], привлекают к работе спин-докторов[4] — специалистов по раскрутке (т. е. специалистов по связям с общественностью

---

[1] May John. *Opinion Structures of Political Parties: The Special Law of Curvilinear Disparity*. Political Studies, No 21, 1973. P. 135–151.

[2] Wring D. *Political Marketing and Party Development in Britain*. European Journal of Marketing, issue 30, 1996. P. 100–111.

[3] Focus-groups.

[4] Spin-doctors.

и лоббированию интересов партий в СМИ). В еще большей степени, чем ЭПП, эти партии ориентированы не на отдельные сегменты электората, а на выражение «общенациональных интересов», они стремятся не структурировать электоральное пространство, а подстроиться под него, хотя и используют рычаг идеологии там, где это расширяет их поддержку среди избирателей.

Возможно, что модель «электоральной кадровой партии» так и останется идеальным типом, каковым, впрочем, являются, и все перечисленные выше, однако в еще большей степени. Несмотря на популярность идеи политического маркетинга, большое значение в борьбе за власть по-прежнему играет традиционная модель партийной конкуренции, основанная на различиях идеологического характера.

Глава III

Идеологическая модернизация

1. От социал-реформистского к либерально-рыночному циклу

Избирательные реформы 1832, 1867, 1884 и 1918 гг. шаг за шагом вовлекали в политику новые и новые массы британцев. По мере демократизации выборов процесса успех политической партии все больше зависел от того, насколько убедительно она выглядит в глазах не только элит, но и многомиллионного электората, насколько привлекательна ее программа для большинства избирателей. Партии столкнулись с необходимостью формирования своего кредо, устойчивого образа, которые в общественном сознании ассоциировались бы с определенным набором идей и ценностей, затрагивающих интересы широких слоев населения. Так возникли «массовые идеологии». Их прототипы в прошлые века были адресованы незначительной части населения. Партии, претендующие на власть, были готовы изменить свою политику таким образом, чтобы заручиться поддержкой как можно большего числа избирателей. В то же время партия должна была являть собой альтернативу всем другим, иметь собственное лицо, обещания и лозунги, не повторяющие обещания и лозунги конкурентов. В обществе с высокой классовой поляризацией, где электорат делился на примерно равные по численности части, партии обладали ограниченными возможностями по идеологической экспансии.

В классической для Великобритании двухпартийной системе, важную роль в формировании которой сыграла мажоритарная система голосования, Консервативная и Лейбористская партии имели свои прочные электоральные ниши и на выборах могли рассчитывать не более чем на 20—30% «естественного электората» соперника. Но без поддержки этого слоя было трудно склонить чашу весов в свою сторону. Сложилась достаточно равновесная система, в которой две крупнейшие политические организации страны использовали классовую и социальную стратификацию общества одновременно и не могли обойтись без голосов «среднего», т. е. умеренно настроенного избирателя. В результате их политические программы содержали значительный элемент компромисса, им не был свойственен радикализм. С одной стороны, обществу был предложен набор из коллективистских ценностей социал-демократического характера с британской спецификой, включая фабианство и социализм, лейборизм и реформизм, с другой — набор из консервативных и индивидуалистических ценностей, включая «органическое общество» и защиту частной собственности, свободу и порядок.

Этим двум системам ценностей были присущи гибкость и прагматизм. Долгое время у ЛПВ и тори во внешней и внутренней политике фундаментальных расхождений не было — феномен, получивший в 50-е годы название «батскеллизм», причем «законодателями мод» выступили лейбористы. Доказательством эффективности британской двухпартийной системы стал так называемый избирательный маятник, когда к власти приходила то правоцентристская, то левоцентристская партия (*график 1,* см. с. 2). Зависание маятника в правой части политического спектра в 50-е, а также в 80—90-е гг., не умаляет того факта, что обе партии оказали существенное влияние на послевоенное развитие британского общества.

В 70-е годы социал-реформистская идеология в своей социально-экономической части постепенно уступала место идеологии либерально-рыночной. В этот период формирование новой разновидности межпартийного консенсуса заняло более длительное время, чем после 1945 г. Но на этот раз была нарушена равновесность системы партийной конкуренции: идеология и Консервативной, и Лейбористской партии стала более радикальной, но сей раз не лейбористы, а тори уловили веяния времени. В отличие от консерваторов второй половины 40-х годах лейбористы три десятилетия спустя не проявили того же прагматизма и оказались отстраненными от власти на 18 лет.

Почему успех сопутствовал тори? Потому, что сдвиг идеологии консерваторов вправо согласовывался с изменениями, происходив-

шими в социальной структуре общества. Лейбористы же по-прежнему отталкивались от того, что главные субъекты общественного развития — рабочий класс, с одной стороны, и собственники, наймодатели, управленцы частных компаний — с другой. В действительности социальный состав общества вступил в стадию фрагментации, соотношение между классами и социальными группами менялось, что не замедлило сказаться на конфигурации электората партий. Соответственно было необходимо менять идеологические приоритеты. Страна вступила в полосу тэтчеризма, для которого характерны неолиберальные подходы в социально-экономической политике и неоконсервативные — в вопросах государственного управления, внешней политики, закона и порядка.

В 1945–1970 гг. классовый состав избирателей двух крупнейших партий представлял собой два полюса. Если консерваторов поддерживали более 60% представителей среднего класса (социальные группы A, B и C1) и 30% рабочего (социальные группы C2, D и E), то лейбористов — более 60% рабочего и менее 30% среднего (*табл. 15,* см. с. 78). В 70-е годы положение стало меняться. К октябрьским выборам 1974 г. поддержка тори среди среднего класса упала почти до 50%, однако этим воспользовались не лейбористы, а третьи партии. Во второй половине десятилетия свой традиционный электорат начали терять уже лейбористы, которых в 1979 г. поддержала лишь половина рабочего класса. Консерваторы сумели обратить в свою пользу фрагментацию электората лейбористов: в том же году их поддержало рекордное количество рабочих — 35%.

Положение лейбористов ухудшилось в начале 80-х годов, когда они продолжили терять поддержку своих «естественных» сторонников — и рабочих, и среднего класса. В 1983 г. оба показателя достигли своего минимума. В то время как в Великобритании полным ходом шла глубокая социальная перестройка и тэтчеристы занимали командные высоты, лейбористы по-прежнему основывали свои идеологические постулаты на представлении о классовой структуре общества 40–60-х гг. Однако этот путь оказался тупиковым. Индекс голосования по классовому признаку показывает, что, достигнув 82 единиц в 1951 г., он упал ниже 60 единиц в 1974 г. и составил лишь 45 единиц в 1983 г. Это означало, что к тому времени уже меньше половины электората обеих партий поддерживали ту или иную сторону, руководствуясь классовым признаком. После второго и особенно третьего поражения на всеобщих выборах 1983 и 1987 гг. лейбористы сделали соответствующие выводы и вслед за консерваторами стали превращаться из классовой партии в «партию для всех».

Таблица 15

Голосование по классовому признаку на всеобщих выборах 1945–1997 гг.
(%)

	Средний класс (тори)	Средний класс (лейб.)	Рабочий класс (тори)	Рабочий класс (лейб.)	Индекс классового голосования*
1945	63	28	29	62	68
1950	68	23	32	59	72
1951	75	22	34	63	82
1955	70	23	32	62	77
1959	67	21	30	57	73
1964	62	22	28	64	76
1966	60	26	25	69	78
1970	64	25	33	58	64
февр. 1974	53	22	24	57	64
окт. 1974	51	25	24	57	59
1979	60	23	35	50	52
1983	55	17	35	42	45
1987	54	20	35	45	44
1992	56	24	36	51	47
1997	38	40	29	58	27

* Индекс классового голосования: сумма голосов, поданная за «свою» партию, минус сумма голосов, поданных за «чужую« партию.

Источник: John Dearlove, Peter Saunders. *Introduction to British Politics.* 3rd edition. Cambridge: Polity Press, 2000. P. 143.

Развитие нового либерально-рыночного идеологического цикла состояло из нескольких этапов. В 70-х годах он вызревал, в 80-х — утверждался, а в 90-х годах начался период нового межпартийного консенсуса. Парадоксально, но, как и во время социал-реформистского цикла, главным действующим лицом вновь стали лейбористы. Как наглядно показывают данные *графика 6* (см. с. 30), к 1997 г. они не только вернулись к уровню 1970 г. по поддержке среди рабочего класса, но, что было качественно новым, добились небывалой популярности у среднего класса, впервые в истории обогнав по этому показателю тори. Ситуация начала 80-х годах повторилась ровно наоборот, но с еще большим размахом: теперь уже лейбористы отобрали у консерваторов значительную часть их «естественных» союзников. Другим явлением качественного характера было падение индекса классового голосования до 27 единиц. Другими словами, лишь треть электората обеих партий руководствовалась классовыми стереотипами. Всеобщие выборы 2001 г. не изменили положения дел.

Новый межпартийный консенсус вписался в либерально-рыночный идеологический цикл, однако не стал механическим продолжением доктрины неоконсерватизма. Он основывается, во-первых, на модернизированной версии неолиберализма в социально-экономических вопросах и, во-вторых, выходит за рамки идеологической оси «левые — правые», «коллективизм — индивидуализм». Комбинация этих двух составляющих получила название «третий путь» — первый опыт идеологии «партии для всех» по-британски.

Эта идеология не похожа на предыдущие. Ее можно назвать микроидеологией, которая свободна от жестких схем и догм. Она не отражает интересы определенного класса или узкой группы населения, имеет открытый характер, рассчитана на привлечение максимального количества избирателей. Но эта идеология аморфна лишь до определенных пределов, у нее есть свои границы, которые задаются тремя факторами, дополняющими друг друга: политический маркетинг, стремление получить голос «среднего» избирателя и традиции со свойственной им инерционностью. Первый фактор придает идеологии гибкость и мобильность, адаптирует ее к нуждам избирателей, второй — устойчивость, структурирует электоральное пространство по идеологическому признаку, третий осуществляет преемственность, вписывает современный этап в развитии данной партии в исторический контекст.

Если в период социал-реформистского консенсуса каждая из партий опиралась в первую очередь на поддержку своего «естественного» электората (т. е. «левого» или «правого» избирателя), а во вторую — на

симпатии части «естественного» электората партии противоположного политического спектра, то либерально-рыночный консенсус зависит от привлечения голосов «среднего» избирателя, у которого нет четко выраженных классовых приоритетов.

Чтобы наглядно описать динамику магистрального идеологического развития современной Британии в части фактора «среднего» избирателя в условиях двухпартийной конкуренции, обратимся к методологии «экономической теории демократии», разработанной Энтони Даунсом[1]. (Эту методологию также называют «моделью центростремительной конкуренции».) Она предполагает, что группы электората и политические партии в отношениях друг с другом руководствуются рациональными мотивами: первые голосуют за партию, политика которой обещает им наибольшие блага, а вторые выстраивают свою идеологическую программу таким образом, чтобы максимально увеличить количество своих избирателей.

Графически Даунс представил действие этого закона в виде колокола, где процессы имеют центростремительный характер — большая часть электората представляет собой «среднего избирателя» (M)[2]. В результате политические партии, в данном случае лейбористы (L) и тори (T), претендуя на его поддержку, тяготеют к консенсусу (*рис. 1*). Данная модель — идеальный тип: она не только исключает из рассмотрения другие политические силы, но располагает имеющиеся партии в строго одномерном пространстве — по оси «левые–правые». Ось l-t делит идеологическое пространство между L и T на две равные части. Так как идеологическая платформа партии L лучше отражает интересы «среднего избирателя» (L располагается к M ближе, чем T), она собирает больше голосов избирателей. Представляется, что данный подход значительно обогнал свое время. Он больше подходит для описания законов партийной конкуренции и идеологической динамики 90-х годов, когда классовый фактор потерял свое былое значение.

Колокол Даунса имеет одну «вершину» лишь тогда, когда классовая поляризация общества минимальна и большинство электората придерживается одной системы ценностей. Следовательно, центростремительная модель межпартийной конкуренции в отношении периода 1945–1970 гг. должна иметь не одну, а две вершины с близкими максимальными значениями, которые представляют распределение электората в обществе, разделенном по оси «левые–правые», примерно на две равные части (AB и BC) (*рис. 2*). Причем понятие «среднего»

---

[1] Downs Anthony. *An Economic Theory of Democracy*. Chicago: Brown, 1957.

[2] The median voter.

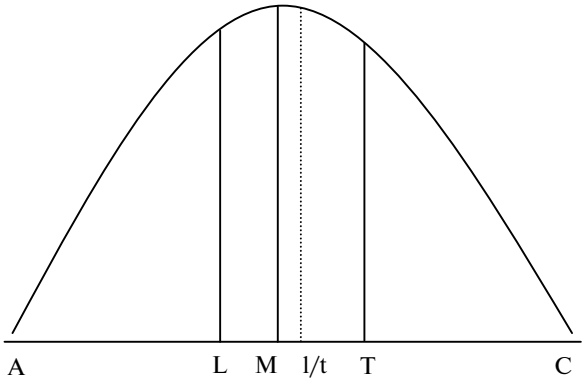


Рисунок 1

избирателя не утрачивает силу, но появляется в обеих частях графика (M_1 и M_2).

Мажоритарная система способствовала тому, что обе ведущие партии представляли собой «большие приходы» и имели свои выраженные левые и правые фланги, а также своего левого и правого избирателя. За счет правого избирателя Лейбористской партии (M_1 — B) и левого избирателя Консервативной (B — M_2) модель обретала устойчивость. Ни одна из партий не могла одержать верх, ориентируясь только на собственного «среднего» избирателя, так как этого было не-

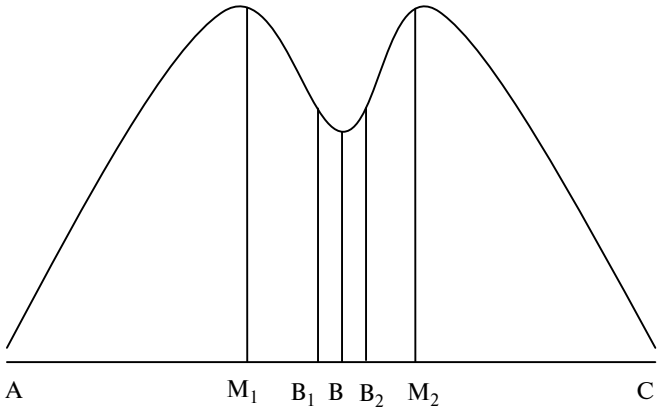


Рисунок 2

достаточно для победы. Поэтому она претендовала на часть «естественного» электората соперника, что и было представлено в рассматриваемый период 20–30% «блуждающих» голосов (B_1 — B и B — B_2). Так же, как и модель 90-х годов, модель 45–70-х гг. была равновесна и обеспечивала условия для складывания межпартийного идеологического консенсуса.

Переход от одной идеологической динамики к другой был опосредованным благодаря промежуточной модели, сложившейся в 80-е годы (*рис. 3*). Две вершины кривой распределения электората сохранились (M_1 и M_2), однако в результате классовой фрагментации и изменения пропорций соотношения классов вершина M_2 стала значительно выше. В этих условиях Лейбористская партия ориентировалась исключительно на собственный «естественный» электорат (A — B) и за счет радикализации своей программы потеряла не только «блуждающие» голоса и правого (B — B_2), и левого политического спектра (B_1 — B), но и часть голосов ядра своего электората (D — B_1). Межпартийный идеологический консенсус был разрушен. Консерваторы, напротив, воспользовались естественным увеличением своих сторонников и, более того, сумели привлечь значительно большее количество голосов слева, чем обычно (D — B). В результате двухпартийная система потеряла устойчивость, и «избирательный маятник» надолго завис в правом политическом спектре. Лишь в 90-е годы, благодаря дальнейшей классовой конвергенции

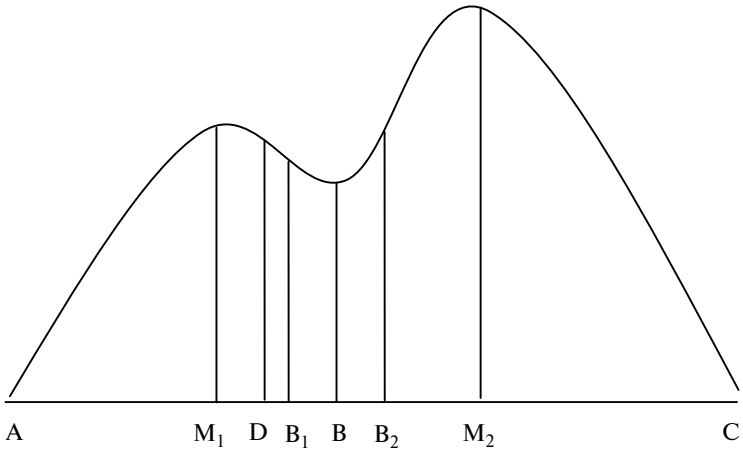


Рисунок 3

и собственному идеологическому перевооружению лейбористы смогли исправить положение и одержать верх над консерваторами.

Описываемая Даунсом модель с единой вершиной и единым «средним» избирателем по внешним признакам приближается к модели политического маркетинга. Действительно, если «смирительная рубашка» классовых идеологий исчезла и классовые партии превратились в «партии для всех», тогда ничто не стоит на пути идеологического оппортунизма и беспрерывного ревизионизма, подлаживания под требования момента и интересы постоянно меняющихся избирательных коалиций. Однако в этой модели присутствует важный механизм, который на практике не позволяет партиям действовать таким образом, — фактор доверия. Модель 90-х годов, несмотря на свою значительную унификацию по сравнению с двумя предыдущими, оставляет достаточно места для идеологического маневра. В реальности «партия для всех» — лишь идеальный тип, который на практике может воплотиться до определенных пределов.

Во-первых, в обществе сохранились центры притяжения, образованные вокруг интересов фрагментированных классов и больших социальных групп. Во-вторых, на месте былых классовых разломов возникли не столь глубокие, но многочисленные новые противоречия, которые невозможно примирить в рамках одной идеологии и политической платформы. Если бы партии стали по конъюнктурным соображениям менять свою идеологическую окраску, идеологически «перепрыгивать» друг через друга, претендовать на выражение интересов то одной группы избирателей, то другой, они потеряли бы не только свое лицо, но и доверие значительной группы избирателей, им перестали бы верить. Избирателю по-прежнему необходимы идеологические ориентиры, устоявшиеся стереотипы, с помощью которых он мог бы понять, где располагается та или иная партия в его виртуальной системе политических координат. Именно поэтому лейбористы до сих пор называют себя партией левого (иногда — радикального) центра, а консерваторы — правого.

При всех достоинствах модели Даунса она применима лишь к ситуации двухпартийной системы, которая в Великобритании в настоящее время представлена только на общенациональном уровне. На уровне региональном, и тем более местном, межпартийная конкуренция в условиях трех- или многопартийности следует иным законам, где у партий нет необходимости добиваться поддержки «среднего избирателя». Даже на общенациональном уровне эта модель не описывает ситуацию полностью. Так, двухпартийная система в 90-е годы фактически превратилась в «двухсполовинную», в которой фактор малых партий

играет существенную роль и потенциал последних растет. Либерал-демократы закрепили за собой статус «третьей партии» британской политики и воспользовались тем, что лейбористы в последнее десятилетие совершили значительный сдвиг вправо. В результате ПЛД заняла по ряду позиций положение слева от лейбористов, чего никогда не происходило раньше, т. е. пошла на идеологическое «перепрыгивание», которое не допускается моделью Даунса. Несмотря на это, обе партии не только не потеряли доверие избирателей, но добились самых больших за многие десятилетия успехов. В 90-е годы анализ межпартийной конкуренции усложнился и тем, что пространство политической борьбы превратилось из одномерного в многомерное.

2. Тэтчеризм[1] и посттэтчеризм

В 70–80-е гг. XX в. обострились проблемы, с которыми британское общество столкнулось при переходе от индустриального к постиндустриальному типу развития. Популярность завоевали идеи раскрепощения человеческой личности, освобождения институтов гражданского общества от государственного контроля, расширения сферы деятельности свободнорыночных сил. Правые политические силы выступили с лозунгом возрождения «либеральной Англии», принципов добровольности, индивидуальной свободы, самопомощи[2]. Они требовали свести функции государства к минимуму, создать условия для «спонтанного развития общества». Были выработаны концепции развития свободного рынка и пересмотра функций государства.

Британские «новые правые» совершили идейный переворот, придав традиционной трактовке консерватизма неолиберальную интерпретацию. Феномен подъема неолиберальной волны стал частью более широких явлений, проявившихся не только в политике, но и в гражданском обществе. Тэтчеризм, открыв в 1979 г. новый этап

---

[1] См. подробнее: Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996; Громыко Ал.А. Указ. соч. Раздел I.

[2] В британской политической культуре, что свойственно и другим западноевропейским странам, либерализм в широком смысле означает просвещенческий либерально-демократический свод идей, в узком — экономический свободнорыночный либерализм, а неолиберализм — его современную интерпретацию в противовес послевоенной кейнсианской модели. В политической культуре США либерализм имеет иную трактовку, обозначая политику «разрешительных» социально-экономических реформ, приведших к возрастанию роли государства в послевоенный период.

в общественно-политической жизни страны, почти на два десятилетия монополизировал политический Олимп. Поражение консерваторов на всеобщих выборах 1997 г. подвело под его историей черту.

В 70-е годы общей проблемой ведущих политических сил страны стало отношение к развивавшимся в британском обществе кризисным явлениям. Кейнсианство все отчетливее обнаруживало свои слабости. Интенсификация идейных дискуссий привела к оживлению интереса к либеральной модели общественного развития. Возник британский неоконсерватизм; его зарождение пришлось на 70-е годы. Наиболее яркое воплощение этого явления — тэтчеризм, прошедший несколько этапов развития. В следующие два десятилетия он стал одним из самых успешных послевоенных европейских политических проектов. Разработка новых концепций проходила на фоне переработки наследия консервативной и либеральной мысли.

Движение британских «новых правых» было многосторонним и разноплановым явлением. Жесткой организационной взаимосвязи между его отдельными компонентами не существовало. Но имелся ряд принципов, указывавший на их общую природу, — неприятие кейнсианства, послевоенного политического консенсуса и культурных изменений, произошедших в западном обществе в 60–70-е гг., стремление укрепить институт частной собственности и реформировать «государство благосостояния», упрочить прерогативы государственной власти за счет автономии профессиональных организаций и местных органов власти.

Одной из идейных основ этого движения была деятельность группы «Солсбери» во главе с Роджером Скратоном, Морисом Коулингом и Перегрином Уорсторном, которые критиковали государство за пренебрежение традиционными институтами семьи, религии, школы, призывали к укреплению его законодательных функций, выступали против идеологии Просвещения и выросшего на ее основе культа потребительского гедонизма. Заметный вклад в формирование идейного климата в стране в 70-е годы внес Фридрих фон Хайек, разработавший концепцию децентрализованного рыночного обмена и «расширенного порядка», основанную на свободном обмене информацией в обществе. Концепцию «негативной» и «позитивной» свободы, важную для обоснования сокращений функций государства в социально-экономической жизни страны, развил Исайа Берлин.

Другой теоретик британских неоконсерваторов — Карл Поппер. Свою концепцию критического рационализма он противопоставляет «коллективистскому рационализму» и «утопической инженерии». Среди «новых правых» были популярны идеи американских либерта-

рианцев Роберта Нозика и Мюррея Ротбарда. В отличие от представителей утилитарного направления либеральной мысли, стоявших на позициях этического субъективизма и эмпирического индивидуализма, либертарианцы придерживались теории естественных прав и соответствующей ей концепции морального, этического индивидуализма.

Идейной основой британских «новых правых» в экономическом плане была австрийская школа, которая наравне с чикагской школой и школой общественного выбора составила костяк неолиберальной политической экономии. Последователи австрийской школы придерживаются доктрины методологического индивидуализма, которая исключает из рассмотрения макроэкономическую проблематику и занимается анализом вопросов микроэкономики. Среди представителей чикагской школы в Великобритании наибольшую известность приобрел Милтон Фридман. На основе его идей была создана британская версия монетарной теории. С точки зрения представителей школы общественного выбора функционирование общественно-политической системы строилось по аналогии с работой рынка, когда политические акторы руководствуются в своих действиях рациональным и утилитарным стремлением максимизировать свою выгоду.

Тэтчеризм как неоконсерватизм у власти стал политической основой британских «новых правых». Разработка новых концепций проходила на фоне критической переработки идейного наследия традиционной консервативной мысли и творческого развития классического и нового либерализма. Одним из непосредственных вдохновителей неоконсерватизма на стадии его формирования был Инок Пауэлл, а главным генератором идей во второй половине 70-х годов — ментор Тэтчер Кит Джозеф.

Приход неоконсерваторов к власти в 1979 г. явился результатом длительного процесса становления этого политического течения. Британский неоконсерватизм, как составная часть международного феномена «новых правых», попал в ритм колебаний общественных настроений; его адепты умело воспользовались ситуацией для завоевания политической власти.

В 1979–1997 гг. тэтчеризм прошел этапы консолидации, стабилизации, расцвета и упадка. Он продемонстрировал способность брать под контроль инфляционные процессы, решать вопросы технологического развития, стимулировать развитие экономики. В то же время тэтчеризм оказался бессилен перед лицом безработицы и цикличности рыночной модели производства. Он привел не только к расширению демократии собственников, но и к углублению социального

неравенства. Снижение роли Великобритании в системе мировых хозяйственных связей было заторможено, хотя и не остановлено.

В 1979 г. пришедшая к власти Консервативная партия идеологически была заряжена на борьбу с инфляцией, однако к 1997 г. злободневность приобрели вопросы иного порядка: социального неравенства, ущемления прав наемных рабочих и неблагополучных групп населения. Неоконсервативные подходы в вопросах социально-экономической модернизации продемонстрировали определенную эффективность, однако и они к середине 90-х годов оказались устаревшими. В целом утверждения «новых правых» о превосходстве рыночной парадигмы над коллективистской так и остались в эмпирической плоскости знаний, не достигнув уровня концептуального анализа. Неудачей закончились предпринятые в 60–70-е гг. попытки крупномасштабного дирижизма в экономике, но подобная же судьба ожидала и попытки отрицать роль государства в регулировании рыночных процессов, свойственные политике консервативных правительств в 80–90-е гг.

1990 г. не стал рубежным в истории 18-летнего пребывания Консервативной партии у власти. Произошла смена ее лидера, но политика принципиально не изменилась. Однако закрепился миф о радикальности «железной леди» по сравнению со «слабым» и «нерешительным» Джоном Мейджором. В историографии появились оценки периода правления Мейджора как посттэтчеризма, возвращения консерваторов на позиции классического центризма[1].

Действительно, после 1990 г. консерваторы начали шире использовать социальное маневрирование, смягчили рыночную риторику. В Консервативной партии произошла перегруппировка сил в пользу «мягких рыночников» («социальных тори»). Но по сути, период правления Мейджора открыл период «зрелого тэтчеризма». Именно в 90-е годы были приватизированы угольная промышленность и железные дороги, в систему образования и здравоохранения внедрены рыночные элементы, ужесточились условия выплаты пособий по безработице, были заявлены намерения приватизировать почтовую службу и систему пенсионного страхования, достигнуты успехи в области борьбы с безработицей, инфляцией и др. Последствия победы консерваторов на всеобщих выборах в 1992 г. были не менее значи-

---

[1] Различные оценки периода правления Джона Мейджора даны в: Перегудов С.П. Тэтчер и посттэтчеризм; Рахшмир П.Ю. Консерватизм и посттоталитарная реальность. В: Консерватизм: история и современность. Пермь, 1994; Науменков А.П., Хесин Е.С. Консерваторы и метаморфозы британской экономики. В: Консерваторы у власти: опыт Великобритании. М.: ИМЭМО, 1992. С. 84.

тельными, чем результаты трех предшествующих. После них произошли существенные изменения в механизме функционирования рынка рабочей силы в Великобритании.

Консервативная партия, так же как и ЛПВ, в условиях мажоритарной избирательной системы была «большим приходом» — политической организацией, под «зонтиком» которой действовали различные идейные течения. Их возникновение, развитие и взаимодействие оказывали значительное влияние на организационное и идейное развитие тори. В Консервативной партии в разной пропорции всегда присутствовали три идейных течения: прогрессизм (социальный реформизм), оформившийся во времена Дизраэли в концепцию «одной нации», индивидуализм, связанный с вопросами личных свобод и частной собственности, и традиционализм, стоявший на страже национального суверенитета, конституционного строя и морали.

Наглядным примером такого многоголосья в партии служит факт деятельности многочисленных внутрипартийных объединений и группировок. Наиболее значимые из них появились во второй половине XX в. и существуют до сих пор. Так, «Группа торийских реформ»[1] представляет интересы приверженцев идеологии «одной нации», умеренной части партии; Кеннет Кларк — один из ее нынешних лидеров. Изначально к ней была идейно близка «Группа Боу»[2], основанная в 1951 г. В 1961 г. появился «Клуб понедельника»[3] — правая группировка, созданная противниками внешнеполитической линии Гарольда Макмиллана в отношении британских колоний. Первое объединение евроскептиков в Консервативной партии — «Группа 92»[4] возникло в 1964 г. в противовес политике по присоединению к ЕЭС, инициированной тем же Макмилланом. С тех пор группа не раз заявляла о себе. Так, перед выборами 1997 г. были установлены тесные связи с Партией референдума. В 80-е годы сторонники политики Маргарет Тэтчер образовали группу «Нет пути назад»[5] и группу Брюгге[6], а после отставки «железной леди» — движение «Консервативный путь вперед»[7].

Социологические исследования настроений рядовых членов партии в 1979–1997 гг. говорят о том, что индивидуализм незначи-

---

[1] Tory Reform Group.
[2] Bow group.
[3] Monday Club.
[4] 92 group.
[5] No Turning Back Group.
[6] Bruges Group.
[7] Conservative Way Forward.

тельно потеснил прогрессизм, смещение настроений вправо среди рядовых консерваторов не было столь существенным, как среди членов партийного руководства[1]. Большинство активистов тяготело к правому центру, благожелательно относилось к идеям повышения размера пособий по безработице, защиты прав потребителей от злоупотреблений в условиях рыночной экономики, контроля за приватизированными предприятиями, увеличения расходов на здравоохранение, расширения прав наемных рабочих на производстве. Прогрессисты были в меньшинстве только по двум позициям — прогрессивному налогообложению и реформе системы голосования. Более 40% опрошенных позитивно отозвались о «политике доходов».

В то же время влияние индивидуализма усилилось. Большинство опрошенных положительно относились к приватизации угольной промышленности, внедрению рыночных элементов в сферу медицинского обслуживания, частному медицинскому страхованию и образованию, снижению подоходного налога. Данные свидетельствовали, что обе составляющие консервативной идеологии были ярко выражены, хотя отставание индивидуалистов от прогрессистов, очевидное в 60–70-е гг., было ликвидировано.

Тэтчеризм представлял собой не только крен в сторону индивидуализма, но и укрепление традиционализма. Его сторонники поддерживали смертную казнь, выступали против углубления процессов европейской интеграции, ратовали за жесткую политику в отношении иммигрантов, национальных и нетрадиционных меньшинств, были противниками практики абортов.

«Мягкие рыночники» с симпатией относились к идее «социального рынка», который трактовали как сочетание традиций либеральной экономики и христианской демократии. «Поздние» тэтчеристы признали не только важность институтов национального государства — «макроконсерватизма», но и видную роль местных и региональных сообществ — «микроконсерватизма», в которых проходит повседневная жизнь человека.

Распространение таких идей свидетельствовало об отходе части идеологов консерваторов от восприятия общества исключительно сквозь призму индивидуализма, но и не было возвратом к концепции органичного общества. В их представлении свободнорыночная модель должна обеспечивать «локальные сообщества» социальной мобильностью и свободой выбора, оградить их от мелочной опеки цент-

[1] См.: Whiteley P., Seyd P., Richardson J. *True Blues*. Oxford: Claredon Press, 1994.

ральной власти. В этом случае можно рассчитывать на успех рыночных реформ, в том числе в сфере образования и здравоохранения[1].

В 1992–1997 гг. поиск консерваторами свежих идей был сильно затруднен внутрипартийной распрей по вопросу европейской интеграции. Кроме того, в результате событий «черной среды» в сентябре 1992 г. — выхода Великобритании из европейского валютного механизма — консерваторы потеряли репутацию партии эффективной экономической политики и низких налогов, хотя с 1994 г. страна вступила в длительную полосу экономического роста. Перед выборами 1992 г. Джон Мейджор обещал дальнейшее снижение налогов, однако в последующие годы правительство вынуждено было их не раз повышать.

Разногласия по вопросу европейской интеграции особенно больно ударили по консерваторам в 1993–1994 гг. В июле 1993 г. правительство оказалось в меньшинстве в ходе ратификации в парламенте Маастрихтского договора: 23 депутата-тори проголосовали вместе с оппозицией; в ноябре 1994 г. 8 депутатов-тори были «лишены кнута»[2] опять же из-за того, что голосовали по европейскому вопросу против своей партии. Таким образом, консерваторы и лейбористы поменялись местами. До второй половины 80-х годов. Консервативная партия выступала за более тесные связи с объединенной Европой, а Лейбористская — против. Теперь же отношение к европейской интеграции раскололо консерваторов так же, как когда-то лейбористов. Во время избирательной кампании 1997 г. более 200 кандидатов-тори отказались поддерживать алгоритм действий, предложенный руководством партии: «вступить в переговоры сейчас — решать потом». Выборы упрочили позиции евроскептиков, которые теперь составляли большинство членов консервативной фракции в парламенте.

Если в 90-е годы ЛПВ восприняла ряд ключевых принципов неконсервативной политики и идеологии, популярной у населения, то тори оказались во власти недостатков, приведших лейбористов к поражению на всеобщих выборах 1979–1992 гг. Это слабость руководства, разлад в партийных рядах, потеря доверия со стороны населения по социально-экономическим вопросам. Сюда добавились коррупционные скандалы и обвинения в аморальном поведении. После 1997 г. консерваторы фактически признали реформы лейбористов

---

[1] Willets David. *Modern Conservatism*. London: Penguin Books, 1992.

[2] «Кнуты» — депутаты Палаты общин, ответственные за соблюдение партийной дисциплины членами фракций; «лишить кнута» — значит временно исключить провинившихся депутатов из состава фракции.

в области деволюции, минимальной оплаты труда, увеличения расходов в сфере социальных услуг и др.

В последние годы консервативного правления обозначились пределы расширения свободнорыночной модели. Период тэтчеризма завершился. Оформлялись очертания консервативно-лейбористского консенсуса нового качества. Лейбористы примирились с большей частью неоконсервативных реформ в области приватизации и рынка труда, равнозначностью и взаимодополняемостью ценностей индивидуализма и коллективизма, а консерваторы отказались от однозначно негативного отношения к социальным функциям государства, которое было характерной чертой тэтчеризма. Экономический либерализм занял соответствующее его реальному весу место в идейной системе координат политических сил страны.

После перехода поста лидера консерваторов к Уильяму Хейгу идейный поиск в партии оживился. Как когда-то «новые лейбористы» перенимали свежие идеи у «новых демократов» Билла Клинтона, теперь тори искали вдохновение за океаном. Например, концепция «заботливого консерватизма»[1] имела широкое хождение среди советников Джорджа Буша-младшего. Однако протекал процесс поиска крайне болезненно. Консерваторы были деморализованы разгромом 1997 г., а противостояние евроскептиков и евроэнтузиастов тормозило развитие внутрипартийной дискуссии по другим направлениям. Несколько лет после выборов сказывались инерция мышления и влияние устоявшихся в годы тэтчеризма идеологических схем. Так, тори продолжали ратовать за политику снижения налогов, но одновременно под давлением ожиданий избирателей стали делать обещания, подразумевающие увеличение государственных расходов. В результате лейбористы не раз ловили их на этом несоответствии. Трудность состояла и в том, что лейбористы перехватили многие лозунги и идеи, свойственные идеологии консерватизма, как традиционного (например, жесткая политика в области охраны порядка и пенициарной системы), так и с приставкой «нео-» (сбалансированный бюджет, гибкий рынок труда, низкая инфляция). В этой ситуации тори требовалось не просто сменить акценты и поменять местами слагаемые в своем идеологическом уравнении, но найти действительно неординарные решения.

Хотя накал споров в партии по вопросу европейской интеграции снизился, произошло это не благодаря выработке устраивавшей обе группировки линии, а укреплению одной из них. Победы Уильяма Хейга над Кеннетом Кларком в 1997 г. и Иана Данкан-Смита над тем

[1] Caring conservatism.

же Кларком в 2001 г. поступательно консолидировали позиции евроскептиков. Этому способствовали и успехи партии на евровыборах в 1999 г. Что касается Данкан-Смита, то в начале 90-х годов он был известным бунтовщиком-заднескамеечником, не раз голосовавшим в палате общин против собственного правительства по европейским вопросам. Избрание нового лидера консерваторов в 2003 г. — Майкла Ховарда, который в бытность министром внутренних дел при Джоне Мейджоре считался представителем правого крыла партии, не изменило положения дел.

После 1997 г. тори ужесточили свою позицию по Европе, окончательно отказавшись от оборонительного принципа «подождем — увидим», который был на вооружении у Мейджора, выступили с лозунгом пересмотра условий участия Великобритании в институтах ЕС и выразили однозначно негативное отношение к любым проектам вхождения страны в еврозону. В то же время Майкл Ховард постарался представить политику консерваторов в более сбалансированном виде, открестившись от тех, кто выступал за выход страны из ЕС. Однако после успеха на евровыборах 2004 г. партии ЮКИП[1], использующей еврофобские настроения и отбирающей голоса главным образом у консерваторов, последние оказались перед дилеммой: продолжить бороться по вопросу Европы на два фронта — против лейбористов слева и ЮКИП справа — или сместиться правее и нейтрализовать вызов ЮКИП, но тем самым лишить себя возможности маневра.

Оживление дискуссий в партии по другим направлениям привело к появлению группировки «социальных либертарианцев», в рядах которой выделялся Майкл Портилло, и сторонников социального авторитаризма, яркой представительницей которых была Энн Уидикомб. В предыдущий период Портилло имел репутацию последовательного тэтчериста нового поколения, однако после 1997 г. перешел на более умеренные позиции. Ведущую роль в этом сыграла и осознаваемая им объективная необходимость изменить имидж партии, подавляющее большинство членов которой были белыми мужчинами пожилого возраста, и виды на пост лидера организации (последнее требовало поддержки со стороны обеих ее крыльев). Портилло выступал за то, чтобы политика консерваторов стала более привлекательной для женского населения страны, этнических, сексуальных и других меньшинств, ориентировалась на принцип «включенности».

---

[1] От английской аббревиатуры названия Партии независимости Соединенного Королевства; см. более подробно Главу VI.

Такой подход был логичен для сторонников либеральных рыночных взглядов (коих после 18 лет тэтчеризма в Консервативной партии подавляющее большинство), так как либерализм в социальных вопросах, с их точки зрения, ни что иное, как привнесение принципов индивидуальной ответственности и свободы в сферу социальной морали. В то же время другие рыночники-тори придерживались «сострадательного консерватизма»[1] с коммунитарным оттенком, популярного в кругах американских правых. Его суть в том, что гражданскому обществу необходимы сильные и жизнеспособные институты, с помощью которых оно может противостоять экспансии со стороны государства, и поэтому социальная политика должна быть направлена на укрепление общественных институтов, а не на их разрушение. С этой точки зрения элементы социального авторитаризма уместны (запрет однополых браков, ограничение прав сексуальных меньшинств, устрожение практики абортов, укрепление института семьи).

Однако эти настроения среди тори так и не были востребованы их руководством, а поражение Портилло от Данкан-Смита в 2001 г. окончательно отодвинуло их на второй план. Этому способствовало и то, что консерваторы в 90-е годы не только поменялись с лейбористами местами в вопросе европейской интеграции, но, что важнее, уступили им титул «общенациональной» партии. Если раньше ЛПВ не раз воспринималась как лоббист интересов отдельных социальных слоев и общественных корпораций, в первую очередь тред-юнионов, то теперь лейбористы превратились в партию истеблишмента, а тори все чаще выступали в роли протестной партии. Очевидно, что это было показателем их слабости, так как поддержка «однопроблемных» движений (любителей псовой охоты, фермеров, водителей, противников усиления иммиграции и т. д.), защита интересов то одних, то других групп населения, недовольных политикой лейбористского правительства, не могла стать базой для возрождения консерваторов в качестве партии, претендующей на власть.

На сегодняшний день лишь в двух случаях тори в той или иной мере выражают интересы значительных групп населения и могут соответствующим образом строить свою идеологическую стратегию: половина жителей страны по тем или иным причинам выступает против дальнейшей передачи национального суверенитета органам ЕС, особенно что касается отказа от национальной валюты; также среди консерваторов сильно желание поднять на щит вопрос о пренебрежении в ходе деволюции интересами жителей Англии. Однако в первом слу-

[1] Compassionate conservatism.

чае лейбористы умело лавируют, согласившись на проведение референдума о принятии новой европейской конституции и положив в долгий ящик вопрос о проведении референдума о вступлении Британии в еврозону; во втором — консерваторы, избери они этот путь, превратятся в партию английского национализма, что только еще больше сузит их электоральную базу.

Современному состоянию идеологии британских консерваторов также свойственны противоречия в вопросе соотношения глобального и национального. Как примирить либеральные рыночные взгляды, воплощением которых на практике являются мировые процессы диверсификации, регионализации и экономической интеграции, со стремлением сохранить централизованное унитарное государство? Можно ли выступать за гибкий рынок труда и одновременно ставить преграды на пути притока в страну иностранной рабочей силы? Как сочетается объективная с точки зрения глобальных рынков тенденция по размыванию суверенитета национального государства с попыткой остановить втягивание Британии в процессы европейской интеграции?

Поражение, которое консерваторы потерпели в третий раз подряд на всеобщих выборах 2005 г., подтолкнуло их к более последовательным действиям по выработке новой идеологической программы, призванной заменить политику, основанную на популизме. В конце того же года новым лидером тори стал молодой Дэвид Камерон, представитель реформаторского крыла партии. Как ни поверхностны в большинстве случаев исторические аналогии, недавняя история показала, что именно после своего третьего поражения в 1987 г. лейбористы принялись за глубокое идейное обновление, которое через выборы привело их к победе. Консерваторы, всерьез настроенные на восстановление позиций своей партии, похоже, приступили именно к этому.

3. «Третий путь» — идеология «нового лейборизма»

Идейные истоки «третьего пути»

После окончания холодной войны, на современном этапе развития постиндустриального общества, необходимость в «большой идее», политической философии и идеологии сохранилась. Западные демократии вступили в период идеологического экспериментирования. В Великобритании одной из попыток найти замену «старым» идеологиям стала концепция «третьего пути». Она не возникла на пустом месте. Ее предшественниками были ревизионизм и социальный либерализм,

христианский и этический социализм, концепция «одной нации» консерваторов и «батскеллизм» — послевоенный партийный консенсус.

«Третий путь» отличается от предыдущих попыток найти золотую середину, которые предпринимались как слева в рамках традиционной социал-демократии, так и справа, например в форме торизма «одной нации» или «среднего пути» времен Гарольда Макмиллана. Если раньше речь шла о путях конвергенции социализма и капитализма, то к 1990-м годам идеологический дуализм устарел и проблема состояла в выборе подходящей модели развития на основе рыночной парадигмы: социальный континентально-европейский рынок или неолиберальный англосаксонский.

«Третий путь» по-британски обрел известность далеко за пределами Британии. Но говорить о существовании доктрины в то время, когда лейбористы нового поколения стали (с середины 90-х гг.) активно пользоваться сопутствующей ей терминологией, нельзя. Положения и принципы «третьего пути» дорабатывались после того, как он приобрел репутацию идейного основания политики «новых лейбористов». Однако «третий путь» не сводился к политэкономии «нового лейборизма» и имел несколько версий.

Отношение «новых лейбористов» к концепции оставалось противоречивым и до и после их прихода к власти в 1997 г., что сохраняло неопределенность статуса «третьего пути». В марте 1998 г., выступая перед парламентской ассамблеей Франции, Тони Блэр заявил, что «идеология мертва». Примечательно, что в британской политической истории «смерть идеологии» провозглашалась не в первый раз. Так, в послевоенные годы после складывания в Британии партийного консенсуса на базе кейнсианства это «открытие» уже делалось. В других выступлениях Блэр не только не отрицал важность идеологии, но призывал к перестройке идеологии лейборизма вокруг по-новому трактуемых ценностей[1].

Каковы распространенные критические замечания в адрес «третьего пути»? Эклектичность, расплывчатость, недоработанность. «В команде Блэра, — пишут исследователи Лео Панич и Колин Лейс, — интеллектуалов было меньше, чем когда-либо в составе руководства партии; бросалось в глаза отсутствие фигур, которые по независимости мышления могли быть поставлены в один ряд с Ричардом Кроссменом, Тони Кросленд и Тони Бенном»[2]. «Третий путь» называли Лохнесским чудови-

---

[1] Blair Tony. *1945 Anniversary Lecture*. Fabian Society, London, 1995.

[2] Panitch Leo, Leys Colin. *The End of Parliamentary Socialism. From New Left to New Labour*. London, New York: Verso, 2001. P. 242.

щем, о котором в мире британских политических баталий слышали все, но не видел никто. Эту концепцию обвиняли в элитарности и оторванности от чаяний простого человека. Было распространено мнение, что ею прикрывают голый прагматизм, политический расчет, когда не идеи определяют действия, а практика в каждый конкретный момент диктует идейные предпочтения. «Хорошо то, что работает» — так многим представлялось кредо «третьего пути». Репутация новой доктрины страдала и оттого, что ей приписывали достижения, к которым она не имела прямого отношения, будучи достаточно узконаправленной концепцией, а не мегаидеологией или политическим методом на все случаи жизни. Например, у многих вызывало раздражение, когда из близкого к Блэру круга советников раздавались заявления, что заключение Соглашения Страстной пятницы по урегулированию конфликта в Северной Ирландии служило примером «третьего пути»[1].

«Третий путь» претендовал на заимствования по всему идеологическому фронту и поэтому был удобной мишенью для критики. В наиболее популярной версии «третий путь» противостоял идеям неолиберализма с верой в безграничные возможности рыночной стихии и идеям традиционной социал-демократии с верой в государственное регулирование и смешанную экономику. Сторонники концепции выступали как за деловое предпринимательство и индивидуальное обогащение, так и за социальную справедливость, сохранение значительной роли государства в современном мире. Пропаганда «третьего пути» основывалась не столько на продвижении принципиально новых положений, сколько на отрицании традиционных идейных концепций, а потому критика в адрес последних часто сводилась к их редуцированию до упрощенных схем, например представление о тэтчеризме как исключительно о погоне за наживой или о «старом лейборизме» как о подавлении индивида обществом.

Утверждение «третьего пути» с помощью критики других идейных доктрин показывало, против чего выступали его сторонники, однако проливало мало света на то, за что они ратовали. Что такое «третий путь»? Компромисс, поиск золотой середины между воззрениями идейных соперников прошедшей эпохи, попытка сочетать стремление к материальному благополучию и стремление к социальному благополучию или принципиально новая концепция, оригинальный взгляд на управление обществом?

---

[1] O'Leary Brendan. *The Belfast Agreement and the Labour Government.* Chapter 21. In: Anthony Seldon (ed.). *The Blair Effect. The Blair Government 1997–2001.* London: Little, Brown and Company, 2001. P. 449.

«Третий путь» часто воспринимался как попытка подвести фундамент под широкую избирательную коалицию, которая могла бы в обозримом будущем позволить «новым лейбористам» остаться у власти и лишить электоральной опоры Консервативную партию, примирив интересы бедных и богатых. Преуспевающие слои населения заверили в том, что накопленные ими за годы тэтчеризма капиталы будут и дальше служить своим владельцам, а бедные — в том, что принцип социальной справедливости вновь востребован и на повестке дня — решение проблемы низкого уровня жизни. Расценивать ли такой подход как электоральный оппортунизм, или «новые лейбористы» искренне верили в возможность демонтировать классовые перегородки и для этого привлекали союзников по всему социальному спектру?

«Третий путь» — это попытка разработать элементы новой политической идеологии для лейбористского движения и одновременно практическое руководство для «новых лейбористов». Необходимость выйти за рамки старого идеологического дискурса была продиктована и геополитическим землетрясением (распад социалистической системы и окончание холодной войны), и изменением количественных и качественных показателей развития западного общества в эпоху ускоренной глобализации и постиндустриального развития, вступившего в информационную стадию. С этой точки зрения поиски новых идейных конструкций были рациональным и объективным ответом на вызов времени. В современных условиях требовалось глубоко пересмотреть роль государства, политических партий, экономической и социальной политики.

«Третий путь» был реакцией на новые явления в социальной и экономической жизни, заявившие о себе в конце прошлого столетия. Что это за явление? Быстрое внедрение рыночных ценностей и практики на транснациональном уровне, усиливающееся ослабление социальных институтов-посредников между индивидом и государством и коллективных идентификаций (классовых, социальных и общественных), коррозия традиционных ценностей, кризис «государства благосостояния», процессы индивидуализации, рост социального неравенства и социальная фрагментация, усиление явлений социальной отчужденности, аномии, рост политической апатии, тенденция к ослаблению легитимности государственной власти, деградация окружающей среды, ухудшение качества жизни, накопление морально-этических проблем, связанных с генной инженерией и клонированием.

В мире, где стоимость электронных денег в десятки раз превышала стоимость продукции реальной экономики, где объемы мировой

торговли, скорость перемещения капитала и новые финансовые инструменты выбили из рук государства привычные рычаги контроля и управления, требовались новые подходы к процессам регулирования, социальной безопасности и экономического роста. Национальные правительства столкнулись с ситуацией, когда они могли контролировать лишь сферы образования и повышения квалификации рабочей силы, часть социальной и экономической инфраструктуры. На первый план вышла задача по подготовке национальных кадров, закаленных для жесткой конкуренции на мировых рынках труда, и по обеспечению максимально благоприятных условий для развития национальной промышленности и продвижения интересов британских ТНК. Глобализация и сопутствующая ей трансформация роли государства сделали необходимым передачу некоторых его функций как на над-, так и на субнациональный уровень.

Изменения экономического уклада привели к переменам в социальной структуре британского общества, которые в последней четверти XX в. перешли из разряда количественных в качественные. Массовый традиционный электорат Лейбористской и Консервативной партий исчезал, императивом в борьбе за власть стало создание предвыборных коалиций, природа которых нестабильна и динамична. В 90-е годы лейбористы оказались лицом к лицу с избирателями, ценностные ориентиры, социальные установки, политические предпочтения и гендерный состав которых существенно изменились, а это диктовало необходимость выработать новую электоральную политику.

Процессы индивидуализации и глобализации играли системообразующую роль в формировании этих факторов. Одна из главных задач, которую ставили перед собой сторонники новолейбористского проекта, состояла в нахождении устойчивого баланса между автономией индивида и социальной сплоченностью общества. С точки зрения постутилитарной политической мысли современный индивид обладает как эго-, так и социоориентированным началом (в коммунитаризме — парадигма «я-и-мы»). В этом контексте «первый путь» недостаточно внимания уделял вопросу персональной ответственности, делал упор на коллективное начало в человеке, а «второй путь» — на индивидуальное, смотрел сквозь пальцы на проблемы социального неравенства. «Третий путь» — попытка синтезировать эти два подхода, преодолеть как социальную исключенность, так и социальную безответственность, патернализм.

Тенденция к индивидуализации шла рука об руку со стремлением жить в удобной и безопасной социальной среде. Внедрение неолиберальной политэкономии привело к дисбалансу в пользу частнособст-

веннических интересов, а это по закону непреднамеренных последствий — к ухудшению качества жизни общества в целом. «Третий путь» был призван исправить этот перекос, однако в пользу человека, а не государства. Человек должен был получить выгоду и как индивид, и как существо социальное.

Раскрытие понятия «сообщества» представляло немало трудностей для левоцентристов нового поколения. Как на практике укрепить социальную сплоченность общества? Распространились идеи укрепления институтов гражданского общества, первоочередности социального, а не денежного капитала, необходимости возрождения «социального доверия». Большое влияние на эти умонастроения оказали американские исследователи Роберт Путнам и Амитаи Этциони, которые в своих работах основное внимание уделяли вопросам возрождения сообщества и укрепления его «социальной ткани»[1]. В Британии возникла собственная версия «оживления» гражданского общества. Популярность приобрели идеи расширения добровольческих движений, развития локальных форм неформального взаимодействия, включая фестивали, уличные шествия, парады и карнавалы, общественные праздники.

Особое значение для создания атмосферы соучастия приобрело поддержание эффективной общественной инфраструктуры (парки, чистые улицы, доступные общественные заведения — библиотеки, музеи, спортивные комплексы). Отмечалось, что атмосфере соучастия необходимо способствовать и на национальном уровне. В этом важную роль играют общенациональное телевидение, радио, участие страны в международных конкурсах и соревнованиях, в первую очередь спортивных, поддержка соотечественников за рубежом и др.

Укрепить социальную сплоченность невозможно без пристального внимания к проблеме социального неравенства. Пути и методы ее решения — одна из самых сложных задач обновленной версии британской социал-демократии. Увеличение разрыва в доходах, ощущение социальной несправедливости превращало общество из взаимосвязанного организма в механическую сумму индивидов и социальных групп, усиливало социальную дестабилизацию и фрагментацию. Появилась необходимость в выравнивании жизненного уровня различных слоев населения, в тесной увязке принципов меритократии и равенства возможностей с умеренной перераспределительной полити-

---

[1] Etzioni Amitai. *The New Golden Rule. Community and Morality in a Democratic Society.* London: Profile Books, 1997; Putnam Robert. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community.* New York: Simon & Schuster, 2000.

кой, совместимой с эффективной рыночной экономикой. Наиболее сложным оказалось определить степень социальной дифференциации, при которой появляется опасность дестабилизации общества, и определить цену, которую оно готово платить за исправление ситуации. В свете вышесказанного крайне важна была широкая дискуссия о возможности увеличения налогов. По данным Института фискальных исследований во главе с Эндрю Дилнотом, общественные настроения к середине 90-х годов по сравнению с предыдущим десятилетием изменились. Табу с вопроса об увеличении налогов было снято.

Процессы индивидуализации потребовали не только переоценки состояния экономических институтов и гражданского общества, но и государства. Чрезмерная централизация, бюрократизация, формализация демократических процедур создавали потенциальную опасность его делегитимизации, доверие общества к политикам в 90-е годы упало до чрезвычайно низкого уровня. Беспокойство вызывало и то, что из-за недовольства властью доверие общества потерял и государственный сектор экономики, который после реформ 80–90-х гг. находился в деморализованном состоянии.

На государство оказывали сильное давление процессы глобализации, оно выпускало из своих рук все больше функций управления и контроля. В рамках «третьего пути» предлагалось для решения этой проблемы провести серию конституционных реформ: децентрализовать власть в пользу британских и английских регионов; демократизировать центральные органы власти и усилить их подотчетность — задача, к решению которой «новые лейбористы» приступили в первый срок своего правления; модернизировать «государство благосостояния» — главная, но выполненная лишь частично, задача второго срока; передать часть государственного суверенитета наднациональным структурам, в первую очередь ЕС (деволюция снизу вверх), для создания «пула суверенитетов» — задача, оставленная правительством на третий срок.

Процессы глобализации непосредственно влияли не только на сферу государственного регулирования, но и на комплекс иных проблем, включая социальное неравенство, национальную и культурную идентификацию. В отличие от «новых правых» часть сторонников «третьего пути» не считала глобализацию безальтернативным явлением, а государство — пассивным субъектом ее влияния. Роль государства в ряде областей существенно снизилась, однако в других — сохранилась и даже возросла, а увеличение взаимозависимости государств и мобильность капитала вовсе не означают, что одна из моделей рыночного капитализма стала доминирующей.

Тезис о всемогуществе «глобальной культуры», под которой в настоящее время часто понимается доминирование на мировых рынках знаковых продуктов американской культуры, находит лишь частичное подтверждение в истории. Так, в античную эпоху товары, поступавшие из Китая по Шелковому пути, наводнили Древний Рим, а в 20-е гг. XIX в. рынки одежды были монополизированы ланкаширскими хлопчатобумажными изделиями. Однако предпочтения со временем неизменно менялись.

Считая предшествующие идеологии устаревшими, сторонники «третьего пути» из лагеря «новых лейбористов» формально сохраняли в центре своего мировоззрения принципы британского левоцентризма. Однако традиционный идейный каркас предлагалось наполнить новым содержанием. Только так, полагали они, в новых условиях можно претворить в жизнь изначальные ценности лейборизма. Скептики считали, что такая позиция на деле приводит к выхолащиванию этих ценностей. Смысл ценностей справедливости, равенства, свободы, солидарности раскрывается с помощью предметных понятий: интересы наемного труда, механизмы перераспределения, государственное регулирование и др. При реализации каждой из ценностей неизбежно столкновение с конкретными экономическими, социальными, политическими процессами. «Где та грань, за которой изначальный смысл ценности уступает место новому, если даже прежняя словесная оболочка сохраняется?» — вопрос, на который «третий путь» не дает однозначного ответа.

Многие наработки, использованные в концепции «третьего пути», появились во второй половине 80-х гг. XX в. в русле неомарксизма, философского и социологического наследия «новых левых». В первую очередь это размышления авторов журнала левой направленности «Марксизм тудэй». Тон был задан анализом тэтчеризма, предложенным Стюартом Холлом с позиций грамшианства[1]. Идеологическое и политическое доминирование «новых правых» в Британии рассматривалось не через призму классового конфликта, а как результат осуществления «проекта-гегемона» по трансформации государства в целях реструктуризации общества, создания нового политического консенсуса для вовлечения страны в «регрессивную модернизацию»[2]. Классовость не рассматривалась как основа политической идентификации, и ключевая роль в создании новых правящих поли-

---

[1] Грамшианство — идейное наследие итальянского теоретика-марксиста Антонио Грамши (1891–1937).

[2] Hall Stuart. *Gramsci and Us.* Marxism Today, June 1987.

тических коалиций приписывалась идеологическим и культурным факторам, т. е. «надстройке», а не «базису».

Холл считал, что, так как культурная сфера в широком понимании и политическая идентификация в ходе неоконсервативной революции подверглись изменению, социализм нужно модернизировать не на основе классовой политики, а используя новые социальные, экономические и культурные тенденции в общественном развитии. Таким образом, полагал он, методологию «проекта-гегемона» левые силы смогут применить для борьбы с капитализмом, и опираться они будут на социальную коалицию, выходящую далеко за рамки отдельных классов.

Критика британской социал-демократии, разработанная Холлом, была теоретической. Критику эмпирического характера мы встречаем в концепции «нового времени», изложенной в том же «Марксизм тудэй». В концепции анализируется состояние современного общества с точки зрения постфордизма, т. е. концепций социально-экономического развития постиндустриального общества. В условиях «нового времени» массовый характер производства менялся по мере внедрения информационных технологий и микроэлектроники, интенсификации труда, интеграции и разукрупнения производства. На первый план выходила сфера услуг, изменялся гендерный состав рабочей силы, стиралась грань между «белыми» и «синими воротничками»[1]. В результате менялась социальная конфигурация общества, появлялись новые способы потребления, классовая идентификация уходила на второй план. Социализм больше не ассоциировался с ростом государственного сектора экономики, его задачей в новых условиях стало расширение сферы свободы индивида[2]. Под социализмом теперь подразумевали не социальную систему, а этический идеал. Традиционную социал-демократию упрекали в неправильном понимании современных социальных и экономических реалий.

Если интерпретация тэтчеризма, разработанная Холлом, не вела к отказу от онтологической и этической критики капитализма, то концепция «нового времени» делала капитализм объектом социологического и экономического анализа и сводилась к критике лишь одной из его разновидностей — тэтчеризма. Такой метод рассмотрения проблемы и разработки новой модели политики Алан Финлейсон называет технологическим «авангардистским футуризмом» — поиском более эффективной модели устроения общества[3]. На это же указывал

---

[1] *Manifesto for New Times.* Supplement to Marxism Today, October 1988.

[2] Leadbeater Charles. *Power to the Person.* Marxism Today, October 1988.

[3] Finlayson Alan. *Third Way Theory*. The Political Quarterly. Oxford: Blackwell Publishers, Volume 70. P. 274, 277.

и Майкл Фридэн, который провел параллель между социалистическим трансцендентализмом и одержимостью «третьего пути» темами модернизации и обновления. Однако разницу между ними он усматривал в том, что «социализм требовал терпения и веры в исторические законы эволюции, которыми «новые лейбористы» больше не хотели быть связанными. Они разработали представление об историческом времени, в котором не существует оков прошлого...»[1]

Низведение критики капитализма до социологического и экономического анализа характерно для методологии исследований организации «Демос», проведенных под руководством Геоффа Мулгана. Такой подход стал объектом критики С. Холла и ряда других неомарксистов. Они призывали к глубокой социальной перестройке, созданию новых субъектов политики, сторонники же эмпирического анализа деполитизировали дискурс и видели главную цель в адаптации общества к «объективно изменившимся обстоятельствам». Попытку государства-инженера создать совершенный мир Мулган назвал «наивной фантазией». Цель политики он усматривает в разрешении крупных конфликтов интересов, в том, чтобы «обеспечить безопасность и поддерживать чувство сопричастности»[2]. Если тэтчеристы, а позже и «новые лейбористы», отказались от дирижизма в области макроэкономики, то «третий путь» снизил роль государства в сфере макрополитики[3].

Преобладание эмпирического в доктрине «третьего пути» свидетельствовало о том, что его сторонники отказались от социалистической этики. «Третий путь» фактически отказывался от целеполагания в пользу локальных социально-экономических реформ, осуществляемых «подручными» средствами, был усеченным вариантом фабианства, лишенного социалистической этики. Ему грозило низведение до инструментальной роли на новом витке капиталистического развития. Да и как могло быть по-другому, если, по замечанию Дональда Сассуна, «капитализм есть не идеология, философия или набор убеждений, а способ производства, абстрактная модель мобилизации людей для производства товаров, имеющих спрос... Быть на стороне капитализма — значит поддерживать любую политическую систему, которая в данный момент времени обеспечивает воспроизводство

---

[1] Freeden Michael. *The Ideology of New Labour*. The Political Quarterly. Oxford: Blackwell Publishers, Volume 70, 1999. P. 50.

[2] См.: Mulgan Geoff. *Introduction*. In: *Life After Politics*. Geoff Mulgan (ed.). London: Fontana Press, 1997. P. x–xii.

[3] Freeden Michael. *Op. cit*. P. 43.

условий для накопления капитала. Такая задача требует отказа от политических идеалов в пользу технологических решений. Некоторые сторонники капитализма готовы поддержать любую систему, которая устраивает капитализм в данный момент времени, будь то американская либеральная демократия, нацистская Германия, социал-демократическая Швеция или «коммунистический» Китай. Однако делается это из прагматических соображений, а не моральных или политических принципов»[1].

Изъятие социалистической этики из нормативного ядра критики капитализма оставило пустоту, и приверженцы «третьего пути» — «нового времени» пытались заполнить ее заимствованиями из коммунитаризма, христианского, этического социализма. Но тем самым они вступали в противоречие с феноменами индивидуализации общества, религиозного плюрализма и мультикультурализма (многокультурья). Кроме того, выдвигаемые в разное время «новыми лейбористами» тезисы нередко противоречили друг другу. Так, ссылки на традиции этического социализма плохо согласовывались с идеями «экономики соучастия». Желательность стэйкхолдерства («экономики соучастия») обосновывалась не столько ценностными императивами — классовыми или этическими, сколько соображениями повышения экономической эффективности.

Чтобы подвести под «третий путь» новый онтологический базис, требовался нетривиальный подход. Такой подход предложил Энтони Гидденс. С его точки зрения, решение этой проблемы лежало в социологической, а не в политологической плоскости[2]. В более поздних трудах он популяризировал свою концепцию, адаптировав ее для нужд «новых лейбористов»[3], за что Сеймур Липсет прозвал его «гуру Тони Блэра»[4].

Гидденс в отличие от неомарксистов не только не считал, что капитализм имеет врожденные структурные пороки, но вообще не рассматривал общественное развитие с точки зрения формаций. Гидденса, как в свое время французского социолога Эмиля Дюркгейма, в первую

---

[1] Sassoon Donald. *One Hundred years of Socialism. The West European Left in the Twentieth Century*. London: Fontana Press, 1997. P. 760.

[2] Giddens Anthony. *The Constitution of Society*. Cambridge, Polity Press, 1984; *Beyond Left and Right*. Cambridge, Polity Press, 1994; *In Defence of Sociology*. Cambridge: Polity Press, 1996.

[3] Giddens Anthony. *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1998; *The Third Way and Its Critics*. Cambridge: Polity Press, 2000.

[4] Lipset Seymour M. *The Americanization of the European Left*. Journal of Democracy, No 12, 2001. P. 74.

очередь интересовали проблемы социальной сплоченности и солидарности, он стремился объяснять социальное социальным. Социология, по его мнению, толковала политическое развитие лучше, чем политическая наука, благодаря «рефлексивности» — процессу постоянной переоценки окружающей нас реальности. В отличие от политической философии задача социологии — поставить диагноз и указать путь решения проблемы, а не логически доказывать абстрактные нормативно-ценностные схемы. Например, принцип равенства имеет значение не потому, что это этический императив, а потому, что того требуют социологический анализ и поддержание социальной сплоченности. Гидденс старается не использовать ценностно-нагруженные термины, поэтому вместо «равенство» и «социальная справедливость» вводит понятия «включенности» и «исключенности», широко вошедшие в политический лексикон «новых лейбористов».

По Гидденсу, западное общество вступило в период «рефлексивной модернизации», для которой характерны отмирание традиционных представлений, повышенная социальная нестабильность, увеличение рисков. Оборотной стороной рисков является умножение возможностей. В этих условиях общество должно быть открытой системой, иначе согласно законам энтропии возрастание внутреннего напряжения разрушит его. За поддержанием здорового баланса между рисками и возможностями призвано следить «государство социальных инвестиций», которому свойственны дух предпринимательства и активная гражданская позиция. Его главная задача — дать людям квалификацию, востребованную «экономикой знаний». Такая трактовка «государства благосостояния» стала одной из характерных черт «нового лейборизма».

Таким образом, в публикациях Стюарта Холла, Мартина Жака и других неомарксистов, а также в рамках концепции «нового времени» (включая работы Чарльза Лидбиттера) и в трудах Энтони Гидденса была создана база для доктрины, ставшей теоретической частью «третьего пути». Многие элементы практической политики «новых лейбористов» основываются на этой сумме идей. В свете вышесказанного нет смысла критиковать «новых лейбористов» за неспособность представить убедительную политическую философию — они и не претендуют на это, а в своих действиях опираются на социологический анализ развития общества.

В таком подходе заключалась и сила, и слабость идеологии «новых лейбористов». Опора на эмпирические данные придавала их воззрениям убедительность и практичность, однако принижение значения концептуального подхода ставило много вопросов. Ряд исследователей

при сравнении «третьего пути» с кейнсианской социал-демократией или неоконсерватизмом указывали на слабость теоретической обоснованности концепции[1]. Кроме того, первичность социального анализа, ограниченного данными статистики, понимание социоэкономического развития как нейтрального, неполитического феномена ставили эпистемологическую проблему. Политика низводилась до функции экономики. Но если рыночная модель обладает структурными или системными недостатками, то как обойтись без нормативной политической философии, допускающей альтернативные модели развития?

Ценности «третьего пути»

Риторика «третьего пути» в устах «новых лейбористов» была основана на обновленном толковании ценностей британского лейборизма. Разные исследователи предлагали свое видение ценностей «третьего пути», которые в большинстве случаев повторялись в той или иной последовательности. Так, Джулиан Легранд говорил о сообществе, подотчетности, ответственности и равенстве возможностей, Майкл Фридэн — о сообществе, ответственности, равенстве возможностей и свободе и т. д.[2] Понятие «солидарность» трансформировалось в «сообщество», «равенство» и «социальная справедливость» — во «включенность», «свобода» — в «права и обязанности».

Общим местом в рассуждениях «новых лейбористов» был тезис, что сообщество, комьюнити, не просто арифметическая сумма индивидов. Это семья, соседские общины, многочисленные промежуточные коллективные институты, из которых сплетена социальная ткань гражданского общества. Развитие самоидентификации сообществ стало одной из целей правительства, и реформы по децентрализации власти в пользу регионов и городов служат тому наглядным подтверждением. Характерно, что сообщество в понимании «новых лейбористов» лишено классового признака, включает как микрообъединение граждан по интересам, так и макрообъединение — нацию в целом. Сообщества не база для предъявления претензий на социальные права. Роль «скрепляющего раствора» стала играть концепция прав и обязанностей. Сообщество перестало означать единообразие, место

---

[1] Vincent Andrew. *New Ideologies for Old?* The Political Quarterly. Oxford: Blackwell Publishers, Volume 69, 1998. P. 57.

[2] Le Grand Julian. *The Third Way Begins with Cora*. New Statesman. 6 March 1998; Freeden Michael. *The Ideology of New Labour.* The Political Quarterly. Oxford: Blackwell Publishers, Volume 70. P. 50.

которого заняли плюрализм и мультикультурализм (многокультурье). Но в сфере экономики правительство крайне вяло пропагандировало эти принципы, поэтому не было неожиданностью, что новая трактовка сообщества практически не проникла, например, в сферу британской корпоративной культуры.

Успех реформ лейбористского правительства зиждился на вере в продуктивность взаимодействия граждан в рамках общественных объединений. Однако чем больше правительство способствовало созданию новых форм сообществ, которые отличались от традиционных образцов, тем труднее было предвидеть последствия таких действий. Например, было неизвестно, к чему приведут реформы по деволюции — к укреплению унитарной структуры государственной власти или к усилению федералистских, а возможно, и сепаратистских тенденций.

Противоречий полно и трактование «новыми лейбористами» ценностей равенства и социальной справедливости. С момента образования ЛПВ эти ценности были ядром идейной платформы партии, хотя никогда речь не шла об абсолютном равенстве. Если консерваторы большую часть XX в. воспринимали социальную справедливость как обеспечение населения базовыми социальными услугами, полагая, что неравенство в доходах и социальном положении — естественный порядок вещей, то лейбористы относились к бедным слоям населения как к жертвам эксплуатации и несправедливой системы распределения и считали, что обязанность государства — способствовать сокращению социального неравенства.

К неравенству они относились как к неизбежному злу. Справедливость требовала сократить разрыв в доходах с помощью прогрессивной шкалы налогообложения. Когда лейбористы приходили к власти, они проявляли себя как умеренные эгалитаристы. Они стремились предоставить населению равные стартовые возможности в жизни, в первую очередь в сфере образования, и использовали механизмы перераспределения национального богатства для снижения социальной дифференциации.

«Новые лейбористы» восприняли отчасти и социал-демократическую, и консервативную трактовку равенства возможностей, но добавили ряд уточнений. Они критиковали «старых лейбористов» за то, что раньше равенство возможностей, по их мнению, существовало лишь для части населения, тогда как многие, в основном представители бедных слоев населения, не имели доступа к «общему полю игры». В то же время в отличие от «новых правых» они считали, что государство должно полагаться не на «страховочную сетку» в качестве усеченного варианта «государства благосостояния», а на разветвленный

государственный аппарат социального обеспечения. В результате «новые лейбористы» проводили умеренную перераспределительную политику.

Доступ к «стартовым возможностям», с их точки зрения, необходим человеку на всем протяжении его жизни, а не только на начальном этапе. Если раньше была распространена пожизненная занятость, а процесс образования заканчивался вузовским дипломом, то «новые лейбористы» в еще большей степени, чем консерваторы до них, столкнулись с ситуацией, когда ужесточившиеся правила конкуренции на рынках труда часто вынуждали работников менять рабочее место и профессию. В этих условиях перед государством стояла задача обеспечить граждан многократным доступом к «стартовым возможностям».

«Третий путь» опирался на понятия «включенности» и «исключенности» и на убежденность в необходимости изменить ситуацию, когда целые слои населения и социальные группы выталкивались на обочину общественного развития, были отстранены от диалога между государством и обществом. Но неприятие «первичной» исключенности не противоречило допущению ее «вторичной» формы: если гражданин в обмен на предлагаемую государством помощь отказывается выполнять условия, на которых она предоставляется, против него применяются определенные санкции.

В 50–70-е гг. лейбористы добивались социальной справедливости на базе принципов перераспределения и прогрессивного налогообложения. Впоследствии их место заняли «включенность», в первую очередь наличие работы, меритократия с признанием неизбежности социального неравенства и стремление обеспечить достойные стандарты жизни для каждого. Государственная помощь нуждающимся приобретала все более целевой характер. Перераспределение на основе принципа меритократии, отказ от левеллерства, снижение до минимума прогрессивного характера налогообложения в пользу адресной социальной поддержки — вот основные элементы представления «новых лейбористов» о социальной справедливости. Такой набор предписаний не исключал увеличения относительного неравенства в обществе, принципы меритократии и «включенности» могли вступать в противоречие, но преимущества плюралистической политической культуры, возможность совмещать тенденцию к индивидуализации с необходимостью сохранять и укреплять социальную сплоченность перевешивали, с точки зрения противников социальной уравниловки, побочные эффекты.

Рассуждения сторонников «третьего пути» о равенстве обычно сопровождались указанием на то, что оборотная сторона социальных

прав — обязанности, одно не отделимо от другого. Государство должно помогать своим гражданам, но последние должны быть не пассивными реципиентами такой помощи, а нести ответные обязательства, становиться активными участниками процессов функционирования модернизированного «государства благосостояния». Ответственность — третья ценность «новых лейбористов».

Лакмусовой бумажкой того, готов ли человек вступить в договорные отношения с государством, «новые лейбористы» считали трудоустройство. В таком подходе прослеживается определенное заимствование из наследия викторианской эпохи — работа есть источник человеческого достоинства, самоуважения и независимости. Но в отличие от тэтчеристов, возводивших этот принцип в абсолют, лейбористы считали, что государство должно активно способствовать трудоустройству граждан, предлагать программы по повышению квалификации, налоговые льготы, стимулирующие занятость, и др.

Одна из первых попыток проанализировать концепцию «третьего пути» с точки зрения практической политологии была предпринята в рамках дискуссии, инициированной в 1997 г. организацией «Нексус»[1]. Последняя была создана годом ранее с благословения Тони Блэра. Соучредитель организации Дэвид Халперн и директор отдела политики аппарата премьер-министра Дэвид Милибэнд выступили руководителями проекта. Характерно, что последний, задавая тон дискуссии, обратился к ее участникам со следующей установкой: «Политэкономия XXI века должна сочетать динамизм и равенство, прокладывая “третий путь” между “старыми левыми” и “новыми правыми”». Такое определение к тому времени стало уже классическим для пионеров «нового лейборизма». Оно оставляло большой простор для уточнений и интерпретаций самого разного толка, не препятствовало разнообразию взглядов на «третий путь».

Этимология термина «третий путь» имеет долгую историю. В конце XIX в. о «третьем пути» между социализмом и капитализмом говорил Папа Римский Пий XII. Феномен социал-демократии укладывался в рамки того же поиска. Вариант «среднего пути» предложили британские консервативные мыслители в 30-е, а затем в 50–60-е гг. XX в. В 90-е годы термин «третий путь» был взят на вооружение администрацией Билла Клинтона с подачи советника президента Дика Морриса[2]. «Новые демократы» заявили, что государство может быть одно-

---

[1] www.netnexus.org/library/papers/3way.html

[2] Gray John. *Blair's project in retrospect*. International Affairs, No 1, January 2004, London. P. 42.

временно и минималистским, и прогрессивным. Идеологическое формирование «новых лейбористов» проходило во многом под влиянием новомодной риторики в США. Так же, как и администрация Клинтона, команда Тони Блэра с энтузиазмом восприняла идеи гибкого рынка труда, сбалансированного бюджета, увязывания права на социальные субсидии с решением проблемы трудоустройства, гарантирования не столько стабильности занятости, сколько возможности переквалификации, устрожения политики в области закона и порядка. «Третий путь» попал на английскую почву с сильным американским акцентом, но эта почва была к тому времени хорошо подготовлена и дала богатые всходы.

Широким хождением в публичной политике термин «третий путь» обязан Тони Блэру, который с середины 90-х годов начал его использовать по совету своих помощников и экспертов, в первую очередь Филиппа Гулда и Энтони Гидденса[1]. Считается, что впервые Блэр публично употребил этот термин в июне 1995 г. в статье в газете «Дэйли мейл» в контексте рассуждений о модернизации системы национального здравоохранения[2]. Однако лишь после победы лейбористов на выборах 1997 г. термин был взят на вооружение руководством ЛПВ в качестве обозначения общей философии своих реформ. Ее отправной точкой было утверждение, что политический анализ на базе противопоставления «левых» и «правых» изжил себя. Надо заметить, что к тому времени, когда «новые лейбористы» сделали «третий путь» своей идеологией, вокруг принципов, которые стояли за этим словосочетанием, среди европейских левых уже развернулась бурная дискуссия[3].

В британском политологическом дискурсе «третий путь» стал горячей темой благодаря работам Энтони Гидденса, который придал «новому лейборизму» академическую респектабельность и популяризировал концепцию «третьего пути». Тот факт, что «новые лейбористы» переняли идею «третьего пути» у «новых демократов», с самого начала наложил определенный отпечаток на ход обсуждения этой концепции в Британии. Американская «подкладка» новой идеологии, которую прочили на место как левых, так и правых традиционных идеологий, хорошо чувствовалась в риторике и мышлении нового ру-

---

[1] Blair Tony. *New Britain: My Vision of a Young Country*. London: Fourth Estate, 1996; Blair Tony. *The Third Way: New Politics for a New Century*. London: Fabian Society, 1998.

[2] Daily Mail, 30 June 1995.

[3] Bobbio Norberto. *Left & Right: The Significance of Political Distinction*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

ководства ЛПВ. В то же время многие британские политологи выступали за адаптацию концепции к европейским реалиям.

Существуют три основные интерпретации того, как проходило развитие британской и континентально-европейской социал-демократии. Согласно одной, в 80-е гг. британские левоцентристы по сравнению с европейскими социал-демократами были в отстающих по темпам модернизации. Однако к середине следующего десятилетия положение изменилось, и ЛПВ вырвалась вперед. За ней последовали социал-демократы южных стран Европы и Голландии. На этот раз в хвосте оказались левоцентристские партии Скандинавии, Германии и Франции, цеплявшиеся за устаревшие представления о политической борьбе и государственном управлении. «Новые лейбористы» придерживались этой версии.

Другая версия заключается в том, что более эффективно на уроки неолиберальной эпохи отреагировали континентальные европейцы, а не британцы. Именно первые, не бросившись в объятия неолиберализма, сумели извлечь уроки из чужих ошибок и сохранить ряд коллективистских подходов, которые вновь оказались востребованными после спада движения «новых правых». Критика в зашоренности и твердолобости переадресовывалась «новым лейбористам». «К 2000 году, — писали Лео Панич и Колин Лейс, — появились признаки оживления среди левых. ...однако Лейбористская партия, упорствующая в том, что будущее зависит от облагораживания капитализма, выглядела все более старомодной»[1].

Третья версия не использует линейный метод компаративного анализа по принципу кто впереди, кто сзади. Предлагается считать, что британские лейбористы и континентальные социал-демократы избрали собственные пути модернизации, которые основывались на специфике политической истории и культуры страны. «Новые лейбористы» в Великобритании вслед за «новыми демократами» в США находились под влиянием англосаксонской парадигмы общественного развития, в которой индивидуализм и недоверие к институту государства играют важную роль. В континентальной Европе процесс социал-демократической модернизации испытал существенное воздействие со стороны традиций социальной солидарности и социального рынка.

В отличие от многих устоявшихся идеологий «третий путь» поначалу использовался как лозунг, как отправная точка, рабочее название нового политического проекта. Это был пестрый набор идей, а не

[1] Panitch Leo, Leys Colin. *The End of Parliamentary Socialism. From New Left to New Labour*. London, New York: Verso, 2001. P. 291.

продуманная концепция, ожидавшая своего практического воплощения. Различные варианты «третьего пути» существовали не только в стане «новых лейбористов» и не только в Британии. Формирование относительно стройной концепции не опережало практику, но следовало за ней. Этим объяснялся сильный привкус прагматизма в рассуждениях «новых лейбористов» о «третьем пути». Нет однозначного мнения о том, состоялся ли он как политическая философия, идеология или социологическая доктрина либо так и остался на уровне политической риторики и набора практических мер.

Привнесение идеи «третьего пути» в британскую политэкономию было процессом не насаждения, а заимствования, явлением, востребованным политической жизнью страны. После того как программа реформ «новых демократов» была фактически свернута, «третий путь» обрел характерную британскую специфику, а «новые лейбористы» превратились в его главную движущую силу. К моменту прихода ЛПВ к власти «третий путь» уже рассматривался как сугубо английское явление, имеющее свои вариации.

Ранние интерпретации «третьего пути»

К 1997 г. в экспертной среде появилось несколько интерпретаций феномена «третьего пути». «Новые левоцентристы» — Майкл Якобс, руководитель Фабианского общества, Дэвид Маркуэнд, директор колледжа Менсфилд Оксфордского университета, Геральд Холтман из Института изучения публичной политики, и другие исследователи рассматривали «третий путь» как альтернативу неолиберальному проекту 80-х годов, как освобожденную от устаревшего инструментария и адаптированную к новым реалиям социал-демократию.

Для других, включая Эндрю Гэмбла и Гевина Келли из Шеффилдского университета, Джулиана Легранда и Джона Грея, профессоров Лондонской школы экономики и политических исследований, «третий путь» олицетворял формирование самостоятельной идеологии, возникшей на социал-демократических и неолиберальных «развалинах»[1]. Нередко эту версию «третьего пути» называли «радикальным центром» — на первый взгляд оксюморон, но продуктивный подход к анализу современной политической системы координат, которая помимо традиционного деления «левые–правые» приобрела массу

[1] См., например: Le Grand Julian. *The Third Way Begins with Cora*. New Statesman. 6 March 1998; Gray John. *After Social Democracy*. In: *Life After Politics*. Mulgan Geoff (ed.). London: Demos, 1997.

других характеристик, перечеркивающих привычные представления о разграничении политического пространства[1].

Третьи, например Стюарт Холл, Шанталь Муфф и другие нео- и постмарксисты, оценивали «третий путь» как «усреднение», «триангуляцию» теории и практики «старых левых» и «новых правых», как «средний путь» между двумя ведущими вариантами капиталистического развития, лишенный своего собственного лица[2]. Ллойд Джордж, редактор журнала «Нью стэйтсмен», считал, что «новые лейбористы» не представляли собой ни социал-демократов, ни консерваторов, в том числе тэтчеровского призыва[3]. Дэвид Уиллетс, в середине 90-х годов один из идеологов версии «заботливого консерватизма»[4], рассматривал «третий путь» как оппортунистическую электоральную стратегию, направленную на удовлетворение интересов «и наших, и ваших», необоснованную претензию на примирение принципов экономической эффективности и социальной справедливости.

Основной спор о сути и практическом значении «третьего пути» развернулся в Англии между сторонниками и противниками первых двух интерпретаций. Первые, выступавшие с левоцентристских позиций, с большим скептицизмом отнеслись к склонности части «новых лейбористов» упрощенно толковать суть идеологических схваток прошлого и считать, что они исчерпаны. Не меньшей критике подверглись попытки копировать тактику «округления квадрата» американских «новых демократов». Указывалось на опасность однобоко трактовать политическую историю, записывая все послевоенное разнообразие социал-демократических идей в разряд «старых левых», которым якобы не место в «постмодернистском мире».

Отвергалась попытка представить «третий путь» как преодоление противостояния левой и правой парадигм. Сторонники левоцентристской версии указывали на то, что эти понятия нельзя оценивать исключительно с нормативной точки зрения. Социальная стратификация общества не исчезла и в начале XXI в., причем глобализация не только не решает проблемы социального неравенства, но и усугубля-

---

[1] На уровне руководства ЛПВ представление о ней, как о партии «радикального центра», было изложено Тони Блэром 12 апреля 1996 г. на страницах газеты «Гардиан».

[2] Hall Stuart. *Son of Margaret*? New Statesman & Society, Vol. 8, No 373, 1995. P. 23–27; Hall Stuart. *The Great Moving Centre Show*. New Statesman, Vol. 126, No 4361, 1997. P. 26–29; Mouffe Chantal. *The Democratic Paradox*. London: Verso, 2000. P. 108.

[3] См. дискуссию: *Is New Labour an entirely new political force*? Prospect magazine, June 1997.

[4] Caring conservatism.

ет их. В свете фундаментальной нерешенности проблем социальной стабильности и справедливости левое и правое направления в идеологии по-прежнему остаются злободневными.

«Новые левоцентристы» не ставили под сомнение то, что британский лейборизм нуждался в глубоком обновлении, но считали, что «третий путь» должен оставаться на социал-демократической почве и не сбиваться на некий промежуточный путь между левыми и правыми. Только в этом случае, утверждали они, он сумеет сохраниться в качестве жизнеспособной альтернативы неолиберализму. Необходимость сберечь социал-демократический фундамент для обновленного левоцентризма обусловливалась тем, что в новом столетии основной проблемой по-прежнему будут регулирование рыночной модели экономики и борьба с социальным неравенством.

Сохранить принципиальную связь «третьего пути» с социал-демократией было необходимо для того, чтобы не позволить новой концепции остаться на уровне популистских лозунгов, уберечь ее от опасности раствориться в философском и понятийном релятивизме. Ставилась задача сохранить в качестве ключевых такие ценности, как равенство, солидарность, активная государственная политика. При соблюдении этого условия открывалась возможность для плодотворного обсуждения понятий «равенство возможностей», «сообщество», «социальная включенность» и «социальная исключенность».

Одновременно взгляд на государственную и рыночную модели воспроизводства и распределения как альтернативные и взаимоисключающие признавался устаревшим. На первый план выходило требование эффективности в решении задачи социальной справедливости. Снимался и вопрос об альтернативности социоэкономических моделей развития, в первую очередь англосаксонской и рейнской. Цель состояла не в механическом комбинировании отдельных элементов той или иной модели, а в поиске органичного сочетания их сторон, наиболее подходящих для Великобритании.

Важное значение «новые левоцентристы» придавали защите принципа универсальности доступа к услугам системы государственного социального обслуживания. В его защиту, как правило, приводились следующие аргументы: стоимость социальных услуг на основе «всеобщего доступа» ниже, в том числе для среднего класса, чем на частном рынке; только этот принцип обеспечивает защиту интересов бедных слоев населения; универсальность — важный инструмент по поддержанию в обществе атмосферы соучастия, принадлежности к единому целому; оказание адресной социальной помощи, так называемая страховочная сетка, требует оценки нуждаемости, что затратно и ста-

вит в трудное положение тех, кто имеет низкую квалификацию, создает «ловушки бедности».

Приверженцы второй трактовки «третьего пути» считали, что в конце XX в. в результате того, что традиционные дихотомии «левые–правые», «индивидуализм–коллективизм», «частное–общественное» исчезли, «первый» и «второй» путь выработали свой ресурс. «“Новые лейбористы”, — пишут Питер Манделсон и Роджер Лиддл, — фундаментально отличаются от “старых лейбористов” своими экономическими, социальными и политическими подходами. Их больше не интересуют сражения, происходившие в прошлом между общественным и частным, разногласия из-за роли профсоюзов или масштабов государственных расходов...»[1] Настало время кардинально обновленной социал-демократии или даже постсоциал-демократии, в котором мир описывается в принципиально иных терминах и понятиях. «Британия... ищет новый маршрут в результате истощения двух политических проектов, — писал Геофф Мулган о социал-демократии и тэтчеризме. — ...Ни у одного из них нет резервов для возрождения... Наши идейные искания проходят в условиях краха этих проектов, когда противостояния левых и правых, капитала и труда больше не существует»[2].

Несмотря на разногласия, представители всех трактовок сходились в том, что дискурс о «третьем пути» необходим в первую очередь не как спор о терминологии, а как попытка проанализировать и раскрыть сущность тех процессов, которые привели к необходимости переосмысления идеологического и политического наследия лейборизма.

Помимо перечисленных групп по левую и правую сторону от них располагались защитники статус-кво, которые сохранили верность идеям либо социал-демократического этатизма, либо тэтчеризма. Однако они не оказали заметного влияния на формирование концепции и практики «третьего пути», не имея возможности предложить эффективные избирательные стратегии.

«Третий путь» и «новые лейбористы»

«Новые лейбористы» активно использовали риторику «третьего пути». После победы ЛПВ на выборах 1997 г. их часто обвиняли в голом прагматизме и отсутствии идейных ориентиров. Действительно, по своей

---

[1] Mandelson Peter, Liddle Roger. *The Blair Revolution: Can New Labour Deliver?* London: Faber and Faber, 1996. P. 4.

[2] Mulgan Geoff. *Introduction*. In: *Life After Politics*. Geoff Mulgan (ed.). London: Fontana Press, 1997. P. xviii.

энергичности кампания 1995 г. по изменению «пункта 4» Устава Лейбористской партии стоит особняком. Ни разу позже руководство ЛПВ не отстаивало свои взгляды на идейную платформу партии с такой убежденностью и последовательностью.

Однако большинство исследователей без труда выделяли характерные подходы «новых лейбористов» на основе анализа их политики. Так, обращало на себя внимание то, что государство, по-прежнему гарантируя всеобщий доступ к традиционному набору социальных услуг, начало перекладывать обязанности по их предоставлению на другие плечи, например задача по трудоустройству решалась путем выделения субсидий частным работодателям. Правительство охотно экспериментировало с рыночными механизмами в сфере здравоохранения и образования. В то же время задача по повышению эффективности и конкурентоспособности ставилась не только перед государственными, но и перед частными предприятиями, а частные монополии признавались столь же вредными, как и государственные.

В случае, например, с «обязательной второй пенсией», минимальной оплатой труда, контрактными отношениями между родителями учеников и руководством школ государство брало на себя посредническую роль, задавало рамочные правила игры, не участвуя напрямую в механизмах социального регулирования. Считалось, что «государство благосостояния» в своем прежнем виде способствовало закреплению элементов «культуры зависимости». «Новые лейбористы» сочетали принципы регулирования, косвенного влияния на отношения между различными социальными и экономическими субъектами и социальной ответственности. Важно то, что последний принцип существенно отличался от неолиберального принципа самоопоры, который не предусматривал систематической помощи со стороны государства нуждающемуся гражданину. Действия правительства по внедрению пакета мер, направленных на облегчение доступа к сфере образования и повышения квалификации, были продиктованы стремлением расширить возможности граждан. Лейбористы хорошо понимали, что современная экономика — это в первую очередь «экономика знаний».

Реформы по демократизации государственного устройства Великобритании были результатом осознания того, что без изменения системы принятия решений на различных этажах государственной власти, а также без общественной поддержки реформ ни одно крупное начинание лейбористов по модернизации страны не ждет успех. Для решения этой задачи были приняты меры по деволюции, регенерации локальных сообществ, принят закон о свободе информации и т. д.

Для «новых лейбористов» политика перераспределения не означала неприятия неравенства как такового. В этом они принципиальным образом отличались от социал-демократов предыдущих поколений, которые мирились с неравенством, но не считали его естественным порядком вещей. Социальная дифференциация была признана в той степени, в которой она стимулировала процесс общественного воспроизводства, когда разрыв в доходах не выхолащивал понятие свободы, не происходило систематического исключения отдельных групп населения из жизни общества. Процесс перераспределения означал не столько расширение доступа к материальным благам, сколько предоставление каждому возможности для реализации своего потенциала. «Новые лейбористы» полагали, что тэтчеристы, ограничивая принцип равенства возможностей рамками меритократии или формального предоставления доступа к образованию, медицинскому обслуживанию, рынку труда и другим общественным институтам, не учитывали ряд важных факторов.

Во-первых, рассуждали они, существует масса ситуаций, когда низкий социальный статус человека затрудняет доступ к формально существующей системе равенства возможностей, например проблема географической мобильности. Во-вторых, врожденные способности людей сильно различаются, что априори снижает шансы многих в соревновании за социальный статус. В-третьих, игнорируются интересы не только людей с умственными и физическими недостатками, но и тех, кто зажат в тисках «культуры пониженных ожиданий», а это далеко не только представители бедных слоев населения.

Для решения этих проблем «новые лейбористы» задались целью модернизировать систему образования таким образом, чтобы граждане, в первую очередь неблагополучные группы населения, имели к ней реальный доступ, причем не единожды, а многократно в течение всей жизни человека. Эти же принципы применялись на рынке труда, где проводилась политика, делающая шансы на получение работы максимально высокими, направленная на раскрытие потенциала человека. Система предоставления социальных пособий становилась не только более адресной, но и более щедрой. Наконец, для борьбы с «культурой низких ожиданий» использовался набор мер, ликвидирующих «ловушки бедности», в которые попадали те, кто находился на стыках зон занятости и безработицы.

Таким образом, лейбористское правительство при осуществлении конкретных решений руководствовалось ценностями равенства возможностей, сообщества и социальной включенности, взаимной ответственности государства и гражданина, демократизации и подот-

четности. Эти ориентиры представляли собой значительно модернизированный вариант традиционных ценностей британского лейборизма — солидарности, равенства и справедливости.

Несмотря на то что анализ практических шагов правительства давал возможность судить об идейных «наклонностях» «новых лейбористов», «третий путь» и в теории, и на практике все же не получил четких очертаний. Это позволяло широкому спектру политических сил внутри лейбористского движения предлагать свои интерпретации данного проекта, выступая либо его критиками, либо приспосабливая его к своим убеждениям. Разногласия в рамках «третьего пути» носили более сложный характер, нежели традиционные противоречия между левыми и правыми в лейбористском движении. Теперь линии раскола прошли также между «эгалитаристами» и «меритократами» (проблемы перераспределения и всеобщности системы социального обслуживания) и между «либералами» и «коммунитариями» (проблема личных свобод и ответственности граждан).

«Третий путь» и общественный домен

Ряд положений обновленной левоцентристской мысли получил достаточно глубокую проработку. Среди них — концепция «общественного домена». До этого традиции общественного домена в Британии были развиты слабо. «Не существует литературы и традиций общественного интереса, — писал по этому поводу Уилл Хаттон. — Все, чем мы располагаем, это смутное представление о том, что общественное не есть частное... что частное эффективно, морально и служит делу индивидуальных свобод; общественное же лишено этих добродетелей и, следовательно, безнадежно вторично»[1].

Общественный домен подразумевает не только государственный сектор экономики. Это социальное измерение, система ценностей, которые находят свое выражение и в экономическом укладе и являются опорой гражданского общества. Люди в своей деятельности в рыночной сфере руководствуются утилитарным расчетом, меркантильными интересами, соображениями первенства и лидерства, в частной — понятиями любви, дружбы и привязанности, а общественный домен зиждется на понятиях равноценности каждого человека,

---

[1] Hutton Will. *Why Auntie is unloved and untrusted*. The Observer, 19 January 2003. Уилл Хаттон развивает тему общественного домена в: Hutton Will. *The World We're In*. London: Little, Brown, 2002. См.: David Marquand. *Decline of the Public*. Polity Press, 2004.

общественного блага, гражданского долга, социальной ответственности и этики общественного служения. Об этой гражданской культуре писали Р. Тоуни и Э. Кросленд, а после них Д. Маркуэнд и У. Хаттон. И рыночный, и частный, и общественный домен — каждый по-своему работает на благосостояние нации, однако руководствуется своими собственными, взаимодополняющими, но не пересекающимися системами ценностей.

Ценности общественного домена находят свое конкретное воплощение, в первую очередь в этике функционирования британской государственной службы и «государства благосостояния», профсоюзного и кооперативного движения, иных посреднических и промежуточных структур гражданского общества, органов локальной демократии, неправительственных организаций и учебных заведений, особенно университетов, благотворительных организаций и добровольческих служб. По автономии этих институтов был нанесен сильный удар в годы «неолиберального ренессанса». По мнению Дэвида Маркуэнда, общественным доменом пренебрегали не только тэтчеристы, преследовавшие органы местной власти и в невиданных ранее масштабах централизовавшие механизмы принятия решений и государственного контроля, но и патерналистски настроенные британские социал-демократы после Второй мировой войны[1].

«Новые лейбористы» во многом способствовали оживлению институтов гражданского общества с его необходимыми атрибутами — плюрализмом и разнообразием. Сделано это было не только исходя из идейных соображений, но и потому, что внедрение рыночных отношений в общественном домене подрывало сам рыночный порядок. Развитая рыночная экономика не может эффективно функционировать без культуры взаимного доверия и ответственности. Однако рыночные механизмы в отличие от общественного домена не вырабатывают эти качества, а только потребляют их. Получая возможность внедряться в общественный домен, рынок постепенно лишает себя той подпитки, без которой единственным скрепляющим его каркасом остаются законодательство и юридические процедуры. Действительно, последние отвечают за соблюдение общих правил игры на рыночном пространстве, но в одиночку они не могут сделать рынок цивилизованным.

---

[1] David Marquand. *What I mean by... The Third Way*. New Times, Issue 141, 28 February 1998. См.: Marquand David. *The fall of civic culture*. The New Statesman, 13 November 2000.

В отношении государственного сектора экономики — важной составляющей общественного домена — реформы «новых лейбористов» имели неоднозначные последствия. «Новые лейбористы» не пошли на коренную перестройку «государства благосостояния», но внедрение в него рыночных и квазирыночных механизмов не только не прекратилось, но и продолжилось. Для его реформирования использовались либо известные по периоду тэтчеризма неолиберальные методы, либо проводились «механические», «количественные» реформы «сверху» в духе послевоенного социал-демократического этатизма. Доминировало мнение, что частный сектор априори эффективнее государственного.

Гражданская солидарность не могла возникнуть по желанию центра. Требовался энтузиазм со стороны гражданского общества, активность которого значительно снизилась в условиях, когда принципами плюрализма, децентрализации и автономии пренебрегали или использовали их непоследовательно. Эти обстоятельства убедили многих сторонников социал-демократии в Великобритании, что необходимо обратиться к опыту «нового», «социального» либерализма первой четверти XX в., практиками и теоретиками которого в разное время были Леонард Т. Хобхаус и Томас Грин, Дэвид Ллойд Джордж и Уильям Беверидж, Джон Мейнард Кейнс и др. Важно также то, что проблема «социального либерализма» (или «либерального социализма») привлекла внимание научного и политического сообщества не только в Британии, но в 90-е годы вызвала широкий интерес ученых и политиков во многих странах Европы, включая Россию[1]. 60 лет спустя после своего выхода в свет, в 1989 г., на русский язык была переведена книга итальянского мыслителя Карла Россели «Либеральный социализм»[2].

«Третий путь» и либерализм

Тони Блэр не раз выражал сожаление, что в период между двумя мировыми войнами произошел разрыв между прогрессивным либерализмом и лейборизмом. Некоторые шаги «новых лейбористов» в начальный период пребывания у власти, особенно те из них, которые были направлены на политическую децентрализацию и конституционное переустройство, он считал залогом возрождения союза двух идеоло-

---

[1] Мысливченко А.Г. Западная социал-демократия: поиски обновления // Свободная мысль — XXI, 1999, № 5.

[2] Россели Карл. Либеральный социализм. Рим: Mondo Operaio, 1989.

гий, призванного социально реформировать общество[1]. В своей речи на ежегодной конференции ЛПВ в 1997 г. Блэр заявил: раскол радикалов, случившийся почти столетие назад, привел к доминированию консерваторов в XX в. Рой Дженкинс, оказавший заметное влияние на формирование взглядов Блэра, еще в середине 80-х годов выдвинул тезис: идеологические различия между социальным либерализмом и социал-демократией — самые незначительные[2]. Позже о прогрессивной традиции, сложившейся в Великобритании в результате сближения либерализма и социализма, о том, что распад этого союза в межвоенный период привел к доминированию консерваторов, писал Дэвид Маркуэнд[3].

Связь лейборизма с либерализмом обосновывал тезис о том, что «цель социализма — раскрепощение индивида». Уже в годы руководства ЛПВ Нилом Кинноком такие идеологи партии, как Брайан Гулд и Рой Хаттерсли, начали трактовать ценность «свободы» не как «уничтожение классового господства», а как «свободу индивида»[4]. Идея о том, что британский левоцентризм ориентирован на защиту интересов индивида, получила окончательное обоснование в работах идеологов «нового лейборизма» Тони Райта, Энтони Гидденса и др.[5] Кроме того, путь для проникновения идей либерализма в формирующуюся доктрину был открыт после изменения Устава ЛПВ в 1995 г., когда была разорвана связь между социализмом и национализацией и окончательно была списана версия британского лейборизма Эньюрина Бивана и Энтони Кросленда.

К 1997 г. почва для сближения британского либерализма с лейборизмом была хорошо подготовлена. В распоряжении правительства имелись предложения Комиссии социальной справедливости, созданной по инициативе Джона Смита, и Комиссии лорда Дарендорфа, учрежденной Пэдди Эшдауном. Основательно тематика конституционных реформ разрабатывалась движением Хартии 88. Деятельность этих организаций объединяли либеральный подход в политике и неокейнсианский — в экономике, убежденность в необходимости сущест-

---

[1] Blair Tony. *Let Us Face the Future*. London: Fabian Society, 1995. P. 4, 11–12.

[2] Jenkins Roy. *Partnership of Principle: Writings and Speeches on the Making of the Alliance*. London: The Radical Centre/Secker & Warburg, 1985.

[3] Marquand David. *The Progressive Dilemma*. London: Heinemann, 1991.

[4] Gould Bryan. *Socialism and Freedom*. London: Macmillan, 1985; Gould Bryan. *A Future for Socialism*. London: Cape, 1989; Hattersley Roy. *Choose Freedom: The Future for Democratic Socialism*. London: Joseph Michael, 1987.

[5] Wright Tony. *Socialisms — Old and New*. London and New York: Routledge, 1996; Giddens Anthony. *The Third Way*. Cambridge: Polity Press, 1998.

венной перестройки британской рыночной модели и децентрализации механизма принятия решений, проевропейская ориентация.

Многие из тех, кто рассматривал элементы «нового либерализма» как существенную часть концепции «третьего пути»[1], например Дэвид Маркуэнд и Уилл Хаттон, Джон Грей и Самуэль Бир, Ральф Дарендорф и Рой Хаттерсли, считали, что лейбористы, приступив к модернизации страны, остановились на полпути и отклонились от изначально взятого курса. Некоторые выступали против упрощенного толкования «третьего пути» как модернизированной версии «нового либерализма»[2]. Однако все сходились в том, что бюрократические и управленческие инстинкты взяли верх и не позволили «новым лейбористам» последовательно провести серию конституционных реформ. Правительство не раз противодействовало тем силам плюрализма и разнообразия, которые оно высвободило на начальном этапе деволюции и демократизации органов центральной власти. Иные обещания были и вовсе отложены в долгий ящик, в первую очередь проведение референдума о реформе избирательной системы.

Ряд представителей леволиберального течения считали нужным использовать его потенциал при условии, что «социальный либерализм» инкорпорирован в социал-демократическое мировоззрение, а не наоборот[3]. Эта позиция основывалась на идейном наследии видного американского философа Джона Ролза, в частности представленном в его труде «Теория справедливости»[4]. Ролз разработал понятие «инфраструктура справедливости», а также «тест на справедливость», которые не оставляют места утилитаризму в качестве основы либеральной философии. Если от Дэвида Юма, Джона Стюарта Милля и Генри Сидгвика шла традиция утилитаризма в либеральной мысли, то Ролз возродил традицию социального контракта, идущую от Томаса Гоббса, Джона Локка, Жан-Жака Руссо и Эммануила Канта.

«Инфраструктура справедливости» обеспечивает базовые права, свободы и достойный уровень существования для каждого, а «тест на справедливость» — реальное, а не формальное применение принципа равенства возможностей. Справедливо то общество, в котором богатые, окажись они на месте бедных, посчитали бы разрыв в доходах

---

[1] См., например: Gray John. *New Labour has abandoned a redistributive, social democratic idea of justice without putting anything in its place.* Prospect, November 1997; Beer Samuel. *Liberalism rediscovered.* The Economist, 7 February 1998. P. 23–29.

[2] Hutton Will. *The truth about Gladstone's liberalism.* The Observer, 27 December 1998.

[3] Hutton Will. *Essential truths of a fair-minded man.* The Observer, 1 December 2002. См.: Rogers Ben. *John Rawls.* The Guardian, 27 November 2002.

[4] Rawls John. *A Theory of Justice.* Harvard: Harvard University Press, 1971.

и статусе между богатыми и бедными приемлемым. Такое общество терпимо относится к социальному расслоению, но ставит условие, что улучшение жизни преуспевающих должно сопровождаться улучшением жизни нуждающихся, а также выступает против структурного неравенства в системе социального обслуживания. Не удивительно, что либертарианец Роберт Нозик отрицательно относился к такой трактовке либерализма.

К идейному наследию Джона Ролза в начале 80-х годов обратились правые социал-демократы, отколовшиеся от ЛПВ. К этому времени тема возрождения идеологии либерализма уже получила развитие в британской политологии[1]. Часть «новых лейбористов» из лагеря Гордона Брауна, а также Джона Прескотта, тяготела к обновленной социал-демократической идеологии, созвучной концепции социального и демократического либерализма. Симпатизирующие им политологи с большой настороженностью относились к дрейфу правительства в сторону «прогрессивного», «центристского», «социального» либерализма, опасаясь, что в результате будет выхолощена социал-демократическая концепция социальной справедливости и «третий путь» окажется на поверку не обновленной версией левоцентризма, а умеренной версией неолиберальной модели развития, модернизированного «гладстоновского либерализма». Самуэль Бир, мэтр американского англоведения, подходил к этой проблеме избирательно, считая, что либерализм XIX в. был кредо Тэтчер, а Блэр заглядывал в прошлое не дальше Ллойд Джорджа[2].

Связь «нового лейборизма» с либеральным наследием прослеживается при анализе понятия «третий путь» с точки зрения его противопоставления «старым левым» и «новым правым», что, в свою очередь, подразумевает существование не только феномена «новых левых», но и «старых правых». В данном случае речь идет о явлениях в консервативном и лейбористском течении британской политики, но данный метод анализа применяется и к либеральной мысли, в которой выделяются феномены «классического» и «нового либерализма».

Доктрина классического либерализма сложилась в XIX в. на основании принципов лессеферизма — свободного рынка, «государства — ночного сторожа», негативной концепции свободы. Позиция теоретиков «новых правых» состояла в том, что классический либерализм — феномен внеисторический, непреходящий, который большую

---

[1] См., например: Freeden Michael. *The New Liberalism: An Ideology of Social Reform*. Oxford: Clarendon Press, 1978.

[2] Beer Samuel. *Liberalism rediscovered*. The Economist, 7 February 1998. P. 24.

часть XX в. был скрыт под напластованиями «нового либерализма». Последний открыл шлюзы потоку коллективистских идей, «затопивших» страну, пока неоконсерваторы не восстановили истинный либерализм в правах.

Понятие «новый либерализм» появилось в Великобритании в 90-е гг. XIX в., и обозначало оно «прогрессивную», «радикальную» политическую позицию в рамках представлений об эволюционном развитии общества. Нередко эта позиция ассоциировалась с представлением о «либеральном социализме». Однако благодаря реформам 1906–1914 гг. «новый либерализм», именуемый также социальным, окончательно закрепился в британском политическом лексиконе как синоним социального реформаторства. По ряду принципиальных вопросов он вступил в прямое противоречие с доктриной классического либерализма, противопоставив ей позитивную концепцию свободы, умеренный коллективистский взгляд на государство, рынок и человеческую природу.

Фактически в межвоенный период были заложены первые камни в фундамент партийного консенсуса, сложившегося после 1945 г. на базе реформ лейбористского правительства Клемента Эттли, который Дэвид Маркуэнд охарактеризовал как «кейнсианскую социал-демократию»[1]. «Промышленное будущее Британии» — программа реформ «новых либералов», опубликованная в 1928 г., содержала подходы, реализованные после Второй мировой войны в виде экономики спроса, полной занятости, «государства благосостояния».

В довоенные годы идейное воздействие новолиберальной мысли на Лейбористскую партию происходило не только извне. В ряды ЛПВ после оттеснения Либеральной партии на третьи роли в британской партийно-политической системе перешли видные фигуры из лагеря «новых либералов»: Ричард Хелдейн, Джон Хобсон, Чарльз Ф. Тревельян и другие. Джон Мейнард Кейнс и Уильям Беверидж — два идейных столпа послевоенной социоэкономической модели — считали себя прогрессивными либералами. Теоретические подходы мыслителей-социалистов Гарольда Ласки, Джорджа Коула и Ричарда Тоуни во многом перекликались с идеями «нового либерализма». По мнению Тревельяна, Лейбористская партия представляла собой самого надежного хранителя либеральных ценностей[2]. «Возможно, лучшая услуга, — писал Кейнс, — которую Либеральная партия оказывает государ-

---

[1] Marquand David. *The Unprincipled Society*. London: Collins/Fontana, 1988.

[2] Цит. по: Freeden Michael. *Liberalism Divided: A Study in British Political Thought 1914–1939*. Oxford: Claredon Press, 1986. P. 210.

ству, — предоставление кадров для консервативных правительств и идей — для лейбористских»[1].

Подобное «перетекание» людей и идей между Либеральной и Лейбористской партиями происходило и позже. Так, Социал-демократическая партия, созданная в 1981 г. отколовшимися от ЛПВ правыми лейбористами, слилась в 1987 г. с Либеральной партией, образовав Партию либеральных демократов (ПЛД). В 90-е годы, после закрепления у руководства ЛПВ «новых лейбористов», немало бывших раскольников вернулось в ее ряды. Этот процесс внес свою лепту в сближение позиций ЛПВ и ПЛД по ряду вопросов, способствовал «поправению» одной и «полевению» другой.

«Новые лейбористы» восприняли из либерального наследия усеченную идею «инфраструктуры справедливости», допускающую относительный рост социального неравенства, ослабление взаимосвязи между отдельными элементами «государства благосостояния» и отдаленно напоминающую концепцию «страховочной сетки». Тони Блэр не раз высказывался за создание «либеральной прогрессивной коалиции», призванной по его замыслу надолго лишить «консервативные силы» перспективы прихода к власти. «Мое видение заключается в том, что “новый лейборизм” должен стать сродни Либеральной партии XIX века, — заявил он в одном из своих выступлений, — широкой коалицией сторонников прогресса и справедливости»[2].

В свете этого естественным было ожидать сближения «новых лейбористов» с либерал-демократами — прямыми потомками классической Либеральной партии. Многие конституционные реформы, запущенные после 1997 г., были заимствованы из политического наследия. В результате «третий путь» обрел характерный либеральный оттенок, появилось немало прогнозов о возможности более тесного сотрудничества между ЛПВ и ЛДП в будущем.

Не противоречит ли интерес «новых лейбористов» к социальному либерализму тому, что последний считается предтечей послевоенного партийного консенсуса и, следовательно, принадлежит к отвергнутому «новыми лейбористами» идейному наследию «старых левых»? Дэвид Маркуэнд так с сожалением характеризует «новый лейборизм»: «Это не социализм и даже не социал-демократия или социальный либерализм. Это отказ от традиции, которую олицетворяют такие социал-демократические лидеры, как Вилли Брандт, Гельмут Шмидт,

---

[1] Keynes J.M. *Liberalism and Labour*. The Nation, 20 February 1926.

[2] White Michael. *Blair's praise for the Liberal Victorian way*. The Guardian, 16 December 1998.

Эрнест Бевин и Хью Гейтскелл. Его сторонники повернулись спиной к Кейнсу и Бевериджу»[1]. Однако если принять во внимание, что в межвоенный период концепция «нового либерализма» имела несколько толкований, то право на существование имеет точка зрения, что «новые лейбористы» лишь очистили прогрессивное либеральное наследие от более поздних идейных напластований в целях его воссоединения с лейборизмом. Эта мысль содержится во многих выступлениях Тони Блэра, в которых он призывает «не к разрыву с традициями социализма, а к восстановлению их истинного смысла»[2].

Действительно, при внимательном рассмотрении «новый либерализм» — явление неоднородное, которое сильно фрагментировалось под влиянием опыта Первой мировой войны и последующего развала Либеральной партии. Специалист по либеральной мысли Эндрю Винсент при рассмотрении периода после 1918 г. выделяет в «новом либерализме» несколько направлений[3]. К воззрениям левой направленности он относит взгляды Джона Хобсона и некоторых других либералов, перешедших в ряды Лейбористской партии. Их интересовали в первую очередь вопросы социальной справедливости и развитие сферы государственных услуг. Второе направление представлено среди прочих Леонардом Т. Хобхаусом, Гербертом Самуэлем и Чарльзом Ф. Мастерманом, которые придерживались более традиционных либеральных взглядов на ограниченную роль государства и автономию индивида. Винсент считает, что воззрения именно этой группы были наиболее близки «новому либерализму» образца 1906–1914 гг.

Третье направление, ведущими представителями которого были Кейнс и Беверидж, Винсент характеризует как правый уклон, хотя представляется, что это направление политической мысли в данной классификации занимает промежуточное положение между двумя описанными. И Кейнс, и Беверидж считали необходимым расширить регулирующие функции государства, но не проявляли интерес к позитивной концепции свободы и коллективистской этике. Предложенные ими реформы носили характер «коллективистского бентамизма», были, по существу, инструментарными, утилитарными и в конечном счете были направлены не на ослабление, а на укрепление либеральных институтов. Аргументирована точка зрения, что социально-экономические реформы, предпринятые после 1945 г. лей-

---

[1] Marquand David. *The Blair Paradox*. Prospect. May 1998. P. 19.

[2] Blair Tony. Speech to Fabian Society Conference, 18 June 1994.

[3] Vincent Andrew. *New Ideologies for Old?* The Political Quarterly. Oxford, Blackwell Publishers, Volume 68, 1998. P. 55.

бористами, исказили дух реформаторских проектов Кейнса и Бевериджа в части их либеральной направленности.

Таким образом, между двумя мировыми войнами спектр идей в рамках «нового либерализма» значительно расширился, что дало возможность разнообразным политическим силам обращаться к либеральному наследию и в его классическом, и в обновленном виде. Приятие «старыми левыми» и «старыми правыми» правил партийного консенсуса, сложившегося в Великобритании после Второй мировой войны, в значительной степени стало возможным благодаря поздним модификациям «нового либерализма», который, по сути, стал одной из составляющих «общего знаменателя» для центристских фракций и в Лейбористской, и в Консервативной партии.

В 80–90-е гг., перефразируя название известной книги Джорджа Дэнджерфилда «Странная смерть либеральной Англии», не раз писали о «странном возрождении либеральной Британии»[1]. По мнению одного из политических обозревателей, «либерализм — примечательная амальгама секуляризма, нонконформизма, радикализма, интернационализма, возвышенности духа... комбинация, которую теперь мы именуем «блэризмом», стала идеологической доминантой 90-х годов»[2]. Действительно, значение либерального наследия в развитии политического дискурса в Соединенном Королевстве велико, но абсолютизировать его не стоит. Упрощением представляются выводы о том, что «...после 1945 г. спор в Британии шел в основном между вариантами классического и “нового либерализма”», что «социал-демократия, либеральный социализм, теория социального рынка могут рассматриваться в качестве вариаций, граней “новолиберального” мышления» или что «с 30-х годов реформистский государственный социализм стал настоящим приютом для “нового либерализма”»[3].

Более плодотворен подход, предложенный Стивом Баклером и Дэвидом Доловицем. В духе учения Джона Ролза они отстаивают «социально-либеральную» суть концепции «третьего пути» и оспаривают тезис о том, что «третий путь» механически заимствует идеи у других идеологических традиций. Баклер и Доловиц так охарактеризовали тенденции после выборов 1997 г.: «...либеральная база идеологии “нового лейборизма” консолидировалась благодаря тому, что

---

[1] См. например: Bradley Ian. *The Strange Rebirth of Liberal Britain*. London: Chatto & Windus, 1985; Dangerfield George. *The Strange Death of Liberal England 1910–1914*. London, Glanadu, New York: Capricorn Books, 1935, 1961.

[2] Harris Robert. *Strange rebirth of Liberal England*. The Sunday Times, 29 November 1998.

[3] Vincent Andrew. Op. cit. P. 56–57.

“третий путь” эволюционировал в соответствии с взглядами Блэра на социальное сотрудничество как на “контракт между членами гражданского общества”»[1].

По их мнению, «третий путь» занял промежуточное положение между демократическим социализмом и неолиберализмом, «опираясь на фундаментальные либеральные индивидуалистические принципы и в то же время сохраняя верность перераспределительной модели социальной справедливости»[2]. При этом его идейным ядром взамен эгалитарного коллективизма стало сочетание заимствованного у неолиберализма представления о справедливости, носящей «процедурный» характер, и принципа «честности» при распределении общественных благ[3].

«Третий путь» использует неолиберальную концепцию справедливости, которая предусматривает обеспечение свободы рыночной конкуренции при минимальном государственном вмешательстве, но обогащает ее моральной составляющей, облагораживает принципом равноценности каждого. С одной стороны, отвергаются любые манипуляции, ведущие к уравниловке, с другой — признается, что рынок требует регулирования. «Идейное обоснование этого подхода, — пишут Баклер и Доловиц, — базируется на либеральном толковании теории общественного договора, при котором особая забота о личной автономии соседствует с признанием равноценности каждого. Последнее обстоятельство требует, чтобы условия договора отвечали принципу честности, что, в свою очередь, возлагает обязанность по обеспечению справедливости на государство...»[4]

Результатом такого сочетания становится концепция, которую можно назвать «справедливость как честность» или «равенство возможностей плюс». «Новые правые» понимали равенство возможностей как меритократию, а «старые левые» — как обеспечение одинаковых стартовых возможностей в жизни и последующее решение проблемы социального неравенства с помощью прогрессивного налогообложения, перераспределения и государственной собственности. Вот как эту проблему характеризовал сам Тони Блэр: «Для правых “возможность” означала свободу индивида от государства... Левые

---

[1] Buckler Steve, Dolowitz David. *New Labour’s Ideology: A Reply to Michael Freeden*. The Political Quarterly. Oxford: Blackwell Publishers, Volume 71, 2000, P. 103.

[2] Ibid. P. 102.

[3] «Справедливость» — от англ. justice; «честность» — от англ. fairness.

[4] Buckler Steve, Dolowitz David. *New Labour’s Ideology: A Reply to Michael Freeden*. The Political Quarterly. Oxford: Blackwell Publishers, Volume 71, 2000, P. 108.

со своей стороны не особенно заботились о предоставлении широких возможностей для улучшения жизни граждан и их семей. В худшем случае их действия препятствовали реализации возможностей во имя абстрактного равенства»[1].

Помимо положений об общественном домене и социальном либерализме идеология «третьего пути» опиралась на большой массив коммунитарных идей, в частности на концепцию «экономики соучастия», или стэйкхолдерства[2]. Как и «третий путь», она была импортирована в Великобританию из-за рубежа и основана главным образом на опыте Германии и Японии. «Экономика соучастия» противопоставлялась «экономике акционерного капитала», которая была стержнем англосаксонской модели развития. В первом случае упор делался на принципы заинтересованности максимально широкого круга субъектов экономической деятельности в конечном продукте труда, долгосрочности отношений в производственной и финансовой сфере, этики доверия. Во втором — на доминировании интересов лишь одной группы — акционеров, на «свободе рук» менеджмента, максимальном увеличении прибыли и жестких отношениях найма-увольнения на рынке труда. В экономической науке концепция «экономики акционеров» играла роль, схожую с ролью концепции «общественного выбора» в политологии. Она была основана на аналогичной методологии изучения действий человека — с утилитарных позиций.

В Великобритании доктрина «соучастия» изначально была концепцией экономической науки, но со временем она стала обозначать сумму преимуществ европейской континентальной социоэкономической модели, а «экономика акционерного капитала» — недостатки неолиберальной. «Соучастие» стыковалось с понятиями «включенности» и «исключенности», характерными для «третьего пути». «Соуча-

---

[1] Blair Tony. *The Third Way*. London: Fabian Society, 1998. P. 3.

[2] От англ. stakeholding. Впервые тема «совладения» была озвучена на уровне руководства Лейбористской партии в выступлении Тони Блэра на конференции ЛПВ в марте 1995 г., а затем во время посещения Сингапура в январе 1996 г. Более подробно о коммунитаризме и некоторых аспектах «соучастия» см.: Новинская М.И. Коммунитарная парадигма: модификация левой идеи в западной политической культуре // МЭиМО, № 4, 2000; Перегудов С.П. Политические сдвиги в странах Запада. М., 1989; Перегудов С.П. Западная социал-демократия на рубеже веков // МЭиМО, № 6–7, 2000; Громыко Ал.А. Указ. соч. С. 115–123; Hutton Will. *The Stakeholding Society: Writings on Politics and Economics*. London: Blackwells, 1999; Plender John. *A Stake in the Future. The Stakeholding Solution*. London: Nicholas Brealey Publishing, 1997.

стие» имело и немало противников. Известными критиками стэйкхолдерства в экономических кругах были Патрик Минфорд[1], Самуэль Бриттан, Тим Конгдон, в политических — Дэвид Уиллетс, бывший член правительства Джона Мейджора. Они рассматривали «соучастие» как скрытую форму чужеродной коллективистской парадигмы, неприемлемой для индивидуалистической культуры Британии, и считали, что «экономики соучастия» (Германия, Япония и др.) выработали свой ресурс и вступили в эпоху кризисов.

В рамках «третьего пути» «соучастие» имело как своих апологетов, так и умеренных сторонников. Среди первых наибольшей известностью пользовался Уилл Хаттон, разработавший внушительную критику «джентльменского капитализма», в котором финансовые интересы попирают интересы реальной экономики. Хаттон призвал к более смелому заимствованию континентально-европейских традиций социального рынка[2]. Среди вторых выделялись политический комментатор Джон Плендер и экономист Джон Кей[3]. Однако и те и другие отрицательно оценивали чрезмерную индивидуализацию британского общества. «Британская форма капитализма... — писал Плендер, — построена на представлении об атомизированном обществе. Менеджер, работник, потребитель, поставщик и акционер рассматриваются изолированно друг от друга...»[4] И те и другие выступали за то, что оценить результаты деятельности рынка можно, только увязав их с социальным контекстом, что право собственности не абсолютно, а собственник обладает не только правами, но и несет обязательства перед обществом.

Характерно, что, как и в случае с аргументацией в пользу общественного домена, приверженцы «соучастия» в Британии не выступали за возврат к системе государственного патернализма и экономического интервенционизма, а призывали к перестройке посреднических структур и институтов, включая компании и профсоюзы, механизмы трипартизма (сотрудничества государства, работодателей и наемных рабочих), двустороннего взаимодействия. «Соучастие» представало как один из аспектов поиска «третьего пути» между интересами кол-

---

[1] Minford Patrick. *Markets Not Stakes: The Triumph of Capitalism and the Stakeholder Fallacy*. Trafalgar Square, Orion Business Books, 1999.

[2] Hutton Will. *The State We're* London: Vintage, 1996; Will Hutton. *The Stakeholding Society: Writings on Politics and Economics*. Blackwells, 1999; Hutton Will. *The World We're In*. London: Little, Brown, 2002.

[3] Plender John. *A Stake In the Future*. London: Nicholas Brealey Publishing, 1997.

[4] См.: Plender John. *Has the robust health of the freewheeling British economy weakened the case for stakeholding?* Prospect magazine, February 1997. О культуре доверия см.: Fukuyama Francis. *Trust*. London: Penguin Books, 1995.

лектива (в форме государственной власти, общества, группы населения) и индивида.

По мнению сторонников «соучастия», сильная сторона «экономики акционеров» — практика поглощения и перекупки компаний оказалась в то же время ее слабостью. С одной стороны, создавались условия для поддержания строгой финансовой дисциплины и увеличения отдачи от единицы вложенного капитала, с другой — в большинстве случаев акционеры «компании-захватчика» оказывались в проигрыше, а объединение бизнеса приносило малозначительную прибыль. Кроме того, часто жертвами становились нормально функционирующие компании, а «захватчик» необоснованно переплачивал за сделку. После завершения поглощения для оправдания понесенных расходов и для удовлетворения ожиданий рынка управляющие спешили получить прибыль, в том числе за счет сокращения вложений в человеческий и физический капитал. Тем самым поощрялось не долгосрочное, а краткосрочное планирование.

Со временем представление об акционерах как о наиболее рискующей в бизнесе и, следовательно, заслуживающей главной награды группе «соучастников», перестало отражать реальное положение дел. Банкротства крупных компаний, акции которых составляют большую часть фондового рынка, были исключением из правила. В действительности риск оказался переложен на плечи наемных работников, которые, несмотря на значительно возросшие усилия по защите своего положения на рынке труда, оказывались первыми жертвами экономических неурядиц. В условиях краткосрочного экономического планирования даже по сравнению с акционерами главный выигрыш доставался высшему слою управленцев[1].

Доктрина «соучастия» в Соединенном Королевстве имела свою предысторию. В 80-е годы тэтчеристы руководствовались идеями «народного капитализма» и «демократии собственников», согласно которым максимальное количество граждан должно было превратиться в частных собственников и «ответственных» избирателей, а значит, и в сторонников Консервативной партии. Этими идеями, а также стремлением подчинить профсоюзы и повысить эффективность экономики и объяснялось, почему программе приватизации было отведено центральное место в неолиберальных реформах. Лейбористы же задолго до «новых правых» внедряли идею «соучастия» противоположным образом — путем национализации и развития общественной

[1] О защите концепции «экономики акционеров» см.: *Stakeholding and Its Critics.* Institute of Economic Affairs. London, 1997.

собственности. Оба варианта принесли свои плоды, но лишь на ограниченном отрезке времени.

Если в 70-е годы с многочисленными трудностями столкнулся государственный сектор экономики, то в 90-е годы подорванной оказалась репутация политики приватизации и акционирования. Хотя в 1979–1991 гг. количество акционеров в Великобритании увеличилось с 3 до 11 млн человек, для большинства из них владение акциями оставалось вторичным источником дохода. За 90-е годы количество акционеров в стране не увеличилось, а снизилось; капиталы переводились в более прибыльные формы инвестирования. Кроме того, частные держатели мелких и средних пакетов акций обнаружили, что их голос в управлении компаниями мало что значит.

Справедливо то, что в 80–90-е гг. показатели конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности и экономического роста у Великобритании были лучше, чем у континентальной Европы в целом и у Японии. Однако сторонники «соучастия» задавали вопрос: была ли оправдана заплаченная за это цена — углубление социального неравенства, усиление неопределенности на рынке труда, снижение качества жизни под прессом «культуры трудоголиков»? Опасения по поводу девальвации «социального капитала» находили множество подтверждений, включая показатель ВВП на душу населения, по которому Великобритания так и не нагнала своих основных европейских конкурентов.

В Великобритании пристальное внимание уделялось опыту Германии, Японии, Скандинавских стран, где «соучастие» внедрялось на уровне рабочего места, посредством вовлечения работников в процесс управления производством и участия в прибылях, а также с помощью балансирования между интересами всех сторон, занятых в производстве и потреблении конкретного продукта или услуги. Однако в этих странах в 80–90-е гг., в условиях либерализации и глобализации финансовых рынков, появились структурные перекосы. Искусственно заниженная стоимость капитала и низкая мобильность на рынке труда (факторы, которые раньше обеспечивали конкурентное преимущество) превратились в тормоз экономического развития[1].

Умеренные сторонники «соучастия» утверждали, что выход из создавшегося положения не в дальнейшем закреплении в Британии англосаксонской модели и не в буквальном копировании зарубежного опыта стэйкхолдерства, а в развитии его модернизированных

[1] См.: Plender John. *A New Third Way*. Prospect Magazine, February 1998.

форм, притом что принципы, на которых оно основано (культура доверия, лояльности и партнерства, трипартизм, элементы промышленной демократии), неизменны. Именно они являются источником воспроизводства «социального, человеческого капитала», который в отличие от «капитала физического» составляет приоритетную черту «экономики знаний», столь популярной на первых порах среди «новых лейбористов». Среди предложений по внедрению или реабилитации принципов «соучастия» значились: развитие смешанного типа пенсионного обеспечения, принявшего в Британии форму «стэйкхолдерской пенсии», развитие механизмов участия работников в прибылях, наделение их акций льготным статусом, реформирование корпоративного менеджмента, активная государственная политика в области повышения квалификации рабочей силы и др.[1]

Кроме того, Дж. Плендер и Дж. Кей не только показали, что крупные британские компании, в том числе «Маркс энд Спенсер», «Юнипарт», англоголландские «Юнилевер» и «Шелл», добровольно принялись за реформирование корпоративной культуры в направлении создания «социально ответственного капитала», но и что «экономика акционерного капитала» не была для Британии безальтернативной. Однако опасения вызывало то, что неолиберальная модель все глубже пускала корни. Большинство ее критиков были евроэнтузиастами, которые полагали, что контроль над процессами, вышедшими из-под власти государства, удастся вернуть на общеевропейском уровне.

Коммунитаризм и концепция «соучастия», несмотря на надежды середины 90-х годов, не получили под сенью «третьего пути» последовательного развития, использовались «новыми лейбористами» фрагментарно, от случая к случаю. Феномен «третьего пути» не сформировался к 1997 г. в качестве самостоятельной политической идеологии, хотя концепции демократического социализма, этатистской социал-демократии, смешанной экономики и социального рынка уже были признаны устаревшими. Подходы, примененные «новыми лейбористами» под лозунгами «третьего пути», способствовали устранению или смягчению недостатков тэтчеризма, однако не привели в первые годы нахождения ЛПВ у власти к появлению очертаний новой социоэкономической модели развития.

---

[1] О развитии концепции «стэйкхолдерства» американскими исследователями см.: Galbraith J.K. *The Good Society. The Human Aganda*. London: Sinclair-Stevenson, 1996; Ackerman Bruce, Alstott Ann. *The Stakeholder Society*. Yale, 1999.

Поздние интерпретации «третьего пути»

Другие британские исследователи выступили с иных позиций, усматривая в «третьем пути» нечто большее, чем новую модификацию «социального либерализма», социал-демократии или иных вариантов с приставкой нео- и пост-. «Он расположен, — писал Майкл Фридэн, — между тремя великими западными идеологическими традициями — либерализмом, консерватизмом и социализмом, хотя и не равноудален от них»[1]. «Отход лейборизма от старых социал-демократических целей и средств сопровождался, — считали другие исследователи, — дрейфом к включению неолиберальных и консервативных элементов в его экономическую и социальную политику»[2].

В развитие этого подхода Майкл Кенни и Мартин Смит предложили многомерный анализ «третьего пути». Этот анализ — шаг вперед по сравнению с многочисленными интерпретациями «нового лейборизма» в целом и «третьего пути» в частности, основанными на понятиях традиционного политического дискурса[3]. С середины 90-х годов было предложено множество объяснений феномена модернизации ЛПВ, однако каждое из них, как правило, раскрывало лишь одну из сторон этого явления. Некоторые сохраняют свою убедительность до сих пор, другие оказались опровергнуты ходом событий.

Вряд ли серьезно можно относиться к излюбленной британскими консерваторами версии о том, что «новые лейбористы» — скрытые «старые левые», которые не мытьем, так катаньем реализуют свою политику. Время, прошедшее с 1997 г., показало, что в этом их обвинить нельзя. Не вносят ясности заверения самих «новых лейбористов», что «третий путь» — это достижение неизменных ценностей новыми методами. Например, для большей части лейбористского движения национализация в том или ином объеме, активная политика перераспределения национального богатства были целью, однако в рамках «третьего пути» стали лишь средством.

---

[1] Freeden Michael. *The Ideology of New Labour*. The Political Quarterly. Oxford: Blackwell Publishers, Volume 70, 1999. P. 48.

[2] Driver Stephen, Martell Luke. *New Labour. Politics after Thatcherism*. Polity Press, 1998. P. 164.

[3] См. подробнее: Kenny Michael, Smith Martin. *(Mis)understanding Blair*. The Political Quarterly. Oxford: Blackwell Publishers, Volume 68, No 3, July–September 1997; Smith Martin. *Tony Blair and the Transition to New Labour*. In: *The Labour Party. A Centenary History*. Brivati Brian and Heffernan Richard (eds.). London: Macmillan Press, 2000. P. 150–156, 158–159.

Отметим следующие интерпретации. «Третий путь» наряду с реформами эпохи тэтчеризма характеризовали как составную часть неолиберального консенсуса[1]. В политологическом лексиконе появилось понятие «догоняющая политика», подразумевающее сознательное копирование лейбористами политики консерваторов для улучшения своего имиджа[2]. Аргументы, подкрепляющие эту позицию, очевидны: симпатии «новых лейбористов» к свободно-рыночной модели развития, фискальный консерватизм, отказ от ренационализации и пересмотра профсоюзного законодательства 80-х годов, внедрение рыночных механизмов в сфере «государства благосостояния» и многое другое.

Несомненно, эпоха тэтчеризма оказала большое влияние на мировоззрение нового поколения лейбористов, однако даже среди левых критиков «новых лейбористов» мало кто ставил знак равенства между «третьим путем» и неолиберализмом. Действительно, некоторые их ключевые реформы шли вразрез с неолиберальной политикой: введение минимального уровня оплаты труда и законодательство о признании профсоюзов, присоединение к Социальной главе Маастрихтского договора и активное участие в процессах европейской интеграции, увеличение государственных субсидий в сфере образования и здравоохранения и др. Если тэтчеризм был антагонистичен, жестко противопоставлял себя другим идейным доктринам, активно использовал образ как внутреннего, так и внешнего врага, то рефреном «третьего пути» была тема включенности, синтеза, объединения, соучастия. Индивидуализм неолибералов был самодостаточен, а для «новых лейбористов» он был желателен лишь в широком социальном контексте, который больше не ассоциировался с государством, но и не сводился только к семейным отношениям и сообществам по месту жительства. Патриотизм тэтчеристов балансировал на грани джингоизма, а лейбористы помещали его в общеевропейский контекст.

Некоторые исследователи усматривали в «третьем пути» не только неолиберальные черты, но и качества традиционного консерватизма[3]. Для риторики адептов последнего характерны морализаторство, соци-

---

[1] Foot Paul. *A Labour Party Thatcher can be Proud of*. The Guardian, 26 March 1996; Heffernan Richard. *New Labour and Thatcherism*. London: Macmillan, 1999; Hay Colin. *The Political Economy of New Labour: Labouring under False Pretences*? Manchester University Press, 1999.

[2] Hay Colin. *Labour's Thatcherite revisionism: playing the «politics of catch-up»*. Political Studies, No 42, 1994; Smith Martin J. *Understanding the «politics of catch-up»: the modernization of the Labour Party*. Political Studies, No 42, 1994.

[3] Driver Stephen, Martell Luke. *New Labour. Politics after Thatcherism*. Polity Press, 1998. P. 167–169.

альный авторитаризм, обращение к христианской этике, вера в необходимость структурированной социальной солидарности. Лейбористы, отказавшись от анализа социальных явлений на основе классового признака, переняли у консерваторов идею «одной нации», жесткий подход к решению вопросов закона и порядка, асоциального поведения. Философ-консерватор Роджер Скратон писал в 1996 г.: «По мнению многих, в настоящее время политика Консервативной партии ведет к социальной фрагментации во имя меркантильных интересов индивида, тогда как оппозиция олицетворяет целебную силу сообщества и компромисса... Сам по себе рынок, освобожденный от институциональных ограничений, может представлять угрозу традиционным формам социальной жизни, обычаям, религии и морали»[1].

Однако сторонники этой точки зрения упускали из виду тот факт, что лейбористы вполне могли черпать подобные взгляды из своего собственного идейного багажа, используя традиции этического и христианского социализма. Кроме того, как и в случае с вписыванием «новых лейбористов» в рамки неолиберального консенсуса, в их политике имелись тенденции совсем иного порядка: неприятие устаревших норм и институтов, выразившееся в модернизации структуры и идеологии ЛПВ, культурный плюрализм, децентрализация власти посредством конституционных реформах и др.

Среди ученых левых взглядов было популярным рассматривать «третий путь» как венец растянувшегося на весь XX в. процесса поправения ЛПВ, буржуазного приспособленчества, отказ от трансформации капитализма на основе концепции «парламентского социализма»[2]. С их точки зрения, происходила «американизация» британской политической жизни: партийная система все меньше отражала не только классовые различия, но и широкую палитру общественных мнений и разногласий; партии, в первую очередь их внепарламентские структуры, становились обслуживающим механизмом либо партийных верхов, либо правительства, а не платформой для широкого обсуждения проблем, волнующих общество. Лейбористская партия постепенно превратилась из партии социалистической в социал-демократическую, а затем и в леволиберальную. Вначале возобладало то направление в лейборизме, согласно которому главная обязан-

---

[1] Цит. по: Driver Stephen, Martell Luke. *New Labour. Politics after Thatcherism*. Polity Press, 1998. P. 168.

[2] Miliband Ralph. *Parliamentary Socialism*. London, Merlin Press, 1961; Thompson Willie. *The Long Death of British Socialism*. London: Pluto, 1993; Panitch Leo, Leys Colin. *The End of Parliamentary Socialism. From New Left to New Labour*. London: New York, Verso, 2001.

ность партии — защита экономических интересов отдельных групп рабочего класса. Затем в 50–60-е гг. наступил черед ревизионистов. Наконец, в 80–90-е гг. ревизионизм сам подвергся ревизии, и Тони Блэр, провозгласив принцип перманентной идейной эволюции, отказался от идеи социализации общества, стремясь максимально приспособиться к существующему политическому консенсусу на основе правил игры крупного финансового капитала.

Такой взгляд на историю лейборизма прежде всего игнорировал многоголосие в истории самой партии, ведь еще Рамсей Макдоналд был сторонником идеи классовой гармонии. Не учитывались объективность перемен в социально-экономическом положении страны в последней четверти XX в., трансформация социальной структуры общества, коренное изменение политического дискурса под влиянием неолиберальной революции и распада социалистической системы. Из виду упускалось и то, что история большинства западноевропейских социал-демократических партий была историей замены первоначальной цели: вместо ликвидации капитализма — его облагораживание. «Когда-то социалисты были амбициозными, — писал Дональд Сассун. — Они хотели упразднить капитализм... Теперь задачей стало “регулирование” национального капитализма»[1]. В этом эволюция британского лейборизма лишь отражала общую тенденцию.

Сторонники одной из вариаций данного подхода помещали Тони Блэра в один ряд с такими деятелями, как Хью Гейтскелл, Нил Киннок и Джон Смит. Тем самым подчеркивалась преемственность линии на модернизацию партии, а «новый лейборизм» считался олицетворением окончательной победы «парламентской лейбористской партии» над ее массовой составляющей. «К 2000 году давний проект парламентского социализма... который был ослаблен внутренними противоречиями, окончательно пал под ударами “модернизаторов”, — писали Лео Панич и Колин Лейс. — Проект глубокой демократизации британского государства и общества с помощью демократизации Лейбористской партии был похоронен. История партии характеризовалась затяжным противостоянием между ее руководством и ясно очерченной, хорошо организованной и идейно оснащенной левой оппозицией. “Новые лейбористы” изменили партию до такой степени, что подобное больше было невозможно»[2].

---

[1] Sassoon Donald. *One Hundred Years of Socialism. The West European Left in the Twentieth Century*. London: Fontana Press, 1997. P. 766.

[2] Panitch Leo, Leys Colin. *The End of Parliamentary Socialism. From New Left to New Labour*. London, New York: Verso, 2001. P. 290.

В чем сильная сторона этого анализа? Хотя «новые лейбористы» чаще говорили не о преемственности, а о разрыве с прошлым, отчасти эти изменения действительно были продолжением традиционной линии лейбористских правительств на прагматизм и политический центризм. Особенно вышесказанное касается кабинетов Гарольда Вильсона и тем более Джеймса Каллагэна, который был, скорее, не компромиссной фигурой, а представителем правого крыла партии. Слабая сторона этого анализа — в игнорировании того факта, что внутрипартийные реформы привели не только к централизации процесса принятия решения в ЛПВ, но одновременно включили элементы реальной демократизации партийной организации, например принцип «один человек — один голос», проведение внутрипартийных референдумов и др. Кроме того, неоднократные восстания заднескамеечников, случаи острых разногласий в самом Кабинете говорили о том, что «парламентская партия», не говоря уже о местных партийных организациях, не превратилась в монолитную и покорную машину по штамповке указов руководства.

Линейный анализ поправения партийных верхов в период руководства ЛПВ от Гейтскелла до Блэра упускал из виду, что реформы партии, предпринятые «новыми лейбористами», носили не только количественный, но и качественный характер, частично изменили природу организации, вышли за рамки проекта модернизации, предусмотренного предыдущими реформаторами. На это одним из первых обратил внимание Марк Викхем-Джонс, исследователь из Бристольского университета. «Трансформация Лейбористской партии — не череда уступок тэтчеризму и не просто продолжение процесса модернизации... — писал он. — С 1983 года, принимая во внимание изменения, осуществленные тэтчеристами, лейбористы предприняли попытку по-новому взглянуть на свои социал-демократические убеждения»[1]. Характерно, что в 1995 г. Викхем-Джонс еще не ставил под сомнение приверженность партии политике «координации капитализма». Из уст самого Тони Блэра не раз звучало утверждение, что история «нового лейборизма» начинается с 1983 г., когда лидером ЛПВ был избран Нил Киннок.

Таким образом, феномен «нового лейборизма» не только имеет немало общего с рядом элементов политики лейбористских правительств 60–70-х гг., но во многом логически завершает процесс партийных реформ, начатых Нилом Кинноком и продолженных Джоном

---

[1] Wickham-Jones Mark. *Recasting Social Democracy: a Comment on Hay and Smith*. Political Studies, XLIII, 1995. P. 701.

Смитом. Верно и то, что представления Тони Блэра об обновлении партии были радикальнее, чем у его предшественников. Среди британских исследователей популярна точка зрения о том, что победа ЛПВ на выборах 1997 г. была гарантирована и при Джоне Смите, при котором социал-демократический характер партии сохранился бы в значительно большей степени, чем при Тони Блэре.

Другая распространенная интерпретация «третьего пути»: превращение ЛПВ в охотника за голосами «среднего избирателя», подчинение партийной идеологии и политики задаче максимального расширения состава электората партии, отказ от постоянных принципов и идейных установок, действия с оглядкой на опросы общественного мнения и настроения СМИ. Тот же Викхем-Джонс считает, что если до 1983 г. лейбористы не особенно заботились о популярности своих инициатив и предпочитали сами формировать общественное мнение, то с тех пор соображение привлекательности их политики в глазах избирателей приобрело ключевое значение[1]. Другими словами, если раньше партия была ориентирована на «продукт», то теперь — на «продажу». Исходя из этой точки зрения, некоторые политологи убеждены, что «третий путь» не являлся идеологией.

Очевидные недостатки такого подхода проявляются в недооценке выдвинутого «новыми лейбористами» понятия «радикального центра», когда сдвиг ЛПВ к центру сочетается с курсом на проведение ряда реформ, радикальных для конституционного устройства страны. Помимо этого, как показала практика, правительство время от времени проявляло упорство и готовность идти на крайне непопулярные среди широких слоев населения шаги во внутренней и в особенности во внешней политике.

Все перечисленные истолкования «третьего пути» («третий путь» как использование части неолиберального или консервативного наследия, как очередная стадия эволюции лейборизма и продолжение линии на модернизацию партии, как прикрытие деидеологизации в погоне за голосами избирателей) высвечивали какой-либо один аспект новой идейной платформы ЛПВ, но не проясняли картины в целом. Для их упорядочения и коррекции Майкл Кенни и Мартин Смит предложили отказаться от анализа деятельности современной политической организации с помощью двухмерной системы координат «левые–правые» и ввести другие измерения — новую политэкономию «нового лейборизма» и трансформацию самой природы Лейбористской партии.

---

[1] Wickham-Jones Mark. Ibid. P. 700.

В первом случае речь идет о принципиальных изменениях в экономической, социальной и политической сферах, произошедших ко времени смены власти в стране в 1997 г. Новый этап глобализации коренным образом изменил правила игры на внутренних и внешних рынках. Дело было не столько в желании или нежелании лейбористов возродить кейнсианские методы управления (хотя и в этом тоже), сколько в невозможности сделать это в условиях, диктующих новые формы государственного регулирования. Изменились структура экономики и социальная конфигурация общества, запросы избирателей, а следовательно, и алгоритм победы на выборах. К середине 90-х годов в недоверие к государственным методам регулирования, которое было характерной чертой мыслителей правых политических взглядов, проникло даже в среду левых интеллектуалов[1].

Вместе с тем левые критики «третьего пути» отмечали излишний фатализм «новых лейбористов» перед лицом вызовов глобализации. Так, они обращали внимание на то, как причудливо в мировоззрении сторонников концепции сочетаются безапелляционный реализм (утверждение, что глобальный капитализм это неизбежная реальность, к которой надо приспосабливаться) и идеализм (вера в возможность преодоления антитезы «левые — правые», «капитал — труд» и т. п.)[2]. Сам Тони Блэр считал, что социалисты должны быть одновременно и моралистами, и эмпириками. «Ценности имеют фундаментальное значение, — отметил он в выступлении, посвященном 50-летию прихода в 1945 г. лейбористов к власти. — Но социализм должен отвечать требованиям реального мира, а не воображаемого. Наше стремление к построению нового общества неизменно, но для достижения этой цели необходимы иные методы. Они не должны быть связаны устаревшими противоречиями между прогрессивным и консервативным, левым и правым»[3].

Нельзя было не учитывать и кардинальное изменение формата политического дискурса в стране после 18 лет правления тэтчеристов, реальности резко сократившегося государственного сектора экономики и снижения роли профсоюзов. Разрушение восточноевропейской модели государственного социализма, вступление стран на пост-

---

[1] См. например: Hirst Paul, Berkbeck Paul H. *From Statism to Pluralism*: *Democracy, Civil Society and Global Politics*. Taylor & Francis, 1997.

[2] Panitch Leo, Leys Colin. *The End of Parliamentary Socialism. From New Left to New Labour*. London, New York: Verso, 2001. P. 248.

[3] Blair Tony. Speech to the Fabian Society commemoration of the 1945 General Elections, 5 July 1995

советском пространстве на капиталистический путь развития, закрепление господства на мировых рынках правил «Вашингтонского консенсуса» были факторами, которые неизбежно сковывали свободу действий политических партий. Проблема теперь заключалась не в том, происходит или нет поправение Лейбористской партии, смещение всего политического спектра вправо, а в том, какие альтернативные стратегии в ответ на эти вызовы лейбористы смогут предложить, как это сделали консерваторы в 80-е годы.

Вторым принципиально новым измерением, без учета которого анализ политики «новых лейбористов» малопродуктивен, явилось изменение самой природы Лейбористской партии, произошедшее после прихода на пост лидера Тони Блэра. Причисление его мировоззрения к послевоенной ревизионистской традиции, идущей от Хью Гейтскелла к Нилу Кинноку, справедливо в том смысле, что каждый раз речь шла о значительных нововведениях в партийной идеологии и организации. Действительно, именно Блэр реализовал идею Гейтскелла об изменении «пункта 4» Устава ЛПВ и именно он довел до логического завершения инициативы Нила Киннока и Джона Смита. Блэр не раз говорил о важности исторической преемственности и отдавал должное ключевым фигурам в партийном пантеоне, включая Кейра Харди и Клемента Эттли.

Однако если его предшественники ставили задачу выдвинуть на первый план ту или иную традицию в рамках лейборизма или подчиняли свою политику тактическому императиву победы на выборах, то «третий путь» в трактовке «новых лейбористов» претендовал на такую модернизацию, в результате которой под вопросом оказался социал-демократический характер партии. Если согласиться с тем, что «новым лейбористам» удалось изменить систему ценностей ЛПВ (что неоднозначно ее демонтажу), то, действительно, нет смысла судить о деятельности организации по старым меркам. «Несомненно, — пишут два других исследователя, — что “новые лейбористы” решительно порвали с лейбористским прошлым, и это касается не только их политики, но и ценностей»[1]. Даже левые критики «третьего пути» признавали объективность тех ограничений, в рамках которых приходилось действовать руководству страны. «“Новые лейбористы” были лишены двух ключевых инструментов, имевшихся в распоряжении правительства в 1945 г.: цельного проекта социального реформирования... поддержанного подавляющим большинством населения... и международного тор-

[1] Driver Stephen, Martell Luke. *New Labour. Politics after Thatcherism*. Polity Press, 1998. P. 161.

гового и инвестиционного режима по типу Бреттон-Вудса, предоставляющего национальным правительствам определенную свободу действий в реализации подобных проектов и не допускающего тотального контроля со стороны финансовых рынков»[1].

Такая постановка вопроса интересна и тем, что затрагивает трансформацию не только ЛПВ, но и всей партийно-политической системы Великобритании. Так, не менее глубокие и далеко идущие процессы произошли в Консервативной партии еще до того, как «новые лейбористы» консолидировали свои позиции в ЛПВ. Неожиданные измерения приобретала и политика либерал-демократов. На новейшей стадии постиндустриального развития перед партиями стоял выбор: пассивно приспосабливаться к меняющемуся миру или стремиться участвовать в его формировании. Однако в обоих случаях необходимость перестройки самих партий не вызывала сомнений. В противном случае их ожидало политическое забвение. Лейбористская партия однозначно выбрала путь перестройки; открытым был лишь вопрос, какую форму отношений с меняющимся миром она выберет — активную или пассивную.

Вслед за Майклом Кенни и Мартином Смитом нестандартный подход к анализу феномена «нового лейборизма» и «третьего пути» продемонстрировали два других исследователя — Стефен Драйвер и Люк Мартелл. Они также критически отнеслись к методологическому аппарату традиционного политического дискурса на основании того, что в сфере политики произошли качественные сдвиги. «Новый лейборизм» было предложено рассматривать как посттэтчеризм[2]. Как и поборники концепции неолиберального консенсуса, они соглашались с тем, что «новые лейбористы», отказавшись от принципов смешанной экономики и универсального социального обслуживания, твердо заняли прорыночные позиции, что меняло саму природу ЛПВ. От государства теперь требовалось не противодействовать негативным сторонам британского капитализма, а всеми средствами способствовать укреплению его конкурентоспособности. Если раньше одна система ценностей применялась для государственного сектора экономики, а другая — для рыночного, то теперь понимание социальной справедливости было тесно увязано с задачей по повышению экономической эффективности.

---

[1] Panitch Leo, Leys Colin. *The End of Parliamentary Socialism. From New Left to New Labour*. London, New York: Verso, 2001. P. 250.

[2] Driver Stephen, Martell Luke. *New Labour. Politics after Thatcherism*. Polity Press, 1998. P. 158–173.

На одержимость «новых лейбористов» идеей конкурентоспособности как на внутренних, так и на внешних рынках обращали внимание и другие исследователи, обеспокоенные доминированием меркантилизма в рассуждениях правительства и выхолащиванием идеи интернационализма, традиционно присущей социал-демократии. Главным двигателем международного развития объявлялась всеобщая конкуренция в рамках модели глобализации, выгодной наиболее развитым странам, в первую очередь США. Сдвиг лейбористов вправо подчеркивался также элементами социального консерватизма в их политике.

Однако этим анализ, предложенный Драйвером и Мартеллом, не ограничивался. Принципиально новым было то, что, несмотря на произошедшие изменения, «новый лейборизм» рассматривался не столько как очеловеченная версия тэтчеризма, его продолжение, сколько как его преодоление, движение вперед, не нео-, а посттэтчеризм. «Новые лейбористы» отвергли в тэтчеризме не меньше, чем восприняли от него, и поэтому противопоставили себя «новым правым» в не меньшей степени, чем «старым лейбористам». Их трактовка равенства возможностей, общественного домена, «общества соучастия» были новым словом в британской политической теории и практике. С этой точки зрения «третий путь» олицетворял не только посттэтчеризм, но и постсоциал-демократию.

Новейшие тенденции

Политика лейбористов представляла собой причудливую смесь прагматизма в одних вопросах (особенно в вопросе перенимания социально-экономической политики предшествующих консервативных правительств) и идейной новизны в других. С одной стороны, стремление лейбористов сохранить чрезвычайно широкую избирательную коалицию, собранную ими вокруг себя к 1997 г. (задача, судя по результатам всеобщих выборов 2001 г., выполненная успешно), предопределило крайнюю осторожность в действиях, нежелание осуществлять реформы такими темпами, которые могли бы отпугнуть часть электората, главным образом верхние слои среднего класса и представителей крупного бизнеса. Кроме пакета конституционных реформ, значение которых, бесспорно, велико, лейбористы не предприняли далеко идущих действий, которые стоили бы им популярности у «левого» или «правого» избирателя, но которыми они заработали бы репутацию смелых реформаторов.

Так, концепция «совладения» на практике получила лишь символическую поддержку правительства, и корпоративная культура, сло-

жившаяся в Британии в 80–90-е гг. при консерваторах, осталась практически неизменной. Лейбористы, как и консерваторы до них, продолжали выступать за максимально либерализованный рынок труда, за трансформацию континентального социального рынка на основе принципов англосаксонской модели развития. Лейбористы не произвели ощутимую переналадку механизма перераспределения национального богатства, как можно было ожидать от левоцентристского правительства с небывалым большинством в палате общин. Не решились они и на обратное — на широкое внедрение рыночных принципов в функционирование «государства благосостояния».

С другой стороны, Тони Блэр продемонстрировал завидное упорство и неприятие компромиссов в некоторых вопросах внутренней политики (нетерпимость к оппозиции в своей партии, противодействие последствиям децентрализации власти в стране, которую правительство осуществило по собственной инициативе) и внешней (особенно наглядно такая позиция проявилась в прямолинейном следовании концепции «особых отношений» с США). «Новые лейбористы» пытались манипулировать исходом выборов мэра Лондона в 2000 г., навязали своего кандидата на должность лидера Лейбористской партии Уэльса, что позже ударило по ним бумерангом, во многом выхолостили суть внутрипартийной демократии в Лейбористской партии, пошли на нарушение сути Соглашения Страстной пятницы и возобновили прямое управление Ольстером, не желая поступаться принципом суверенитета парламента. При решении проблемы Ирака Тони Блэр действовал наперекор электоральным интересам своей партии и провозглашенной стратегии на лидерство Британии в Европе.

Тактические и стратегические просчеты в политике «новых лейбористов» привели к тому, что многие из тех, кто первоначально с энтузиазмом их поддерживал и внес весомый вклад в разработку идейной платформы, используя которую «новые лейбористы» пришли к власти, затем испытали разочарование и отвернулись от них.

Так, в 2004 г. с критической работой «Упадок общественного», направленной против искажения «новыми лейбористами» сути «третьего пути», выступил Дэвид Маркуэнд — один из идеологов правого крыла Лейбористской партии в 60–80-е гг.[1] Особое внимание он уделяет развитию темы общественного домена, который считает пристанищем ценностей гражданства, справедливости и общественного служения. История с избранием Кена Ливингстона мэром Лондона заставляет автора полагать, что «новые лейбористы» действовали вопреки прин-

[1] Marquand David. *Decline of the Public*. Polity Press, 2004.

ципам общественного домена, т. е. в данном случае вопреки волеизъявлению граждан, и, кроме того, продемонстрировали конъюнктурное отношение к принципам деволюции. Маркуэнд не ставит знака равенства между понятиями общественный и государственный домен, указывает на то, что часто интересы общества и рынка пересекаются. Однако общественный домен зиждется не на отношениях собственности, а на этике, морали, когда людьми движет желание общественного служения, основанного на принципе доверия, а не меркантильного расчета. Государство в 80–90-е гг. при консерваторах стало противником общественного домена, и хотя конституционные реформы, начатые «новыми лейбористами», способствовали его частичному укреплению, они не остановили его эрозии.

Неолиберальная политическая экономика стала частью менталитета политической элиты, и «новые лейбористы», считает Маркуэнд, вслед за тори продолжили маркетизацию общества, еще больше сужая границы общественного домена. «Когда лейбористы называют себя “новыми”, — пишет он, — то отказываются от заветного желания “старой” социал-демократии взять под контроль или изменить капитализм»[1]. Если судить по действиям «новых лейбористов», новый глобальный экономический порядок — это железная клетка, неизбежно сковывающая действия правительства и общества, она не оставляет альтернативы гипериндивидуалистической версии англо-американского капитализма. Изменились нюансы, сдвинулись приоритеты, но неолиберальная революция продолжилась.

Большое разочарование Маркуэнд испытывает в отношении Тони Блэра, который, по его мнению, пренебрежительно относится к своей собственной партии. Она ценна для него лишь как инструмент реализации личного «внеисторического, ничем не связанного секулярного экуменизма». Для своей «паствы» Блэр разбил «большой шатер», который вмещает всех добропорядочных людей, за исключением твердолобых оппонентов «перманентного ревизионизма». «Как все популисты, — пишет Маркуэнд, — Блэр создал для себя образ воображаемого народа, к которому он обращается и от имени которого он выступает. Ему кажется, что, если реальные люди спорят с ним и с его воображаемыми сторонниками, значит, они не знают правды. Однако со временем он, приложив дополнительные усилия, убедит их в чистоте своих помыслов, и они встанут на путь истинный»[2].

---

[1] Ibid. P. 118.
[2] Ibid. P. 199–120.

Критиками форм реализации «третьего пути» становились и те, кто еще недавно защищал «новых лейбористов» от нападок оппонентов. Так, Энтони Гидденс, один из главных архитекторов «официальной» версии этой концепции, не оказал «новым лейбористам» безусловную поддержку. В 2003 г. в коллективной монографии «Прогрессивный манифест» он выступил за переосмысление политики правительства за истекшие шесть лет[1].

В этой работе Гидденс повторил ряд своих положений, например о том, что идеи «третьего пути» зародились в конце 80-х — начале 90-х гг., что «третий путь» не был программой конкретных действий «новых демократов» в США или «новых лейбористов» в Британии и не обозначал особенностей англосаксонского подхода к политическому анализу и политической практике. В реальности он олицетворял усилия социал-демократических партий по всему миру пересмотреть свои программные положения после падения социалистической системы. С этой точки зрения Гидденс определяет «третий путь» как прогрессивизм, который укладывается в традиции социал-демократического ревизионизма, уходящего корнями в учения Эдуарда Бернштейна и Карла Каутского. «Третий путь» не является «средним путем», это не попытка найти золотую середину между «старыми левыми» и рыночным фундаментализмом. Он преодолевает оба эти явления, представляя собой левоцентристский проект по модернизации социал-демократии. Задача «третьего пути» заключалась в решении двух ключевых проблем: возвращение после долгого перерыва социал-демократических партий к власти и поиск выхода из кризиса, в котором оказалась социально-экономическая модель развития, основанная на идеях кейнсианства.

«Третий путь» развивался главным образом в форме критики неолиберализма, которая оказалась очень эффективной. В то же время, считает Гидденс, было уделено слишком много внимания тому, против чего выступают сторонники «третьего пути», чем тому, за что они ратуют. «Социал-демократам необходим более существенный идеологический прорыв, — пишет он. — Я предлагаю идею неопрогрессивизма... Неопрогрессивисты должны разработать социал-демократическую повестку дня, которая по амбициозности и охвату не уступала бы программе неоконсерваторов в США и других странах»[2].

---

[1] Giddens Anthony. *Introduction. Neoprogressivism. A new Agenda for Social Democracy*. In: Giddens Anthony (ed.). *The Progressive Manifesto*. Polity Press, 2003.

[2] Ibid. P. 6.

Гидденс признал и то, что в «третьем пути» недостаточное внимание уделялось общественным интересам, и призвал удвоить усилия по их защите. Он также подхватил тезис об общественном домене. Здоровая экономика, по его мнению, нуждается в надежно функционирующих рынках, но она нуждается и в развитом общественном домене, в котором государство сохраняет значительную роль. Гидденс предложил свой собственный термин — «общественнизация»[1]. «Под общественнизацией, — поясняет он, — я понимаю отстаивание крайней важности общественной сферы для полноценной жизни общества, где граждане одновременно с возможностью достигать своих целей чувствуют себя защищенными и в безопасности. “Третий путь” в своем изначальном варианте способствовал осуществлению первого условия, однако мало преуспел в реализации второго»[2].

В «Прогрессивном манифесте» также предложено обогатить «третий путь» концепциями «встроенного рынка» и «государства-гаранта»[3]. В каком смысле рынок должен быть «встроен»? Он должен быть встроен в культурную, правовую матрицу конкретного общества, функционировать на основе механизмов доверия. С точки зрения «встроенного рынка» нет необходимости руководствоваться идеей минимального государства. Не существует ни одной индустриально развитой страны, где доля государственных расходов в ВВП заметно снизилась бы в последние десятилетия. В развитых странах присутствие правительства и государства ощущается повсеместно. Действительно, рынки функционируют успешно только в условиях конкуренции, однако справедливо и то, что естественные монополии объективно ограничивают их деятельность. Нет оснований полагать, что частные компании имманентно превосходят государственные, особенно в условиях монополии. В сфере здравоохранения и образования услуги могут предоставляться на рыночных принципах, но существуют убедительные доводы, связанные с понятиями социальной солидарности, справедливости и общественного благополучия, в пользу того, что такая деятельность должна быть сведена к минимуму.

---

[1] Publicisation.

[2] Giddens Anthony (ed.), op. cit. P. 7.

[3] Embedded market, ensuring state. См.: Kay John. *The Embedded Market*. Chapter 1. In: Giddens Anthony (ed.), op. cit. P. 35–53. Идея «встроенного рынка» была впервые предложена американским ученым Марком Грановеттером: Granovetter Mark. *Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness*. American Journal of Sociology, No 91 (3), 1985; Schuppert Filke. *The Ensuring State*. Chapter 2. In: Giddens Anthony (ed.), op. cit. P. 54–72.

Гидденс не только солидаризируется с этими тезисами, но заметно меняет свою позицию по вопросу приватизации, признавая, что в теории и на практике приватизации было «слишком много». Например, в Соединенном Королевстве и Нидерландах приватизация естественной монополии — железных дорог — повлекла многочисленные проблемы. В результате в обеих странах железные дороги хотя и не подверглись ренационализации, были переданы некоммерческим организациям. «Согласно традиционному социал-демократическому подходу, — пишет Гидденс, — государство вмешивается в функционирование рынка в случае его недееспособности. Однако государственное вмешательство часто необходимо и для того, чтобы повысить эффективность работы рынка...»[1]

Гидденс также останавливается на проблематике «экономики соучастия», к которой до недавнего времени относился скептически. Он отмечает, что происходит глубинный сдвиг в отношении людей к бизнесу и его легитимности, в результате чего модель капитализма акционеров теряет свою привлекательность. Происходящее он сравнивает с изменением общественных настроений в 70-е годы. Над бизнесом сгустились тучи не только из-за корпоративных скандалов и проблем в мировой экономике, но и потому что мотивация его действий оказалась под вопросом. Гидденс призывает к более последовательному внедрению механизмов «соучастия», которое в версии «новых лейбористов» было неадекватным современным вызовам. Реализация принципов «соучастия» оказалась в сильной зависимости от желания корпораций собственноручно определять круг «соучастников» и границы ответственности между ними.

Для исправления положения неопрогрессивистам предлагается взять на вооружение идею «гражданской экономики»[2], предложенной экономистом Стефеном Дэйвисом[3]. Гражданская экономика — это аналог гражданского общества и в определенном смысле его продолжение. Необходимо выстроить гражданскую экономику таким образом, чтобы бизнес вернул себе легитимность в глазах широких масс населения и расширил границы своей социальной ответственности. Гражданская экономика — сеть агентств и институтов, занимающихся мониторингом деловой активности. Гидденс, как в середине 90-х годов Уилл Хаттон, резко высказывается в адрес культуры британского корпоративного бизнеса.

---

[1] Giddens Anthony (ed.), op. cit. P. 9.

[2] Civil economy.

[3] Davis Stephen. *The Civil Economy*. Renewal. The Political Economy Issue, Autumn 2003.

«Фикцией является утверждение, — пишет он, — что огромные зарплаты топ-менеджеров частных компаний устанавливаются рыночными силами. ...интересы этих бизнесменов надежно защищены... весь риск они перекладывают на плечи наемных работников»[1]. Однако он находит определенное основание для оптимизма. Так, правительство лейбористов установило правило, согласно которому акционеры получили возможность ежегодно голосовать по вопросу о зарплате управляющих.

Гидденс считает, что «государство-гарант» больше подходит для социал-демократов, чем «вспомогательное государство»[2]. Последняя концепция была шагом вперед по сравнению с традиционными представлениями о этатистском государстве. Центральная идея «вспомогательного государства» — замена патернализма на обеспечение граждан ресурсами, необходимыми для полноценной жизни. Однако по своей сути эта идея не более чем ответная реакция на неолиберальные подходы: государству предлагалось выйти за рамки «минимального государства», и не более того. Что касается граждан, то они, получив доступ к ресурсам, отправлялись в свободное плавание. Государство снимало с себя ответственность с того момента, когда гражданин получал стартовые возможности для реализации своих планов.

Отличие концепции «государства-гаранта» в том, что государству вменяется обязанность заботиться о гражданах и защищать их, причем эта обязанность приобретает форму гарантии. «Государство-гарант» берет на себя ответственность не только по предоставлению возможностей, но и за последствия этого, за координацию механизмов предоставления услуг и имеет к организации их обеспечения прямое отношение. Оно не только обеспечивает граждан ресурсами — доступом к сфере образования, здравоохранения, социального обслуживания, но также гарантирует определенные стандарты предоставления этих услуг. В то же время регулирование в данном случае означает не прямой контроль, а установление стандартов поведения и стимулов, соответствующих общественным потребностям.

4. Современные политические циклы

Трудности, с которыми исследователь сталкивается, когда характеризует «третий путь», пытается отнести его к той или иной политической традиции, представляется возможным преодолеть на основе

[1] Giddens Anthony (ed.), op. cit. P. 11.
[2] Enabling state.

следующего подхода. Каждая из ведущих британских политических философий — лейборизм, консерватизм и либерализм — в практической политике трансформируется в политические идеологии, являющие собой определенную комбинацию идейных течений. Одни из этих течений тяготеют к набору принципов, составляющих большое ядро данной идеологии, другие, находящиеся на ее периферии, могут попасть в поле притяжения иных идеологий. Существует и малое ядро, включающее наиболее фундаментальные принципы либеральной демократии, которыми руководствуются все устоявшиеся британские идеологии. Заимствование периферийных идейных концептов то одной идеологией, то другой происходит в результате того, что политические идеологии — это открытые системы, восприимчивые к идеологиям-конкурентам, в зависимости от обстоятельств они образуют идейные конфигурации, в которых на первый план выходит то одна, то другая составляющая, но принципы большого ядра сохраняются.

С этой точки зрения идеологии данного типа в отличие от учений догматического толка не пребывают в застывшем виде, а постоянно развиваются, меняют свои очертания. Они не только предопределяют практику, но и опираются на нее. В число таких идеологий входит и «третий путь». Вот как объясняет его кажущуюся эклектичность Майкл Фридэн: «...жизнеспособная, недоктринерская идеология всегда находится в состоянии изменения и, до известной степени, концептуального переосмысления»[1]. Это качество помогает таким идеологиям адаптироваться к новым историческим условиям, быть востребованными партийно-политическими силами. Сочетание преемственности и способности к адаптации — непременные условия их успеха.

Ряд исследователей сводит идейное наследие лейборизма к «первому пути» — послевоенной кейнсианской социал-демократии или к социальному либерализму. Но такой взгляд противоречит тому, что видное место в лейборизме занимают ревизионизм и фабианство, этический и христианский социализм, синдикализм и тред-юнионизм, отдельные элементы которых использовались «новыми лейбористами». Лейбористы ушли от патерналистских, этатистских традиций послевоенной социал-демократии, однако история лейборизма не началась в 1945 г. Если понятие «старых левых» распространить на весь период эволюции британской социал-демократии до 90-х го-

---

[1] Freeden Michael. *The Ideology of New Labour.* The Political Quarterly. Oxford, Blackwell Publishers, Volume 70, 1999. P. 50.

дов, то окажется, что при Тони Блэре лейбористы отказались от своего прошлого лишь выборочно, и дихотомия «старые» — «новые левые» искусственна. Например, необязательно считать ортодоксальную составляющую социально-экономической политики «новых лейбористов» заимствованием у другой политической силы. ЛПВ имела собственный опыт проведения жесткой денежно-кредитной и фискальной политики во времена Рамсея Макдоналда и Филиппа Сноудена.

Большую часть XX в. в лейборизме доминировал технократический подход к критике капитализма, заложенный основателями фабианства и примененный в кейнсианстве и ревизионизме Кросленда. «Новые лейбористы» обратились к традиции этического социализма, желая остановить размывание границ между рыночным и общественным, исходя из соображений морали, а не эффективности того или иного способа производства. Тони Блэр не раз в период пребывания в оппозиции (значительно сдержанней после 1997 г.) признавал идейное многоголосье социализма, делая упор на его этической составляющей. Хорошо известно, что большое влияние на формирование мировоззрения Блэра оказала концепция христианского социализма, изложенная в работах шотландского философа Джона Макмюрея.

Консерваторы — «старые правые» приняли в 50—70-е гг. правила игры кейнсианской социал-демократии не только потому, что доктрина «государства благосостояния» была им навязана, но и потому, что она оказалась созвучной традициям *noblese oblige*, торизма «одной нации», органического общества, предложенным консерваторами. Многие либералы перешли в ряды ЛПВ в 20—30-е гг. или стали ей симпатизировать не только потому, что Либеральная партия была оттеснена на третьи роли в британской политике, но и потому, что «старые левые» восприняли значительную часть идейного багажа «нового либерализма». «Новые правые» сумели завоевать в 80-е годы командные высоты не только благодаря реанимации доктрины классического либерализма, но и потому, что опирались на характерные для британской консервативной мысли темы национализма, иерархичной системы власти, социального авторитаризма. «Новые лейбористы» обязаны своим успехом на выборах 1997 г. успешному вплетению в лейбористскую идеологию и либеральных, и консервативных мотивов.

Однако время от времени происходит «переворот», когда не только периферийные течения, но и большое ядро конкретной идеологии оказываются под угрозой «поглощения» конкурирующей системой

ценностей. Тогда происходит не модернизация, а коренная ломка политической платформы партии. Модернизация политики лейбористов и консерваторов после 1945 г. во многом определялась тем, что они подключили к своей идеологической «периферии» ряд течений «нового либерализма». В политике либерал-демократов в 90-е годы появились нововведения в результате периферийного восприятия ряда лейбористских подходов. В случае же с тэтчеризмом мы имеем дело с «переворотом», в ходе которого была предпринята попытка (частично удавшаяся) вытеснить из сердцевины консервативной идеологии системообразующие принципы и заменить их неолиберальными. Что касается «третьего пути», речь идет о том, что тенденция к изъятию социалистической этики из нормативного ядра критики капитализма берет верх над декларированной «новыми лейбористами» приверженностью этическому социализму.

Еще рано судить о том, чем является «третий путь»: модернизацией идеологии лейборизма за счет периферийных либеральных и консервативных течений или попыткой «переворота» на базе «нового либерализма». Для этого требуется определенная историческая перспектива. Возможно, что «третий путь» окажется не тем и не другим, а основой для очередного межпартийного консенсуса, временно преодолевшего традиционное деление идеологического пространства, идеологической амальгамой, включающей либеральные, консервативные и социалистические компоненты.

С точки зрения длинных исторических рядов страна пережила в XX в. два больших политических цикла. Первый, идеологической составляющей которого был «новый либерализм», а затем и этатистская социал-демократия, отражал рост коллективистских настроений в первой половине столетия. Эта тенденция объяснялась социальной реструктуризацией, произошедшей в результате складывания зрелых институтов индустриального общества. Данные процессы привели к модернизации партийно-политической системы. Они сопровождались обострением партийной борьбы в межвоенный период, когда происходила переналадка экономического механизма, а затем установлением в середине столетия межпартийного консенсуса с участием, следуя терминологии «третьего пути», «старых левых» и «старых правых» и утверждением новой модели перераспределения.

Такая последовательность событий повторилась в последней трети XX в., только на этот раз новый политический цикл, идейной составляющей которого стала концепция «свободной рыночной экономики», а затем «третий путь», развивался на базе роста индивидуалистических настроений в условиях перехода британского

общества к постиндустриальному типу развития. На первый план выдвинулись вопросы воспроизводства, экономических реформ. Реструктуризация социума привела к модернизации партийно-политической системы, начавшейся с обострения партийной борьбы в 80-е годы в условиях перестройки экономического механизма. Однако к концу 90-х годов на переднем плане вновь оказалась проблема перераспределения. Появились очертания нового межпартийного консенсуса, доминирующее положение в котором заняли «новые лейбористы». На следующем витке экономических и социальных трансформаций логика политических циклов наверняка вновь приведет к необходимости новой партийно-политической модернизации.

* * *

Модернизация партийно-политической системы Великобритании привела к значительному изменению идеологического оснащения политических партий. В 70-е годы послевоенный межпартийный консенсус выработал свой ресурс. В Консервативной и Лейбористской партиях активизировались внутренние противоречия, партии все больше расходились друг с другом по ключевым вопросам жизни страны. Эти процессы были реакцией на переход Британии от индустриального к постиндустриальному типу развития, на изменение социальной конфигурации британского общества, и протекали они в русле смены социал-реформистского цикла либерально-рыночным.

В Консервативной партии, а за ней и в Лейбористской произошел значительный сдвиг вправо. С точки зрения предложенного подхода к рассмотрению идеологии («большое ядро — периферия») Консервативная партия сумела осуществить в стране крупномасштабную социально-экономическую модернизацию не только благодаря реанимации концепции классического либерализма и рыночных ценностей, но и благодаря умению совместить эту концепцию с традиционными для британской консервативной мысли темами национализма, иерархичности государственной власти и социального авторитаризма. «Новые лейбористы» со своей стороны не только восприняли ряд неолиберальных постулатов, но и совместили их с частью наследия лейбористской и либеральной, а также консервативной мысли.

В то же время, очевидно, что в рамках тэтчеризма и «нового лейборизма» была предпринята попытка обновить не только периферийные элементы консервативной и лейбористской идеологий, но и транс-

формировать «большое ядро» каждой из них с помощью неолиберальных подходов. Непропорциональный акцент на ценностях индивидуализма завел консерваторов в 90-е годы в идейный тупик, и в последующем тори занимались поиском более сбалансированного сочетания базовых элементов своей идейной программы.

Не избежали идейного крена вправо и «новые лейбористы». После их прихода к руководству Лейбористской партии последняя превратилась, по существу, из левоцентристской партии в центристскую, а по некоторым позициям и в правоцентристскую, во многом потеряв не только свой социалистической, но и социал-демократический характер. Несмотря на то что лейбористы пришли к власти под лозунгом борьбы с рыночным фундаментализмом, в социально-экономической сфере новое правительство предприняло лишь косметический ремонт доставшегося ему от консерваторов неолиберального наследия. Произошла ревизия ряда базовых ценностей британского лейборизма. Однако этот процесс, скорее всего, не является необратимым, и после смены руководства партии идеологическая программа организации примет более гармоничный вид благодаря укреплению ее социал-демократической составляющей. Вероятно, для Великобритании, по мере втягивания ее в процессы европейской интеграции, более характерной станет идеология социального рынка, как это было до 1979 г. На сегодняшний день с учетом всего комплекса предпринятых с 1997 г. реформ наиболее адекватное описание сути «третьего пути», идеологии «нового лейборизма», — концепция социального либерализма.

В 80-е годы тэтчеристы расчистили политическое поле от завалов, образованных устаревшими механизмами послевоенного межпартийного консенсуса, но британскую культуру умеренного индивидуализма и центризма изменить не смогли. В годы тэтчеризма Лейбористская партия оказалась в тяжелом кризисе, уроками которого смогла воспользоваться и возродиться в качестве ведущей силы британской политики. Во второй половине 90-х годов партии поменялись местами, и на этот раз глубокий организационный и идейный кризис настиг консерваторов. Тэтчеризм поставил задачу модернизировать Британию и достиг определенных успехов, но одним из побочных продуктов этого процесса стало резкое ослабление Консервативной партии. Ее идеологическая дезориентация сыграла в этом существенную роль.

Социально-экономическая и политическая модернизация, опиравшаяся на идеологию свободного рынка, к середине 90-х годов перестала отвечать требованиям времени. Эстафета реформ была

продолжена лейбористами, которым предоставилась возможность учесть ошибки предшественников и продолжить модернизацию страны по скорректированному курсу. Тэтчеризм был переходным этапом от послевоенного консенсуса к межпартийному консенсусу нового качества, основанному на своеобразном сочетании консервативных, либеральных и коллективистских ценностей. Вопрос о том, считать ли «третий путь» частью этого переходного этапа или его результатом, имеет ли «третий путь» будущее или неизбежна его замена на более эффективные идейные построения, остается открытым.

Глава IV

Региональные партийные системы и процесс федерализации

Региональные партийно-политические системы Великобритании[1] — явление достаточно новое, возникшее с появлением в стране современных общенациональных политических организаций. Первоначально региональные системы представляли собой проекции общенациональной двухпартийной системы, адаптированной к культурно-историческому своеобразию британских регионов. Затем в Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсе начали складываться автономные партийно-политические системы. Этот процесс ускорился в последней трети XX в. в связи с федерализацией государственного устройства Великобритании. Критериями формирования автономных региональных партийных систем являются: наличие региональных партий, в том числе националистического характера, формирование субнациональных или национальных политических идентификаций, различная конфигурация политических сил на общенациональном и региональном уровне, использование различных избирательных систем, наличие законодательных и исполнительных органов власти регионального масштаба.

---

[1] Англия, Уэльс и Шотландия в данной работе характеризуются в зависимости от контекста — и как субнациональные, и как национальные регионы. В первом случае Соединенное Королевство оценивается как унитарное национальное государство, во втором — как многонациональное, переживающее процесс федерализации. Северная Ирландия характеризуется как регион, а также как провинция — термин, устоявшийся в британском политическом дискурсе.

1. Шотландия

Королевский дом и парламент Шотландии объединились с английскими институтами соответственно в 1603 и 1707 гг. Регион изначально пользовался значительной автономией, в нем действовали собственные правовая и судебная системы, полицейская и тюремно-исправительная службы, пресвитерианская церковь. Многие общенациональные общественные институты, например профсоюзы, представлены здесь самостоятельными организациями. Со временем развилась местная банковская система, система образования и муниципального самоуправления. С 1885 г. отсчитывало свою историю ведомство по делам Шотландии, уэльский аналог которого появился только в 1964 г., а североирландский — в 1972 г. Эти органы исполнительной власти, по существу территориальные министерства, были уникальным явлением, свойственным государственному устройству Британии. В Шотландии на пост руководителя ведомства назначались политики из числа депутатов палаты общин, представляющие шотландские округа. В ходе XX в. в ведение министерства переходили все новые функции государственного управления, которые в результате деволюции 1999 г. оказались в руках региональной исполнительной власти. Культурное, историческое и политическое своеобразие Шотландии привело к формированию условий для появления собственной партийной системы, первый опыт функционирования которой стал возможен благодаря восстановлению здесь института парламентаризма.

До конца 50-х годов на политической арене Шотландии безраздельно доминировали две ведущие партии страны — Консервативная и Лейбористская. Либеральная партия — главная сила на «кельтской периферии» в XIX в. — оказалась оттесненной на обочину политического развития. Партийная конфигурация Шотландии была аналогична английской. Затем, по мере усиления неравномерности социально-экономического развития севера и юга страны, а также поляризации политических сил по вопросу о гомруле (самоуправлении), ЛПВ захватила в Шотландии неоспоримое первенство. В последний раз тори опередили лейбористов по количеству депутатов от Шотландии в палате общин на всеобщих выборах в 1955 г. По мере фрагментации электората и с возникновением вопроса о самоидентификации регионов Великобритании консерваторы уступили место и Либеральной партии (с 1988 г. — Партии либеральных демократов), а затем и шотландским националистам, которые, в свою очередь, опередили либерал-демократов и прочно основались на вторых позициях после

лейбористов. На парламентских выборах 1997 г. представительство тори в Шотландии скатилось до нулевой отметки, и они превратились здесь (как и в Уэльсе) в «английскую» партию. В последние годы на различных выборах уровень поддержки лейбористов их сторонниками снижался в пользу малых партий левой направленности.

В Шотландии каждая из общенациональных партий действовала через свои региональные организации, обладающие разной степенью автономности. На всеобщих выборах они выступали с шотландскими версиями партийных манифестов, хотя эти манифесты принципиально не отличались от оригиналов. В последние десятилетия первое место по голосам и мандатам бессменно занимали лейбористы. С 70-х годов громко заявили о себе либералы, а также Шотландская национальная партия (ШНП)[1], настаивавшая на том, что Шотландия — не регион, а нация, лишенная суверенитета. Если для Северной Ирландии национальное измерение политики было привычным, то для регионов Великобритании, т. е. Англии, Шотландии и Уэльса, оно оказалось новым явлением. В 80-е годы сумма шотландских мандатов либеральных демократов и националистов в палате общин превысила показатель тори, а на выборах 1997 г. впервые в истории последние не провели в парламент ни одного своего представителя от региона (*табл. 16,* см. с. 160). За счет этого ИПФ в 90-е годы снизился, хотя роль ПЛД и ШНП в региональной политике выросла.

Долгое время политическая жизнь Шотландии развивалась в тесной связи с динамикой общенациональной партийной системы, но постепенно эта зависимость ослабевала. Потенциал формирования региональной партийной системы возрастал в измерении местных и европейских выборов. Рубежным стал 1999 г., когда после создания региональных органов власти партийная система Шотландии выделилась из общенациональной и стала развиваться автономно, хотя и в тесной связи с ней. Унитарное устройство Соединенного Королевства, которое никогда не отвечало жестким канонам идеального типа унитаризма, подверглось заметной деформации. Своеобразие Шотландии, заметное и до деволюции, приобрело новое качество.

Особую специфику партийной системе региона придает ШНП, образованная в 1934 г. Центральное требование партии — создание независимого парламента в Эдинбурге и восстановление суверенитета Шотландии. Деволюция, осуществленная в 1997–1999 гг., расценивалась ШНП как промежуточный успех. Отчетливый националистичес-

[1] Scottish National Party.

Таблица 16

Результаты всеобщих, региональных и евровыборов[1] в Шотландии (1945–2004)

	лейбористы		консерваторы		либералы/Альянс/ПЛД		ШНП[2]		ИПФ	ИПП
	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места		
июль 1945 (71 мандат)	–	37	–	29	–	0	–	0	2,29	–
февр. 1950	–	37	–	32	–	1	–	0	2,12	–
окт. 1951	–	35	–	35	–	1	–	0	2,08	–
май 1955	–	34	–	36	–	1	–	0	2,12	–
окт. 1959	–	38	–	31	–	1	–	1	2,14	–
окт. 1964	–	43	–	24	–	4	–	0	2,11	–
март 1966	–	46	–	20	–	5	–	0	2,02	–
июнь 1970	–	44	–	23	–	3	11,4	1	2,09	–
февраль 1974	36	40	33	21	17	3	21,9 (2)[3]	7	2,4	3,16
октябрь 1974	36	41	25	16	8	3	30,4 (2,9)	11	2,44	3,46
май 1979	42	44	31	22	9	3	17,3 (1,6)	2	2,07	3,19
июнь 1983 (72 мандата)	35	41	28	21	25	8	11,8 (1,1)	2	2,37	3,59
июнь 1987	42	50	24	10	19	9	14 (1,3)	3	1,93	3,45
апрель 1992	39	49	25,6	11	13,1	9	21,5 (1,9)	3	1,99	3,55
май 1997	45,6	56	17,3	0	13	10	22,1 (2)	6	1,59	3,29
май 1999, Ассамблея[4]: А* (129 мандатов) Б**	38,8 33,6	53 3	15,6 15,4	0 18	14,2 12,4	12 5	28,8 27,3	7 28	3,24	3,7[5]
июнь 1999, Европарламент (8 мандатов)	28,7	3	19,8	2	9,8	1	27,2[6]	2	–	–
июнь 2001	43,9	56	15,6	1	16,4	10	20,1 (1,8)	5	1,62	3,5
май 2003, Ассамблея[7]: А* Б**	34,6 29,3	46 4	16,6 15,5	3 15	15,4 11,8	13 4	23,8 20,9	9 18	3,99	4,24[5]
июнь 2004, Европарламент (7 мандатов)	26,4	2	17,8	2	13,1	1	19,7	2	–	–

* А — 73 мажоритарных округа

** Б – 56 пропорциональных округов

[1] Результаты евровыборов даны на 1999 и 2004 г., когда стала применяться пропорциональная система голосования.

[2] ШНП одержала победы на довыборах в 1945, 1967 и 1973 гг.

[3] В скобках представлена доля поддержки ШНП на всеобщих выборах от британского электората в целом.

[4] По мажоритарному округу один мандат завоевал независимый кандидат, по пропорциональным — по одному мандату завоевали Шотландская социалистическая партия (ШСП) и зелёные.

[5] На региональных выборах ИПП рассчитывается по мажоритарным округам.

[6] На предыдущих выборах в Европарламент ШНП получила в 1979 г. — 1 мандат; 1984 г. — 1; 1989 г. — 1 (25,6%); 1994 г. — 2 (32,6%).

[7] По мажоритарным округам 2 мандата завоевали независимые, по пропорциональным: 7 — зеленые, 6 — ШСП, 1 — Шотландская партия пенсионеров, 1 — независимый.

кий характер организации и популярность, значительно превосходящая популярность националистов Уэльса, объясняются многовековой историей англо-шотландских противоречий, которые после заключения унии 1707 г. не исчезли, а приняли латентную форму.

Помимо националистических требований, ШНП имеет левоцентристскую социально-экономическую программу. Эта программа делает ШНП несравненно ближе к лейбористам, чем к тори, однако сепаратистская составляющая национализма партии никогда не позволяла ей, за исключением единичных случаев, рассчитывать на сотрудничество с ЛПВ. Особенности местной политической культуры, многолетнее доминирование в Шотландии лейбористов, видная роль ШНП, наличие здесь малых партий социалистической ориентации, непопулярность консерваторов традиционно придавали политике региона левую окраску. Положение не изменилось и в 90-е годы после смещения лейбористов вправо: теперь левее их была не только ШНП, но и либеральные демократы.

Впервые шотландские националисты провели своего представителя в палату общин на довыборах в 1945 г. Этой победой они были обязаны соглашению консерваторов, лейбористов и либералов, действовавшему в условиях военного времени, о неучастии в выборах этого статуса. Поэтому потеря националистами своего единственного мандата на состоявшихся вскоре первых послевоенных парламентских выборах не стала неожиданностью. В 1947 г. в Шотландии создается общественный конвент, призванный лоббировать идею регионального парламента. За два года было собрано более двух миллионов подписей под соответствующей петицией, однако на практике дальше этого дело не пошло. В последующие годы культурная автономия Шотландии расширялась, активно развивалась региональная пресса, появилось шотландское телевидение, но идеи политической автономии находились на периферии общественной жизни. Во второй половине 60-х годов национальные движения на «кельтской периферии» активизировались, и в 1967 г. вновь на довыборах ШНП одержала победу в округе Хамилтон, нанеся поражение ЛПВ.

Наиболее последовательными союзниками националистов в деле расширения автономии региона были либеральные демократы (до них — либералы), в меньшей степени — лейбористы. Перед Первой мировой войной либералы неоднократно, но безуспешно инициировали законопроект деволюции для Шотландии. Законопроект гомруля для Шотландии был разработан первым лейбористским правительством еще в 1924 г. Позже деволюция потеряла для ЛПВ приоритетность (одна из причин разрыва с Независимой лейбористской партией).

Интерес к этому вопросу возродился у лейбористов только во второй половине 70-х годов.

Тори не всегда были твердолобыми противниками децентрализации власти. Год спустя после громкой победы ШНП на довыборах в 1967 г. лидер оппозиции Эдвард Хит неожиданно объявил о поддержке умеренной версии деволюции. После прихода консерваторов к власти в 1970 г. эту инициативу одобрила правительственная комиссия во главе с сэром Алеком Дугласом-Хьюмом. Параллельно действовала королевская комиссия по конституционным вопросам лорда Килбрандона, образованная лейбористами в 1969 г. В ее докладе, выпущенном в 1973 г., содержались рекомендации по созданию законодательных органов Шотландии и Уэльса, однако тогда дальше деклараций дело не пошло. С приходом в 1975 г. к руководству Консервативной партией Маргарет Тэтчер отношение к гомрулю стало сугубо отрицательным. В то же время консерваторы проявили гибкость в отношении Северной Ирландии. В 80–90-е гг. они предприняли несколько попыток восстановить самоуправление Ольстера.

Переломными в истории шотландского национализма стали 70-е годы. Важную роль сыграло открытие на шельфе Шотландии больших запасов газа в 1965 г. и нефти в 1969 г. Развитие национального самосознания было стимулировано здоровым меркантильным интересом, а ШНП получила новые козыри для агитации. Националисты выступили под лозунгом «Шотландия — богатая страна, но бедное общество» и потребовали передать Эдинбургу прибыль от нефте- и газодобычи. В спорах о том, кто кого субсидирует — Англия Шотландию или наоборот, была открыта новая глава. На довыборах в 1973 г. ШНП провела своего кандидата в Палату общин. На всеобщих выборах в феврале 1974 г. этот мандат был утерян, но партия победила сразу в семи округах, а в октябре 1974 г. — в 11. Набранные тогда 30% голосов в рамках шотландского электората — рекорд шотландских националистов, не побитый до сих пор.

Во второй половине десятилетия большой политический капитал в дело децентрализации власти в стране вложили лейбористы. Они руководствовались не только идейными ориентирами, но и политической конъюнктурой: правительство Джеймса Каллагэна находилось на грани потери рабочего большинства в палате общин и нуждалось в голосах националистов. Первый правительственный законопроект о деволюции, представленный в 1976 г., не прошел дальше второго чтения. Судьба повторного билля была удачнее, но его возведение в статус закона имело свою цену: правительство под давлением скептиков в обеих ведущих партиях было вынуждено согласиться не толь-

ко на проведение референдума, но и установить минимальный порог явки избирателей в 40%.

В мае 1979 г. шотландцы (как и жители Уэльса) получили реальный шанс одобрить идею избрания собственной региональной власти. Тогда надежды сторонников гомруля не сбылись — в обоих регионах референдум закончился провалом. В Шотландии «за» проголосовали лишь 32,9% избирателей. Эта неудача сыграла свою роль в потере власти лейбористами, а также нанесла удар по ШПН: к 1987 г. ее электорат по сравнению с 1974 г. уменьшился вдвое. Стратегическую ошибку допустили и консерваторы. Они не только использовали исход референдумов как отсутствие самой проблемы деволюции, но и начали пренебрежительно относиться к идее особости Шотландии. Джон Мейджор вслед за «железной леди» считал, что деволюция — угроза единству страны.

Региональная и социально-экономическая политика консервативных правительств в 1979–1997 гг. была крайне непопулярна в Шотландии, особенно в связи с централизацией государственного аппарата и наступлением на прерогативы местных органов самоуправления. Ответная реакция не заставила себя ждать: национальные движения на «кельтской периферии» активизировались. О масштабах недовольства свидетельствует тот факт, что на всеобщих выборах 1987 г. консерваторы разом потеряли половину своих шотландских мандатов. «Подушный налог», введенный правительством в 1989 г. и воспринятый общественным мнением как несправедливый, был встречен Шотландией в штыки. За год до этого Алекс Салмонд, лидер ШНП, был удален из палаты общин за обструкцию во время чтения нового бюджета, включавшего положение о налоге.

Тогда же в Шотландии был организован Конституционный конвент[1] — форум политических и общественных движений, поддерживавших гомруль. Среди них не было ШНП, не желавшей сотрудничать с партиями «истеблишмента». Задача конвента заключалась в том, чтобы выработать правила, по которым должна осуществляться деволюция. В ходе его работы лейбористы пошли навстречу либерал-демократам и согласились с применением на выборах шотландского парламента системы голосования с пропорциональным элементом. «Поддерживая реформу электоральной системы, — пишет Джеймс Митчелл, — лишавшую ЛПВ перспективы единоличного управления регионом, ...лейбористы руководствовались не альтруизмом и стремлением к плюрализму и консенсусу. Дело было

[1] Scottish Constitutional Convention.

в рациональном расчете: помешать ШПН прийти к власти ценой собственного отказа от единоличной власти»[1].

На фоне событий тех лет популярность ШНП росла как на дрожжах. На всеобщих выборах 1992 г. доля полученных ею голосов по сравнению с 1987 г. увеличилась в два раза. Все заметнее становилась роль партии на местных выборах, на которых в 90-е годы она утвердилась в качестве второй по значению силы региона, уступавшей только ЛПВ. Она участвовала также в развитии партийной системы в рамках ЕС. На первых выборах в Европарламент в 1979 г. ШНП стала единственной малой партией (не считая партий Северной Ирландии), получившей представительство в Брюсселе. На европейских выборах 1994 г. она получила рекордную поддержку шотландцев — 32% проголосовавших. Солидная финансовая помощь шла националистам из-за рубежа от шотландской диаспоры, включая актера сэра Шона Коннери[2].

Всеобщие выборы 1997 г. изменили политический ландшафт Шотландии. Лейбористы упрочили свой статус доминирующей партии региона, а консерваторы окончательно потеряли свое представительство. ШНП, увеличив количество депутатских мандатов вдвое, переместилась на третье место, а либеральные демократы — на второе. Однако эти выборы имели для Шотландии последствия куда более долгосрочные, чем корректировка расстановки сил в Вестминстере. В 70-е годы лейбористы были расколоты по вопросу о деволюции, руководствовались не столько идейными соображениями, сколько политическим расчетом. К середине 90-х годов они превратились из нерешительных сторонников в убежденных приверженцев углубления автономии Шотландии и Уэльса.

Одним из программных обещаний ЛПВ было создание парламента Шотландии и ассамблеи Уэльса. Заявление, сделанное Тони Блэром в 1996 г., о том, что путь к этой цели должны открыть новые референдумы в данных регионах, были болезненно восприняты либеральными демократами, не говоря уже о более радикальных сторонниках деволюции. Считалось, что решения Конституционного конвента открывали прямой переход к выборам парламента. Однако лейбористы решили подстраховаться и придать этому органу большую легитимность. Более того, референдум был «двойным»: бюллетени для голо-

---

[1] Mitchell James. *Politics in Scotland*. In: Dunleavy Patrick, Gamble Andrew, Heffernan Richard, Peele Gillian (eds). *Developments in British Politics*. 7th edition, Palgrave Macmillan, 2003. P. 172.

[2] Закон 2000 г. о политических партиях, референдумах и выборах запретил британским партиям принимать пожертвования от иностранных граждан.

сования включали два вопроса — об учреждении парламента и о его праве менять ставку подоходного налога.

С правовой точки зрения механизмы запуска деволюции в 1979 и 1997 гг. отличались тем, что в первом случае региональные референдумы предшествовали принятию законов о деволюции, а во втором — следовали за ним. Также они базировались и на разных принципах: в 1979 г. — «все, что не указано в законе, деволюции не подлежит», а в 1997 г. — «все, что не закреплено за Вестминстером, подлежит деволюции». Подготовка к референдумам 1997 г. проводилась более тщательно, а порог явки избирателей был отменен. Кроме того, за истекшие годы произошел сдвиг общественных настроений в пользу деволюции. Голосование состоялось в сентябре 1997 г. На первый вопрос «да» ответили 74,3% проголосовавших (44,7% электората Шотландии), а на второй — 63,5% (38,1%). Если бы требование 1979 г. о минимальном пороге явки действовало, второе предложение было бы отвергнуто.

Согласно Акту о Шотландии 1998 г. к Эдинбургу перешел контроль за сферами образования, здравоохранения, экономического развития, сельского хозяйства, туризма, судопроизводства, поддержания общественного порядка, пожарной службы, жилищного фонда, правовой системы, охраны окружающей среды, транспорта, спорта и др. Эти вопросы были выведены из круга обязанностей депутатов Палаты общин британского парламента, включая депутатов от Шотландии. Однако важно то, что деволюция не означала институционального отделения Шотландии от Великобритании в перечисленных областях, хотя степень самоуправления в них у региона значительно повысилась. Кроме того, шотландские законодатели получили право менять размер подоходного налога на территории региона на 3% от уровня, устанавливаемого Вестминстером[1]. Принципиально, что если раньше через Министерство по делам Шотландии средства из государственного бюджета направлялись в местные органы власти, то теперь эти фонды получили статус бюджета, исчисляемого по «форме Барнетта», которым распоряжался региональный парламент. Центральная законодательная власть сохранила за собой прерогативы в таких вопросах, как внешняя политика, оборона, конституционные дела, экономика, энергетическая и социальная политика.

Если в федеративном государстве, например в США, Австралии или Германии, передача части суверенитета регионам закреплена в конституции, то в Великобритании принцип суверенитета центрального парламента остался незыблемым; палата общин юридически со-

[1] До сих пор это право не применялось.

хранила право приостанавливать или вовсе отменять действие законов о деволюции. Из этого следует, что парламент Шотландии, ассамблеи Уэльса или Северной Ирландии не располагают достаточной легитимностью для принятия решения о независимости своих регионов.

В то же время мало кто из правоведов считает, что позиции Вестминстера непоколебимы. Региональная деволюция имеет принципиальное отличие от взаимоотношений между центральными и местными органами власти. В последнем случае правительство действительно не раз в современной истории урезало или расширяло их полномочия. Однако легитимность демократически избранных региональных органов власти, воплощенная в актах парламента, была на порядок выше, в том числе в глазах населения. Так, согласно опросу общественного мнения, проведенного Би-би-си в апреле–мае 1999 г., около половины респондентов усматривали в создании парламента Шотландии, ассамблей Уэльса и Северной Ирландии начало конца Соединенного Королевства. По данным социологической службы Ай-си-эм половина опрошенных считала, что деволюция приведет к изменению конституционного статуса Англии, хотя лишь треть высказалась за создание английского парламента.

Таким образом, если раньше в Шотландии на протяжении десятилетий проводилась административная деволюция, то после референдума 1997 г. и выборов 1999 г. — политическая, при сохранении высшего суверенитета Вестминстера. Более медленными темпами, но по тому же пути идет Уэльс. Англия знакома с административной деволюцией, например в форме кванго — региональных агентств развития, однако политическая деволюция находится здесь в зачаточном состоянии.

Создание шотландского парламента сказалось и на других аспектах работы Вестминстера. Был расформирован постоянный парламентский комитет по делам Шотландии, поставлен вопрос об упразднении должности министра по делам Шотландии, запланировано снижение количества депутатов палаты общин, избираемых от шотландских округов. Последняя мера была призвана решить «вест-лотианский вопрос»[1], поставленный в 70-е годы Тэмом Дэлиэллом, депутатом-лейбористом от одноименного избирательного округа. Суть проблемы сводилась к следующему: справедливо ли, что после осуществления деволюции депутаты от шотландских округов продолжат участвовать в решении вопросов, касающихся жизни Англии, а депутаты от английских округов в отношении Шотландии такое право теряют?

---

[1] West Lothian.

В начале 2005 г. государственная Комиссия по пересмотру границ избирательных округов сократила количество округов в Шотландии, нарезанных для всеобщих выборов, с 72 до 59. Это означало, что не только количество одномандатных округов, но и их границы для всеобщих и региональных выборов больше не совпадали. Однако даже такой значительный шаг решал «вест-лотианскую» проблему лишь частично. Было очевидно, что ее окончательное решение состоится лишь в том случае, если Великобритания превратится в федеративное государство, в котором Англия будет иметь собственный парламент, и компетенция Вестминстера ограничится вопросами общенационального значения.

Первые выборы в шотландский парламент (с сентября 2004 г. расположен в Холируде, старинном районе Эдинбурга, где заседал парламент Шотландии в период 1640–1707 гг.) прошли в мае 1999 г. Они были историческими не только потому, что предшествующее законодательное собрание было распущено без малого 300 лет назад, но и потому, что открыли путь к формированию автономной партийно-политической системы, привели к появлению нового уровня партийно-политической борьбы. Теперь помимо «британского электората» появился «шотландский электорат» (а также электорат Уэльса), который диктовал свою волю действующим на территории региона партиям.

Появление нового электорального субъекта означало, что в будущем у власти в Вестминстере и Холируде могли оказаться разные партии. Расхождения в политической повестке Шотландии и страны в целом сказались и на действиях самой централизованной партийной организации — лейбористской. Так, руководители ЛПВ в Шотландии решили не включать в предвыборный манифест 2001 г. крайне непопулярную в регионе установку правительства на открытие частных хирургических отделений. Создание регионального парламента теоретически открывало путь к провозглашению независимости Шотландии, хотя это было и маловероятно: к власти в регионе должна была прийти ШНП, провести соответствующий референдум и выиграть его. Но произойди такое, принцип суверенитета британского парламента оказался бы под угрозой.

В состав однопалатного парламента, который в отличие от Вестминстера выбирается на фиксированный четырехлетний срок, входят 129 законодателей. 73 из них избираются в одномандатных округах по мажоритарной системе голосования (на региональных выборах 1999 и 2003 гг. они избирались по округам, нарезанным для общенациональных выборов) и 56 — по пропорциональной системе в округах, созданных для выборов в Европарламент (по семь человек от восьми округов).

В результате, как свидетельствуют данные таблицы 16, искажающий эффект мажоритарной системы голосования значительно снизился. На выборах 1999 г. больше всего от введения пропорционального элемента избирательной системы выиграли шотландские националисты, а также консерваторы, которые на всеобщих выборах 1997 г. не получили ни одного депутатского мандата от Шотландии. ШНП, уступив по итогам голосования лишь лейбористам (56 мандатов), сформировала вторую по численности депутатскую фракцию (35 мандатов). В региональный парламент были избраны шесть шотландских депутатов в палате общин. Им было предоставлено право решить, останутся ли они депутатами в Эдинбурге или будут по-прежнему претендовать на место в Вестминстере на следующих всеобщих выборах. По последнему пути пошел только Алекс Салмонд, который в 2000 г. неожиданно объявил о своем уходе с поста лидера ШНП. На несколько лет сложилась необычная ситуация, когда шесть депутатов палаты общин редко появлялись в ней, проводя большую часть времени в другом парламенте.

Обращает на себя внимание, что по результатам выборов 1999 г. ИПФ, который в общенациональном масштабе всегда тяготел к отметке «2», в Шотландии превысил «3». Для консерваторов использование элементов пропорциональной системы было спасением, так как по мажоритарным округам они по-прежнему не получили ни одного места. Более того, тори по количеству выигранных мандатов оттеснили на четвертое место либеральных демократов, хотя по сравнению с всеобщими выборами 1997 г. доля полученных ими голосов снизилась. Левые традиции в политической культуре Шотландии проявились и в том, что в парламент по пропорциональным округам прошли по одному представителю от Шотландской социалистической партии (Томми Шеридан) и от зеленых (Робин Харпер). В одном из одномандатных округов победу одержал Дэннис Канаван, независимый кандидат, который не был допущен к выборам по списку ЛПВ за критическое отношение к «новому лейборизму».

Расширение автономии Шотландии не изменило сути политической платформы ШНП. Хотя партия поддержала Акт о Шотландии, но рассматривала деволюцию лишь как шаг на пути к полной независимости региона. В 90-е годы к этому добавился и европейский фактор: ШНП с большим энтузиазмом поддержала идею «Европы регионов» как способ снизить свою зависимость от Англии. Со своей стороны, центральное правительство рассчитывало, что децентрализация власти в стране приведет к ослаблению сепаратистских тенденций и лишит националистические организации значительной части электората. Лейбористы были уверены в том, что большинство населения

«кельтской периферии», выступавшее за расширение автономии регионов, не поддержит идею выхода Шотландии из состава Великобритании. Действительно, результаты выборов показали, что хотя ШНП пользовалась значительной поддержкой, она получила менее трети голосов. В этих условиях даже переход на сугубо пропорциональную систему голосования не привел бы к реализации программной цели партии. Кроме того, внутри ШНП имелись значительные разногласия между фракциями «реалистов», для которых полная независимость Шотландии была делом далекого будущего, и «фундаменталистов», рассматривающих независимость как практическую и непосредственную цель. год спустя после отставки Алекса Салмонда с поста лидера партии разногласия проявились с новой силой. Претендующий на этот пост Джон Суинни, заместитель лидера, считал появление регионального парламента вехой в борьбе за независимость Шотландии, а его соперник Алекс Нейл — напрасной тратой сил. Убедительная победа Суинни упрочила позиции «реалистов» в партии.

Сложившаяся после выборов в Шотландии расстановка сил в законодательной и исполнительной власти свидетельствовала о сдвиге в культуре политической борьбы на региональном уровне — от мажоритарной вестминстерской модели демократии к плюральной. Символическим выражением этого сдвига стала форма зала заседаний нового парламента: если в Вестминстере скамьи правящей партии и оппозиции размещаются напротив друг друга, как бы сталкивая оппонентов лбами, то в Холируде ряды кресел законодателей расположены в форме подковы, и депутаты обеих сторон сидят рука об руку.

Результаты голосования, как и прогнозировалось, сделали неизбежным формирование коалиционного правительства: лейбористам для абсолютного большинства не хватило девяти голосов. Почва для коалиции была хорошо подготовлена, так как все партии, получившие места в парламенте, за исключением консерваторов, в той или иной степени разделяли идею деволюции. Был возможен вариант формирования коалиции большинства, противостоящей правящей в национальном масштабе Лейбористской партии. Либерал-демократы и шотландские националисты оказались в социально-экономических вопросах ближе друг к другу, чем к лейбористам. Либерал-демократы также выступали за более последовательную по сравнению с лейбористами реализацию принципов деволюции.

Однако определяющее значение имел вопрос о конечной цели деволюции, а также соображения расстановки политических сил в общенациональном масштабе. Лейбористы, либеральные демократы и консерваторы в одинаковой степени отвергали сепаратизм ШНП.

Но если лейбористы и либерал-демократы могли в случае необходимости пойти на союз друг с другом, то консерваторов они рассматривали как своих главных соперников. В результате правящий альянс сложился между ЛПВ и ПЛД, оформленный соглашением «Партнерство для Шотландии». Главой новоиспеченного правительства стал лейборист Дональд Дьювор, один из архитекторов шотландского гомруля. Его первым заместителем и министром юстиции стал лидер шотландских либерал-демократов Джим Уоллас. Также к ПЛД отошел портфель министра окружающей среды и сельского хозяйства и несколько постов заместителей министров. После неожиданной смерти Дьювора в 2000 г. его заменил Генри Маклейш.

Несмотря на то что ШНП не вошла в правящую коалицию, результаты ее выступления на региональных выборах 1999 г. были большим достижением. Она получила мест столько же, сколько консерваторы и либерал-демократы, вместе взятые. В этом же году ей сопутствовал успех на местных и европейских выборах. В обоих случаях ШНП набрала, как и на региональных выборах, около трети голосов, уступив лейбористам менее одного процента. В Европарламенте она была по-прежнему представлена двумя депутатами. Однако эйфория 1999 г. не помешала многим в ШНП задуматься над тем, сможет ли партия после деволюции и дальше набирать очки или будет стараться удержать уже занятые позиции в условиях, когда интерес электората к националистической риторике снизится.

Всеобщие выборы 2001 г. подтвердили эти опасения. Результаты в Шотландии, как и по стране в целом, лишь незначительно отличались от исхода голосования в 1997 г. Не стал исключением и показатель явки избирателей. Шотландия, как и вся страна, страдала от политической апатии и «голосования ногами». На избирательные участки пришли 58,2% шотландцев, что было ниже показателя по стране — 59,4%, и почти столько же, сколько проголосовало на региональных выборах 1999 г. Политиков могло утешать лишь то, что непопулярность региональных выборов была не больше, чем непопулярность всеобщих.

По количеству полученных мандатов партии расположились в прежней очередности: по сравнению с региональными выборами 1999 г. либерал-демократы поднялись с четвертого места на второе, а ШНП опустилась на третье. Региональная специфика в очередной раз не позволяла экстраполировать результаты всеобщих выборов в Шотландии на расстановку политических сил в Вестминстере. Исключением стали лишь лейбористы, которые по обоим показателям заняли первое место. Консерваторы, вторая крупнейшая партия страны, второй раз подряд оказались отброшены в Шотландии на четвер-

тое место, пропустив вперед и либеральных демократов, и националистов. Их поддержка среди шотландских избирателей снизилась, хотя по общенациональным результатам они получили небольшой прирост голосов, что было ожидаемо для партии официальной оппозиции.

Одним из показателей того, что всеобщие и региональные выборы утверждались в сознании людей как разные по своей логике политические механизмы, стали итоги голосования в округе, где одновременно с выборами в Вестминстер прошли довыборы в Холируд. Вызваны они были отставкой из парламента Шотландии одного из министров-лейбористов. Если на выборах в Холируд лейбористы набрали 37% голосов, то в Вестминстер — более 46%.

Свои искажения в итоги выборов, как всегда, внесла мажоритарная система голосования: тори получили свой единственный шотландский мандат, несмотря на снижение уровня поддержки избирателей, а ШНП в два раза отстала по количеству выигранных мест от ПЛД, несмотря на то что значительно опередила их по числу полученных голосов. Но не это было главной проблемой националистов. Потеря ими части голосов по сравнению с первыми выборами в шотландский парламент была предсказуема; она отражала несовпадение развития всеобщей и региональных партийных систем и свидетельствовала о том, что избиратель дифференцированно относится к выборам разных уровней. Даже масштаб этой потери — 8,6% — был бы приемлемым, если бы не одно обстоятельство: положение ШНП ухудшилось по сравнению с предыдущими всеобщими выборами на 2%, в результате чего партия потеряла один мандат в палате общин. Эта неудача была тем горше, что националисты проиграли в пользу консерваторов, своих основных политических оппонентов. Не помогло им и то, что в ходе избирательной кампании с новой силой разгорелась дискуссия о финансовой взаимозависимости Англии и Шотландии и справедливости «формулы Барнетта». (Группа шотландских экономистов выступила в печати с заявлением, что вразрез с общепринятым мнением субсидирующей стороной является не Англия, а Шотландия, через южную границу которой ежегодно утекает 1,2 млрд фунтов стерлингов.)[1] Непрерывный рост популярности и количества мандатов на всеобщих выборах был остановлен. В последний раз с ШНП такое случалось в 1979 г. Для многих предсказание бывшего лейбористского министра Джорджа Робертсона, что «деволюция сразит ШНП наповал», вновь стало злободневным.

Всеобщие выборы 2001 г. стали первыми, прошедшими в условиях деволюции, когда не только в Северной Ирландии, но и в Шотландии

[1] The Scotsman, 21 May 2001.

и Уэльсе появились свои автономные партийные системы, опирающиеся на региональные органы власти. Многие избиратели считали, что выборы проходят в шотландский парламент, а не в палату общин. Качественно новым было то, что результаты региональных выборов перестали быть проекцией результатов всеобщих выборов и расстановки сил в Вестминстере. Теперь появилась вероятность формирования центрального правительства одной партией, а регионального — другой, выступление каких-либо партий в составе коалиции на одном уровне выборов и их противостояние на другом.

Например, если бы выборы 2001 г. выиграли тори, они были бы вынуждены иметь дело с лейбористским правительством в Уэльсе и коалиционным правительством лейбористов и либеральных демократов в Шотландии. Соображения, которые диктовали политику фракций одной и той же партии в Палате общин и региональных законодательных ассамблеях, теперь могли не совпадать: в одном случае действия фракций объяснялись политической конъюнктурой Вестминстера, а в другой — Эдинбурга и Кардиффа. В необычное положение попали шотландские лейбористы и либеральные демократы: на выборах 2001 г. они должны были соревноваться друг с другом, являясь партнерами по правящей коалиции в Эдинбурге. Эта задача осложнялась тем, что избирателей региона волновали не столько общегосударственные, сколько региональные проблемы, по которым у партнеров по коалиции не было принципиальных разногласий.

Пример Шотландии наиболее ярок, так как местный парламент наделен в ряде вопросов первичной законодательной властью и финансовыми прерогативами. В результате деволюции Вестминстер потерял контроль над многими сферами жизни региона. Решения центрального правительства в вопросах обороны, налоговой системы, внешней политики, пенсионного обеспечения, конституционного устройства по-прежнему распространяются на всю территорию страны, однако правила функционирования систем образования, здравоохранения, уголовного права и многих других с 1999 г. определяются Эдинбургом. Шотландская специфика здесь имелась и раньше, но теперь она обрела новое качество.

Например, в 1998 г. Вестминстер постановил ввести в вузах страны оплату обучения в кредит, однако по решению шотландских законодателей этот закон на территории региона был принят в смягченном варианте. Шотландские законодатели-лейбористы были вынуждены с этим согласиться по требованию либеральных демократов, своих партнеров по коалиции. Также вразрез с политикой центрального правительства Эдинбург постановил, что служба по уходу за престаре-

лыми должна перейти на полное государственное обеспечение. Если фракция лейбористов и на этот раз не присоединилась бы к голосам «за», то осталась бы в меньшинстве. В пользу принятия обоих решений голосовали и шотландские консерваторы. Все это подтверждало, что реалии региональной партийной системы отличались от порядка дел, заведенного в Вестминстере. Либеральные демократы были единственной из трех крупнейших партий страны, политика которых не имела региональных различий. Обращало на себя внимание и то, что инициативы шотландских депутатов, расходившиеся с политикой центрального правительства, подхватили ассамблея Уэльса и органы самоуправления в Англии.

Формально после осуществления деволюции больше не было необходимости обсуждать внутреннюю жизнь Шотландии на всеобщих выборах. Кандидаты в депутаты палаты общин должны были бы строить свою избирательную кампанию вокруг вопросов общегосударственного значения: внешней политики, макроэкономики, обороноспособности страны и др., а дискуссии по вопросам регионального самоуправления — ждать своего часа до следующих выборов в Холируд в 2003 г. Но на практике избиратели не проводили такого разграничения и не меньше, чем раньше, хотели услышать ответы на вопросы, касающиеся их каждодневной жизни.

Не делали этого и сами партии. Так, в лейбористском манифесте для Шотландии из пяти главных обещаний три относились к сфере регионального самоуправления и два — к прерогативам, зарезервированным за Вестминстером. Как переплетались вопросы общегосударственной и региональной политики, хорошо видно на примере либерал-демократов. Лидер ПЛД Чарлз Кеннеди был депутатом палаты общин от шотландского избирательного округа. В ходе предвыборной кампании он посетил Шотландию вместе с Джимом Уолласом, лидером шотландских либерал-демократов и заместителем первого министра региона. Если Кеннеди проводил агитацию с оглядкой на Вестминстер, то Уоллас — с оглядкой на Эдинбург. Вероятно, по мере усиления своеобразия политического развития регионов агитация ведущих партий страны на всеобщих выборах будет носить все более дифференцированный характер.

Раньше на исход местных выборов большое влияние оказывало отношение электората к политике центрального правительства, но на исход всеобщих выборов результаты местных выборов влияли мало. Теперь, после появления региональных органов власти и региональных выборов, решение избирателя поддержать тех или иных кандидатов на всеобщих выборах стало сильно зависеть от его отно-

шения к результатам работы законодательного и исполнительного органов региона. Таким образом, если до деволюции ситуация в партийно-политической системе страны практически в одностороннем порядке проецировалась на ее нижние и верхние «этажи» (местные и евровыборы), то после осуществления деволюции появилась обратная зависимость — проекция региональных партийно-политических систем на общегосударственную.

Необходимо отметить, что такое взаимное влияние было асимметричным, как и сама деволюция. С расстановкой политических сил в регионах в большей или меньшей степени были связаны 40 депутатов палаты общин от Уэльса, 72 — от Шотландии и 18 — от Северной Ирландии, что в сумме составляло лишь 20% от общего числа законодателей в Вестминстере. Однако это не умаляет факта фрагментации партийно-политической системы Великобритании после 1999 г.

После всеобщих выборов 2001 г. в сложном положении оказался Джон Суинни. Его предшественник Алекс Салмонд освободил пост руководителя партии под аплодисменты после впечатляющего успеха националистов на региональных выборах 1999 г. Первое же испытание, с которым ШНП столкнулась под предводительством нового лидера, закончилось неудачей. Суинни пообещал извлечь уроки из кампании 2001 г., подготовить партию к следующим выборам шотландского парламента и отвоевать утерянные позиции. Однако по мере приближения выборов опросы общественного мнения не регистрировали роста поддержки ШНП и указывали на низкую популярность идеи независимости Шотландии. Националистические настроения в регионе после осуществления деволюции, как и ожидали лейбористы, пошли на спад. Несмотря на это, Суинни настаивал, что при нем эффективность работы партийной машины повысилась, и на повестке дня стоит завоевание контроля над Холирудом. ШПН все же учла настроения в обществе и в ходе предвыборной кампании пообещала, что в случае победы на выборах не будет добиваться моментального выхода Шотландии из состава Соединенного Королевства, а проведет референдум по этому вопросу в течение четырех лет работы нового состава парламента. По социально-экономическим вопросам националисты по традиции заняли более радикальные позиции, чем ЛПВ: они поставили цель уменьшить бюрократические издержки государственного управления, сократить количество учеников в начальных классах школы до 18 человек, увеличить зарплату медсестрам на 22% и др.

Несмотря на предпринятые усилия, результаты вторых выборов парламента Шотландии, состоявшихся в мае 2003 г., разочаровали националистов. Количество поданных за них голосов и выигранных ман-

датов уменьшилось больше, чем у правящей партии. ШНП удержала твердое второе место после лейбористов, но ряды ее фракции в Холируде поредели сразу на восемь человек. Удручающим было и то, что потеря голосов произошла исключительно в пропорциональном сегменте региональной избирательной системы, который на предыдущих выборах оказался главным фактором успеха партии. Ее поддержка среди избирателей снизилась и по мажоритарным округам, хотя здесь ШНП удалось получить два дополнительных мандата. Общий результат указывал, что националисты не смогли воспользоваться снижением популярности ЛПВ в Шотландии в предыдущие четыре года.

Общая расстановка политических сил в регионе не изменилась. Лидировала ЛПВ, потерявшая шесть мест, что было приемлемо для партии, находящейся у власти шесть лет. Третья и четвертая позиции вновь достались консерваторам и либеральным демократам, удержавшим прежнее количество мандатов. В сложившейся ситуации лидеру Лейбористской партии Шотландии и первому министру Джеку Макконнелу, сменившему на этом посту Генри Маклейша, не оставалось ничего иного, как возобновить сотрудничество с ПЛД. На этот раз плюральная модель межпартийного взаимодействия в регионе получила еще более отчетливый характер, так как большинство, которым коалиция располагала в Холируде, снизилось с 17 до 5 голосов. Следовательно, повысилась вероятность ситуаций, когда партнеры по коалиции должны были, помимо согласования своих интересов, учитывать мнения других политических сил.

Несмотря на то что расстановка ведущих политических игроков в целом не изменилась, выборы принесли ряд неожиданностей. Главная из них была связана с рывком, совершенным Партией зеленых и Шотландской социалистической партией, которые с одного мандата (у каждой) увеличили свое представительство соответственно до семи и шести мест. Обе партии своими успехами целиком обязаны пропорциональному элементу выборной системы. Кроме того, количество независимых депутатов в шотландском парламенте увеличилось с одного до трех. Среди них по-прежнему фигурировал исключенный из ЛПВ Деннис Канаван. Еще одним была врач Джин Тёрнер, которая нанесла поражение депутату-лейбористу, выступив против планов властей реорганизовать работу одного из госпиталей в Глазго. Незначительные в национальном масштабе, эти результаты привлекли к себе большое внимание, так как, во-первых, в политической жизни Британии победа независимых редкость, и, во-вторых, оба кандидата победили в мажоритарных округах, где их оппонентами были крупные партии. Третьим независимым депутатом стала бывший член

ШНП Марго Макдоналд. Один мандат завоевала Партия шотландских пенсионеров. Количество законодателей от упомянутых малых сил составило 17 человек, что равнялось численности фракции либерал-демократов. Это была уже «пятая сила» в Шотландии после лейбористов, националистов, тори и либерал-демократов.

Результаты выборов свидетельствовали не только о фрагментации протестного голоса в Шотландии, но и о его усилении. Менялось само представление об оппозиционности на региональном уровне, ведь либеральные демократы теперь были младшими членами правящей коалиции и все больше ассоциировались с властью. Количество мандатов протестных партий увеличилось по сравнению с результатами предыдущих выборов в шотландский парламент с 38 до 44. Однако ШНП не удалось этим воспользоваться, и кризис идентичности, начавшийся в партии после деволюции, усилился.

Лейбористы пожинали плоды поправения своей социально-экономической программы, что болезненно воспринималось в Шотландии, где были сильны традиции левой политической культуры. Либеральные демократы могли утешать себя тем, что благодаря политической конъюнктуре они вновь вошли в состав правящей коалиции. Однако четвертый результат, вновь показанный ими в Шотландии и Уэльсе, шел вразрез с их намерениями вытеснить тори с места главной оппозиционной силы страны. Кроме того, ПЛД должна была приспосабливаться к роли партнера по правящей коалиции, в результате чего избиратель, отворачиваясь от лейбористов и консерваторов, отдавал свой голос другим оппозиционным партиям. Что касается консерваторов, то региональные выборы подтвердили, что за два года до предполагаемой схватки за Вестминстер политическая фортуна по-прежнему не собиралась поворачиваться к ним лицом. Показатели их выступления на электоральном поле улучшались, но это происходило столь медленно и непоследовательно, что времени создать необходимый задел для серьезной борьбы с лейбористами на следующих всеобщих выборах у них не оставалось.

Выборы в Шотландии в очередной раз привлекли внимание к проблеме абсентеизма. Средняя явка избирателей, 49%, была рекордно низкой по сравнению с активностью шотландцев на всеобщих выборах и первых региональных выборах четыре года назад. Так, за лейбористов, крупнейшую партию Шотландии, проголосовали в абсолютном выражении лишь 15% электората. Легитимность власти продолжала подвергаться эрозии не только на государственном, но теперь и на региональном уровне. Один из путей решения этой проблемы, пусть и не фундаментальный, лежал в плоскости дальнейшего укреп-

ления плюрального характера партийно-политической системы и углубления представительного начала демократии. Этой задаче отвечало предложение о введении пропорциональной системы голосования на местных выборах, которое лидер либеральных демократов Шотландии Джим Уоллас выдвинул как условие возобновления участия ПЛД в правящей коалиции. Лейбористы были вынуждены согласиться.

В результате этой договоренности год спустя шотландский парламент принял закон об использовании на местных выборах на территории региона начиная с 2007 г. пропорциональной избирательной системы «единого переходного голоса» (ЕПГ), аналог которой традиционно применялся на местных, парламентских, а затем и европейских выборах в Северной Ирландии (по всей стране — с 1999 г.). Это событие не привлекло к себе большого внимания, хотя было исключительно важным. Многомандатные округа широко применялись в стране в XIX в., а некоторые из них в Англии и Уэльсе просуществовали до 1950 г., а в Северной Ирландии — до 1965 г. (так называемые университетские места). В последние десятилетия локальная партийно-политическая система Великобритании подверглась значительной политизации и, хотя продолжала оставаться более гибкой и плюральной, чем общенациональная, представляла собой не более чем подсистему последней.

Теперь же вслед за европейскими, региональными и лондонскими выборами пропорциональная система голосования стала проникать на уровень местных выборов. Инициатива либерал-демократов вызвала неоднозначную реакцию; представители ряда малых партий заявили, что от ее реализации выиграет главным образом сама ПЛД. Однако в долгосрочном плане возвращение к многомандатным округам должно было способствовать углублению плюрального характера местных органов власти, распространению коалиционного принципа их формирования, более широкому допуску к власти иных партий помимо участников «двухсполовинной» модели, ослаблению зависимости местной партийно-политической подсистемы от общенациональной и ее трансформации в подсистему региональной партийно-политической системы. Следствием применения ЕПГ станет ослабление позиций ЛПВ в местных органах власти, что скажется на их представительстве на региональном и общенациональном уровне. Вероятно, в недалеком будущем это нововведение выйдет за границы Шотландии. Так, вопрос об изменении системы голосования на местных выборах уже поставили либерал-демократы Уэльса, хотя добиться этой цели им будет сложнее, чем их шотландским коллегам, за неимением на сегодняшний день такого рычага давления, как коалиция с лейбористами.

Неудача ШНП на выборах 2003 г. усилила недовольство лидером националистов Джоном Суинни, которому предъявлялись претензии еще со времени всеобщих выборов в 2001 г. Теперь его компетенция партийного менеджера и правильность выбранной стратегии были поставлены под сомнение с удвоенной силой. Оживилась группировка «фундаменталистов», которые считали ошибочным курс на превращение партии в часть шотландского политического истеблишмента. Отказ от имиджа протестной партии, по их мнению, был на руку другим националистическим силам, например Шотландской социалистической партии. На конференции ШНП в сентябре 2003 г. пост лидера оспорил партийный активист Билл Уилсон. Однако делегаты, которым до недавнего времени было вверено избрание руководителя партии, подавляющим большинством подтвердили полномочия действующего лидера, не желая разжигать внутрипартийный конфликт. Со своей стороны Суинни объявил о проведении реформы, направленной на повышение эффективности партийной организации. Многое было взято из опыта лейбористов и консерваторов. Модернизация, которую они провели, сочетала расширение прав рядовых членов и централизацию механизма принятия внутрипартийных решений. Предложенные меры включали избрание лидера голосованием всех членов ШНП, создание единой базы данных членов партии, упорядочение процедуры уплаты членских взносов и др.

Следующей пробой сил стали шестые евровыборы, прошедшие в июне 2004 г. В связи с расширением ЕС до 25 членов Шотландия делегировала теперь в Европарламент не восемь, а семь своих представителей. ШНП выступила против планов правительства передать ЕС контроль над рыболовством Шотландии, хотя всецело поддержала идею европейской конституции. Также жесткой критике подверглась иракская политика Тони Блэра. Но вновь все предпринятые усилия оказались напрасными. ШНП удержалась на втором месте после лейбористов, обеспечив себе прежние два мандата, но потеряла более 6% голосов. Если бы не удачное выступление Партии независимости Соединенного Королевства, заметно потеснившей консерваторов, последние наверняка оттеснили бы националистов на третье место. Результаты выборов решили судьбу Джона Суинни, под руководством которого партию уже в третий раз постигла серьезная неудача. Он был вынужден подать в отставку и объявить о выборах нового лидера. Выборы прошли по новым правилам в сентябре. Их беспрецедентным итогом стало возвращение к руководству ШНП Алекса Салмонда, который незадолго до этого категорически отрицал такую возможность. В первый раз он занял этот пост в 1990 г. и в 2000 г. по собственному желанию ушел в отставку.

На его счету — превращение ШНП во вторую по значению партию региона. Но Салмонд теперь был депутатом палаты общин и не мог руководить фракцией националистов в Холируде. Эта должность перешла к его заместителю Никола Стёржен. После своего переизбрания Салмонд поставил перед партией амбициозную цель — выиграть следующие выборы в парламент Шотландии в 2007 г. На следующие несколько лет доминирование «реалистов» в ШНП было обеспечено.

2. Уэльс

В отличие от Шотландии в Уэльсе никогда не существовало своего парламента. С 80-х гг. XIX в. в регионе стала формироваться собственная законодательная база. Должность государственного министра, т. е. министра второго ранга, появилась в 1957 г. при консерваторах, а Министерство по делам Уэльса во главе с государственным секретарем (членом кабинета министров) — в 1964 г. при лейбористах. В последующие десятилетия административная автономия Уэльса значительно расширилась. В 1979 г. для Уэльса и Шотландии были учреждены постоянные парламентские комитеты. С 1945 г. на политической арене Уэльса безраздельно господствовали лейбористы, за которыми с большим отрывом следовали консерваторы и либералы/либерал-демократы.

Помимо ведущих общенациональных партий в Уэльсе (по-валлийски Уэльс называется Камри) видную роль играет националистическая партия Плайд Камри (ПК), основанная в 1925 г. Уэльс был завоеван Англией в XIII в. и включен в ее административную структуру в 1536 г. Как и ШНП, ПК заявила о себе в 70-е годы как партия нового для партийно-политической системы Великобритании типа — национального. Партийная система региона в скрытой форме развивалась параллельно с шотландской с 70-х гг. XX в. и долгое время находилась в тени общенациональной системы, была ее подсистемой, уменьшенной копией с частными особенностями местных и европейских выборов. Несмотря на это, своеобразие политической культуры Уэльса всегда вносило свои коррективы в проекцию общенациональной системы на региональный уровень. Важной вехой в складывании партийной системы Уэльса стал 1999 г., когда были проведены выборы в ассамблею Уэльса по комбинированной системе голосования. С этих пор прямолинейная зависимость между расстановкой политических сил на общенациональном уровне и региональном исчезла. Степень полноценности партийной системы Уэльса будет возрастать по мере дальнейшего развития в Великобритании федеративных тенденций.

Националистические настроения в Уэльсе менее выражены, чем в Шотландии, что отразилось на масштабах осуществленной здесь деволюции. В отличие от шотландских националистов среди их валлийских коллег идеи сепаратизма не популярны. Плайд Камри в своей пропаганде делает акцент не на выходе из состава Великобритании, а на идее обретения особого статуса в рамках концепции ЕС «Европы регионов». Однако у ПК и ШНП есть принципиальное сходство: в отличие от националистических партий Северной Ирландии они апеллируют к электорату в целом и не делают ставку на этническую или религиозную идентичность. Чтобы подчеркнуть умеренность своих взглядов, ПК с конца 90-х годов стала называть себя «партия Уэльса» вместо «партия уэльских националистов». Ее электоральная опора — жители северных и западных территорий региона, в которых порядка 20% местного населения владеют валлийским языком, одним из древнейших в Европе. В остальной части Уэльса доминируют лейбористы. Лингвистический фактор стал определяющим в стремлении валлийцев сохранить свою национальную идентичность и культурную самобытность.

В рядах Плайд Камри состоит порядка 10 тыс. человек. Принципиальные вопросы партийной политики, в том числе изменение «конституции» (Устава) партии, решаются на ежегодных конференциях. В промежутках между ними управление организацией осуществляют Национальный совет и исполнительный комитет. Механизм принятия внутрипартийных решений имеет сильно выраженный коллегиальный характер. С 2000 г. партией руководит депутат национальной ассамблеи Уэльса Уин Джонс, который сменил на этом посту Дэвида Вигли — лидера валлийских националистов с 1981 г.

В 80-е годы под нажимом Плайд Камри (одной из мер была голодовка протеста, объявленная Гвинфором Эвансом, предшественником Вигли на посту лидера партии) правительство Тэтчер разрешило создание первого регионального телеканала на валлийском языке, а в 1993 г. в государственных учреждениях валлийский язык был приравнен по статусу к английскому. В 1986 г. Плайд Камри заключила соглашение с шотландскими националистами о создании объединенной парламентской группы в Вестминстере. Партия принимала самое активное участие в движении гражданского протеста против «подушного налога», введенного консерваторами в 1990 г. В следующее десятилетие Плайд Камри превратилась во вторую по значению партию Уэльса.

Второй по значимости пост в партии — руководитель депутатской фракции в палате общин. В настоящий момент его занимает Элвин Лвид. Он разделяет ту точку зрения части руководства организацией, согласно которой увлеченность работой в новых региональных орга-

нах власти, избранных в 1999 г., не должна привести к ослаблению позиций партии в Вестминстере, так как прерогатива расширения автономии Уэльса находится всецело в руках последнего.

В расстановке партийно-политических сил Уэльса националисты и либерал-демократы находятся ближе друг к другу, чем к лейбористам и тем более к тори, и по социально-экономическим вопросам, и по вопросам автономии региона. ПК всегда была умеренно социалистической партией, которая традиционно располагалась слева от ЛПВ. Это отличие становилось тем заметнее, чем дальше вправо смещалась Лейбористская партия. В 1981 г. в программу партии была инкорпорирована концепция «общинного социализма». Так, в предвыборном манифесте 1997 г. ПК выступила за повышение налогов на богатые слои населения, за государственное финансирование программы по созданию рабочих мест. После смены правительства она провела различие между своим «децентрализованным социализмом» и «государственным социализмом» лейбористов. Перед всеобщими выборами 2001 г. ПК призывала к повышению размера минимальной оплаты труда, развитию кооперативного движения и «третьего» (добровольного) сектора экономики. В сфере образования партия выступала за упразднение рейтингов учебных заведений и отмену привязки зарплаты учителей к показателям успеваемости школьников. Обе меры, введенные «новыми лейбористами», расценивались как несовместимые с этикой общественного домена. В то же время партия не была свободна от внутренних противоречий между левым крылом и правым, представляющим интересы мелкой буржуазии и землевладельцев. Выражая чаяния мелкой буржуазии, она выступала против строительства больших супермаркетов, вытесняющих с рынка мелких производителей и розничных продавцов. Видное место в политической программе партии занимали вопросы охраны окружающей среды, и на местных и европейских выборах ПК не раз выступала в союзе с зелеными.

Расположение общенациональных и националистических партий в региональной политической системе Уэльса по оси «левые—правые» и «националисты—юнионисты» напоминает ситуацию в Шотландии. Консерваторы в обоих регионах занимали правые и юнионистские позиции, а Плайд Камри и ШНП — левые и националистические. К националистическим партиям в идейном плане ближе всего стояли либерал-демократы, а лейбористы располагались между консерваторами и националистами. В Уэльсе ИПФ превысил отметку «2» еще в 1974 г. Обращает на себя внимание его снижение в 90-е годы, однако, как и в Шотландии, это объяснялось не усилением схожести региональной партийной системы с двухпартийной общенациональной,

а ослаблением позиций Консервативной партии в пользу ЛПВ и малых партий (*табл. 17*).

Первоначальное усиление националистических настроений в Уэльсе пришлось на вторую половину 60-х годов: в 1966 г. ПК одержала громкую победу на довыборах, а в следующем году Вестминстером был принят Акт о валлийском языке, закрепивший его использование в государственных учреждениях региона. На всеобщих выборах в феврале 1974 г. Плайд Камри получила 11% голосов и впервые провела в Палату общин сразу двух своих представителей, к которым на выборах в октябре того же года прибавился еще один. В те же годы партия начала закрепляться на уровне местного самоуправления. С тех пор она уверенно удерживала свою электоральную нишу, увеличив в 1992 г. количество мандатов в Палате общин до четырех человек, а в 1999 г. получив представительство в Европарламенте. Интересы партии также представлены в палате лордов.

В 1974 г. лейбористы, придя к власти, отреагировали на усиление валлийского национализма созданием Агентства по развитию Уэльса, которое подготовило программу развития региона в условиях деволюции. До этого также благодаря лейбористам было создано Министерство по делам Уэльса: эту меру лейбористы включили в свой предвыборный манифест 1964 г. Референдумы по автономии Шотландии и Уэльса состоялись в 1979 г., однако для правительства, остро нуждавшегося в поддержке депутатов-националистов, их итоги оказались разочаровывающими. В Уэльсе при явке 58,3% «за» проголосовало 20,2% пришедших на избирательные участки (11,8% электората региона), «нет» сказали 79,8% (46,5% электората). Отрицательный результат объяснялся не только отсутствием на тот момент необходимой поддержки в обществе идеи деволюции, но и растущей непопулярностью лейбористского правительства Джеймса Каллагэна. Провал обоих референдумов и последующая потеря правящей партией поддержки кельтских националистов в Палате общин сыграли свою роль в поражении лейбористов на парламентских выборах 1979 г. К власти пришло правительство консерваторов, которое было непреклонным противником идеи деволюции.

Централизация механизма государственного управления, осуществленная консерваторами в 80–90-е гг. за счет местных органов власти, стимулировала недовольство Лондоном и националистические настроения в Уэльсе точно так же, как в Шотландии. Начиная с парламентских выборов 1983 г., представительство тори в регионе неуклонно сокращалось, пока в 1997 г. не скатилось до нулевой отметки. Для лейбористов ситуация была прямо противоположной: они посто-

Таблица 17

Результаты всеобщих, региональных и евровыборов в Уэльсе (1945–2004)

	лейбористы		консерваторы		либералы/Альянс/ПЛД		Плайд Камри		ИПФ	ИПП
	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места		
июль 1945 (35 мандатов)	–	25	–	4	–	6	1,1	0	1,81	–
февр. 1950 (36 мандатов)	–	27	–	4	–	5	1,2	0	1,68	–
окт. 1951	–	27	–	6	–	3	0,7	0	1,67	–
май 1955	–	27	–	6	–	3	3,1	0	1,67	–
окт. 1959	–	27	–	7	–	2	5,2	0	1,65	–
окт. 1964	–	28	–	6	–	2	4,8	0	1,57	–
март 1966	–	32	–	3	–	1	4,3	0[1]	1,25	–
июнь 1970	–	27	–	7	–	1	11,5	0	1,66	–
февр. 1974	47	24	26	8	19	2	11 (0,6)[2]	2	2	2,97
окт. 1974	50	32	24	8	16	2	11 (0,6)	3	2,14	2,89
май 1979	49	22	32	11	11	1	9 (0,4)	2	2,13	2,75
июнь 1983 (38 мандатов)	38	20	31	14	23	2	8 (0,4)	2	2,39	3,33
июнь 1987	45	24	30	8	18	3	7 (0,4)	3	2,2	3
апрель 1992	49,5	27	28,6	6	12,4	1	8,8 (0,5)	4	1,85	2,85
май 1997 (40 мандатов)	54,7	34	19,6	0	12,4	2	9,9 (0,5)	4	1,36	2,75
май 1999, Ассамблея: А*	35,5	27	16,5	1	12,5	3	30,6	9	3,23	3,8[3]
(60 мандатов) Б**	37,6	1	13,5	8	13,5	3	28,4	8		
июнь 1999, Европарламент	31,9	2	22,8	1	8,2	0	29,6[4]	2	–	–
июнь 2001	48,6	34	21	0	13,8	2	14,3 (0,7)	4	1,36	3,12
май 2003, Ассамблея:[5] А*	40	30	19,9	1	14,1	3	21,2	5	2,99	3,7
Б**	36,6	0	19,2	10	12,7	3	19,7	7		
июнь 2004[6], Европарламент	32	2	19	1	10	0	17,4	1	–	–

* А — 40 мажоритарных округов

** Б — 20 пропорциональных округов

[1] Плайд Камри выиграла мандат на довыборах в 1966 г., но потеряла его на всеобщих выборах 1970 г.

[2] В скобках представлена доля поддержки ПК на всеобщих выборах от британского электората в целом.

[3] На региональных выборах ИПП рассчитывается по мажоритарным округам.

[4] На евровыборах в 1994 г. ПК получила 17% голосов.

[5] Один мандат был выигран независимым.

[6] ЮКИП по голосам опередила ПЛД, набрав 10,5%.

янно укрепляли свои позиции и по процентам полученных голосов, и по количеству мандатов. На всеобщих выборах 1997 г. эти показатели достигли своего исторического максимума — 55% голосов и 34 мандата. Недовольство консерваторами работало и на националистов, которые добились своего лучшего результата после парламентских выборов 1974 г.

На всеобщих выборах в 1997 г. Плайд Камри активно поддержала предложения ЛПВ по децентрализации, которую в отличие от шотландского варианта окрестили «деволюцией без автономии». За поддержкой ПК идеи деволюции стояло и стремление как можно быстрее подключиться к проекту «Европы регионов» в рамках ЕС: в этом случае зависимость автономии от центральной власти ослабла бы. По сравнению с 1979 г. референдум, состоявшийся в сентябре 1997 г., принес сторонникам деволюции (лейбористам, валлийским националистам и либерал-демократам) победу, однако их преимущество было минимальным — семь тысяч голосов (50,3% «за» и 49,7% «против» при явке 50,1%), и это показало, что надежды на быстрый прогресс расширении автономии еще более призрачны, чем в Шотландии. В абсолютном выражении за деволюцию проголосовали лишь 25% электората региона, насчитывающего 2,9 млн человек.

Вслед за референдумом 1997 г. и принятием Вестминстером Акта об управлении Уэльса в 1998 г. прошли исторические выборы в однопалатную ассамблею Уэльса — Сенедд, состоящую из 60 парламентариев. По закону выборы в ассамблею проводятся раз в четыре года в одно и то же время. В Уэльсе этому событию, как и в Шотландии выборам парламента, придали значение «тихой» конституционной революции. Но в отличие от Шотландии выборные органы власти Уэльса реализуют политику, но не вырабатывают ее. Исполнительный орган власти составляют главы комитетов ассамблеи. Возглавляет его первый министр, избираемый местными законодателями из своих рядов. Ассамблея наделена «вторичной» законодательной властью: ее права ограничены консультационными полномочиями, реализацией принятых центральным парламентом законов в отношении сферы управления регионом и принятием к ним поправок. О том, что автономия Уэльса более ограничена, чем автономия Шотландии, говорит и то, что в центральном правительстве после выборов 1999 г. не было планов по ликвидации поста министра по делам Уэльса, а вопрос о ликвидации поста министра по делам Шотландии обсуждался.

В отличие от Холируда ассамблея не может изменять ставку подоходного налога, хотя Плайд Камри выступает за уравнение прав законодательных органов Шотландии и Уэльса в этом вопросе. В компетен-

цию ассамблеи вошла расстановка приоритетов по расходованию средств регионального бюджета, который выделяется британским парламентом. В 1999 г. бюджет составлял 8 млрд ф. ст., а к 2003 г. увеличился до 12 млрд. Средства распределяются по статьям: сельское хозяйство, образование, здравоохранение, экономическое развитие, дорожная инфраструктура, охрана окружающей среды, транспорт, спорт и др.

В Уэльсе используется тот же вариант голосования, что и в Шотландии, — система «дополнительного голоса». В данном случае 40 депутатов избираются по мажоритарным округам, нарезанным для всеобщих выборов, и 20 — по партийным спискам в пяти округах для выборов в Европарламент. Максимальный выигрыш по приросту мандатов от введения пропорционального элемента голосования получили консерваторы, хотя процент поданных за них голосов в очередной раз снизился. По сравнению с всеобщими выборами 1997 г., когда впервые в истории тори не провели в палату общин ни одного депутата от Уэльса, в Сенедде — ассамблее региона — они получили сразу девять мандатов, лишь один из которых был выигран по мажоритарному округу. Плайд Камри и либеральным демократам успех сопутствовал в округах обоих типов, но валлийские националисты, получив голосов в три раза больше, чем в 1997 г., и 17 мандатов, были бесспорными фаворитами по объему прироста обоих показателей. Причем в мажоритарных округах процент полученных ими голосов оказался выше, чем в пропорциональных. Они одерживали победы не только в северных и западных районах региона, где их поддержка была традиционно высока, но и на юге, где обычно доминировали лейбористы. Что касается последних, то распределение выигранных ими мандатов по двум типам округов было обратным по сравнению с результатами консерваторов — из 28 мест лишь одно лейбористы получили по партийному списку. И тех и других объединяло падение доли полученных голосов, но из всех партий уменьшение численности мандатов произошло только у лейбористов.

Для всех партий очередным напоминанием об общих проблемах политической системы страны стала низкая явка избирателей — 46%, результат весьма посредственный, учитывая исторический характер выборов. До их проведения лейбористы ставили цель привлечь на избирательные участки 60% электората. Уэльс сильно проигрывал Шотландии, где на выборы регионального парламента пришли 58% имеющих право голоса. Утешать могло лишь то, что популярность евровыборов и местных выборов былв еще ниже.

Лейбористы, доминировавшие в Уэльсе на всеобщих выборах 70–90-х гг., в 1999 г. рассчитывали на абсолютное большинство мест

в ассамблее. Однако этим надеждам не суждено было сбыться в результате успешного выступления Плайд Камри и консерваторов. Валлийские националисты подтвердили свой статус второй по значению партии региона. Несмотря на то что лейбористам не хватило трех мандатов до абсолютного большинства, Алун Майкл, лидер лейбористской организации в Уэльсе и новоиспеченный первый министр, сформировал правительство меньшинства, не вступая в коалицию с либерал-демократами. Такое решение соответствовало общей тенденции: после всеобщих выборов 1997 г. у лейбористов пропал интерес к более тесному союзу с ПЛД. Избрание Майкла на должность первого министра означало прекращение его полномочий государственного секретаря по делам Уэльса в центральном правительстве. Вместо него на этот пост был назначен Пол Мёрфи.

Одновременно с избранием Сенедда в Уэльсе прошли местные выборы, на которых Плайд Камри получила 18% голосов и 205 мест в органах самоуправления, почти вдвое превысив свой прежний результат. В том же году на выборах в Европарламент она выиграла два мандата из пяти, выделенных для региона, а по количеству поданных голосов едва не опередила лейбористов (29,6 против 31,9%). Выборы всех уровней, прошедшие в 1999 г. в Уэльсе, свидетельствовали о дальнейшей фрагментации партийной системы региона. Об этом красноречиво говорит ИПФ, который резко вырос и преодолел отметку «3», хотя до этого здесь он был самым низким по стране. В результате сдвиг Уэльса к плюральной модели демократии и многопартийности стал самым значительным среди британских региональных политических систем. Складывание партийно-политической системы Уэльса началось задолго до 1999 г., однако прошедшая деволюция в значительной степени вывела ППС Уэльса из тени общенациональной партийной системы и придала ей собственную логику развития.

Несмотря на первоначальное решение Алуна Майкла создать правительство меньшинства, результаты региональных выборов, проводимых по смешанной системе голосования, заставили лейбористов в Уэльсе (вслед за шотландскими коллегами) пойти на создание коалиции с либерал-демократами. Этому предшествовали события, которые в цепи аналогичных случаев стали наглядным примером авторитарного стиля руководства Тони Блэра.

В октябре 1998 г. Алун Майкл сменил на посту министра по делам Уэльса и лидера регионального отделения ЛПВ Рона Дэйвиса, который скомпрометировал себя поведением в личной жизни. На этот пост претендовал также Родри Морган, но, с точки зрения «новых лейбористов», он тяготел к левому крылу партии и был «ненадежен». Новый

лидер лейбористов Уэльса должен был избираться по тем же правилам, что и Блэр в 1994 г., т. е. коллегией выборщиков. В данном случае она состояла из рядовых членов партии, депутатов-лейбористов от Уэльса в Палате общин и кандидатов на выборах в Сенедд, а также ассоциированных организаций. Заранее было известно, что по популярности среди рядовых лейбористов и членов тред-юнионов Морган уверенно обгонял своих конкурентов. Чтобы не допустить его победы, партийные функционеры договорились с рядом крупных тред-юнионов, лояльных «новым лейбористам», о применении правила блокового голоса, хотя в 1994 г. по настоянию Блэра профсоюзы перешли к индивидуальному голосованию. Именно эта договоренность стала причиной поражения Моргана. Действия «опекунов» помогли Майклу победить, но одновременно ослабили его позиции как первого премьера. Хотя он и занял этот пост после выборов ассамблеи, сформированному им правительству меньшинства уже в январе 2000 г. был вынесен вотум недоверия. Майкл подал в отставку, и первым министром при отсутствии других претендентов стал Морган. Его первым шагом было заключение соглашения о партнерстве с лидером либерал-демократов Майклом Джёрманом; оно просуществовало до новых выборов в ассамблею. Джёрман занял пост заместителя первого министра; кроме того, либерал-демократы получиль портфель министра культуры, спорта и валлийского языка. Позже Тони Блэр признал ошибочность своей позиции в отношении Родри Моргана в 1998 г.

Укрепление автономии Уэльса, повышение его самостоятельности, усиление многопартийного характера его партийно-политической системы неизбежно усложняло процесс согласования интересов Лондона и Кардиффа. В Уэльсе, где левые настроения всегда были сильнее, чем в Англии, политика центрального правительства по внедрению конкуренции и рыночных элементов в социальную сферу была мало популярна. В 2002 г. вначале в Шотландии, а затем в Уэльсе законодатели проголосовали за то, чтобы служба по уходу за престарелыми финансировалась из налоговых поступлений. Конфликты с центральным правительством возникали и по таким вопросам, как введение платы за учебу в вузах, составление рейтингов учебных заведений и др.

Создание коалиционного правительства сделало более рельефной и другую проблему — асимметричность британской деволюции, разницу между полномочиями шотландских и валлийских законодателей. Лидер Плайд Камри Уин Джонс не раз высказывался о неадекватности полномочий ассамблеи и всего проекта деволюции для Уэльса. Либерал-демократы воспользовались своим статусом партнеров по коалиции для продвижения реформы избирательной системы. Условием

их сотрудничества с лейбористами было создание комиссий по рассмотрению вопроса о прерогативах Сенедда (комиссия лорда Ричарда) и реформировании системы голосования на выборах в органы местного самоуправления (комиссия Сандерленда). В первом случае в центр внимания вновь попал вопрос об отсутствии у ассамблеи права «первичной законодательной инициативы» и права изменять налоговые ставки, во втором — вопрос о снижении популярности местных выборов до опасного уровня и недостатки одномандатной плюральной системы (ОПС), которая традиционно использовалась в Великобритании на всеобщих и местных выборах. Для прояснения статуса новых региональных органов самоуправления было решено законодательную власть Уэльса именовать Национальной ассамблеей Уэльса, а исполнительную — Правительством ассамблеи Уэльса.

На фоне того, что в ЛПВ было сильно недовольство введением на региональных выборах избирательной системы «дополнительного голоса» с пропорциональным элементом, ослабившей позиции лейбористов на «кельтской периферии», комиссия Сандерленда рекомендовала перейти на местных выборах от ОПС к пропорциональной системе «единого переходного голоса». Предлагалось ее использовать, начиная с местных выборов 2008 г. Осуществление этого предложения привело бы к дальнейшему росту влияния малых партий. В 2002 г. на весенней конференции ЛПВ была принята резолюция, отвергавшая реформирование избирательной системы на местных выборах. Несмотря на это, Родри Морган, подтверждая свою репутацию «ненадежного», продолжил консультации с либерал-демократами по этому вопросу.

Всеобщие выборы 2001 г. стали первыми после проведения деволюции в Уэльсе. Как никогда раньше они продемонстрировали расхождения между характером развития общенациональной и региональной партийных систем. Так, либерал-демократы и лейбористы — партнеры по коалиции в Уэльсе — вновь превратились в непримиримых противников. Ведущие партии столкнулись с необычной для них ситуацией, когда на выборах разных уровней им приходилось следовать разной логике поведения.

В целом выборы 2001 г. выявили статус-кво в расстановке политических сил Уэльса. Ведущие партии остались с прежним количеством депутатских мандатов, что для консерваторов вновь означало их отсутствие. Популярность ЛПВ снизилась, что было обычным делом для партии у власти. Однако здесь поддержка лейбористов ослабла больше, чем в других частях страны, и это обращало на себя внимание. Так регион, отличающийся левыми настроениями, отреагировал

на смещение ЛПВ вправо: на практике такое смещение принимало форму не только прорыночных экспериментов правительства в социальной сфере, но и выражалось в сокращении рабочих мест в сталелитейной промышленности, в неурегулированности вопроса о компенсационных выплатах углекопам после закрытия последних шахт и др. По фермерскому хозяйству Уэльса больно ударили последствия эпидемии коровьего ящура. Кроме того, авторитет центрального правительства пострадал из-за скандала вокруг Алуна Майкла и Родри Моргана.

Несмотря на проблемы, с которыми столкнулись лейбористы, тори, как и в целом по стране, не смогли должным образом воспользоваться ослаблением позиций правящей партии. По сравнению с всеобщими выборами 1997 г. они отобрали у лейбористов 3,8% голосов, но по сравнению с региональными выборами 1999 г. проиграли им 2,9%. По сравнению с 1997 г. Плайд Камри получила наибольший прирост голосов, который похож на скачок их популярности на выборах 1970 г. Также заметно улучшили свои позиции либеральные демократы. Однако результаты валлийских националистов оказывались не столь радужными при сопоставлении их с данными региональных и европейских выборов 1999 г. Если более крупные партии получили в 2001 г. голосов больше, чем в 1999 г., то у ПК их количество уменьшилось вдвое. Объяснялось это тем, что реализация программы деволюции для Уэльса снизила злободневность вопроса автономии; для многих избирателей стимул голосовать за Плайд Камри исчез. Не менее важно и то, что националистические партии на общенациональных выборах не могли по объективным причинам рассчитывать на такое же внимание, как на региональных.

В 2003 г. состоялись новые выборы в ассамблею Уэльса. Их результаты подтвердили затухание интереса жителей региона к вопросу углубления деволюции. Вопреки устоявшейся практике, согласно которой поддержка правящей партии в промежутках между всеобщими выборами снижается, лейбористы значительно улучшили свои позиции, выиграв половину всех мандатов. Однако в данном случае политические обозреватели обратили внимание на то, что увеличением популярности в Уэльсе ЛПВ была обязана политике Родри Моргана, который был левее «новых лейбористов». Он выступал за бесплатную выписку медицинских рецептов, за отмену оплаты обучения в вузах, был противником внедрения рыночных механизмов в сфере здравоохранения. Успех на выборах его более традиционной версии британского лейборизма показал, что отступление

от «третьего пути» может не только не вредить популярности ЛПВ, но и способствовать ей[1].

Хотя Плайд Камри вновь заняла второе место, сохранив титул главной оппозиционной силы региона, она потеряла пять мандатов, что стало главной новостью выборов и сильным ударом по перспективам ПК. Лейбористы вернули четыре округа, отобранные у них националистами в 1999 г., хотя в двух из них их преимущество было мизерным. Выступление консерваторов больше отвечало традиции промежуточных выборов: главная оппозиционная партия страны выиграла два дополнительных мандата. Однако произошло это отнюдь не за счет правящей партии. Кроме того, этот прирост был получен исключительно за счет пропорциональных округов, которые на парламентских выборах не применялись. На то, что партийная система Уэльса стабилизировалась на том уровне партийного плюрализма, который был достигнут в 1999 г., указывало неудачное выступление зеленых, а также статус-кво в положении либерал-демократов, сохранивших за собой прежнее количество мест, хотя сумма поданных за них голосов немного выросла.

Сразу после выборов лидер либерал-демократов Майкл Джёрман выразил готовность продолжить сотрудничество с лейбористами в рамках коалиции, но Родри Морган отклонил это предложение и сформировал однопартийное правительство. Он воспользовался тем, что спикер ассамблеи, не имеющий права голоса, выбирается из числа оппозиционных партий, в результате чего лейбористы получили рабочее большинство в один голос. Однако мало кто расценивал это событие как попятное движение в процессе развития региональной плюральной политической системы, которая на практике обрела ярко выраженный многопартийный характер. Несмотря на решение Моргана о формировании однопартийного правительства, опыт региональных выборов 1999 и 2003 гг. показал, что единственным приемлемым вариантом коалиции на уровне правительства для лейбористов были либерал-демократы. Об этом же говорил и опыт Шотландии. После всеобщих выборов 1997 г. лейбористы положили в долгий ящик проекты сотрудничества с либеральными демократами на уровне общенационального правительства, однако деволюция вынудила их пойти на такое сотрудничество на уровне региональных партийных систем. Не вызывает сомнения, что в будущем аналогичные ситуации возникнут еще не раз. Также вероятно, что по мере восстановления позиций Консервативной

[1] The Guardian, 3 May, 2003. Freedland Jonathan. *Mayday! Mayday! IDS and the Tories are doomed.*

партии на всеобщих выборах и возрастания угрозы потери власти лейбористами сотрудничество между ними и либерал-демократами на общенациональном уровне вновь активизируется.

Выборы 2003 г. в очередной раз громко напомнили о проблеме политической пассивности. Явка избирателей в Уэльсе упала по сравнению с 1999 г. с 46 до 38%, а в отдельных округах — до 25%. Единственные выборы, которые привлекали к себе меньше внимания, были местные и европейские. По всем признакам органы региональной автономии должны были стоять в иерархии приоритетов избирателей значительно выше, учитывая значение деволюции для конституционного устройства региона и страны в целом. Практика показала, что за истекшие четыре года политические партии не сумели или не захотели донести до большей части избирателей важность региональных органов власти. В прошлом система голосования с пропорциональным элементом многим казалась панацеей от болезни под названием политическая апатия, на дальнейшее снижение явки избирателей свидетельствовало, что корни проблемы уходили глубже, в область отношения гражданского общества к политической системе в целом. Морган заявил, что озабочен результатами явки и для исправления положения будет активно сотрудничать с центральной избирательной комиссией.

На местных выборах в июне 2004 г. лейбористы потеряли контроль над крупнейшими городами Уэльса — Кардиффом и Суонси, «отдав» голоса либерал-демократам. В столичном муниципалитете они лишились сразу 21 места. Одной из главных причин такого поражения стала непопулярность политики Блэра в отношении Ирака. Свою лепту внес и конъюнктурный момент: всеобщее порицание вызвало решение первого министра Родри Моргана остаться на презентацию в одном из дорогих отелей Кардиффа, вместо того чтобы принять участие в празднованиях 60-летия высадки войск союзников в Нормандии. Отступлением ЛПВ не смогли воспользоваться валлийские националисты, которые в ряде мест уступили правящей партии. Не помогла им и антивоенная позиция в отношении Ирака. Так же, как зеленые и «Респект» (см. Главу VI) они последовательно выступали против участия Британии в войне. За несколько дней до выборов ПК первой из парламентских партий призвала заменить войска коалиции на силы нейтральных стран под эгидой ООН. Слабое выступление в июне 2004 г. стало очередной неудачей националистов после провала на региональных выборах 2003 г. Прошедшие в том же месяце очередные выборы в Европарламент принесли им дальнейшие неприятности: Плайд Камри потеряла один из двух имевшихся у нее мандатов из-за резкого снижения доли полученных голосов — с 29,6 до 17,4%.

3. Северная Ирландия

По темпам формирования региональной партийно-политической системы Северная Ирландия (Ольстер) значительно опережала другие регионы «кельтской периферии» — Уэльс и Шотландию. Специфика региона, к которой с конца 60-х годов добавилась латентная гражданская война, требовала форсированного перехода от вестминстерской к плюральной модели демократии.

Отношения между Лондоном и Белфастом в период 1920–1972 гг. фактически носили федеративный характер. С одной стороны, формально регион был частью унитарного государства; квота Ольстера в палате общин со времени всеобщих выборов 1922 г. составляла 12 человек, с 1983 г. — 17 и с 1997 г. — 18. С другой — большинство вопросов внутренней политики по Закону о государственном управлении Ирландии 1920 г. было передано под юрисдикцию Северной Ирландии. В течение всего указанного срока здесь функционировали собственные законодательные и исполнительные органы власти. Часть налогов на территории Ольстера устанавливалась Вестминстером, а часть — региональным парламентом. Сложилась ситуация, когда регион находился под двойной юрисдикцией, хотя в законотворчестве в целом следовал за Вестминстером.

Двухпартийный механизм смены власти, характерный для остальной территории страны, здесь отсутствовал, и формально функционировала многопартийная система, однако на региональных выборах в 1921–1969 гг. бессменно побеждала Юнионистская партия Ольстера (ЮПО)[1], основанная в 1905 г. (*табл. 18*). Двухпалатный парламент — Стормонт состоял из нижней палаты (52 места) и сената (26 мест). По аналогии с Палатой общин выборы в Стормонт проходили не реже одного раза в пять лет. Однобокость политического развития провинции усугублялась тем, что в знак протеста против игнорирования своих прав католическое меньшинство бойкотировало избирательный процесс.

Партийно-политическая система Северной Ирландии в отличие от вестминстерской, шотландской и уэльской носит закрытый характер, т. е. в ней участвуют исключительно региональные партии. Лишь их представители на региональных выборах в 1921–1969 гг. и с 1998 г. избирались в Стормонт, а в промежутке — в иные законотворческие органы. Однако крупнейшие общенациональные партии пользова-

[1] Ulster Unionist Party.

Таблица 18

Результаты выборов в Стормонт в 1921–1969 гг.
(52 мандата)

	юнионисты	независимые юнионисты	либералы	лейбористы	другие лейбористы*	националисты	Шинн Фейн, республиканцы-абстентисты	независимые и др
май 1921	40					6	6	
апр. 1925	32	4		3		10	2	1
май 1929	37	3		1		11		
ноябрь 1933	36	2		2		9	2	1
февр. 1938	39	3	3	1	1	8		
июнь 1945	33	2		2	3	9		3
февр. 1949	37	2			2	9		2
окт. 1953	38	1			3	7	2	1
март 1958	37			4	2	8		1
май 1962	34		1	4	3	9		1
ноябрь 1965	36		1	2	2	9		2
февр. 1969	36	3		2	2	6		3

*Другие лейбористы: ирландские лейбористы, лейбористы-республиканцы, республиканцы-социалисты, независимые лейбористы.

Источник: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts. 1900–2000.* Macmillan Press, 2000. P. 465.

лись влиянием в Ольстере. Так, до конца 60-х годов ЮПО блокировалась в Вестминстере с тори, Социал-демократическая лейбористская партия[1] была тесно связана с ЛПВ, а центристская Партия альянса Северной Ирландии[2] — с либерал-демократами.

В то время как в Шотландии и Уэльсе партийно-политические подсистемы начали обретать все большую автономию от общенациональной, в Ольстере деятельность региональных органов власти в 1972 г. была заморожена и введено прямое управление из Лондона, продлившееся до 1999 г. Таким образом, процессы модернизации партийно-политической системы Великобритании, характерные для Вестминстера, Шотландии и Уэльса, в Северной Ирландии были заторможены, хотя и не остановлены. Однако с 1997 г. регион вместе с другими пережил период бурного политического развития.

Пропорциональная система голосования для многомандатных округов использовалась на выборах в Стормонт в 20-е гг., но затем, кроме университетских округов, просуществовавших до 1965 г., была заменена на мажоритарную. Однако с 1973 г. выборы всех уровней, кроме всеобщих, стали проводиться в Северной Ирландии по пропорциональной системе «единого переходного голоса». Таким образом, в сфере модернизации избирательной системы Ольстер значительно опережал остальные регионы страны.

Если ведущим фактором, определяющим расстановку политических сил Великобритании в общенациональном масштабе, традиционно было идеологическое противостояние по оси «левые — правые», то политическая жизнь Северной Ирландии вращалась вокруг оси межнационального и межконфессионального противостояния, столкновения юнионистско-протестантской и республиканско-католической тенденций. В этом регионе Соединенного Королевства, который часто именуют провинцией, в наибольшей степени, чем где бы то ни было на территории страны, обострено чувство этнической принадлежности, разделяющей электоральное пространство на две части — на ирландцев, выступающих за воссоединение с Ирландией, и британцев-лоялистов, в основном англичан, сторонников сохранения провинции в составе королевства. В результате возможности для политического маневрирования в рамках североирландской партийно-политической системы были минимальными, несмотря на ее многопартийность.

Ирландия — первая английская колония, захват которой растянулся с XII по XVI в. Именно в те времена уходят корни межконфес-

---

[1] Social Democratic Labour Party (SDLP).

[2] Alliance Party of Northern Ireland (APNI).

сионального противостояния. В 1690 г. в Северной Ирландии произошло знаменательное сражение при Бойне, в ходе которого протестант Вильгельм Оранский, правивший Англией под именем Вильгельма III, нанес поражение католику Якову II. Ежегодное празднование годовщины этого события положило начало традиции парадов оранжистов, которые в 90-е гг. XX в. не раз доводили ситуацию в провинции до точки кипения[1]. В 1800 г. ирландский парламент, располагавшийся в Дублине, заключил с Англией унию и самораспустился; Ирландия отказалась от региональной автономии и была включена в состав Соединенного Королевства.

В отношении Ирландии вопрос о деволюции возник задолго до 1999 г. Еще в 1886 г. премьер-министр Уильям Гладстон внес на рассмотрение палаты общин билль о гомруле, что послужило причиной первого раскола Либеральной партии. Повторно билль был внесен в 1912 г., когда правительством руководил либерал Герберт Асквит. Национально-освободительная борьба привела к тому, что в 1921 г. «Ирландское свободное государство»[2] добилось независимости на условии, что шесть графств Северной Ирландии, в которых большинство населения составляли англичане, останутся в составе Великобритании на правах автономии. До 1973 г. Ольстер имел фактически федеративные отношения с британским парламентом и собственный законодательный орган — Стормонт с широкими полномочиями. Однако все эти десятилетия католики-ирландцы подвергались политической дискриминации, и монополией на власть в провинции обладали протестанты.

Во второй половине 60-х годов дезинтеграция Британской империи, вступившая в заключительную фазу, привела к развитию национального самосознания в самой метрополии. На территории «кельтской периферии» реакция Ольстера на процессы ослабления британской идентификации была наиболее острой. Регион вступил в период «смутного времени», продлившийся до середины 90-х годов и стоивший жизни около 3,6 тыс. человек. Закоренелое межконфессиональное противостояние придало событиям особую остроту.

В 1969 г. акции гражданского протеста со стороны католического меньшинства привели к столкновениям между лоялистами и националистами, принявшим крупномасштабный характер в городе Лон-

---

[1] Особенно атмосфера накалялась во время июльского парада оранжистов, прозванного «шествие Драмкри». Его маршрут начинался в городке Драмкри и пролегал по католическим кварталам Портадауна.

[2] С 1937 г. — Эйре; с 1949 г. — Республика Ирландия.

дондерри, который ирландцы называют исключительно «Дерри». Активизировались незаконные военизированные формирования. Со стороны националистов наиболее известное из них — Ирландская республиканская армия (ИРА)[1], а со стороны лоялистов — Добровольческая служба Ольстера (ДСО)[2], Ассоциация обороны Ольстера (АОО)[3] и Бойцы за свободу Ольстера (БСО)[4]. Лейбористское правительство Гарольда Вильсона было вынуждено направить в регион армейские части численностью 7,5 тыс. человек. За несколько лет их количество удвоилось.

В 70-е годы в Северной Ирландии вспыхнула настоящая гражданская война. В январе 1972 г. произошло событие, вошедшее в историю под названием «кровавое воскресенье». В Дерри, одной из шести областей Ольстера, в ходе разгона армейскими частями демонстрации националистов был открыт огонь на поражение, в результате погибли 13 гражданских лиц, еще один человек скончался позже. В тот год количество жертв достигло пика за весь период «смутного времени»: погибли 144 военнослужащих и 305 гражданских лиц[5]. В марте, после провала попыток урегулировать конфликт, правительство Великобритании приняло решение о приостановке работы Стормонта и передаче его полномочий Министерству по делам Северной Ирландии.

На референдуме жителей региона, проведенном в том же месяце, подавляющее большинство — 590 тыс. — высказались за сохранение провинции в составе Соединенного Королевства, против — 6,5 тыс. (при явке 58%). Референдум, придавший действиям Лондона легитимность, открыл путь к принятию Вестминстером Акта о конституционном устройстве Северной Ирландии. Согласно последнему вся полнота исполнительной власти была передана государственному секретарю по делам Северной Ирландии, предусматривалось участие в законодательном собрании провинции широкого круга политических сил на базе многомандатных округов и пропорциональной системы голосования «единого переходного голоса». Кроме того, закон разрешал администрации региона сотрудничать по вопросам, входившим в компетенцию органов самоуправления, с властями Республи-

---

[1] Irish Republican Army.

[2] Ulster Volunteer Force.

[3] Ulster Defence Association.

[4] Ulster Freedom Fighters.

[5] Butler David, Butler Gareth. *Twentieth-Century British Political Facts. 1900–2000.* Macmillan Press, 2000. P. 523.

Таблица 19

Результаты выборов в региональные представительные органы Северной Ирландии (1973–1996)

	ЮПО	ДЮП	Др. лоялисты	Альянс	СДЛП	Шинн Фейн	Другие
Июнь 1973 г. Ассамблея	22	8	28[1]	3	19	–	1
Май 1975 г. Ассамблея (Конвенция)	46[2]	–	6[3]	8	17	–	1
Окт. 1982 г. Ассамблея	26	21	2	10	14	5	–
Май 1996 г. Форум	30 (24,2)[4]	24 (18,8)	7 (9,4)	7 (6,6)	21 (21,4)	17 (15,5)	4 (1,8)

[1] 15 из них входили в Коалицию лоялистов.

[2] Резкое увеличение мандатов ЮПО — результат временной консолидации сил лоялистов.

[3] 5 из них представляли Юнионистскую партию Северной Ирландии, отколовшуюся от ЮПО.

[4] В скобках — процент голосов, полученных партиями на выборах.

Источники: David Butler, Gareth Butler. *Twentieth-Century British Political Facts. 1990–2000.* Macmillan Press, 2000. P. 465–466; Brendan O'Leary. *The Belfast Agreement and the Labour Government.* In: The Blair Effect. *The Blair Government 1997–2001.* Ed. by Anthony Seldon. L.: Little, Brown and Company, 2001. P. 454.

ки Ирландии. Таким образом, в самом начале были заложены важные элементы миротворческого процесса, давшие плоды годы спустя.

В этих условиях в июне 1973 г. состоялись выборы в 78-местную североирландскую ассамблею (*табл. 19*) 58 мест достались лоялистским партиям, 20 — националистическим и 3 — центристам. Потребовался еще не один месяц переговоров и принятие отдельного Саннингдэйлского соглашения, прежде чем в декабре было сформировано коалиционное правительство. Короткий период его работы закончился в мае следующего года из-за разногласий сторон, и прямое управление Ольстером было восстановлено.

Следующая попытка примирения состоялась при лейбористах в 1975 г., когда прошли новые выборы в ассамблею (конституционную конвенцию), призванную разработать рекомендации по выходу из кризиса. На этот раз лоялистам достались 52 места, 18 — националистам и 10 — центристам. Однако в следующем году и этот орган был распущен ввиду несовместимости требований участников.

После прихода к власти правительства Маргарет Тэтчер миротворческую эстафету продолжили консерваторы. Очередную попытку ре-

анимировать деятельность органов самоуправления региона они предприняли в октябре 1982 г., когда был избран новый состав ассамблеи Северной Ирландии. 49 мандатов завоевали лоялисты, 10 — центристы и 19 — националисты. Несмотря на то что Шинн Фейн, впервые участвовавшая в выборах, получила сразу пять мандатов, ее делегаты, как и представители СДЛП, отказались принимать участие в работе ассамблеи. В следующем году после терактов, совершенных боевиками-республиканцами в североирландском графстве Арма, свои места покинула и большая часть лоялистов.

Результаты трех прошедших выборов показали, что влияние юнионистов, которые оставались ведущей силой региона, ослабло, в то время как националисты демонстрировали стабильные результаты, а центристы укрепили свои позиции. Происходило выравнивание сил противоборствующих сторон. В переговорный процесс, пусть и эпизодически, были вовлечены и жестко настроенные Шинн Фейн и Демократическая юнионистская партия.

С 1922 по 1973 г. на политической арене региона доминировала Юнионистская партия Ольстера, поддерживаемая протестантским большинством провинции. Однако с наступлением «смутного времени» юнионистское движение раскололось, в результате чего в 1971 г. появилась Демократическая юнионистская партия (ДЮП)[1] во главе с Ианом Пейсли, непримиримо настроенная по отношению к республиканцам. Одновременно Пейсли возглавлял Свободную пресвитерианскую церковь Северной Ирландии, основанную им же в 1951 г. Политика ДЮП отличалась популизмом и носила религиозный оттенок, выражала интересы широких рабочих слоев населения Ольстера. ЮПО считалась партией среднего класса. Подозрительность к центральной власти, от которой исходило большинство мирных инициатив, была свойственна обеим партиям, но именно ЮПО во главе с Дэвидом Тримблом, сменившим в середине 90-х годов Джеймса Молино, стала ключевой умеренной силой юнионистского движения в переговорном процессе с республиканцами. ДЮП не только отказывалась от участия в нем, но и отрицала саму идею плюральной модели демократии для провинции, признавая форму правления, основанную исключительно на мажоритарном принципе.

По другую сторону баррикад от ЮПО и ДЮП находились Шинн Фейн[2] и Социал-демократическая лейбористская партия (СДЛП). Организация с названием «Шинн Фейн», боровшаяся за независимость

---

[1] Democratic Unionist Party.

[2] Sinn Fein; в переводе с гэльского — «мы сами».

Ирландии, была образована в 1905 г., а ее североирландский последователь, партия Шинн Фейн, вел свою историю с начала 70-х годов. Тогда в результате раскола республиканского движения Шинн Фейн появилась в качестве политического крыла «временной» ИРА[1] — главной националистической силы североирландского экстремизма, которая, в свою очередь, откололась от «официальной» ИРА[2]. СДЛП ведет свою историю с 1970 г., когда произошло слияние трех умеренных националистических партий. С 1979 по 2001 г. ее возглавлял Джон Хьюм, сменивший на этом посту Джерри Фитта. С 1983 г. он был также бессменным депутатом палаты общин. В республиканском лагере партия выступала в роли, аналогичной роли ЮПО в юнионистском политическом спектре: она являлась главной движущей силой миротворческого процесса. На оси «левые — правые» СДЛП занимала левоцентристские позиции, а Шинн Фейн — левые. Так же, как и ЮПО, СДЛП считала, что мир в провинции должен быть установлен на основе принципов политического плюрализма и коалиционного характера правления. Партия Шинн Фейн во главе с харизматичным Джерри Адамсом длительное время не желала осудить тактику насилия ИРА и стремилась скомпрометировать легитимность электорального процесса в Северной Ирландии. В то же время Адамс никогда не признавал свою причастность к деятельности ИРА. Шинн Фейн отказывалась от участия в выборах и в то же время проводила активные агитационные кампании.

Начало нового витка конфликта пришлось на 1980 г. Тогда осужденные за терроризм и отбывавшие срок наказания в тюрьме Мейз республиканцы во главе с Бобби Сэндсом объявили голодовку протеста. Они требовали статуса политических заключенных, а не уголовников. Драматичность ситуации усилилась после того, как в апреле 1981 г. Сэндс, находясь в тюрьме, был избран в палату общин на довыборах в Ольстере. Правительство Маргарет Тэтчер отказалось идти на уступки заключенным. После 66 дней голодовки Сэндс скончался; такая же участь постигла еще десять человек. Однако список жертв, связанных с этими событиями, на этом не закончился. Свою месть ИРА осуществила в 1984 г.: в дни проведения ежегодной конференции Консервативной партии в городе Брайтон мощным взрывом была разрушена часть Гранд-отеля. Эта террористическая акция стала самым впечатляющим покушением на членов правительства в истории западных стран. Несколько человек погибли на месте, другие скончались позже от полученных ран, включая двух депутатов-консерваторов. Тэтчер едва избежала смерти.

---

[1] Provisional IRA.

[2] Official IRA.

Успех Бобби Сэндса на довыборах в 1981 г. сыграл значительную роль в том, что Шинн Фейн приняла решение прекратить бойкот европейских, общенациональных и местных выборов, хотя в последних двух случаях она по-прежнему отказывалась занимать выигранные места. Пойти на это, с ее точки зрения, значило признать легитимность «британской оккупации Северной Ирландии». В 1983 г. Шинн Фейн впервые приняла участие в парламентских выборах и, заняв среди североирландских партий четвертое место, получила один депутатский мандат. Он достался Джерри Адамсу, который в том же году стал президентом организации. Втягивание Шинн Фейн в демократический процесс со временем принесло ей дивиденды. Так, если в 1982–1994 гг. партия на выборах всех уровней получала в среднем более 11% голосов, то в 1996–1997 гг. — более 16%.

Несмотря на террористический акт в Брайтоне, правительство продолжило поиск путей урегулирования конфликта. Чрезвычайно важным было то, что для решения этой задачи были привлечены власти Ирландии. Этот шаг стал одним из самых важных на пути к будущему мирному соглашению. Другой вехой было начало секретных переговоров с Шинн Фейн и СДЛП. В 1985 г. вырабатывается англо-ирландское соглашение в Хилсборо. Северной Ирландии гарантировалось место в составе Соединенного Королевства до тех пор, пока за это выступает большинство жителей провинции. Статья вторая предусматривала проведение регулярных конференций на уровне членов правительств двух государств. Хотя эти договоренности не привели к заметному сдвигу в решении проблемы Ольстера, попытки Лондона перевести конфликт в политическую плоскость накапливали критическую массу мирных инициатив.

В 1986 г. Шинн Фейн согласилась на участие в выборах парламента Ирландии, которые до этого она бойкотировала, обвиняя власти страны в оппортунизме по отношению к Ольстеру. Для Джерри Адамса это был смелый шаг, последствием которого был откол от Шинн Фейн «республиканского крыла»[1]. Его представители считали, что признание парламента в Дублине — путь к признанию парламента в Белфасте. В то же время Адамс добился маргинализации фундаменталистов в Шинн Фейн.

Большую роль в убеждении радикальных националистов отказаться от насилия сыграла СДЛП. В 1988 г. начались переговоры между Хьюмом и Адамсом, которые способствовали сдвигу Шинн Фейн с позиций фундаментального республиканизма. Переход Шинн Фейн на более умеренные позиции привел в 1993 г. к приня-

[1] Republican Sinn Fein.

тию «Декларации Даунинг-стрит», подписанной британским премьером Джоном Мейджором и его ирландским коллегой Альбертом Рейнолдсом. В этом документе утверждался принцип участия в переговорах всех заинтересованных сторон при условии отказа от насилия. Британское правительство дало понять, что отказывается от решения североирландской проблемы с помощью силы. В тексте Декларации было заявлено, что Британия не имеет никаких стратегических и экономических интересов в Северной Ирландии и что единственная цель властей — защита интересов населения региона. Дублин, со своей стороны, пообещал аннулировать те статьи конституции, в которых говорилось о суверенитете над всем островом. В 1994 г. эти переговорные процессы привели к тому, что ИРА приняла решение о приостановке боевых действий. Вскоре за ней последовали военизированные формирования лоялистов — ДСО и АОО. У каждого из них появилось свое «политическое крыло» — соответственно Прогрессивная юнионистская партия (ПЮП)[1] и Ольстерская демократическая партия (ОДП)[2]. Немаловажную роль в переходе ИРА на более умеренные позиции сыграл международный фактор — окончание холодной войны[3].

Правительство Джона Мейджора отличалось крайне осторожным подходом к проблеме Ольстера. Это объяснялось не только традиционным для консерваторов болезненным отношением к попыткам ослабить унитарное устройство государства, но и возрастающей зависимостью тори в палате общин от голосов юнионистов. В результате адекватного ответа на объявление ИРА перемирия не последовало, и Шинн Фейн осталась за боротом переговорного процесса. Вместе с тем правительство добилось успехов по привлечению иностранной помощи в урегулировании конфликта. Для управления процессом разоружения с согласия Лондона и Дублина была создана международная комиссия в составе бывшего американского сенатора Джорджа Митчелла, канадского генерала Джона де Шастелена и экс-премьера Финляндии Харри Холкери. В начале 1996 г. комиссия выработала принципы, на основе которых противоборствующим сторонам предлагалось вступить в переговоры[4]. По центральному вопросу о деко-

---

[1] Progressive Unionist Party.

[2] Ulster Democratic Party.

[3] Cox Michael. *Bringing in the «international»: the IRA ceasefire and the end of the Cold War*. International Affairs, Vol. 73, No 4, October 1997.

[4] Mitchell George, de Chatelain Jean, Holkeri Harri. Report of the International Body on Arms Decommissioning (The Mitchell Report), 1996.

миссии (разоружении ИРА и других незаконных боевых формирований) Британия требовала, чтобы ИРА начала разоружение до начала переговоров, Ирландия — после, а международные посредники предложили компромиссный вариант — разоружение и переговоры должны начаться одновременно.

Джон Мейджор согласился с этим, но потребовал провести в Ольстере новые выборы, чтобы наделить участников мирных переговоров демократическим мандатом. Против этого выступили Шинн Фейн и СДЛП, считавшие, что заинтересованные стороны уже обладают таким правом; они расценили инициативу премьера как затягивание процесса урегулирования. ИРА со своей стороны отреагировала на требование Мейджора возобновлением террористической деятельности, устроив взрыв бомбы в лондонском деловом квартале Канари Уорф, повлекший человеческие жертвы. Однако в мае 1996 г. выборы в Североирландский форум мира все же состоялись. Шинн Фейн, занявшая четвертое место, к участию в его работе допущена не была из-за нарушения ИРА перемирия. В знак протеста против июльских демонстраций оранжистов работу форума бойкотировала и вторая по величине партия СДЛП. Однако обе организации оставались участниками рамочного мирного процесса.

Привлечение иностранной помощи для решения внутриполитических задач не было однозначно воспринято британским политическим истеблишментом. После Суэцкого кризиса 1956 г. самый длительный период охлаждения отношений между Британией и США возник именно из-за североирландского урегулирования. Произошло это в 1994–1995 гг. Консервативное правительство считало, что политика демократической администрации Билла Клинтона в отношении Ольстера не отвечала интересам Лондона. Белый дом активно поддерживал националистические силы провинции, предоставил, несмотря на протесты Даунинг-стрит, въездную визу Джерри Адамсу, отменил ограничения на сбор средств в США на нужды Шинн Фейн. Однако постепенно британцы смягчали свою позицию, и после прихода к власти Тони Блэра американское посредничество в Северной Ирландии только приветствовалось, а Билл Клинтон был напрямую вовлечен в процесс мирного урегулирования.

Приход лейбористов к власти в мае 1997 г. придал импульс переговорному процессу, хотя и не привнес в него качественно новых элементов. В том же году в Ирландии победила коалиция Фианна Фэйл во главе с Берти Ахерном, который пользовался большим доверием ольстерских националистов, чем его предшественник Джон Брютон. Британское правительство разрешило официальные контакты своих

представителей с Шинн Фейн, которая, после того как ИРА в июле объявила о перемирии, официально поддержала принципы демократии и ненасилия «плана Митчелла». На этот раз в ответ на присоединение к переговорам Шинн Фейн от участия в них отказались ДЮП и Юнионистская партия Соединенного Королевства (ЮПСК)[1], которая в 1999 г. была преобразована в Юнионистскую партию Северной Ирландии[2]. Заключительный этап переговоров, прошедший с личным участием руководителей Великобритании и Ирландии, состоялся в марте–апреле 1998 г.

Лейбористы продолжили линию консерваторов на активное использование международного посредничества. В августе по инициативе Джорджа Митчелла и по согласованию правительств двух стран была создана международная Независимая комиссия по разоружению в составе канадского генерала Джона де Шастелена и двух независимых военных инспекторов — бывшего генерального секретаря АНК Сирила Рамафозы и экс-президента Финляндии Марти Ахтисаари.

Видной фигурой в миротворческом процессе стала Марджори (Мо) Моулам, которая еще в 1994 г. была назначена Блэром теневым министром по делам Северной Ирландии. Она отличалась твердостью и в то же время либеральностью взглядов, имела ученую степень доктора политических наук, была известна тем, что допускала возможность объединения Ирландии в будущем, однако не при жизни этого поколения. Моулам завоевала уважение обеих сторон, когда в январе 1998 г. посетила тюрьму Мейз в разгар беспорядков, устроенных осужденными боевиками-лоялистами. Своими решительными поступками она заработала прозвище могучая Мо. Значительную роль в примирении сторон сыграл государственный министр Пол Мёрфи, будущий государственный секретарь Уэльса, а затем и Северной Ирландии, возглавлявший в 1997–1998 гг. переговорный процесс с британской стороны.

10 апреля заключается историческое Белфастское соглашение (Соглашение Страстной пятницы), базирующееся на принципах консоциативной демократии[3]. Именно благодаря этому соглашению

---

[1] United Kingdom Unionist Party (UKUP).

[2] Northern Ireland Unionist Party (NIUP).

[3] Consociational democracy — концепция, разработанная в политической науке американским политологом голландского происхождения Арендом Лейпхартом, см.: Arend Lijphart. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. Yale University Press, 1997. Она опиралась на четыре главных принципа: распределение прерогатив исполнительной власти между представителями всех общин территории, пропорциональные нормы при избрании всех органов власти, автономия и равенство общин, право вето для меньшинств.

модель деволюции Северной Ирландии качественно отличается от модели Шотландии и Уэльса; главные отличия: признание права региона на самоопределение и выход из состава Соединенного Королевства и включение соглашения в состав международного британо-ирландского договора.

С североирландской стороны основной вклад в достижение компромисса внесли лидеры ЮПО и СДЛП Дэвид Тримбл и Джон Хьюм, заслуги которых были отмечены Нобелевской премией мира 1998 г., и руководители Шинн Фейн Джерри Адамс и Мартин Макгиннес. Со стороны лоялистов соглашение поддержала ПЮП, со стороны внеконфессиональных сил — ПАСИ и Женская коалиция. Против заключения соглашения выступили ДЮП и ЮПСК, которые посчитали его политикой ползучих уступок в пользу республиканцев. Впоследствии ДЮП не бойкотировала выборы в Стормонт, однако на прямые контакты с Шинн Фейн не соглашалась. Также ДЮП согласилась занять два министерских поста в правительстве региона, но от участия в его заседаниях отказалась. Кроме того, Пейсли заявил, что если его партия придет к власти, то потребует пересмотра условий мирного договора.

Суть достигнутых договоренностей — в обеспечении доступа к власти представителей конкурирующих этноконфессиональных блоков. В чем принципиальное отличие этого документа от предыдущих попыток мирного урегулирования, начиная с Саннингдэйлского соглашения? Авторы Белфастского соглашения стремились подключить к мирному процессу не только умеренные центристские силы, но всех политических игроков, находившихся на легальном положении, включая боевиков, которые присоединились к перемирию. Ставилась задача не сводить позиции участников к одному знаменателю, а заключить их деятельность в такой формат, при котором учитывались бы даже полярные точки зрения. Консоциативная форма демократии имела явно выраженный плюральный характер, не исключавший конфликтов, но удерживавший их в мирном русле. Механизм согласования интересов, вводимый соглашением, устанавливал паритет между сторонниками различных национальных идентичностей — «ирландцев» и «британцев». Предполагалось, что в конечном счете он приведет к созданию общности интересов жителей Северной Ирландии, независимо от их этноконфессиональной принадлежности. Задача максимум состояла в том, чтобы заменить политику, основанную на этнических и религиозных интересах, традиционными для партийных систем расхождениями по экономическим, социальным и иным вопросам.

Соглашение предусматривало изменение статуса Ольстера только с согласия большинства его жителей. Правительство Ирландии обязывалось изъять из текста конституции положение о суверенитете над шестью северными графствами. Были назначены выборы в Стормонт и предусмотрен коалиционный характер управления провинцией (первая опора Соглашения), для развития сотрудничества между двумя частями острова был создан министерский совет Север–Юг в составе представителей парламента Ирландии и исполнительного органа власти Ольстера (вторая опора), а также межправительственный британо-ирландский совет (третья опора). В результате заключения соглашения «отношения Соединенного Королевства с Северной Ирландией, — пишет специалист по вопросу североирландского урегулирования Брендан О'Лири, — приобрели с точки зрения международного права ярко выраженный федеративный характер...»[1]

В соответствии с соглашением из британских тюрем была выпущена большая группа националистов и лоялистов, причастных к террористической деятельности, наметилось положительное решение вопроса о разоружении военизированных формирований, в первую очередь ИРА. Устанавливалось, что декомиссия должна быть проведена в течение двух лет, однако ее конкретный механизм не оговаривался. В 1999 г. Соглашение Страстной пятницы стало частью британо-ирландского международного договора.

Для того чтобы придать соглашению максимальную легитимность, в обеих частях Ирландии были проведены референдумы. В этом заключалась еще одна существенная особенность деволюции Ольстера по сравнению с Уэльсом и Шотландией. В северной части острова активность избирателей зашкалила за 80%, что свидетельствовало о том, насколько значимыми в глазах широких масс населения были достигнутые договоренности. Их одобрил 71% жителей Ольстера, но среди протестантской общины сторонники соглашения ненамного опередили его противников (53 и 47%). В южной части поддержка оказалась еще выше — беспрецедентные 95%, однако явка составила лишь 56%.

В июне 1998 г. последовали выборы в 108-местную ассамблею — законодательный орган провинции (*табл. 20*). Они были проведены по системе «единого переходного голоса» в 18 округах, нарезанных для общенациональных выборов. Как в Уэльсе и Шотландии, они

---

[1] O'Leary Brendan. *The Belfast Agreement and the Labour Government.* In: Seldon Anthony (ed.). *The Blair Effect. The Blair Government 1997–2001.* London: Little, Brown and Company, 2001. P. 467.

должны проходить каждые четыре года, однако переизбрание Стормонта в отличие от Сенедда и Холируда может быть досрочным, если за это выступает две трети североирландских законодателей. Была зарегистрирована достаточно высокая явка избирателей — 69%, сравнимая с показателями всеобщих выборов. Большинство мандатов — 58 — завоевали юнионисты; полученные мандаты почти поровну поделили сторонники и противники Соглашения Страстной пятницы. Националисты заняли второе место; они были объединены стремлением воплотить соглашение в жизнь. Неконфессиональные партии набрали скромные шесть мандатов.

Ассамблея избрала исполнительный орган из 14 человек во главе с первым министром Дэвидом Тримблом и первым заместителем Сеамусом Маллоном, представителем СДЛП (в декабре 2001 г. его сменил Марк Дёркан, который к тому времени стал лидером СДЛП). Необходимо отметить, что министр и его первый заместитель имели равный статус и фактически образовывали дуумвират исполнительной власти Ольстера. Другие члены правительства региона были избраны на пропорциональной основе по методу д'Ондта: по пять министерских портфелей достались юнионистам и националистам. Под юрисдикцию Стормонта перешли, как и в Шотландии, вопросы образования, здравоохранения, транспорта, туризма и др. Вестминстер сохранил контроль над сферами экономики, внешней политики и обороны, а также оставил за собой крайне чувствительный вопрос полицейского патрулирования.

Законодательные процедуры в регионе, в том числе утверждение в должности первого министра и его заместителя, должны были иметь максимально консенсусный характер. Для утверждения решений, относящихся к разряду «ключевых», на вооружение взяли принципы «параллельного согласия», когда для принятия закона необходимо большинство голосов и юнионистов, и националистов, а также принцип взвешенного большинства — 60% законодателей, включая не менее 40% голосов депутатов одного из блоков. Распределение министерских портфелей основывалось на принципе пропорционального представления интересов партий.

Выборы 1998 г. вписались в динамику политического развития Северной Ирландии, которую отражали всеобщие выборы 1974–1997 гг. Данные *табл. 20* наглядно демонстрируют эволюцию электоральной поддержки партий и трансформацию политической системы провинции на уровне всеобщих выборов. ИПФ еще в 70-е годы превысил в Ольстере отметку «3», что указывало на быстрое складывание многопартийной модели политической конкуренции в Северной Ирлан-

Таблица 20

Результаты всеобщих и региональных выборов в Северной Ирландии в 1974–2003 гг.

	юнионисты						центристы		Националисты						ИПП
	ЮПО		ДЮП		другие		ПАСИ		СДЛП		Шинн Фейн		другие		
	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места	голоса (%)	места	
февр. 1974 (12 мандатов)	32	7	8	1	24	3	3	0	22	1	–	–	10	0	2,4
окт. 1974	36	6	8	1	17	3	6	0	22	1	–	–	10	1	3
май 1979	36	5	10	3	11	2	12	0	18	1	–	–	12	1	3,6
июнь 1983 (17 мандатов)	34	11	20	3	3	1	8	0	18	1	13	1	4	0	2,17
июнь 1987	38	9	12	3	5	1	10	0	21	3	11	1	3	0	2,86
апр. 1992	35	9	13	3	8	1	9	0	24	4	10	0	2	0	2,7
май 1997 (18 мандатов)	33	10	14	2	4	1	8	0	24	3	16	2	1	0	2,75
июнь 1998 Стормонт[1] (108 мандатов)	21,2	28	18	20	11	10[2]	6	6	22	24	18	18	3	2[3]	5,24
июнь 2001	26,8	6[4]	22,5	5	4	0	3,6	0	21	3	21,7	4	0	0	4,6
нояб. 2003 Стормонт	22,6	27	25,7	30	5	3	3,7	6	17	18	23,5	24	0	0	4,87

[1] Процент голосов «первых предпочтений».

[2] 5 мандатов завоевала Юнионистская партия Соединенного Королевства (после выборов переименовалась в Юнионистскую партию Северной Ирландии), 2 — Прогрессивная юнионистская партия и 3 — независимые юнионисты-скептики.

[3] Оба мандата завоевала Женская коалиция Северной Ирландии.

[4] Позже 3 депутата ЮПО приняли статус независимых юнионистов.

дии. Необходимо отметить, что по сравнению с другими регионами страны Северная Ирландия имела определенную фору в деле утверждения многосубъектности партийно-политической системы. Только здесь избиратели были так глубоко разделены по этническому и религиозному признаку, а их группы так территориально сконцентрированы. В результате националистические партии с обеих сторон, которых в Ольстере подавляющее большинство, априори имели в своем распоряжении структурированное в соответствии с их интересами электоральное пространство. Формирование многопартийности в регионе не могло скрыть того факта, что партийная конкуренция по-прежнему велась лишь между двумя политическими кредо — юнионистским и республиканским. В то же время партийно-политическая система Северной Ирландии не представляла собой противостояние двух монолитных политических блоков. Она динамична, так как в каждом из «лагерей» идет борьба между радикальными и умеренными течениями. Кроме того, вес в провинции набирают центристы, апеллирующие и к католикам, и к протестантам.

На всеобщих выборах 1974–1997 гг., как и до этого, первое место уверенно занимала ЮПО, однако силы ее основных соперников — ДЮП на лоялистском фланге и СДЛП и Шинн Фейн на республиканском — росли. В 1979 г. она впервые не получила большинства мест от Северной Ирландии в палате общин, хотя позже восстановила свои позиции. Произошла значительная консолидация радикального крыла юнионистского движения вокруг ДЮП. В 1983 г. Шинн Фейн, впервые приняв участие в парламентских выборах, по полученным голосам стала четвертой силой в провинции и завоевала один мандат — столько же, сколько и СДЛП. Все же для периода 1983–1997 гг. характерно, что ЮПО и СДЛП — ведущие умеренные силы с обеих сторон — по голосам вдвое опережали своих радикальных коллег.

Предтечей скорых изменений стали всеобщие выборы 1997 г., на которых наметилась тенденция по сокращению этого разрыва. Доля отданных за партию Тримбла голосов снизилась, а у ДЮП — повысилась, хотя из-за мажоритарной системы ситуация с выигранными мандатами оказалась прямо противоположной. Степень электоральной поддержки СДЛП не изменилась, но она лишилась одного места. В то же время значительного успеха добилась Шинн Фейн, которая по поддержке среди избирателей впервые вышла на третье место, обогнав демократических юнионистов. Депутатские мандаты завоевали Джерри Адамс и Мартин Макгиннес, которые, однако, бойкотировали работу палаты общин.

На выборах в Стормонт в 1998 г., предварявших восстановление самоуправления Ольстера, ИПФ, который и раньше превосходил средний показатель по стране, превысил отметку «5» (*табл. 20,* см. с. 207). Это стало возможным благодаря использованию системы голосования с пропорциональным элементом («единый переходный голос»). Начался качественно новый этап в истории партийно-политической системы Северной Ирландии. Если в 1922–1972 гг. в ней доминировали ольстерские юнионисты, а затем на четверть века деятельность региональных органов власти была заморожена, то в 1998 г. возник каркас полнокровной многопартийной системы, не имеющей аналога на территории Великобритании. Однако с самого начала ее развитие сковывалось межобщинным противостоянием.

Ведущие умеренные силы провинции, особенно ольстерские юнионисты, по количеству собранных голосов проиграли своим конкурентам, хотя и удержали лидерство. Умеренные образовали самые крупные фракции в Стормонте, однако ДЮП и Шинн Фейн следовали за ними по пятам. Для основных участников мирного процесса ситуация осложнялась тем, что Иан Пейсли наотрез отказался сотрудничать с Шинн Фейн в исполнительных структурах власти и призвал к пересмотру условий мирного договора. На выборах 1998 г. о себе заявила Партия альянса Северной Ирландии (ПАСИ), основанная в 1970 г. Если в условиях мажоритарной системы ПАСИ была лишена депутатских мандатов, то теперь она провела в Стормонт сразу шесть своих представителей и стала пятой по значению политической силой провинции. Вместо лорда Джона Олдердайса, избранного спикером ассамблеи, лидером партии стал Шон Нисон. Хотя ПАСИ вышла из недр лоялистского движения, она в отличие от юнионистского и республиканского блоков опиралась на избирателей вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности. Не исключено, что роль ПАСИ в укреплении политической стабильности региона возрастет, в случае если католическое население Ольстера превысит по численности протестантское. По мнению демографов, это может произойти к 2020 г.

После избрания первого министра и его заместителя выборы остальных членов исполнительной власти были отложены до ноября 1999 г. из-за разногласий по вопросу декомиссии. Взаимоприемлемое решение удалось найти лишь после возобновления посредничества Митчелла. Совет ЮПО, высший орган партии, минимальным большинством одобрил вхождение своих представителей в правительство с участием Шинн Фейн. Одновременно бы-

ло выдвинуто требование, что сдача оружия ИРА должна начаться не позже февраля 2000 г. Соглашение Страстной пятницы не возлагало на Шинн Фейн прямую ответственность за ход декомиссии, однако юнионисты настаивали, что на практике политическое крыло ИРА обязано обеспечить разоружение в запланированные сроки. В декабре Лондон дал зеленый свет восстановлению автономии Северной Ирландии, и деволюция третьего по счету региона Соединенного Королевства стала свершившимся фактом; прямое управление Северной Ирландией, установленное в 1972 г., закончилось, как и весь период «смутного времени». Одновременно парламент Ирландии изъял из конституции положение о суверенитете над Ольстером.

Дальнейший процесс политического развития автономии зависел от решения проблемы декомиссии, снижения военного присутствия британских войск в провинции и реформирования полицейских сил. В феврале 2000 г. требование ЮПО о разоружении ИРА не было выполнено, и Тримбл пригрозил отставкой. Тогда государственный секретарь по делам Северной Ирландии Питер Манделсон, сменивший на этом посту в 1999 г. Мо Моулам, заручился согласием Вестминстера и приостановил работу Стормонта, восстановив в регионе режим прямого правления.

Этот шаг был встречен неоднозначно. Многие правоведы считали, что природа Соглашения Страстной пятницы и ее легитимность таковы, что принцип парламентского суверенитета, на котором по традиции основывается политическая система Великобритании, перестал в полном объеме распространяться на Ольстер. Законы о деволюции формально могли быть аннулированы Вестминстером в отношении Шотландии и Уэльса, но не Северной Ирландии. Из текста соглашения вытекало, что, прежде чем идти на такой шаг, Лондон должен был проконсультироваться с властями Ирландии и партиями, входящими в Стормонт. Последний мог бы принять решение о приостановлении действия мандата Шинн Фейн. Кроме того, в соглашении не устанавливалось начало срока разоружения ИРА, а говорилось лишь о том, что декомиссия должна завершиться к концу мая 2000 г. Британские власти со своей стороны считали, что в данной ситуации главное — не допустить отставки умеренного Тримбла, которая автоматически повлекла бы отставку второго члена дуумвирата — первого заместителя Сеамуса Маллона. В этом случае была высока вероятность того, что их места займут более радикальные политики из ДЮП и Шинн Фейн, и мирный процесс окажется под угрозой срыва.

Тупиковую ситуацию помогла разрешить комиссия де Шастелена. ИРА пообещала допустить инспекторов к своим военным складам. В ответ Тримбл перестал угрожать отставкой и убедил свою партию вернуться к участию в работе ассамблеи, что позволило британскому правительству в мае 2000 г. возобновить самоуправление Ольстера. Для закрепления положительной динамики Даунинг-стрит принял решение сократить численность войск в провинции до 13,5 тыс. человек. Однако и после этого значительного прогресса в деле декомиссии не было.

Если с точки зрения республиканцев главным препятствием на пути процесса мирного урегулирования была проблема разоружения ИРА, то с точки зрения националистов — проблема демилитаризации Северной Ирландии. Они были крайне недовольны Актом о полицейских силах, принятым британским парламентом в ноябре 2000 г. Считалось, что Питер Манделсон, курировавший в качестве государственного секретаря по делам Северной Ирландии подготовку билля, выхолостил в пользу лоялистов содержание доклада парламентской комиссии во главе с известным политиком Кристофером Паттеном, которая готовила рекомендации для законопроекта. В законе не учли даже те предложения, которые затрагивали вопросы символики. Так, комиссия рекомендовала изменить название сил охраны правопорядка в регионе: название «Королевские полицейские силы Ольстера» (большой раздражитель для националистов) на нейтральное — «Полицейская служба Северной Ирландии». Но в законе были использованы оба варианта.

В эти годы обстановка в регионе осложнялась противостоянием не только католиков и протестантов, но и различных фракций в рядах обеих сторон. Не раз вспыхивали междоусобицы между лоялистскими военизированными формированиями, а также между «временной» ИРА, объявившей перемирие в 1994 г., и отколовшимися от нее в разное время сектантскими группировками («настоящая» ИРА[1] и «постоянная» ИРА[2]), члены которых выступали против любых переговоров с лоялистами, за силовой путь решения конфликта. На совести «настоящей» ИРА — 29 человеческих жизней, которые унес взрыв бомбы в североирландском городке Ома, графство Тирон, в 1998 г.

На прошедших в июне 2001 г. всеобщих выборах тенденции, проявившиеся в расстановке политических сил Ольстера в 90-е годы, по-

[1] Real IRA.

[2] Continuity IRA.

лучили дальнейшее развитие. Для Северной Ирландии, как и для других регионов «кельтской периферии», это были первые выборы палаты общин, которые прошли после избрания региональной ассамблеи и правительства. Необходимо отметить, что в отличие от Шотландии и Уэльса в Северной Ирландии депутат региональной ассамблеи имел право одновременно являться членом палаты общин. Ослабление позиций умеренных партий «гражданского национализма» продолжилось на фоне роста популярности сторонников «этнического национализма». В лоялистском лагере ДЮП почти сравнялась по голосам с ЮПО, а в республиканском — Шинн Фейн впервые обогнала по голосам и мандатам СДЛП и стала первым номером в лагере националистов. На этот раз она завоевала четыре места в палате общин, но, как и после выборов 1997 г., бойкотировала ее работу. СДЛП, которая по голосам на выборах в Стормонт в 1998 г. заняла первое место, на этот раз оказалась на четвертом. В два раза снизилось количество голосов, отданных в поддержку центристской ПАСИ. Неудачи умеренных сил нельзя было отнести на счет падения явки избирателей: в Северной Ирландии она оказалась не только намного выше, чем в целом по стране, — 68%, но на целых 9 пунктов превзошла показатель 1997 г. Результаты выборов показали, что этнополитическое противостояние в Ольстере имеет четкий территориальный характер: юго-запад региона голосовал за националистов, а северо-восток — за лоялистов.

В июле 2001 г. в Северной Ирландии вспыхнул новый политический кризис. Это произошло после того, как первый министр Дэвид Тримбл в знак протеста против затягивания ИРА декомиссии ушел в отставку. Соглашение Страстной пятницы в очередной раз оказалось под угрозой срыва. Перспектива возобновления прямого правления Северной Ирландией вновь стала реальностью. В летний период масло в огонь подлили традиционные марши оранжистов. Действий ИРА по сдаче оружия так и не последовало, и дважды — в августе и сентябре — государственный секретарь по делам Северной Ирландии Джон Рид, сменивший на этом посту Питера Манделсона, устанавливал так называемый технический перерыв в работе Стормонта.

11 сентября 2001 г. Соединенные Штаты подверглись террористической атаке небывалой дерзости. Последовавшее изменение общественного и политического климата в США и мире, объявление Белым домом «войны против террора» повлияли и на положение дел в Ольстере. ИРА, другие военизированные формирования, которые имели все признаки террористических организаций, оказались в изо-

ляции. Могущественное проирландское лобби в США до минимума сократило поддержку своих протеже из Шинн Фейн. На фоне создания международной антитеррористической коалиции стало крайне трудно и дальше затягивать процесс разоружения. Дело сдвинулось с мертвой точки в октябре 2001 г., когда Ирландская республиканская армия приступила к долгожданной сдаче оружия. Дэвид Тримбл вернулся к исполнению обязанностей первого министра автономии, возобновилась деятельность законодательной и исполнительной ветвей власти.

Однако уже в октябре 2002 г. (в четвертый раз за три года) работа органов самоуправления Северной Ирландии оказалась приостановленной. Камнем преткновения была по-прежнему проблема декомиссии. За прошедший год боевики-республиканцы ограничились лишь символическими актами разоружения, и ЮПО в категоричной форме установила новый крайний срок разоружения — январь 2003 г. Однако кризис разразился раньше, когда полиция заподозрила ИРА в политическом шпионаже и провела обыски в помещениях Шинн Фейн в Стормонте. Параллельно ДЮП и ЮПО заявили о своем выходе из состава регионального правительства. После этого начался самый длительный с момента начала деволюции региона период неопределенности, затянувшийся до конца 2006 г. Кроме того, к проблеме сдачи оружия прибавился потенциально взрывоопасный вопрос о предусмотренной соглашением 1998 г. оценке практических результатов реализации этого соглашения.

Положение осложнялось ухудшением общего климата доверия в провинции. В 2001–2002 гг. произошла эскалация межобщинного насилия. Хотя крупных террористических актов избежать удалось, протестантские боевые организации АОО и БСО фактически вышли из режима прекращения огня. В 2001 г. атмосфера в Белфасте была наэлектризована из-за нападок, которым подверглись ученики католической школы, расположенной в протестантском районе столицы. В 2002 г. в городе произошло несколько столкновений с применением оружия в местах соприкосновения протестантских и католических кварталов, особенно там, где они образовывали анклавы на «чужой» территории. Тогда же разразился международный скандал, когда в Колумбии были задержаны члены ИРА. Им было предъявлено обвинение в связях с местными левыми антиправительственными силами. Возрастала напряженность и в связи с проведением парадов оранжистов, количество которых не только не снизилось, а увеличилось.

Несмотря на все усилия Лондона и Дублина, к маю 2003 г. прогресса на переговорах между североирландскими партиями достигнуто не

было, и Тони Блэр перенес выборы второго состава ассамблеи на осень. Одновременно правительство пошло на усиление международного фактора в урегулировании конфликта: в сентябре была создана Независимая комиссия по мониторингу (НКМ) во главе с бывшим заместителем директора ЦРУ Ричардом Керром. НКМ было поручено следить за соблюдением боевиками условий перемирия, а комиссия де Шастелена контролировала процесс разоружения и одновременно выступала в качестве посреднической стороны.

Состоявшиеся в ноябре 2003 г. новые выборы в ассамблею Северной Ирландии стали логическим завершением реконфигурации партийно-политических сил региона, которая после всеобщих выборов 1997 и 2001 гг. еще была возможностью, а теперь стала действительностью (*табл. 20,* см. с. 207). Лидерство среди республиканцев и лоялистов захватили соответственно Шинн Фейн и ДЮП. Последняя увеличила свое представительство в Стормонте сразу на треть и сформировала крупнейшую фракцию. По сравнению с 1998 г. в общем раскладе сил ЮПО оказалась оттесненной на второе место, а СДЛП — на четвертое. Неудача постигла и другие партии, поддержавшие в 1998 г. Белфастское соглашение: один мандат потеряла ПЮП, а Женская коалиция и вовсе лишилась мест в парламенте.

В связи с тем, что умеренные силы были оттеснены на второй план, напряженность в отношениях между североирландскими партиями усилилась. Стало ясно, что модификации условий мирного договора — безапелляционное требование ДЮП — не избежать. В противном случае Пейсли грозил бессрочно блокировать формирование исполнительных органов власти провинции, тем более что его устраивало возвращение к ситуации прямого управления Северной Ирландией. Лондон и Дублин в один голос заявили, что «фундаментальные» принципы Белфастского соглашения пересмотру не подлежат, хотя государственный секретарь по делам Северной Ирландии Пол Мёрфи дал им размытое толкование, включавшее принцип обоюдного согласия при принятии решений и неприкасаемость институциональной структуры, созданной на базе мирного договора. Кроме того, он не исключил, что в случае тупикового развития событий может встать вопрос о проведении новых выборов Стормонта. Свое слово сказали и США: Белый дом выразил озабоченность в связи с результатами выборов, а секретарь национальной безопасности Кондолиза Райс призвала все политические силы региона сохранить Соглашение Страстной пятницы в качестве фундамента мирного процесса.

Радикализация электората лоялистского лагеря была вызвана систематическим затягиванием процесса разоружения, бесконечными сры-

вами боевиками сроков сдачи оружия, двойственной позицией Шинн Фейн, которая не брала на себя ответственность за действия ИРА. Разочарование многих ходом урегулирования сказалось на явке — она снизилась до 64%. На этом фоне среди избирателей-юнионистов укреплялось мнение, что Соглашение Страстной пятницы было уступкой националистам, которые не собирались делать встречные шаги. ЮПО регулярно сотрясали внутрипартийные кризисы; Дэвид Тримбл фактически исчерпал запас своего личного авторитета и способность к политическому маневрированию. Стремление Тримбла всеми силами сохранить хрупкий компромисс 1998 г. постоянно критиковали часть его коллег, в первую очередь Джеффри Доналдсон. После провала на выборах 2003 г. в партии произошел раскол: Доналдсон и еще двое вновь избранных от ЮПО депутатов покинули ее ряды и вскоре, что особенно больно ударило по самолюбию организации, присоединились к ДЮП. В то же время выход из состава партии непримиримых снизил давление на Тримбла, и в следующем году он был переизбран на посту лидера.

Что касается противоположной стороны, то СДЛП, представлявшая позиции «гражданского национализма» в лагере республиканцев, теряла популярность по мере схода с политической арены харизматического Джона Хьюма. В 2001 г. он уступил пост лидера партии Марку Дёркану. Политика партия становилась вялой, а сама партия — «великовозрастной». Помимо сдачи позиций в Северной Ирландии СДЛП впервые потеряла свое место в Европарламенте на евровыборах 2004 г. (мандат достался Шинн Фейн).

Старт межпартийных консультаций о ходе реализации Соглашения Страстной пятницы был дан в феврале 2004 г. Эти консультации шли с перерывами и растянулись на весь год. Они так и не принесли желаемых результатов, несмотря на активное посредничество Тони Блэра и Берти Ахерна. Основные надежды были связаны с сентябрьским раундом переговоров, прошедшим под эгидой двух премьер-министров в Лидском замке недалеко от Лондона. Однако устраивающую всех позицию не удалось выработать и на этот раз.

С 1998 г. белфастские договоренности остаются базой урегулирования конфликта в Северной Ирландии. За прошедшие годы проявились не только их сильные, но и слабые стороны. Заложенные в соглашении принципы консоциативной демократии способствовали закреплению ситуации «холодного мира» в провинции. Шинн Фейн получила крупные электоральные дивиденды в обеих частях острова благодаря присоединению к мирному процессу и превратилась в сторону, крайне заинтересованную в его дальнейшем успехе. После все-

общих выборов 2001 г. и региональных — в 2003 г. она вошла в тройку крупнейших партий Ольстера. Удача сопутствовала Шинн Фейн и в Ирландии: на местных парламентских выборах в 2002 г. она завоевала пять депутатских мандатов.

Интенсивность политических контактов и необходимость искать компромиссы способствовали смягчению позиций всех сторон без исключения. Так, несмотря на непримиримую риторику по отношению к Шинн Фейн, партия Иана Пейсли не бойкотировала работу Стормонта и правительства и к концу 2004 г. дала понять, что при условии реального прогресса в декомиссии не будет препятствовать возобновлению работы региональных органов власти. Ее представителям было по-прежнему запрещено вступать в прямые контакты с Шинн Фейн под угрозой исключения из партии, однако проведение проксимальных переговоров (непрямые переговоры при посредничестве третьей стороны) по умолчанию допускалось.

В ходе работы ассамблеи, когда партии вовлекались в решение конкретных вопросов жизни региона, они группировались не только по этноконфессиональному признаку, но и исходя из социально-экономических ориентиров. Например, по ряду вопросов друг с другом блокировались левые Шинн Фейн и ПЮП или центристские ЮПО и СДЛП. Главной отличительной особенностью ведущих североирландских партий по-прежнему оставалась конфессиональная принадлежность их членов: в ЮПО католики составляли менее одного процента, а протестанты в СДЛП — два процента[1]. Однако выборы в Стормонт 1998 и 2003 шг. показали, что, хотя подавляющее число голосов и не уходило за рамки этноконфессиональных блоков, перетекание их от одного блока к другому было на порядок выше, чем конфессиональные пропорции внутри каждой из партий. Так, результаты подсчетов вторых и далее предпочтений показали, что 25% голосов националистов были отданы за умеренных юнионистов, а 17% голосов последних — за умеренных националистов[2].

Соглашение 1998 г. критикуют в основном за два недостатка: отсутствие реальных механизмов межобщинного взаимодействия, в частности конкретных механизмов разоружения, и закрепление раскола региона на два лагеря: протестантов — лоялистов и католиков — националистов. Вследствие первого ИРА позволила себе

---

[1] Tonge Jonathan. *Politics in Northern Ireland*. In: Dunleavy Patrick et al. (eds). *Developments in British Politics*. 7th edition, Palgrave Macmillan, 2003. P. 192.

[2] Mitchell P. *Transcending an ethnic party system*? In: Wilford R. (ed.). *Aspects of the Belfast Agreement*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 44.

к 2005 г. ограничиться актами символической декомиссии. Второй недостаток носил сущностный характер: правило «параллельного согласия», на котором основывалась работа Стормонта, вкупе с требованием обязательного распределения парламентариев по трем категориям («юнионисты», «националисты» и «другие») только закрепляло наличие в регионе нескольких противостоящих друг другу идентификаций. Парадоксальным промежуточным итогом мирного процесса стало сосуществование двух тенденций: с одной стороны — признание всеми легитимными политическими силами безальтернативности не силового пути урегулирования конфликта, а с другой — усиление «этнического» и ослабление «гражданского» течения в националистическом движении с обеих сторон. Последнее в худшем случае было тупиковым путем, в лучшем — предпосылкой диалога не только между умеренными, но и радикальными политическими силами.

Представляется, что процесс урегулирования конфликта в Северной Ирландии окончательно перешел в мирную плоскость. Однако налаживание мирной жизни в Ольстере еще будет сопровождаться серьезными эксцессами. В ближайшие годы новых столкновений малой и средней интенсивности на национальной и религиозной почве не избежать. Продолжают существовать раскольнические военизированные группировки с обеих сторон, отвергающие саму идею мирного сосуществования католиков и протестантов. «Временная» ИРА остается на нелегальном положении. Но оптимизм вселяет то, что подавляющее большинство населения Северной Ирландии осуждает насилие и выступает за мирное решение проблем региона.

* * *

С формальной точки зрения Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии остается унитарным государством с единым центром в Лондоне, и Вестминстер, парламент страны, обладает нераздельным суверенитетом[1]. В то же время рост национального самосознания в британских регионах так называемой «кельтской периферии» в совокупности с иными факторами привел к тому,

[1] Унитаризм британского государственного устройства имеет своеобразный характер. Так, «владения Короны» — острова в проливе Ла-Манш (Нормандские острова) и остров Мэн — традиционно находятся в квазиконфедеративной связи с Соединенным Королевством, а отношения между последним и зависимыми территориями близки к федеративным.

что к всеобщим выборам 1997 г. Лейбористская партия пришла с широкой программой деволюции (региональной автономии). В результате в 1998–1999 гг. был воссоздан парламент Шотландии, Холируд, ликвидированный в 1707 г. после заключения унии с Англией, впервые организована ассамблея Уэльса, Сенедд, и возобновлена деятельность законодательного собрания Северной Ирландии, Стормонта, прерванная в 1972 г. после введения прямого правления из Лондона.

Уникальность деволюции в том, что это не просто децентрализация власти. В строгом смысле слова деволюция — это делегирование части государственного суверенитета законодательным и исполнительным органам власти, избираемым жителями регионов, при котором принцип суверенитета центрального парламента, основанного на неписаной конституции, остается незыблемым. Формально Вестминстер сохраняет за собой право отзывать законы о деволюции и приостанавливать работу региональных властей по своему усмотрению, как если бы он имел дело с муниципальными образованиями. Однако в действительности свобода действий Вестминстера ограничена, так как по сравнению с местными органами власти легитимность региональных — значительно выше. Во-первых, их избранию предшествовали референдумы жителей регионов и, во-вторых, для многих они являются символами национального возрождения народов «кельтской периферии».

Сказанное в наибольшей степени относится к Северной Ирландии, которая в отличие от Шотландии и Уэльса добилась у Лондона права на отделение, в случае если на референдуме в будущем большинство жителей провинции выскажутся в пользу этого. Соглашение Страстной пятницы, открывшее в апреле 1998 г. дорогу для деволюции Северной Ирландии, содержит не только федеративные, но и конфедеративные элементы в результате его инкорпорирования в международный британо-ирландский договор. Но британское правительство в ситуации внутриполитического кризиса в Ольстере уже неоднократно восстанавливало прямое правление в провинции на основе принципа суверенитета центрального парламента, что, с точки зрения многих правоведов, противоречит сути договоренностей 1998 г.

Несмотря на незаконченность и противоречивость процесса деволюции, можно сделать вывод о том, что к началу XXI в. унитарная форма государственного устройства Великобритании фактически сменилась на квазифедеративное с элементами конфедерации. Стало очевидно как никогда, что Британия — не однородное национальное государство, а государство многонациональное, которое в постимперскую эпоху переживает процесс федерализации.

Особенностью этого процесса является его асимметричность. Парламент Шотландии наделен первичным законодательным правом, т. е. правом издавать законы, касающиеся отнесенных к его юрисдикции сфер деятельности. Ассамблея Уэльса имеет право лишь вторичной законодательной инициативы, т. е. право издавать подзаконные акты, принимаемые Вестминстером. Парламент Северной Ирландии по своим полномочиям близок к Холируду, однако если в Шотландии и Уэльсе действует мажоритарная модель демократии, то в Ольстере — консоциативная. Наконец, Англия, являясь самой крупной территориально-административной единицей, где проживают 80% жителей страны, пока вовсе не имеет своих региональных властей. Лишь некоторые из девяти английских регионов проявили интерес к созданию собственных законодательных собраний. Особый случай — Лондон, который с 2000 г. имеет своего мэра и ассамблею.

Пример Британии важен для Российской Федерациии, которая также отличается асимметричностью. Он показывает, что и в развитых демократиях историческое развитие может приводить к значительному отличию в статусе субъектов государственного устройства. Британия избрала эволюционный и разноскоростной путь построения своей особой федерации, который учитывает специфику каждого региона. По такому же пути идет и Россия.

Отличие заключается в том, что в России происходит укрепление вертикали власти, а в Британии — ее сознательное ослабление, хотя в обоих случаях преследуется общая цель: укрепить единство государства и устранить почву для сепаратизма. Противоположный характер реформ в этой сфере объясняется разными историческими предпосылками: Британия к концу прошлого столетия оказалась чрезмерно централизованной, что вызвало сильное недовольство в регионах, а Россия в 90-е годы, напротив, превратилась в рыхлое федеративное образование с ослабленным центром. Эти отличия определяют и то, что в Британии, состоящей лишь из четырех национальных регионов, количество акторов процесса региональной суверенизации, скорее всего, увеличится за счет английских регионов, а Россия, включающая более 80 членов федерации, вполне оправданно стремится к снижению количества ее субъектов.

Вопрос о дальнейшем ходе деволюции и политическом будущем Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии остается открытым. Наиболее распространены две точки зрения. Первая: усиление автономии регионов выбило из рук националистов их главное оружие — недовольство местного населения тем, что пренебрегают их интересами, ослабило центробежные тенденции, снизило опасность сепаратизма

и укрепило концепцию «британства» и унитаризма. Вторая: гомруль выпустил джина национализма из бутылки, сделал неизбежным фрагментацию государственного устройства Великобритании, стимулировал развитие шотландской и уэльской идентичности и повысил риск распада государства. Возможно, что истина находится по середине и превращение Британии в обозримом будущем в государство с федеративными элементами, что уже происходит де-факто, решит проблему сепаратизма. Также очевидно, что реализованная лейбористами деволюция привела в движение давно назревавший процесс модернизации партийно-политической системы страны, ее трансформации в многопартийную в русле утверждения плюральной модели демократии. Для мировой практики важен дальнейший анализ опыта североирландской модели урегулирования конфликтов, основанной на принципах консоциативной демократии.

Глава V

Изменения партийной системы на локальном уровне

Политизация местных органов власти в Великобритании прослеживается с конца XIX в., когда общенациональные партии приступили к образованию местных партийных отделений. Реформа местных органов власти, предпринятая в начале 70-х годов, радикально сократила их численность — с 1800 до 500, а количество мандатов — с 42 до 24 тысяч. С одной стороны, система местного управления была упрощена, с другой — такое укрупнение усилило позиции общенациональных и региональных партий на местах за счет независимых кандидатов. Если в 1973 г. 47% местных органов власти в Англии и Уэльсе не контролировались ни одной политической силой, то в 1987 г. количество таких органов власти составило менее 10%[1]. Кроме того, в 80–90-е гг. бюджет местных органов власти, расходы которых на сегодняшний день составляют порядка 25% от общегосударственных, был существенно урезан. Трансферты правительства достигли 80% от его объема. Основными источниками финансирования местных бюджетов являются местный налог, налог на бизнес и лицензирование.

Местные выборы обычно проводятся в первый четверг мая по мажоритарной системе в Англии, Шотландии и Уэльсе, по пропорциональной в Северной Ирландии и по смешанной в Лондоне. Однако в части местных органов самоуправления используется многомандатная система. Так, в городской совет Оксфорда избирается по два человека от каждого избирательного района. Когда местные выборы сов-

---

[1] Webb Paul. *The Modern British Political System*. Sage Publications, 2000. P. 31.

падают по времени с выборами других уровней, например европейскими, то и те и другие проводятся одновременно. Например, в июне 2004 г. одновременно были избраны местные органы власти в Англии и Уэльсе, депутаты Европарламента, мэр и ассамблея Лондона.

На местных выборах на четыре года (на три года в Шотландии) переизбираются порядка 30% депутатов. Местные органы власти в рамках своих полномочий и в зависимости от своего статуса собирают местные налоги, управляют муниципальным жильем, отвечают за состояние здравоохранения, образования, дорог, регламентируют и лицензируют строительство, занимаются градостроительством, общественным транспортом, культурой и спортом, освещением и уборкой улиц, содержанием библиотек, пожарной охраной, сбором и вывозом мусора и др. Экономические реформы 80–90-х гг. привели к тому, что если раньше местные органы власти в большинстве случаев предоставляли эти услуги силами государственных компаний, то теперь они ограничиваются ролью заказчика или участвуют в их обеспечении в качестве партнеров частного бизнеса.

Англия имеет одно- и двухуровневую структуру местного самоуправления, которое включает 389 муниципальных образований. Первая состоит из 47 «единых округов»[1] с населением от 100 до 300 тыс. человек, на территории которых в середине 90-х годов произошло слияние «советов графств»[2] и «районных советов»[3]. В некоторых округах депутаты переизбираются в полном составе раз в четыре года по многомандатной плюральной системе (МПС)[4] — избираются сразу несколько человек по принципу простого большинства, в других — треть депутатов переизбирается каждый год. Также одноуровневую структуру имеют 36 «городских районов»[5] с населением до 200 тыс. человек, образованные в шести «городских графствах»[6]. В них треть депутатов переизбирается по МПС каждый год.

Двухуровневую структуру имеют 34 «совета графств»[7], депутаты которых переизбираются раз в четыре года по одномандатной плюральной системе (ОПС). В состав графств входит в общей сложности

---

[1] Unitary authority.
[2] County councils.
[3] District councils.
[4] Multiple-Member Plurality.
[5] Metropolitan district/city/borough councils.
[6] Metropolitan counties.
[7] Shire county councils.

238 «районных советов графств»[1] с населением от 60 до 100 тыс. человек. В ряде из них депутаты переизбираются по МПС в полном составе раз в четыре года, в других — треть депутатов переизбирается каждый год. Наконец, в 219 «районных советах» и 18 «городских районах» действуют около 10 тыс. приходов (базовая единица местного самоуправления), в большинстве которых также проводятся выборы. Что касается других британских регионов, то в Шотландии с 1995 г. действует 29 «единых округов» и три «островных совета», в Уэльсе — 22 «единых округа», а в Северной Ирландии — 26 одноуровневых советов. В Шотландии и Уэльсе перевыборы депутатов проходят раз в четыре года.

Местные выборы в Великобритании традиционно рассматриваются как барометр популярности правительства в промежутке между всеобщими выборами. Характерная черта этих выборов — протестное голосование, когда не только противники, но и часть сторонников правительства выражают ему свое недовольство. Большинство сторонников правящей партии вновь голосует за нее на всеобщих выборах, доля «перебежчиков» или воздержавшихся от голосования может быть высокой, если правительство не скорректирует свою политику в свете результатов местных выборов. Электорат оппозиционных партий, как правило, более активен, чем избиратели правящей партии. Если деятельность правительства оценивается в целом отрицательно, то против него работает протестное голосование, если положительно — на проценте поданных за правящую партию голосов негативно сказывается электоральная пассивность ее сторонников.

Неудачи правящей партии на локальном уровне, если они принимают хроническую форму, могут не только ослабить ее позиции на местах, но со временем подорвать ее положение в общенациональном масштабе. Так, в 80–90-е гг. консерваторы неуклонно теряли свои позиции в местных органах власти, что сказалось на парламентских выборах 1997 г. Больше всего от ослабления позиций тори выиграли либерал-демократы, которые в середине 90-х годов на время опередили их по количеству мест в местных органах власти. На местных выборах 1995 г. консерваторы полностью лишились представительства в Шотландии, Уэльсе и «городских районах» Англии.

Отношение жителей к результатам работы местных органов власти — фактор не менее значимый, чем их желание высказаться по вопросам общенациональной политики. Более того, по мере развития феномена политической апатии, потери многими интереса к тому, что про-

[1] Shire districts councils.

исходит на центральной политической арене, возрастает интерес избирателей к происходящему в их собственном городе или селе. Местные выборы все больше становятся тем, чем они являются по определению — возможностью избирателей данного округа влиять на политику местных органов власти вне зависимости от политической принадлежности работающих в них депутатов. Это подтверждается и тем фактом, что если в 1979 г. под контролем консерваторов и лейбористов находились три четверти местных советов, то к концу 90-х годов — менее половины. Соответственно возросло значение малых партий. В то же время укрепление автономности местных выборов может быть на руку и общенациональным партиям. Так, в 80–90-е гг. либерал-демократы значительно укрепили свои позиции в местных органах власти, хотя усиление их поддержки на местных выборах не сопровождался таким же ростом популярности на общенациональном уровне.

На локальном уровне, в местных избирательных округах ослабление доминирования двухпартийной системы открыло путь для развития многопартийной системы и плюральной модели демократии. Все чаще возникала ситуация, когда ни одна партия не располагала большинством, что вело к укреплению коалиционного характера локальной партийно-политической системы. К началу XXI в. она отличалась большим разнообразием. В одних местных советах доминировала одна партия, в других — две партии регулярно сменяли друг друга у власти. Ими могли быть лейбористы и консерваторы, лейбористы и либерал-демократы, консерваторы и либерал-демократы, лейбористы и шотландские националисты и т. д.

В ряде местных органов власти сложилась «двухсполовинная» партийная система, когда рабочее большинство зависит от позиций третьей партии. Нередко либерал-демократы, оказываясь на третьем месте, вступали в коалицию с лейбористами против консерваторов. Во многих «подвешенных» советах, в которых ни одна из партий не располагала большинством, не закрепилась ни одна модель многопартийности, и состав правящей коалиции постоянно менялся в зависимости от тактических соображений политической борьбы. Наконец, в очень немногих местных органах власти, как правило самых низовых, сохранились внепартийные системы со значительным количеством независимых депутатов.

В 70–90-е гг. абсолютное большинство местных органов власти были политизированы, оказавшись под контролем общенациональных и региональных партий. В то же время возросло значение малых партий, усилилась политическая конкуренция. Дивиденды заработали те крупные партии, в первую очередь либерал-демократы, которые

перестали относиться к локальной политике как к продолжению политики общенациональной. По мере развития деволюции, реформирования местных органов власти, использования на местных выборах систем голосования с пропорциональным элементом, например при избрании мэра столицы и ассамблеи Большого Лондона, многопартийный и консенсусный характер локальных избирательных систем укреплялся. Двухпартийная система, свойственная Вестминстеру, уже не доминирует на региональном и локальном уровнях, особенно на территории «кельтской периферии».

Местные выборы, прошедшие 10 июня 2004 г., привлекли к себе наибольшее внимание за последние годы. На результаты выборов в большей степени повлияли не успехи в экономическом развитии страны, а отношение к войне в Ираке и европейской интеграции. На этот раз переизбирались члены 166 местных муниципальных образований в Англии и Уэльсе. Правящая партия потерпела серьезное поражение — впервые в истории местных выборов она заняла лишь третье место (26% голосов), уступив консерваторам (38%) и либерал-демократам (29%), к которым отошло большинство голосов лейбористов. ЛПВ потеряла 464 места и 8 советов; тори выиграли 263 места и 13 советов; либерал-демократы установили контроль над Ньюкаслом и удержали его над Ливерпулем.

Исключением из неудач лейбористов были результаты выборов мэра Лондона. Впервые мэр британской столицы был избран в мае 2000 г. Этому предшествовал референдум жителей города, состоявшийся 7 мая 1998 г. При явке 34,6% «за» создание поста мэра и учреждение 25-местной ассамблеи высказались 72% проголосовавших. С тех пор выборы в Лондоне проводятся по системе «замещающего голоса» с пропорциональным элементом каждые четыре года по 32 городским округам; в округах одновременно организуются выборы местных советов по многомандатной плюральной системе. Мэр руководит исполнительно-консультационным органом, проводит политику городского благоустройства и развития, назначает руководителей транспортной, пожарной, полицейской служб Лондона, выносит на одобрение ассамблеи проект городского бюджета, который финансируется из грантов центрального правительства и местного налога. Ассамблея со своей стороны контролирует деятельность мэра, обладает правом отклонить бюджет, разрабатывает предложения по градостроительству.

В 2000 г. в центре внимания оказался Кен Ливингстон, «красный Кен», как называли его сторонники и противники. Выяснилось, что не только среди рядовых членов партии, но и среди избирателей он

по-прежнему пользуется немалой популярностью. К тому времени помимо Тони Бенна Ливингстон оставался последним тяжеловесом на левом фланге Лейбористской партии. Популярность среди левых он приобрел в начале 80-х годов, когда во главе Совета Большого Лондона вступил в неравное противостояние с правительством Маргарет Тэтчер, боровшимся с левыми силами в местных органах власти.

В 2000 г. события развивались по сценарию, схожему с тем, который имел место в Шотландии и Уэльсе перед региональными выборами 1999 г. В результате всевозможных ухищрений вместо Кена Ливингстона на должность мэра «новые лейбористы» выдвинули своего ставленника — министра здравоохранения Фрэнка Добсона. В ответ Ливингстон, популярность которого только возросла, выступил в качестве независимого кандидата и без труда переиграл своих соперников. Он значительно опередил консерватора Стива Норриса, а Добсон по сумме голосов первых и вторых предпочтений оказался на унизительном для кандидата от правящей партии четвертом месте, пропустив вперед себя Сьюзан Крамер, представительницу либерал-демократов.

Тогда же на выборах ассамблеи Лондона, проводившихся с применением комбинированной системы голосования (14 депутатов избираются по одномандатной плюральной системе — ОПС и 11 — по региональным партийным спискам), лейбористы и консерваторы разделили первое место (по 9 мест). Громкого успеха добились зеленые (3 места), вплотную приблизившись к либерал-демократам (4 места). Таким образом, самоуправление Лондона, ликвидированное консерваторами в 1986 г., было восстановлено.

За то, что Ливингстон отказался снять свою кандидатуру в пользу официального представителя Лейбористской партии, его членство в ЛПВ было приостановлено. Лишь незадолго до перевыборов мэра Лондона в июне 2004 г. Тони Блэр, опасаясь повторного поражения лейбористов, пошел с «красным Кеном» на мировую и восстановил его в партии, ведь опросы общественного мнения вновь прочили ему победу. Популярность Ливингстона упрочила кампания против приватизации лондонского метро, которую он проводил на посту мэра. Успешной оказалась и его инициатива по введению платы за въезд автомобилей в центр столицы. В результате количество машин в сердце магаполиса снизилось на треть. Мэр был также жестким критиком войны в Ираке.

Предвыборные прогнозы оправдались: Ливингстон занял первое место, вновь оставив позади себя консерватора Стива Норриса, хотя разрыв между ними сократился. Либерал-демократы в лице Симона Хьюса переместились на третье место. На выборах ассамблеи Лондона

лейбористы потеряли два мандата (7 мест), консерваторы сохранили свои позиции (9 мест), а либерал-демократы увеличили свое представительство (5 мест). Большого успеха добились Партия независимости Соединенного Королевства, получив сразу два мандата. В проигрыше оказались зеленые, потеряв одно место.

Местные выборы 2004 г. показали, что Лейбористская партия в тот период переживала самые серьезные трудности с 1997 г. Вина за это чаще всего возлагалась на премьер-министра, доверие к которому в собственной партии и обществе в результате занятой им позиции в отношении Ирака было сильно подорвано. Большинство специалистов по-прежнему считали, что лейбористы выиграют парламентские выборы 2005 г., хотя и со значительно урезанным большинством, однако мнения расходились о целесообразности дальнейшего нахождения Тони Блэра на посту лидера ЛПВ. Как когда-то Маргарет Тэтчер, он превращался для своей партии в балласт.

Одновременно в июне 2004 г. прошли очередные выборы в Европарламент, которые в Британии выполняют функцию, близкую к функции местных выборов: они подводят промежуточные итоги политики правящей партии, а также главных оппозиционных сил. Европейские выборы проводятся в Великобритании по 12 регионам; с 1979 по 1994 г. использовалась мажоритарная система голосования, а с 1999 г. — пропорциональная. В 2004 г. квота страны снизилась в результате процесса расширения ЕС с 87 до 78 мест.

Для обеих ведущих партий страны результаты голосования оказались обескураживающими: лейбористы и консерваторы впервые получили в общей сложности меньше половины голосов — 49,3%, тогда как в 1999 г. они записали в свой актив 63,7%. Выборы были отмечены протестным голосованием. «Дезертирство» среди сторонников лейбористов было вызвано недовольством политикой Тони Блэра в отношении Ирака, среди сторонников консерваторов — разочарованием в новом лидере тори Майкле Ховарде, а среди электората в целом — невнятной политикой правительства в области европейской интеграции. Доказательством того, что многие пришли на избирательные участки, чтобы выразить свой протест, стала относительно высокая явка — 38,8%, заметно превысившая результат 1999 г. — 24%. Но даже при этом активность британских избирателей уступала общеевропейской — 46%, которая сама по себе была рекордно низкой, а средний показатель по десяти странам-новичкам составил скандальные 27%.

Тори заняли первое место, обеспечив себе 27 мандатов, но по сравнению с 1999 г. потеряли больше других — доля поданных за них голосов снизилась с 36 до 27%. С поправкой на снижение квоты страны

в Европарламенте лейбористы лишились шести мест, а консерваторы — восьми. Лейбористы выиграли 19 мандатов, а доля поданных за них голосов снизилась не столько резко, как у консерваторов, — с 28 до 23%, однако для правящей партии это был наихудший результат выборов общенационального масштаба с 1918 г. В некоторых регионах ЛПВ заняла только четвертое место. Лишь в Уэльсе лейбористы пришли первыми. Единственным утешением для них с точки зрения внутриполитической ситуации, оказалось то, что тори не только не приблизились, но отдалились от заветных 40–43% голосов, которые им было необходимо набрать для победы на парламентских выборах 2005 г. Что касается ситуации в ЕС в целом, то провал ЛПВ не стал исключением на фоне общего падения популярности правящих партий в крупнейших государствах союза: СДПГ в Германии получила 21,5%, голлисты во Франции — 16,6, «Форца Италия» — 21%.

В отличие от своих главных оппонентов либерал-демократы добились умеренного успеха: их поддержка среди избирателей по сравнению с 1999 г. выросла с 12,7 до 15%, а количество депутатских мандатов — с 10 до 12. Однако этого оказалось недостаточно, чтобы отстоять третье место по голосам, занятое ПЛД в 1999 г. По регионам положение было еще менее благоприятным: в Шотландии либерал-демократы, как и по стране в целом, стали четвертыми, а в Уэльсе — только пятыми. Несмотря на это, лидер партии Чарлз Кеннеди заявил, что результаты выборов 10 июня с «полной ясностью» доказывают существование в Британии трехпартийной системы[1].

Главной новостью европейских выборов 2004 г. стали результаты выступления Партии независимости Соединенного Королевства (ЮКИП)[2]. Она в четыре раза увеличила свое представительство в Европейском парламенте — с 3 до 12 человек, получив 16% голосов, или около 2 млн голосов, и оттеснила на четвертое место либеральных демократов. В последний раз успеха сравнимого масштаба среди малых партий добились лишь зеленые в 1989 г. Громкая победа ЮКИП не оказалась полной неожиданностью, так как опросы общественного мнения, проведенные до выборов, сулили ей до 20% голосов, однако мало кто был готов к такому повороту событий в реальной жизни.

Одни политические обозреватели поспешили заявить, что партия получила максимум того, на что могла рассчитывать, и что подобный успех не повторится. Норман Теббит, бывший председатель Консер-

---

[1] Burns Jimmy. *Kennedy promises Labour «a real fight» in northern towns and cities.* Financial Times, 15 June 2004. P. 3.

[2] См. Главу VI «Роль малых партий».

вативной партии и известный критик ЕС, назвал успех ЮКИП «эмоциональным спазмом» и обвинил ее в подрыве позиций тори в пользу лейбористов[1]. Другие считали, что успех ЮКИП по очернению ЕС закономерен и поэтому опасен. Во-первых, ведущие британские партии были сами виноваты в случившемся. В ходе предвыборных дебатов они обращались в основном к внутриполитическим проблемам, особенно этим грешили лейбористы и консерваторы, и к теме Ирака, которую активно эксплуатировали либерал-демократы. Последние не заняли наступательной позиции по европейской тематике, понадеявшись на то, что их последовательная позиция в пользу интеграции избирателям и так хорошо известна. Наиболее вяло в ходе предвыборной кампании заявила о своем европейском кредо Лейбористская партия, потратившая половину сил на критику тори, которые платили лейбористам той же монетой, и половину — на рекламу достижений своей внутренней политики. Во-вторых, успех ЮКИП был одним из проявлений общеевропейской тенденции по укреплению позиций евроскептиков: в Чехии они получили 30% голосов, в Швеции — 15, в бельгийской Фландрии — 25%.

Евроэнтузиасты надеялись, что ситуация постепенно изменится в их пользу по двум причинам. Во-первых, рано или поздно на второй план должен был отойти фактор Ирака, подорвавший позиции ЛПВ. Во-вторых, они рассчитывали на то, что Тони Блэр изменит свое двусмысленное отношение к ЕС в свете предстоящих референдумов по европейской конституции и евровалюте. Не раз звучавшие из его уст заявления о том, что Британия «должна быть в сердце Европы», носили риторический характер, так как на практике премьер не был готов вступить в борьбу за голоса британцев с «желтой прессой», враждебно настроенной к ЕС, и евроскептиками всех мастей. Его явно пугали опросы общественного мнения, согласно которым большинство британцев негативно относились к европейской интеграции. На прошедших евровыборах за партии как левой, так и правой ориентации, настроенные скептически в отношении ЕС (тори, ЮКИП, БНП, «Респект»), проголосовало более 8 млн человек, тогда как за евроэнтузиастов разных мастей (лейбористов, либерал-демократов, кельтских националистов и зеленых) — лишь около 7,5 млн человек.

Многие лейбористы считали, что при условии проведения активной пропагандистской кампании шансы на изменение баланса сил в пользу правительства увеличатся. На это указывало и то, что значительная часть сомневающихся в европейском проекте ссылалась на слабую ин-

[1] BBC1 TV Channel, Breakfast with Frost, 13 June 2004.

формированность и недостаточную убедительность аргументов властей. Несмотря на всплеск антиевропейских настроений в Британии и мини-триумф ЮКИП, показатели либерал-демократов оставались стабильными, и это, по мнению евроэнтузиастов, свидетельствовало о том, что в стране есть сплоченная группа не только последовательных противников, но и сторонников европейской интеграции и что преобладание евроскептиков не столь уж очевидно. Успокаивало и то, что у правых сил, расколотых теперь между тори и ЮКИП, практически не оставалось времени для выдвижения реальной альтернативы лейбористам на следующих парламентских выборах.

Что касается консерваторов, то они крайне неуклюже противопоставили свою «центристскую позицию» по вопросу европейской интеграции «левым радикалам — лейбористам» и «правым радикалам — ЮКИП». Позиция тори заключалась в следующем: если правительство дрейфует в сторону европейского федерализма, а ЮКИП бросилась в другую крайность и ратует за выход страны из ЕС, то они, консерваторы, выступают одновременно и за сохранение Британии в организации, и за возвращение ей части делегированного ЕС суверенитета. Избрав такую линию, тори обеспечили ЮКИП дополнительную рекламу и превратились в мишень для критики: их обвинили в демагогии и популизме, так как пересмотр Амстердамского и Ниццкого договоров большинство специалистов считали невозможным на практике.

Несмотря на то что формально на евровыборах 2004 г. победили консерваторы, именно по ним успех ЮКИП нанес наиболее чувствительный удар. ЮКИП стали предрекать ту же роль, которую социал-демократы сыграли в отношении лейбористов в начале 80-х годов. Немало избирателей тори (порядка 10%) перешли под знамена Килрой-Силка (см. Главу VI). В результате консерваторам в очередной раз грозил раскол по вопросу Европы. Имея на руках результаты выборов, лидер партии Майкл Ховард, недавно принявший бразды правления в стане тори, оказался перед соблазном ужесточить антиевропейскую риторику и вернуть себе часть электората ЮКИП. Но такой шаг восстановил бы против руководства левое крыло партии во главе с Кеннетом Кларком и Майклом Хезелтайном. Провоцировать за год до предполагаемых всеобщих выборов новую внутрипартийную «гражданскую войну» было крайне рискованно. Холодные головы в Консервативной партии призывали не паниковать, резонно замечая, что большинство голосов, отошедших к ЮКИП, — протестные и они вернутся в консервативное лоно на всеобщих выборах, на которых избирателей интересует прежде всего внутриполитическая проблематика

и на которых используется мажоритарная система голосования. Некоторые считали, что успех ЮКИП выгоден консерваторам, так как лишает лейбористов возможности обвинять их в экстремистской позиции по вопросу европейской интеграции. Однако проблема не сводилась к ЮКИП: если бы даже консерваторам удалось вернуть голоса, отошедшие ЮКИП, этого было бы явно недостаточно для победы на следующих всеобщих выборах. Успех ЮКИП был лишь симптомом продолжавшегося кризиса Консервативной партии, который объяснялся упорным нежеланием тори пересмотреть свою непопулярную программу в области социальных услуг.

Евровыборы 2004 г. стали очередным проявлением тенденции по сужению электоральной базы двух ведущих британских партий, по росту поддержки малых партий и фрагментации протестного голоса, особенно в условиях применения пропорциональной системы голосования. Помимо феномена ЮКИП, два мандата в Европарламенте отстояли зеленые, завоевавшие 6,3% голосов. Крайне правая Британская национальная партия получила 4,9%, но успехи ЮКИП преградили путь в Европарламент лидеру БНП Нику Гриффину. На долю коалиции левых сил «Респект», созданной Джорджем Галловеем, пришлось 1,5%. Другие малые партии собрали еще около 8% голосов.

* * *

В XX в. система местных органов власти в Великобритании была почти полностью политизирована. Особой силы этот процесс достиг в 70–80-е гг. Долгое время такое состояние дел устраивало две ведущие партии страны, контролировавшие подавляющее число муниципальных образований и рассматривавшие их как ресурс в межпартийной борьбе общенационального масштаба. Автономия местных органов власти в системе государственного управления к 90-м годам была резко ослаблена. В результате статус местных органов власти и местных выборов изменился не только в глазах политических партий, но и в глазах простых избирателей, которые теряли интерес к выборам этого уровня.

Отношение граждан к местным выборам в первую очередь как к возможности выразить свое мнение о политике правящей партии и лишь во вторую — как к возможности повлиять на решение насущных проблем своего города или села привело к негативным результатам. По мере сужения электоральной базы Консервативной и Лейбористской партий местные выборы, как и европейские, привлекали к себе все меньше внимания избирателей.

Рост популярности либерал-демократов и ряда малых партий привел к тому, что в 90-е годы монополия двух крупнейших партий в местных органах власти была подорвана. На уровне муниципальных образований стала быстро развиваться многопартийность, государственное управление на местах все чаще принимало коалиционный характер. После 1997 г. лейбористское правительство предприняло ряд мер, направленных на частичное восстановление автономии и финансовой самостоятельности местных органов власти. Наиболее заметный шаг в этом направлении — учреждение должности мэра британской столицы и создание ассамблеи Лондона. Распространению коалиционной формы правления на местах способствовало расширение практики применения различных вариантов избирательных систем. Большие изменения грядут в Шотландии, где с 2007 г. местные выборы будут проводиться по пропорциональной системе «единого переходного голоса», традиционной для Северной Ирландии. Аналогичное решение могут принять и региональные власти Уэльса. Необходимо время, чтобы определить, станут ли эти меры эффективными в борьбе с политической апатией, которая на уровне локальной партийно-политической системы ощущается сильнее, чем на уровне региональной и общенациональной.

Таким образом, на уровне локальной партийно-политической системы Великобритании продолжается трансформация двухпартийной системы в многопартийную, в которой уже не только либерал-демократы претендуют на видную роль. Если на парламентских выборах вытеснить консерваторов с места главной оппозиции стремятся либерал-демократы, то на выборах других уровней, свободных от «смирительной рубашки» мажоритарной системы, с ними в конкуренцию вступают малые партии. Передаточным механизмом, который преобразует дробление и фрагментацию британского электората в изменение конфигурации партийно-политической системы Великобритании, является применение вариантов пропорциональной системы голосования. Их использование лишает лейбористов и консерваторов гарантированного доминирования на избирательном поле.

Европейские выборы, которые проводятся в Великобритании с 1979 г., до сих пор не играли самостоятельной роли и выполняли функцию, аналогичную местным выборам: они подводили промежуточные итоги политики правящей партии. По этой причине они рассматриваются в данном случае как элемент локальной партийно-политической системы. Явка на них, как и на местных выборах, традиционно низкая. Своего пика она достигла в 2004 г. — 40%, а мини-

мальный показатель был зарегистрирован в 1999 г. — 24%, что отражает присущий британскому обществу евроскептицизм. Общеевропейский показатель в среднем был в два раза выше.

В отличие от местных выборов, как и от выборов других уровней, европейские выборы имеют свою специфику: это выборы наднациональные, депутаты от Великобритании действуют в составе общеевропейских групп в Европарламенте, кроме того, они лишены представительства в исполнительных органах ЕС. Роль европейских выборов в Великобритании будет возрастать по мере интеграции страны в европейские структуры и демократизации механизмов управления Евросоюзом. Например, значительное повышение явки на выборах в Европарламент в 2004 г. объясняется не столько обострением межпартийной борьбы в Британии, сколько интересом общества к вопросам принятия новой европейской конституции и присоединения к еврозоне. Однако в обозримой перспективе основная роль евровыборов не изменится: они будут по-прежнему отражать внутриполитическую ситуацию в стране.

Глава VI

Роль малых партий

Малые партии играют важную роль в политической жизни Великобритании. Они придают устойчивость «двухсполовинной» партийной модели. В условиях мажоритарной избирательной системы Консервативная и Лейбористская партии представляют собой политические организации со значительной идейной амплитудой. Одновременно мажоритарная система, дискриминирующая малые партии, является «смирительной рубашкой», которая заставляет внутрипартийные фракции и течения оставаться под одной крышей. Однако имеющийся у «материнской организации» допуск терпимости все же ставит определенные рамки масштабу внутреннего многоголосья. В то же время на левом и правом политических флангах существуют альтернативные организации с неудобными взглядами для крупных партий. В результате последние могут избавляться от тех, кто дискредитирует и вносит раскол в их ряды, а «изгнанные» — свободно критиковать политический истеблишмент. Для ведущих партий важно, чтобы граничащие с ними протестные организации были достаточно компактными и не могли привлечь на свою сторону значительное количество их сторонников.

Примерами малых партий, вобравших в себя представителей левого крыла политического истеблишмента — Лейбористской партии, являются Социалистическая лейбористская партия (СЛП) Артура Скаргилла, отколовшаяся от ЛПВ в 1996 г., и коалиция «Респект», созданная в 2004 г. лейбористом Джорджем Галловеем. Примерами малых партий, появившихся в результате протеста, который не смог

удержаться в границах правого крыла политического истеблишмента — Консервативной партии, служат Партия референдума и Партия независимости Соединенного Королевства (ЮКИП). Проповедуемая ими политическая идеология, запертая в рамках Консервативной партии, парализовала деятельность организации и грозила ей расколом, но выведенная за ее пределы была частично нейтрализована.

Возможна ситуация, когда накопленное внутреннее напряжение столь велико, что появление новой малой партии не устраняет, а увеличивает опасность раскола крупного партийно-политического субъекта. Яркий пример — образование в 1981 г. Социал-демократической партии в результате откола части правого крыла ЛПВ. СДП по всем формальным параметрам уступала ЛПВ, но благодаря стечению обстоятельств смогла в альянсе с Либеральной партией, пусть и на короткое время, на равных соперничать с лейбористами. Ценой больших усилий ЛПВ сохранила свое место в двухпартийной системе, однако урок был извлечен: когда контроль за ситуацией внутри крупной партии потерян, малые партии способны бросить ей серьезный вызов. Но малая партия может быть не только фактором раскола, но и укрупнения. Так, Либеральная партия выиграла от объединения с СДП: она заметно расширила электоральную базу и в трансформированном виде закрепила за собой статус «третьей партии» британской партийно-политической системы, избавившись от статуса «малой партии».

Малые партии придают партийно-политической системе дополнительный динамизм. Они мобильнее «больших приходов», открыты для взаимодействия с другими политическими силами. Они критикуют политику ведущих партий с более жестких позиций, привлекают внимание к недостаткам и сбоям в их работе, мобилизуют те группы избирателей, которые считают, что политический истеблишмент игнорирует их мнение. Так, некоторые малые партии действуют в «новом измерении», т. е. строят свою деятельность вокруг проблем, второстепенных с точки зрения традиционной британской двухпартийной системы: национальных, европейских, экологических и др. Малые партии служат индикатором изменения настроений в обществе, рост или снижение их популярности сигнализирует об удачах или ошибках партийного «мейнстрима».

Существует разница между системными и несистемными малыми партиями, т. е. теми, которые соответствуют и не соответствуют логике развития двухпартийной системы. Так, СДП, СЛП, «Респект», ЮКИП и ряд других малых партий появились в результате организационной либо идейной фрагментации крупных партий и в этом смысле являются «партиями-спутниками» протестного типа, а крайне левая Комму-

нистическая партия Великобритании или крайне правая Британская национальная партия образовались и развивались по логике, не зависящей напрямую от расстановки сил в рамках двухпартийной системы.

Одни британские малые партии действуют на общенациональном уровне, другие — на региональном. К первым, например, относятся зеленые, БНП, ЮКИП, которые выступают по всей территории Соединенного Королевства. Вторые представлены организациями, действующими исключительно в границах одного из трех британских субнациональных регионов — Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Это Плайд Камри, Шотландская национальная партия и партии Северной Ирландии.

Североирландский регион обладает двумя уникальными характеристиками. На его территории партийная система сформировалась еще в 70-е годы, однако функционировала она лишь на уровне общенациональных, местных и евровыборов. Ее деятельность в региональном измерении была заморожена до отмены прямого управления Ольстером в конце 90-х годов. Кроме того, ведущие малые партии Северной Ирландии одновременно являются партиями-монополистами в условиях, когда общенациональные партии не имеют здесь своих региональных отделений. Что касается Уэльса и Шотландии, то по мере формирования в этих регионах собственных партийно-политических систем ПК и ШНП не избавились от статуса малых партий на общенациональном уровне, но превратились во вторые по значению партии на уровне региональном.

В целом роль малых партий в партийно-политической системе Великобритании за последние тридцать лет значительно возросла. В 1970 г. их поддержали около одного миллиона избирателей, а в 2001 г. — в два с половиной раза больше; с учетом же голосов, поданных за «третью партию» (либералов, а затем либерал-демократов), в 1970 г. — 3 млн, а в 2001 г. — более 7 млн избирателей. Если в 70–80-е гг. выделялась то одна, то другая малая партия или их группы, то позже давление на двухпартийную/«двухсполовинную» систему стало оказываться по широкому фронту и националистическими, и левыми, и правыми организациями, и партиями «третьего измерения».

Наконец, следует сказать о том, что из-за либеральности установленной в Британии процедуры регистрации и деятельности политических организаций существует значительное количество мелких формирований, «карликовых партий», которые практически не оказывают влияния на функционирование общенациональной партийной системы или ее подсистем и часто мало отличаются от групп давления с уз-

кой повесткой дня. К ним можно отнести Христианско-демократическую партию, Шотландских стражей ветра, Партию всеобщего блага, Партию мира: за ненасилие, справедливость, окружающую среду, Партию жизни, Партию пенсионеров, Партию сельской местности и др.[1] Некоторые из них имеют карнавальный характер, например Партия сумасшедшего монстра-лунатика[2]. Руководимая в течение многих лет эксцентриком по кличке Кричащий лорд Сач, она забавляла британцев своими выходками в дни избирательных кампаний.

Ниже рассматривается деятельность наиболее заметных общенациональных малых партий и движений, а также тех региональных политических организаций, которые не оказали заметного влияния на складывание региональных партийных систем и не стали предметом исследования в главе о региональных партийно-политических системах (см. Главу IV).

1. Левые партии

В течение многих лет наиболее известной организацией, располагавшейся слева от ЛПВ, была Коммунистическая партия Великобритании (КПВ)[3]. Она оказала существенное влияние на структуризацию крайне левого фланга британской политики в межвоенный период, а также в 70–80-е гг. Партия заслуживает краткого экскурса в ее историю. Образованная в 1920 г. на базе левого крыла Британской социалистической партии[4], Социалистической рабочей партии[5] и движения шоп-стюардов, она была более последовательной марксистской организацией страны, чем созданные еще в 80-е гг. XIX в. Социал-демократическая федерация (СДФ) Генри Гайндмана и Социалистическая лига Уильяма Морриса. Первым секретарем КПВ стал Альберт Инкпин (1920–1929). В 1921 г. к КПВ присоединилось вышедшее из Независимой рабочей партии[6] революционное крыло. Впервые партия выдвинула своих кандидатов на всеобщих выборах 1922 г. В том же году депутатом парламента от Лейбористской партии стал

---

[1] Christian Democratic Party; Scottish Wind Watch; The Common Good; Peace Party: Non-violence, Justice, Environment; Prolife; Pensioners Party; Countryside Party.

[2] The Monster Raving Loony Party.

[3] Communist Party of Great Britain.

[4] British Socialist Party.

[5] Socialist Labour Party.

[6] Independent Labour Party.

коммунист Шапурджи Саклатвала. Потеряв свое место на всеобщих выборах в следующем году, он вернулся в палату общин в октябре 1924 г. уже представителем КПВ. В 1935 г. членом парламента от КПВ стал Уильям Галлахер, который повторил свой успех в 1945 г. Тогда же второй депутатский мандат для КПВ завоевал Фил Пиратин. С тех пор КПВ ни разу не удалось провести своих представителей в Вестминстер, хотя партия продолжала выставлять кандидатов на парламентских выборах вплоть до 1992 г.

Рост популярности социалистических идей в межвоенный период не сопровождался сближением лейбористов с коммунистами. В 1924 г. исполком ЛПВ пришел к выводу, что «Лейбористская партия добивается установления социалистического содружества с помощью парламентской демократии, а Коммунистическая партия — “диктатуры пролетариата” методами вооруженной революции»[1]. Однако значительное количество рядовых членов Лейбористской партии и профсоюзов поддерживало идею сотрудничества с коммунистами. На партийных конференциях не раз принимались декларации с таким требованием. Популярность партии росла. Благодаря активному участию КПВ во всеобщей забастовке 1926 г. ее членство выросло до 10 тыс. человек. Под руководством Гарри Поллита (1929–1956) партия трижды — в 1935, 1943 и 1945 гг. — подавала заявку на коллективное членство в ЛПВ, но каждый раз получала отказ.

Разногласия между КПВ и лейбористами обострились на фоне антифашистского движения после прихода к власти Гитлера и в годы гражданской войны в Испании, где коммунисты составляли половину британского батальона интернациональных бригад, насчитывавшего полторы тысячи человек. В Британии КПВ стала самым непримиримым противником Британского союза фашистов Освальда Мосли. Однако ЛПВ не пошла на сотрудничество с коммунистами ни в рамках Объединенного фронта с участием социалистических партий, ни в рамках Народного фронта, открытого для всех антифашистских сил. В 1936–1939 гг. ЛПВ выступала за предоставление Испании гуманитарной помощи, однако заняла позицию невмешательства и не выступила за снятие эмбарго на поставку оружия республиканцам. У. Галлахер был единственным депутатом палаты общин, выступившим с протестом против Мюнхенского сговора.

По решению руководства ЛПВ была расформирована Социалистическая лига, созданная левыми лейбористами — сторонниками участия ЛПВ в Народном фронте; среди ее членов были Стаффорд

[1] NEC of the Labour Party, Minutes, 23 September 1924.

Криппс, Эньюрин Биван, Барбара Кастл и Майкл Фут. Некоторых видных лейбористов исключили из партии. Нежелание руководства ЛПВ иметь дело с коммунистами на практике приводило к тому, что у партии долгое время отсутствовала единая программа борьбы с угрозой фашизма, как в стране, так и на международной арене. Только к 1939 г. в ЛПВ сложился широкий консенсус по поводу того, что фашизму необходимо дать вооруженный отпор. К этому времени членство КПВ дошло до 18 тыс. человек. В 1942 г. в рядах партии насчитывалось уже более 40 тыс. человек, а тираж печатного органа партии, ежедневной газеты «Дэйли уоркер» (с 1966 г. — «Морнинг стар»), составил 100 тыс. экземпляров. С момента нападения фашистской Германии на Советский Союз коммунисты последовательно выступали за открытие второго фронта. Два депутатских мандата на выборах 1945 г. и 100 тыс. голосов избирателей стали наивысшим достижением коммунистов на электоральном поприще — свидетельством роста их популярности в условиях стремления страны к социальному обновлению. В то время в партии насчитывались 45 тыс. человек. Количество выставленных на парламентских выборах кандидатов увеличивалось от выборов к выборам, достигнув 100 человек в 1950 г.

В послевоенный период ключевым партийным документом стала программа «Путь Британии к социализму»[1], принятая в 1951 г. Ее суть заключалась в признании идеи мирного перехода к социализму на базе парламентской системы. КПВ была одним из инициаторов создания британского движения за ядерное разоружение, выступала за радикальное сокращение военных расходов, отказ от колониальной политики и расширение прав рабочих, предоставление гомруля Шотландии и Уэльсу, за воссоединение Ирландии. Ахиллесовой пятой коммунистов в годы руководства партией Джона Голлана (1956–1975) и Гордона Макленнана (1975–1990), с точки зрения британского избирателя и политического истеблишмента, были тесные, в том числе финансовые, связи с КПСС. Военные интервенции СССР в Венгрии, Чехословакии, Афганистане негативно влияли на репутацию КПВ. К 1979 г. количество членов партии снизилось до 20 тыс. человек.

Коммунистическое движение в Великобритании не раз страдало от раскола. В 1959 г. возникла Революционная партия рабочих[2], которая участвовала в выборах с 1974 г. В 1966 г. из КПВ вышла Интернациональная марксистская группа, выставлявшая своих кандидатов на выборах в 70-е годы. В 1968 г. профсоюзный активист Рег Бирч

[1] The British Road to Socialism.
[2] Workers' Revolutionary Party.

основал Коммунистическую партию Британии (марксисты-ленинцы)[1]. Ее сторонники считали, что коммунистическое движение в Советском Союзе и Британии со времен Н.С. Хрущева оказалось во власти ревизионизма. В 1977 г. была образована идейно близкая к этой партии Новая коммунистическая партия Британии (НКПБ)[2]. Первым генеральным секретарем НКПБ стал Сид Френч, после его смерти в 1979 г. этот пост занял Эрик Тревет, а затем Энди Брукс. Партия не участвовала в выборах, но в целом поддерживала кандидатов от ЛПВ. В 2000 г. ее члены получили право выступать в поддержку независимых кандидатов-лейбористов. Так, НКПБ была активной сторонницей Кена Ливингстона на выборах мэра Лондона в 2000 г. Она выступает против членства Британии в ЕС и за бойкот евровыборов. Партия активно участвует в антивоенном движении и имеет свой еженедельный печатный орган — газету «Нью уоркер». Наконец, в 1981 г. возникла Революционная коммунистическая партия[3], которая участвовала в выборах в 1983–1992 гг.

Во второй половине 80-х годов в КПВ обострились противоречия между «фундаменталистами» и «еврокоммунистами». Идейные искания на левом крае британского политического спектра выплеснулись в те годы на страницы журнала «Марксизм тудэй». В 1988 г. «фундаменталисты» провели съезд, на котором была образована Коммунистическая партия Британии (КПБ)[4], «истинная» наследница КПВ и наиболее крупная коммунистическая организация в стране после раскола последней. Основа ее идеологии — принцип классовой борьбы и обновленная программа «Путь Британии к социализму». Генеральным секретарем КПБ является Роберт Гриффитс. Ревизионистское крыло КПВ в 1989 г. отказалось от программы «Путь Британии к социализму». В новой программе был провозглашен принцип «открытой демократической партии нового плюралистического и радикального левого движения». На конгрессе в 1990 г. новым генеральным секретарем партии избрали сторонницу реформ Нину Темпл, однако большинство делегатов проголосовали против изменения названия организации. В следующем году, на последнем в истории КПВ конгрессе, это решение принято все же было, и из КПВ выделилось движение Демократических левых (ДЛ)[5]. Оно не стало принимать собственную

---

[1] Communist Party of Britain Marxist Leninist.
[2] New Communist Party of Britain.
[3] Revolutionary Communist Party.
[4] Communist Party of Britain.
[5] Democratic Left.

программу и не преобразовалось в полнокровную политическую партию, избрав принцип построения «снизу вверх». На выборах 1992 г. коммунисты в последний раз выступали под вывеской КПВ. Приоритетом ДЛ стало участие в политическом дискурсе, в том числе на страницах своего ежемесячного журнала «Нью таймс», а не выступление на выборах. Газета «Морнинг стар» выходит по сей день как социалистическая «ежедневная газета левых сил». Несмотря на расколы, Коммунистическая партия Великобритании продолжила свое существование в виде Временного центрального комитета[1], идеологи которого, включая Джека Конрада, призвали к воссоединению коммунистического движения в стране на платформе марксизма-ленинизма. Партийное издание организации — еженедельная газета «Рабочий».

Ветеран социалистического движения в стране — Социалистическая партия Великобритании (СПВ)[2], действующая с 1904 г. В отличие от Британской социалистической партии, которая в последний раз на всеобщих выборах выступала в 1918 г., она ведет электоральную деятельность до сих пор. В первый раз партия выставила своих кандидатов на парламентских выборах 1945 г., в последний — в 1997 г. Как большинство других левых группировок, СПВ малочисленна, а партийная иерархия как институт управления в ней отсутствует.

Некоторые британские социалистические движения уходят корнями в IV Интернационал, основанный Львом Троцким в 1938 г. В первую очередь к ним относится Партия социалистов-интернационалистов[3]. В 1976 г. одним из ее ответвлений была образована Революционная коммунистическая партия[4], под эгидой которой издавался популярный среди левой интеллигенции журнал «Ливинг марксизм». В 1996 г. он был провозглашен внепартийным, но сохранил левый академический уклон. Действующая в Великобритании Социалистическая партия равенства[5] называет себя британской секцией Международного комитета IV Интернационала. В 1976 г. возникла другая радикальная левая организация — Социалистическая партия рабочих (СПР)[6], активная до сих пор. После прихода в 1997 г. к власти ЛПВ она провозгласила себя «социалистической альтернативой» «новому лейборизму». Печатным органом партии является газета «Социалистический рабочий». СПР

---

[1] Provisional Central Committee.
[2] Socialist Party of Great Britain.
[3] The International Socialists.
[4] Revolutionary Communist Party.
[5] Socialist Equality Party.
[6] Socialist Workers Party.

находится в тесных отношениях с Шотландской социалистической партией и Социалистическим альянсом (см. ниже).

В 1955 г. основывается Революционная социалистическая лига[1] со своим собственным центральным комитетом и партийными конференциями. В отличие от других троцкистских объединений члены Лиги, «милитанты» (т. е. наиболее радикально настроенные участники социалистического движения), активно использовали тактику «энтризма» — проникновения в ряды ЛПВ для постепенного захвата партии изнутри и проведения антикапиталистической политики в интересах рабочего класса. В 1964 г. Лига стала выпускать газету «Милитант», которая позже была переименована в «Милитант лейбор». Особенно успешной агитация «милитантов», руководимых Питером Таафом и патриархом британского троцкизма Тэдом Грантом, была в первой половине 80-х годов в ряде местных партийных организаций, а пиком их влияния стало установление контроля над городским советом Ливерпуля. Тогда партия насчитывала более 8 тыс. членов. На выборах 1983 г. от ЛПВ в парламент были избраны два «милитанта», в 1987 г. — еще один. Во второй половине десятилетия большинство членов Лиги исключили из ЛПВ. В 1992 г. было принято решение отказаться от тактики энтризма и работать вне структур Лейбористской партии.

Начиная с выборов 1997 г., «милитанты» и близкие к ним левые течения в Англии и Уэльсе выступали в составе Социалистической партии[2], а в Шотландии — Шотландской социалистической партии (ШСП)[3]. Последняя была образована в 1998 г. на основе Шотландского социалистического альянса, включавшего несколько социалистических группировок. Лидер ШСП Томми Шеридан на региональных выборах в 1999 г. был избран в парламент Шотландии. Партия выступала за полную независимость региона, вывод с его территории ядерного оружия, установление «шотландской социалистической республики», за национализацию транспорта и др. Шотландские социалисты критиковали ШНП за то, что те «вырядились в строгие костюмы», т. е. стали частью политического истеблишмента. На всеобщих выборах 2001 г. ШСП оспаривала все 72 шотландских мандата в Вестминстере и сумела сохранить десять избирательных залогов[4]. Лучший ре-

---

[1] Revolutionary Socialist League.

[2] Socialist Party.

[3] Scottish Socialist Party.

[4] Для регистрации в качестве кандидата в депутаты необходимо внести избирательный залог, который теряется, в случае если не удается собрать установленный минимум голосов.

зультат ШСП по округам — 10% голосов избирателей. В Шотландии она получила более 3% голосов, или более 70 тыс. голосов, уступив только ведущим британским партиям и шотландским националистам (ее доля по Британии в целом составила 0,3% голосов, что превысило результат других социалистических партий). Что касается Социалистической партии, то она — одна из немногих социалистических организаций в Англии и Уэльсе, имеющих представителей в местных органах власти. Визитная карточка партии — активное участие в антивоенном движении, борьба против приватизации, за бесплатную систему образования, охрану окружающей среды.

В 1996 г. в знак протеста против изменения «пункта 4» Устава ЛПВ Артур Скаргилл, руководитель Национального союза шахтеров и лидер забастовки горняков в 1984–1985 гг., стал одним из основателей Социалистической лейбористской партии (СЛП)[1]. По идейной направленности она была частью левого течения британского парламентского лейборизма, с точки зрения которого Лейбористская партия под руководством Тони Блэра отказалась от своей социалистической составляющей и полностью примирилась с капитализмом. Помимо Скаргилла, популярности СЛП прибавил известный в стране актер Рики Томлинсон. Программа СЛП включала следующие положения: введение четырехдневной рабочей недели, выход из состава ЕС и НАТО, отмену монархии, роспуск палаты лордов и отказ от суверенитета Соединенного Королевства над Северной Ирландией. Впервые партия выдвинула своих кандидатов на всеобщих выборах 1997 г.; она смогла собрать около 50 тыс. голосов, что было немало для протестной левой партии, но явно недостаточно для «альтернативы» «новому лейборизму». В последующем партия не раз страдала от внутренних конфликтов; Артура Скаргилла, сменившего на посту генерального секретаря Пэт Сикорски, критиковали за авторитаризм и нетерпимость к оппозиции. Многие симпатизировали его стремлению создать противовес ЛПВ на левом фланге британской политики, однако считали СЛП лишь эпизодом в истории перегруппировки левых сил страны.

Рост недовольства политикой «новых лейбористов», особенно в левом политическом спектре, все же позволил СЛП собрать силы перед выборами 2001 г. По количеству кандидатов в парламент — 114 человек — партия опередила другие социалистические организации. Против Питера Манделсона, депутата от округа Хартлпул, свою кандидатуру выставил сам Скаргилл. Его расчет строился на том, что

[1] Socialist Labour Party.

репутация бывшего фаворита Блэра была сильно подорвана скандалами в правительстве, в результате которых он дважды лишался министерских постов. Однако эти надежды не оправдались: Манделсон одержал победу, а Скаргилл занял лишь четвертое место с 2,4% голосов. Максимальный результат СЛП по округам составил 4,4%. По стране СЛП незначительно улучшила свои позиции по сравнению с 1997 г., сохранив лишь один избирательный залог и получив 57 тыс. голосов (в три раза меньше, чем у зеленых). Результаты выступления партии на двух последних парламентских выборах показали, что попытка Скаргилла создать альтернативу «новому лейборизму» потерпела неудачу. Свою роль сыграло не только основное препятствие для малых партий — мажоритарная система голосования, но и радикализм программы СЛП, который был неприемлем для подавляющей части избирателей.

За несколько лет до выборов 2001 г. возник новый центр притяжения оппозиционных левых сил — Социалистический альянс (СА)[1], который для многих стал альтернативой СЛП. Его неформальный глава Дэйв Неллист в свое время был исключен из состава ЛПВ за связь с милитантами. Создание Альянса поддержали Кен Коатс и Хью Керр, оппозиционно настроенные к «новым лейбористам» депутаты ЛПВ в Европарламенте. Другим известным членом объединения стала Лиз Дэйвис. Ее кандидатура на участие в парламентских выборах 1997 г. была выдвинута местным партийным отделением от избирательного округа Северо-Восточный Лидс. Однако в 1995 г. конференция ЛПВ под давлением нового партийного руководства блокировала ее утверждение. В результате этого и ряда аналогичных эпизодов критики «новых лейбористов» пустили в оборот выражение «извращенный контроль»[2], подразумевающее неразборчивость сторонников Тони Блэра в средствах достижения своих целей и авторитарный стиль управления партией.

На всеобщих выборах 2001 г. под «зонтиком» Альянса выступили такие организации, как Социалистическая партия, Коммунистическая партия Британии, Социалистическая партия рабочих (крупнейшая составляющая объединения), Интернациональная социалистическая группа[3], Альянс за свободу рабочих[4] и др. В отдельности каждая из этих организаций, кроме СПР, была маловлиятельной и малочис-

---

[1] Socialist Alliance.
[2] Control freakery.
[3] International Socialist Group.
[4] Alliance for Workers' Liberty.

ленной, однако собранные вместе, они представляли собой определенную силу на левом фланге британской политики. СА постоянно координировал свои действия с ШСП и Социалистическим альянсом Уэльса. Главная проблема организации проистекала из пестроты ее состава: в Альянс входили и непримиримые левые, и те, кто был готов работать с более умеренными противниками «новых лейбористов». В декабре 2001 г. был одобрен Устав Альянса; у организации появилось руководящее звено, а аффилированным членам было разрешено сохранить собственную структуру и пропагандировать свои стратегические цели, будь то революционные или реформистские. Таким образом, СА перестал быть рыхлым объединением симпатизирующих друг другу левых движений и в то же время не превратился в полнокровную партию с унифицированной структурой и идеологической программой, что для ряда участников Альянса было неприемлемо.

Программа организации включала следующие положения: ренационализация железных дорог, естественных монополий и крупнейших банков, отмена дальнейших планов приватизации, повышение налогов на богатых, отмена оплаты учебы в системе высшего образования, восстановление индексации пенсий из расчета повышения уровня заработной платы, увеличение минимальной оплаты труда, списание долгов странам третьего мира, борьба с расизмом, ксенофобией и др. СА принял активное участие в выступлениях Антинацистской лиги. На выборах Альянс выставил 98 кандидатов, трое из которых сохранили избирательные залоги. По стране объединение набрало 0,2% голосов, получив поддержку более 60 тыс. избирателей, и, таким образом, обогнало такие малые формирования, как БНП на правом политическом крае и СЛП — на левом.

В следующий раз Социалистический альянс заявил о себе на местных выборах в мае 2002 г., выступив в качестве альтернативы «консенсусу между лейбористами, либеральными демократами и зелеными». Такая позиция на примере СА показывала, что протестные левые партии и объединения рассчитывали перехватить голоса у более умеренных сил левоцентристского политического спектра, но главной мишенью их критики были лейбористы. И такой расчет не удивителен: потенциальный избиратель СА мог находиться только на левом фланге ЛПВ, ПЛД или более мелких, но обретавших респектабельность партий, например зеленых. Большинство активистов объединения были членами профсоюзов социального сектора, студентами, безработными со средним или высшим образованием, представителями этнических меньшинств. Помимо своих изначальных лозунгов Социалистический альянс занял антивоенную пози-

цию в вопросе участия Британии в военных действиях в Афганистане. По результатам выборов СА завоевал несколько новых мест в органах местного самоуправления.

В 2004 г. ярким явлением на левом крае британской политики стало объединение «Респект: коалиция единства»[1]. Первая часть названия — аббревиатура английских слов «уважение», «равенство», «социализм», «мир», «окружающая среда», «сообщество» и «тред-юнионизм». Как в случае с Социалистической лейбористской партией, его появление было реакцией на вытеснение «новыми лейбористами» остатков социалистических элементов из идеологии и практики британской социал-демократии. Если для образования СЛР толчком послужил пересмотр «пункта 4» Устава ЛПВ, то поводом для создания «Респект» стало участие Британии в войне против Ирака.

Один из создателей нового движения Джордж Галловей, депутат Палаты общин с многолетним стажем, имел репутацию давнего возмутителя спокойствия на левом крыле парламентской фракции лейбористов. Он был не только «старым левым», не приемлющим направление реформирования партии, избранного Тони Блэром, но и активным участником антивоенного движения. В Великобритании Галловей стал самым известным противником санкций, введенных против Ирака после войны в Персидском заливе в 1990–1991 гг., назвав их «одним из самых тяжких преступлений XX века». Его аргументация опиралась на данные ООН, согласно которым к 2002 г. в результате торговой блокады в Ираке погибли 650 тыс. детей в возрасте до пяти лет; общее количество жертв, по расчетам Галловея, достигло 1,5 млн человек. Он не защищал правящий режим, признавая его диктаторский характер, однако указывал на то, что множество других диктаторов успешно ладили с США при условии признания первенства последних. В то же время Галловей во время многочисленных поездок в Ирак не раз встречался с представителями руководства страны, включая Саддама Хусейна. Многие считали, что режим использует его в своих пропагандистских целях. Когда в 2002 г. запахло новой войной на Среднем Востоке, Галловей энергично включился в работу созданной в Британии коалиции «Остановить войну!».

В марте 2003 г., после начала интервенции, Галловей выступил с интервью на телевизионном канале Абу-Даби — столицы Объединенных Арабских Эмиратов, в котором назвал Тони Блэра и Джорджа Буша «хищниками» и призвал британские войска не выполнять «противозаконные приказы». Вскоре интервью похожего содержания он

[1] Respect — уважение (*англ.*).

дал британской новостной программе Ай-ти-ви. Эти высказывания привели к тому, что партийные функционеры начали процедуру по исключению депутата из партии. Формальным основанием послужила статья дисциплинарного устава ЛПВ, предусматривающая подобное наказание в случае «подрыва репутации Лейбористской партии в результате пагубного поведения, которое наносит ей значительный ущерб». Галловей был обвинен не только в нарушении партийной дисциплины, но и в нарушении «клятвы на верность Королеве». Со своей стороны он обрушился на руководство партии за авторитаризм и покушение на свободу слова.

Мнения в стране разделились. В избирательном округе Галловея в его защиту выступил председатель местного отделения ЛПВ. Однако в мае Галловей все же был «лишен кнута», т. е. его членство в лейбористской фракции было приостановлено. В том же месяце газета «Дэйли телеграф» опубликовала материал, в котором утверждалось, что Галловей ежегодно получал сотни тысяч долларов от иракского режима. По запросу депутата-консерватора в парламенте началось расследование этого эпизода. Галловей отверг выдвинутые против него обвинения и подал на газету в суд. Несмотря на то что изложенная в ней информация подтверждений не находила, в октябре 2003 г. левый политик был исключен из Лейбористской партии, но сохранил парламентский мандат.

Джордж Галловей очутился в том же положении, что и другой известный левый лейборист Кен Ливингстон, исключенный из партии за выступление в 2000 г. на выборах мэра Лондона против официального кандидата ЛПВ. Ливингстон на выборах победил, не раз ссорился с правительством, а в ходе иракских событий также был видным членом антивоенного движения. Несмотря на это, в январе 2004 г. его восстановили в партии как наиболее перспективного кандидата на грядущих перевыборах мэра столицы. Теперь под вопросом оказалось политическое будущее Галловея. В том же месяце в Лондоне прошел учредительный съезд коалиции «Респект», на котором было принято решение всеми силами участвовать в выборах мэра, ассамблеи Лондона и Европарламента. По иронии судьбы между двумя единомышленниками возник конфликт. Оказалось, что ежегодный лондонский фестиваль, проходящий под антирасистскими лозунгами, носил такое же название, как и коалиция. Ливингстон пригрозил судебным иском, однако дальше этого дело не пошло.

В ходе агитации перед июньскими выборами коалиция «Респект» заняла более радикальную позицию, чем либерал-демократы, в отношении войны в Ираке и адресовала свои избирательные послания

в первую очередь участникам антивоенного движения и мусульманской общине Британии. Рефреном в предвыборных выступлениях представителей объединения стал лозунг превращения евровыборов в референдум о недоверии Блэру в связи с его иракской кампанией. Каждым вторым номером в региональных избирательных списках коалиции был мусульманин. Чтобы закрепить свой образ в глазах избирателей, «Респект» заняла критическую позицию не только в отношении партий истеблишмента, включая либеральных демократов, которые с началом военных действий прекратили свою антивоенную риторику, но и в отношении зеленых и Кена Ливингстона. Последний после восстановления в Лейбористской партии в значительной степени потерял репутацию одного из лидеров левых оппозиционных сил. Другими пунктами предвыборного манифеста коалиции были: «нет» еврозоне и европейской конституции, демилитаризация Европы, широкая ренационализация в Британии, повышение налогов на крупный бизнес, значительное увеличение минимальной оплаты труда и др.

Итоги голосования стали несомненным успехом «Респект»: ее доля в поданных голосах в Англии, Уэльсе и Шотландии составила 1,5%, что означало поддержку более 250 тыс. человек. Это было выше, чем суммарная поддержка оппозиционных левых сил, не считая зеленых и кельтских националистов, на всеобщих выборах 2001 г. Коалиция опередила Шотландскую национальную партию и Плайд Камри. Несмотря на это, мандатов в Европарламент ей выиграть не удалось, так же как и получить места в ассамблее Лондона.

Вскоре название «Респект» вновь замелькало на газетных полосах — в связи с двумя парламентскими довыборами, прошедшими в июле. В обоих случаях, в округах Южный Лейсестер и Бирмингем Ходж-Хил, коалиция заняла твердое четвертое место, обогнав в первом округе Социалистическую лейбористскую партию, а во втором — Национальный фронт. Первая победа ждала «Респект» на июльских муниципальных довыборах в одном из округов Лондона. Она имела для коалиции символическое значение, несмотря на незначительный статус выборов. Главные соперники «Респект» — лейбористы — оказались на третьем месте, пропустив вперед либерал-демократов. Дальнейшие успехи «Респект» зависят от того, удастся ли лейбористам восстановить доверие мусульманской общины страны и перестать служить главной мишенью критики со стороны антивоенного движения.

2. Правые партии

У современных ультраправых движений в Великобритании имеется немало предшественников. В 30-е годы их деятельность носила пронацистский характер, а после Второй мировой войны на первый план вновь, как когда-то раньше, вышла имперская тематика и лозунг «бремя белого человека». Однако если раньше, в условиях расцвета Британской империи, эти умонастроения основывались на чувстве снисходительного превосходства над туземными народами, то с началом болезненного распада империи их сменили враждебность, неприязнь и агрессия. В 60-е годы они трансформировались в новое восприятие Британии — в виде осажденной крепости, куда устремились многочисленные выходцы из бывших британских колоний. Эти настроения проникли и в круги политического истеблишмента.

В 1968 г. один из самых многообещающих консервативных политиков Инок Пауэлл был выведен Эдвардом Хитом из состава «теневого кабинета» за жесткие высказывания в адрес иммигрантов. Выступая в Бирмингеме, Пауэлл сравнил Британию с Древним Римом, павшим под натиском варваров, предрекая и ей бедствия из-за «чужаков». «Словно римлянин, — патетически воскликнул он, — я представляю воды Тибра, бурлящие кровью». Характерно, что с самого начала политики правого толка, эксплуатируя проблему иммиграции, обращались в первую очередь к слоям малоквалифицированных рабочих и сельских жителей, подверженных популизму. Не случайно, что после отставки Пауэлла демонстрация в его поддержку была организована докерами.

Предсказания Пауэлла опровергла история: по расчету демографов, именно Бирмингем, уступающий по населенности только Лондону и считающийся конкретным примером сосуществования разных культур, станет первым городом в стране, где к 2007 г. цветные жители, в первую очередь мусульмане, превысят по численности коренных британцев. Несмотря на то что в Бирмингеме временами происходят беспорядки, связанные с проблемами в межобщинных отношениях, в целом в городе вполне мирно уживаются представители разных рас, национальностей и религий. Несмотря на крушение политической карьеры Пауэлла, «твердая позиция» по вопросам иммиграции стала характерна для политики Консервативной партии. Хотя в целом ей удавалось не переступать грань политической корректности, скандалы, связанные с расистскими высказываниями то одного, то другого тори, случались еще не раз.

Более откровенная и неприкрытая националистическая риторика стала визитной карточкой ряда маргинальных политических движений. В 1967 г. в результате объединения Британской национальной партии, Лиги имперских лоялистов и Движения за великую Британию был образован Национальный фронт (НФ)[1]. Его отличительные черты — популизм, националистическая фразеология и эксплуатация проблемы иммиграции. Своими корнями это движение уходит в 30-е годы, когда в стране действовала Новая партия, основанная Освальдом Мосли, затем сменивший ее Британский союз фашистов, и позже, в 40-е годы, Союзное движение. В послевоенные десятилетия отмечались разрозненные выступления британских шовинистов и неонацистов. Лозунги НФ нашли отклик главным образом в среде городских низкоквалифицированных рабочих. Пик популярности НФ пришелся на конец 70-х годов, когда численность организации достигла 20 тыс. человек, а на местных выборах она получала голосов на порядок больше. Активизация в стране антифашистского движения в 80-е годы, особенно в левой части политического спектра, ура-патриотическая риторика правительства Маргарет Тэтчер, жесткий стиль руководства «железной леди» ударили по популярности НФ. Он продолжает выдвигать своих кандидатов на выборах, хотя статус маргинального НФ преодолеть так и не удалось.

Определенного успеха добилась Британская национальная партия (БНП)[2], основанная в 1982 г. Джоном Тиндаллом, бывшим председателем Национального фронта. В Британии она пользуется репутацией расистской организации, и нередко ее обвиняют в неофашизме. Рост популярности БНП объяснялся тем же враждебным отношением к иностранцам, особенно к людям другого цвета кожи, которое подпитывало деятельность аналогичных организаций, существовавших до БНП. Но если раньше шовинизм и расизм были реакцией на проблемы, связанные с распадом Британской империи, то теперь эти настроения порождались процессами глобализации, которые в очередной раз в мировой истории привели в движение большие массы людей. Как и другие развитые страны, Британия по мере увеличения количества цветных жителей столкнулась с необходимостью создания общества культурного многообразия и терпимости. Однако на практике страна не всегда успевала адаптироваться к изменению состава населения, и в ряде мест эти процессы приводили к росту напряженности и столкновениям на этнической почве.

---

[1] National Front.

[2] British National Party.

На всеобщих выборах 1983 г. БНП заявила о себе 54 кандидатами, а в 1987 г. смогла выставить лишь двух. Во второй половине 90-х годов партия начала набирать на выборах очки. В 1997 г. количество ее кандидатов достигло 57, хотя ни один из них не смог сохранить свой избирательный залог. Однако в некоторых избирательных округах количество поданных за БНП голосов превысило 7%, и такой результат был тревожным сигналом.

Эти первоначальные успехи были развиты после того, как руководителем партии в 1999 г. стал Ник Гриффин, выпускник факультета права Кембриджского университета. Лидер избирается прямым тайным голосованием всех ее членов. Все решения о политике партии, которые не подлежат пересмотру, он проводит единолично. Гриффин взял курс на повышение респектабельности партии, придание ей имиджа умеренно националистической силы, хотя, по сути, политика организации осталась прежней.

БНП выступает за прекращение «провалившегося» мультиэтнического эксперимента, выставляет себя защитницей рабочего класса «с белым цветом кожи» от «глобализма “новых лейбористов”». Суть политики партии отражена в размещенном на ее сайте в Интернете материале под заголовком «Сказать иммиграции нет!». «Если сегодняшняя демографическая тенденция продлится, — говорится в нем, — то мы, коренные британцы, через 60 лет превратимся в этническое меньшинство в собственной стране. ...мы призываем к незамедлительному прекращению всякой иммиграции и депортации незаконных иммигрантов, к введению системы добровольного переселения для законных иммигрантов... Мы запретим “позитивную дискриминацию”, которая превратила белых британцев в жителей второго сорта. Мы остановим поток “беженцев”, которые таковыми не являются или могут найти прибежище ближе к своим странам»[1].

Еще незадолго до парламентских выборов 2001 г. БНП казалась маргинальной силой, однако положение изменилось после волнений на расовой почве, прокатившихся в некоторых городах северо-западной Англии в мае–июне. В городке Олдам, расположенном около Манчестера, стычкам полиции с представителями азиатской общины города предшествовали сборища сторонников Национального фронта, утверждавших, что белым стало опасно появляться в некоторых кварталах. В ходе спровоцированных ультраправыми беспорядков был подожжен дом городского чиновника — выходца из Азии, заместителя мэра. Эти события не были случайными. Межобщинная напряжен-

[1] www.bnp.org.uk/policies.html

ность в Олдаме усиливалась весь предшествующий год, в течение которого было зафиксировано несколько сот случаев насилия на расовой почве. В начале мая министр внутренних дел Джек Стро, опасаясь за общественный порядок, запретил проведение в городе политических митингов и демонстраций.

В Лидсе причиной беспорядков послужил арест бангладешца, во время которого полиция, по словам очевидцев, превысила свои полномочия. Последовали столкновения азиатской молодежи со стражами порядка, в которых фигурировали баррикады из горящих автопокрышек и «коктейль Молотова». В опубликованном позже официальном отчете об этих событиях говорилось, что белые расисты использовали имевшиеся противоречия для разжигания межэтнической розни.

Последствия этих вспышек насилия не замедлили сказаться на результатах прошедших 7 июня парламентских выборов, на которых БНП выставила 13 кандидатов, 5 из которых сохранили свои избирательные залоги. Белый обыватель был напуган случившимся, и пропаганда ультраправых на многих подействовала. По стране БНП поддержали более 47 тыс. человек (0,2% электората). Партия стала единственной политической организацией, не представленной в Палате общин, которая набрала больше 10% в ряде избирательных округов. Хотя по сравнению с 1997 г. доля БНП в оспариваемых ею округах повысилась всего на 0,3%, распределила она свои силы более эффективно. БНП сосредоточила внимание на Олдаме, в котором свою кандидатуру выдвинул сам Гриффин. Получив 16,4%, он уступил лейбористам и консерваторам, но оттеснил на четвертое место либеральных демократов. В результате кандидат от БНП впервые сохранил свой предвыборный залог. Этот результат был неприятной новостью для правящей партии, тем более что победителем в округе стал член правительства — министр по вопросам окружающей среды Майкл Мичер.

Следующий шаг БНП сделала на местных выборах в мае 2002 г., прошедших в Англии. Хотя партия претендовала лишь на 68 мест из 5879 оспариваемых, любому ее успеху внимание было гарантировано. Не удивительно, что британские националисты сконцентрировали усилия в Олдаме, однако потерпели там поражение. Более благоприятно сложилась для них ситуация в контролируемом лейбористами ланкаширском городке Бёрнли, в котором располагался большой азиатский квартал. Как в Олдаме и Лидсе, здесь летом 2001 г. прошли беспорядки. БНП выиграла три мандата из 13, собрав треть голосов. Произошло это, несмотря на то что за несколько дней до выборов пресс-секретарь премьер-министра Аластар Кэмпбелл во время визита в город призвал его жителей сказать националистам

нет. Политическая апатия не была причиной успехов БНП: голосование в Бёрнли сопровождалось высокой для местных выборов явкой — более 50%. Эта победа стала самой громкой победой британских ультраправых со времени успехов Национального фронта в 70-е годы и короткого пребывания представителя БНП в одном из органов местного самоуправления Лондона в 1993 г. На местных выборах в 2003 г. БНП провела еще одного своего представителя в городской совет Бёрнли, но он, однако, вскоре вышел из рядов организации. В 2004 г. лейбористы и вовсе потеряли контроль над Бёрнли и восстановили его только благодаря тому, что бывший депутат от БНП перешел на их сторону.

После событий в Бёрнли в 2002 г. ультраправые заявили о себе в ноябре того же года, когда прошли довыборы в местные органы власти. Кандидат от БНП завоевал место в совете управления города Блэкберн в северо-западной Англии при явке избирателей 39%. Правящая партия вновь оказалась в неловком положении: ее кандидат уступил первое место, а им был депутат парламента от избирательного округа Блэкберн Джек Стро, министр иностранных дел. Обращало на себя внимание и то, что Блэкберн не входил в число неблагополучных городов с точки зрения межэтнических конфликтов. Таким образом, общее количество представителей БНП в местных органах власти увеличилось до четырех человек.

К 2004 г. присутствие БПН на политической сцене стало настолько заметным, что представители трех ведущих партий были вынуждены провести серию совместных консультаций, чтобы скоординировать свои действия против роста влияния ультраправых. Самую активную роль в массовых акциях протеста против БНП играли левые силы и профсоюзы. Особую озабоченность вызывала основательная подготовка ультраправых к предстоящим выборам в Европарламент и органы местного самоуправления, на которых они собирались выставить рекордное количество кандидатов. Результаты голосования 10 июня подтвердили эти опасения. Хотя БНП не провела в Европарламент ни одного своего представителя, она заняла шестое место вслед за зелеными, набрав 4,9% голосов. Для нее это был вполне удовлетворительный результат, позволявший рассчитывать на большее в будущем. Что касается партий истеблишмента, то для них этот результат был скандальным: за организацию, которую они обвиняли в неофашизме и расизме, проголосовали более 800 тыс. британцев.

Главными пунктами пропаганды британских ультраправых были запрет иммиграции и защита «этнической чистоты коренных жителей». Вторым по значению приоритетом, вытекающим из первого, стало

враждебное отношение к Европейскому союзу, ряды которого ультраправые призывали Британию покинуть. В этом БНП и близкие им движения идейно смыкались с партиями антиевропейской направленности.

3. Зеленые

Зеленые[1] в партийной системе Великобритании представляют собой политическую организацию нового измерения, к которому относятся и некоторые другие малые партии. Предшественницей Партии зеленых была Народная партия, основанная в 1973 г. Она трансформировалась в Экологическую партию, просуществовавшую с 1975 по 1985 г. С тех пор зеленые сохранили тесные отношения с такими крупнейшими неправительственными организациями по защите окружающей среды, как «Друзья Земли» и Гринпис. В Великобритании эти организации наиболее активно выступают за развитие альтернативных источников энергии, повышение налогов на авиатопливо и за гуманное отношение к животным. Зеленые — непримиримые противники генно-модифицированных продуктов питания и атомной энергетики.

Внутрипартийные противоречия между «реалистами» и «радикалами» в этой партии были всегда. Первые выступали за традиционную партийную структуру с автономным руководством, активную роль в выборах всех уровней и взаимодействие с другими политическими силами, включая участие в коалициях. В арсенале «радикалов» значились акции гражданского неповиновения, допустимость внепарламентских ненасильственных методов борьбы, представление о партии в первую очередь как о группе давления, жесткий контроль активистов за деятельностью руководящего звена. Характерная черта партийной организации — отсутствие фигуры лидера, обязанности которого исполняют два или более «основных представителя»[2] партии. Известность в этом качестве приобрели Майк Вудин и депутат Европарламента с 1999 г. Каролина Лукас.

Долгое время зеленые были малозаметной силой на британской политической арене, пока на выборах 1989 г. в Европарламент не набрали 15% голосов, оттеснив на третье место либеральных демократов. Этот успех укрепил позиции тех, кто выступал за создание пол-

---

[1] Green Party. Независимо от Партии зеленых, представленной в Англии и Уэльсе, действуют шотландские зеленые, хотя обе организации рассматривают себя частью одного движения.

[2] Principle speaker (*англ.*).

нокровной партийной организации. Партия значительно расширила свою программу, выйдя за рамки экологической проблематики, стала избавляться от образа анархистов и безалаберных антиглобалистов. Зеленые выступают против присоединения к зоне евровалюты, за демократизацию ЕС и повышение роли Европарламента, устойчивую экономику, против перекосов глобального рынка, ратуют за права потребителей, находятся на переднем крае антивоенного движения, призывают к запрету оружия, содержащего продукты расщепленного урана. Они противостоят лейбористскому правительству по вопросу приватизации отраслей социальной сферы. Видную роль зеленые сыграли в акциях протеста против войны в Ираке, которые прошли под лозунгом «Нет нефтяным войнам». В июне 2004 г. на местных и евровыборах они критиковали антивоенную позицию либеральных демократов за непоследовательность, ссылаясь на то, что сразу же после начала войны те поддержали правительство.

К 1990 г. в рядах партии насчитывалось около 20 тыс. человек. На всеобщих выборах 1992 г., на которых зеленые выставили рекордное для себя количество кандидатов — 254, их поддержали 0,5% проголосовавших, или 170 тыс. человек, что в четыре раза превысило показатель 1979 г. Однако в 1997 г. против зеленых сыграла всеобщая увлеченность лейбористами, и их поддержка снизилась до 0,2%. Как можно было предвидеть, в 2001 г. они вернули потерянные голоса, добившись своего лучшего результата — 0,6% голосов. Было выставлено 145 кандидатов, 10 из которых сохранили свои избирательные залоги. По округам максимальный результат партии составил 9,3%. Хотя она до сих пор не имеет своих депутатов в палате общин, интересы зеленых в верхней палате представляет лорд Бюмон. Кроме того, в последние годы они успешно наращивали свое присутствие на местах. По результатам местных выборов 10 июня 2004 г. их доля в органах местного самоуправления достигла 10%.

Введение пропорциональной системы голосования на выборах некоторых уровней было на руку зеленым. На первых региональных выборах в мае 1999 г. шотландские зеленые провели одного своего представителя в парламент региона, а в июле завоевали два мандата на евровыборах. Хотя по сравнению с евровыборами 1989 г. поддержка Партии зеленых среди избирателей снизилась с 15 до 6,8%, она записала в свой актив более миллиона голосов. На выборах в Европейский парламент в 2004 г. зеленые вновь получили два депутатских места и 6,25% голосов. Удачными для них стали выборы в ассамблею Лондона, на которых им достались три места в 2000 г. и два — в 2004 г. Успехи, которых зеленые добились в последние годы, — большое достижение для партии,

насчитывающей несколько тысяч человек. Не отставали от своих английских коллег шотландские зеленые, которые на региональных выборах 2003 г. завоевали семь депутатских мандатов.

4. Евроскептики и проблема британской самоидентификации

Несмотря на то что политика присоединения Великобритании к ЕЭС была инициирована консервативным премьер-министром Гарольдом Макмилланом и успешно реализована его коллегой Эдвардом Хитом, к началу 90-х годов под влиянием тэтчеризма часть тори превратились в активных противников дальнейшего вовлечения страны в процесс европейской интеграции. В эти же годы Лейбористская партия проделала прямо противоположный путь и стала главной надеждой британских евроэнтузиастов. Либералы (а затем либерал-демократы) всегда были в отличие от лейбористов последовательными сторонниками европейской интеграции. В годы правления Джона Мейджора ряд консерваторов, в том числе члены парламентской фракции, начали выступать за выход из состава ЕС. Эти противоречия вышли за рамки столкновения взглядов внутри Консервативной партии и стимулировали появление политических организаций, занимающих неприкрытые антиевропейские позиции.

В отличие от левых движений и зеленых, которые забирали голоса в основном у Лейбористской партии, и ультраправых, добивавшихся успехов за счет всех, антиевропейцы представляли прямую угрозу для консерваторов, так как отнимали в основном электорат у них. Многие левые движения, находившиеся в оппозиции к ЛПВ, также были противниками участия Британии в ЕС и занимали евроскептические позиции, однако для них этот вопрос не был центральным. Кроме того, ими двигало принципиально иное соображение, чем то, которым руководствовались националистически настроенные евроскептики. Последних европейская интеграция не устраивала потому, что грозила Британии потерей национального суверенитета и притоком иностранцев; левые же считали, что ЕС стоит на службе крупного бизнеса и необоснованно запирает свои границы перед иммигрантами из стран третьего мира.

В 1995 г. евроскептик и мультимиллионер сэр Джеймс Голдсмит создал Партию референдума (ПР)[1], единственным пунктом программы

[1] Referendum Party.

которой было проведение в стране плебисцита по вопросу о членстве Британии в ЕС. На всеобщих выборах 1997 г. партия оспаривала парламентские мандаты тех депутатов, кто не поддержал идею референдума. На предвыборную кампанию Голдсмит потратил 20 млн ф. ст., было выдвинуто 547 кандидатов, 42 из которых удалось сохранить избирательные залоги. Несмотря на то что ПР не провела в Палату общин ни одного своего представителя, ее поддержка оказалась внушительной — 800 тыс. человек, или 2,6% от проголосовавших. В некоторых избирательных округах агитация партии стоила консерваторам их депутатских мандатов. В округе Путни, где кандидатом от ПР был сам Голдсмит, поражение потерпел Дэвид Меллор, бывший член правительства Джона Мейджора (он уступил кандидату от лейбористов). Партия референдума имела хорошие шансы закрепиться на британской политической арене, однако этим надеждам не суждено было сбыться из-за неожиданной смерти в июне 1997 г. Голдсмита. Она прекратила выборную деятельность, трансформировавшись в антиевропейское лоббистское Движение за демократию.

В 1993 г. Алан Скед вместе с несколькими членами Лиги антифедералистов основал Партию независимости Соединенного Королевства (ЮКИП)[1], главным лозунгом которой стал выход Британии из состава ЕС при сохранении взаимовыгодных двусторонних отношений с европейскими соседями. Так же, как и Партия референдума, ЮКИП действовала в относительно новом для британской партийно-политической системы измерении, в данном случае антиевропейском. Главный источник опасности для Британии и причина большинства ее бед, с точки зрения ЮКИП, — Брюссель, т. е. евробюрократия, лишающая страну ее суверенитета, недемократичность европейских институтов, их оторванность от нужд простых граждан. Характерные лозунги ЮКИП: «Кто правит Британией?», «Вернем британцам родину!», «Восстановим контроль над нашими границами!» и т. п.

ЮКИП с готовностью эксплуатировала ксенофобию, от которой не свободно британское общество, в данном случае в отношении Европы, исторические обиды и уничижительные национальные стереотипы, а в качестве главного оружия агитации использовала демагогию. На современном этапе ЮКИП, помимо стратегической цели выхода из ЕС, выступает за сохранение фунта стерлингов в качестве национальной валюты, против присоединения к Европейской конституции, за ужесточение контроля над иммиграцией, в том числе из но-

[1] От английской аббревиатуры UKIP — United Kingdom Independence Party.

вых стран союза. Эта партия — воплощение агрессивной и популистской стороны английского национализма, сторонники которого, как говорят в Британии, страдают синдромом «маленькой Англии».

В то же время руководство партии стремится сохранить имидж умеренной силы, не допустить проникновения в ее ряды экстремистских элементов, избежать ассоциации с ультраправыми. Однако противники ЮКИП считают иначе: «Многие рассматривают Британскую национальную партию как самого опасного политического противника на крайне правом фланге, — пишет журнал “Трибьюн”. — Но нельзя забывать, что ЮКИП — лишь прикрытое респектабельностью олицетворение тех же сил»[1]. Другие называют ее «БНП в блейзерах», «приемлемой формой расизма».

Деятельность ЮКИП, как и Партии референдума, показала, что подспудное неприятие иностранцев до сих пор достаточно массовое явление в Британии. Партия черпает свой электорат из большого «пула» недовольных «Европой». Так, согласно опросу, проведенному социологической службой МОРИ в марте 2001 г., 71% респондентов поддерживал идею проведения референдума о выходе Британии из состава ЕС и 52% проголосовали бы за такой шаг. На прошедших в 1994 г. выборах в Европарламент ЮКИП с ходу набрала 3,3% голосов. Однако на всеобщих выборах 1997 г., на которых она выдвинула 194 кандидата, довольствовалась поддержкой лишь 0,3% электората, оказавшись в тени партии Джеймса Голдсмита. Во всех округах, кроме одного, где конкурировали кандидаты от обеих партий, ЮКИП уступила. После неудачи на выборах 1997 г. к руководству партией пришли Майкл Холмс и Найджел Фараг. При них партийная программа вышла за рамки европейской тематики. Кроме того, исчезновение с политической сцены Партии референдума позволило ЮКИП вновь выйти в лидеры среди антиевропейских организаций. Она переняла лозунг Голдсмита о проведении всенародного голосования по вопросу о членстве в ЕС и привлекла в свои ряды большинство бывших сторонников Партии референдума.

На парламентских выборах 2001 г. ЮКИП, выступив под лозунгом «Кто правит Британией?», выставила рекордное количество кандидатов — 428, шесть из которых по результатам голосования сохранили свои избирательные залоги. Копируя тактику Партии референдума в 1997 г., она бросила вызов всем известным евроэнтузиастам, как консерваторам, так и лейбористам, пойдя в ряде мест на конкуренцию с евроскептиками из других партий. Наилучший результат по ок-

---

[1] Tribune, 18 June 2004. Platt Steve. *Kilroy: just like Tebbit on speed*. P. 10.

ругам составил 7,8% голосов. Несмотря на то что ЮКИП по полученным голосам не повторила успеха Партии референдума четырехлетней давности, ей удалось получить поддержку 1,5% электората (390 тыс. человек). Для правящей партии, в свое время пообещавшей «поместить Британию в центр Европы», голоса сотни тысяч британцев, отданные за твердолобых евроскептиков, были пощечиной. Эти голоса нельзя было представить исключительно как протестные, иначе они распределились бы более равномерно — между малыми оппозиционными партиями. Следовательно, дело было в серьезных недостатках политики лейбористского правительства.

Как и другие малые партии, ЮКИП выиграла от введения пропорциональной системы голосования на евровыборах. В 1999 г., набрав 7% голосов, она впервые направила в Брюссель сразу трех своих представителей. Последовавшие конфликты в руководстве организации не помешали увеличить ее членство и расширить сеть местных отделений. К парламентским выборам 2001 г. удалось заполучить и солидных финансовых спонсоров. К евровыборам 2004 г. ЮКИП пришла в своей лучшей форме. Ей удалось заручиться поддержкой со стороны популярных в Британии представителей шоу-бизнеса, включая актрису Джоан Коллинз. К этому времени в партии было уже более 20 тыс. человек. Небывалый, хотя и прогнозируемый успех ЮКИП стал главной новостью выборов. Набрав 16% голосов, она оттеснила на четвертое место либеральных демократов и в четыре раза увеличила количество своих евродепутатов — с 3 до 12 человек.

Ведущими лицами ЮКИП, что свойственно и другим британским популистским движениям, включая БНП, являются не маргиналы, а представители истеблишмента. С 2002 г. партией руководит Роджер Кнапман. Характерно, что до этого длительное время он был членом Консервативной партии, которую представлял в парламенте в 1987–1997 гг. Более того, он занимал высокие министерские и партийные посты, дослужился до должности правительственного «кнута». Однако наиболее известный современный персонаж ЮКИП — Роберт Килрой-Силк, вышедший в отличие от большинства видных евроскептиков из рядов Лейбористской партии. За его плечами диплом Лондонской школы экономики, преподавание в университете, многолетняя работа в парламентской фракции ЛПВ, а затем блестящая карьера на телевидении в качестве ведущего шоу-программы на канале Би-би-си. Незадолго до выборов 2004 г. Килрой-Силк был уволен с телеканала за расистские высказывания.

На этот раз Килрой-Силк умело трансформировал свою известность телеведущего в политический успех, основанный на популизме,

демагогии и эксплуатации глубинных страхов обывателя. Газеты называли его британским Берлускони, претендующим на роль защитника «простого человека» от «продажных политиков», «брюссельских бюрократов» и «незваных иностранцев». За Килрой-Силком стояли такие фигуры, как медийный магнат Ричард Десмонд — владелец «Экспресс групп», включающей газеты «Экспресс», «Сандэй экспресс» и «Стар». Однако такие люди, как Десмонд, несмотря на свое богатство и закулисное влияние, не публичные политики, они мало узнаваемы и предоставляют другим возможность озвучивать свои мысли и осуществлять «черный» пиар.

На электоральном поле ЮКИП граничит не только с консерваторами, но и с правыми экстремистами. Ее популярность стала следствием не столько политической конъюнктуры, сколько проявлением глубинной проблемы английской национальной идентификации в условиях деволюции (постепенной федерализации государственного устройства страны) и европейской интеграции, которые совпали с общим недовольством политическим истеблишментом, непоследовательным европеизмом лейбористов и продолжающимся кризисом Консервативной партии.

* * *

На выборах всех уровней малые партии левой направленности отбирали голоса в основном у ЛПВ. Зеленые также добивались электоральных успехов за счет лейбористов. В отличие от левых движений и зеленых британские ультраправые переманивали избирателей и у лейбористов, и у консерваторов. Состав избирателей ультраправых был пестрым, включал представителей различных слоев общества. Среди активистов БНП львиную долю составляла молодежь, особенно из бедных городских районов, но ее поддерживали и жители сельской местности, а также немало пожилых людей.

В 1945 г. Коммунистическая партия Великобритании, доминировавшая на самом левом фланге парламентской партийной системы, получила 100 тыс. голосов. На парламентских выборах 2001 г. сумма голосов, полученных Шотландской социалистической партией, Социалистической лейбористской партией и Социалистическим альянсом, почти в два раза превысила эту цифру, став лучшим результатом выступления левых оппозиционных организаций Великобритании во второй половине XX в. Социалистическая составляющая занимает значительное место в политике зеленых, за которых голоса на всеобщих выборах 2001 г. отдали 160 тыс. человек. В 2004 г. ярким явлением на левом

фланге британской политики стала коалиция «Респект». Если оценивать партийно-политическую систему по оси «левые–правые», то причина повышения популярности левых сил — смещение Лейбористской партии вправо, произошедшее в ходе ее модернизации при Ниле Кинноке, Джоне Смите и Тони Блэре.

К середине 90-х годов левый фланг британской политики оказался оголен, и образовавшийся политический вакуум был заполнен новыми акторами. По той же причине положение слева от ЛПВ прочно заняли не только такие утвердившиеся националистические партии социалистической ориентации, как Плайд Камри и Шинн Фейн, но и их социал-демократические коллеги — Шотландская национальная партия, североирландские Социал-демократическая партия и Демократическая юнионистская партия. В сумме эти организации на выборах 2001 г. набрали еще около 1,5 млн голосов. Более того, укреплялась тенденция, в соответствии с которой позиции слева от лейбористов начала занимать «третья» партия страны — либерал-демократы (на всеобщих выборах 2001 г. их поддержали около 5 млн избирателей).

Таким образом, процесс перехода ЛПВ на центристские, а в ряде случаев на правоцентристские позиции привел к мобилизации левых политических течений и одновременно дал импульс для изменения расстановки сил среди партий истеблишмента. Обращает на себя внимание, что малые партии левой ориентации, а также валлийские, шотландские националисты и либерал-демократы, главной мишенью для критики избирали Лейбористскую партию, а из малых партий консерваторам целенаправленно оппонировала только ЮКИП. Даже с поправкой на то, что ЛПВ — правящая партия, которая обычно притягивает к себе основную долю недовольства, законы политического цикла объясняют усиление непопулярности лейбористов лишь отчасти. На настроения избирателей большое влияние оказала идейная трансформация ЛПВ.

Глава VII

Системные функции политических партий

Острой проблемой, с которой британская политическая система столкнулась в 90-е годы, но которая начала назревать задолго до того, стал рост недоверия к политикам в частности и политическому истеблишменту в целом. В Британии всерьез заговорили о «кризисе легитимности»[1]. Традиции политической культуры, основанные на принципе межпартийного противостояния, а не сотрудничества, все меньше отвечали требованиям времени и интересам избирателей. Усиление политической апатии, отчужденность граждан от сферы политики стали следствием падения авторитета партийных лидеров, депутатов парламента и представителей исполнительной власти. В то же время опросы общественного мнения показывали, что большинство британцев по-прежнему считали партии незаменимым и необходимым элементом политической системы.

Если представить себе динамику политической активности британского общества в графическом виде, то мы получим не нисходящую линию, а волнистую кривую. В 70-е годы негативное отношение общества к ведущим партиям усилилось и из-за просчетов политиков, и по объективным причинам социально-экономического характера. В 80-е годы политическая активность возросла благодаря обострению межпартийной борьбы. В первой половине 90-х годов впечатление о циничности и лицемерии политиков подогревала череда скандалов,

---

[1] Kampfner John. *D-Day for British Politics.* New Statesman, Special issue, 7 June 2004. P. 18–19.

связанных с политической нечистоплотностью ряда консерваторов, включая членов парламентской фракции и правительства. Во второй половине десятилетия энтузиазм, вызванный обновлением Лейбористской партии, оживил политическую активность граждан, однако после выборов 2001 г. недовольство политиками всех мастей вновь увеличилось. Свою роль сыграла неспособность правительства выполнить ряд предвыборных обещаний, а также внешняя политика Тони Блэра, растратившего значительную часть своего политического капитала на войну в Ираке.

Вместе с тем стремление манипулировать сознанием масс, падение рейтингов популярности, снижение явки избирателей, просчеты во внутренней и внешней политике, успехи новоявленных политических сил — внешнее проявление глубинных процессов, связанных с выполнением политическими партиями своих системных функций.

1. Политическое участие

Одна из центральных функций политических партий — вовлечение граждан в политический процесс. Партии играют роль связующего звена между государством и обществом, имеют двухъярусную структуру, верхние этажи которой примыкают к политической надстройке, а нижние — вплетены в ткань гражданского общества. Они структурируют электоральное пространство, мобилизуют граждан для участия в выборах и других процедурах, с помощью которых институты представительной демократии поддерживают свою легитимность и эффективность. Перед партиями стоит задача сохранять интерес граждан к политическому процессу не только в периоды выборов, но и в промежутке между ними. Добиваться этой цели они могут разными способами: вовлекать граждан в свои ряды, политизируя их интересы, проводить агитационные кампании, выпускать печатную продукцию, сотрудничать с неправительственными организациями, лоббировать от имени граждан их интересы в государственных структурах и т. д. Протестные партии в отличие от партий истеблишмента играют не менее важную роль: критикуя политический «мейнстрим», они подключают к политическому процессу те слои населения, которые разочарованы политикой традиционных партий, и тем самым обеспечивают дополнительный канал обратной связи между политической надстройкой и обществом.

Великобритания традиционно отличалась достаточно высоким уровнем политической активности. Большую часть XX в. на всеобщих

выборах явка избирателей колебалась от 70 до 80%[1]. В ряде случаев она превышала и эти цифры: в 1906 г. и дважды в 1910 г., а также в 1950 и 1951 гг. Ниже них она опустилась до недавнего времени только один раз — в 1918 г. Тогда выборы прошли сразу после окончания Первой мировой войны в разгар демобилизации. Максимальный результат за всю историю был достигнут в 1950 г. — 84%. Обычно падение и увеличение явки избирателей чередовались от выборов к выборам, однако в 1959 г. эта тенденция была нарушена и на четырех подряд выборах явка снижалась, пока в 1970 г. не упала до 72%. Затем ситуация вернулась в прежнее русло, и на выборах в феврале 1974 г. активность избирателей достигла 78,7%. Но с тех пор данный показатель не был превзойден ни разу. Обращает на себя внимание, что с 1959 г. каждый последующий пик явки уступал предыдущему. Так, в 1987 г. он был ниже, чем в 1979 г., тот, в свою очередь, ниже, чем в феврале 1974 г., и т. д. С 1983 по 1992 г., несмотря на то что у власти находилась одна и та же партия, явка выросла с 72,7 до 77,7%. Однако произошло это не благодаря, а вопреки законам двухпартийной системы: в те годы она испытала сильную деформацию, вызванную перегруппировкой сил на левоцентристском фланге британской политики.

К всеобщим выборам 1997 г. те, кто руководствовался устоявшейся логикой, ожидали или небольшого снижения явки из-за усталости части электората от правления одной партии, или, напротив, его небольшого увеличения из-за энтузиазма избирателей, возлагающих надежды на новую партию. Однако после напряженной предвыборной кампании, которой предшествовали несколько драматических лет модернизации ЛПВ, к избирательным урнам пришло лишь 71,5% электората. Хотя эта цифра укладывалась в упомянутый диапазон, она едва превысила результат 1935 г. Настораживала и глубина падения явки по сравнению с предыдущими выборами — более 6%. Такое снижение не было уникальным — подобное уже случалось в 1955 г. и в октябре 1974 г. Но тогда произошедшее было нетрудно объяснить. В первом случае победа правящей партии считалась предрешенной, что удержало часть избирателей от участия в голосовании, а во втором — на явке сказалась «усталость» электората, так как выборы разделяли считанные месяцы. К 1997 г. оба эти объяснения были неприменимы.

Раньше в периоды накала политической борьбы, в моменты, когда страна оказывалась на перепутье, интерес избирателей к политике возрастал, и явка повышалась. Так было в 1929 г. (хроническая проблема

---

[1] Butler David, Butler Gareth. *Twentieth-Century British Political Facts. 1900–2000.* Macmillan Press, 2000. P. 233–239.

безработицы, усиление классовой борьбы), в 1945 г. (после тягот войны страна голосует за пересмотр роли государства в социально-экономической сфере; явка незначительно выше, чем в 1935 г., однако необходимо учесть, что выборы прошли сразу после войны), в 1950 г. (мобилизация электората обеих партий для вынесения вердикта по историческим реформам лейбористов), в феврале 1974 г. (наиболее сильный всплеск классовой борьбы после 20-х гг.), в 1979 г. (завершение эпохи кейнсианства). Несмотря на то перед что выборами 1997 г. страна оказалась на очередном перепутье (завершение эпохи тэтчеризма), всплеска избирательной активности не последовало. Предлагалось несколько объяснений, почему по сравнению с 1992 г. на избирательные участки не пришло более двух миллионов человек. Например, такое: выборы проигнорировали те сторонники консерваторов, которые были раздражены разладом внутри партии тори и в то же время не хотели поддерживать лейбористов.

Но это объяснение противоречило реальному положению вещей. Статистика свидетельствовала, что вопреки законам электорального поведения наибольшее падение политической активности наблюдалось не в благополучных районах, а там, где вопросы бедности и безработицы стояли особенно остро. Такое положение вещей шло вразрез с представлением о том, что политическая апатия есть следствие удовлетворенности своим положением и, следовательно, пассивность на выборах — своего рода одобрение политики правящей партии.

На выборах 1997 г. самая низкая явка избирателей была зафиксирована во внутренних городских районах Ливерпуля, Манчестера, Шеффилда, Лидса (от 50 до 54%), т. е. в местах, где социально-экономические проблемы стояли особенно остро. Абсолютный «рекорд» был установлен в 1999 г., когда на парламентских довыборах в округе Центральный Лидс проголосовало 19,6% избирателей. По логике именно жители бедных районов должны стремиться выразить свое недовольство, однако на практике происходило обратное. То, что протестные настроения не находили себе выход на электоральном поле, вело к снижению влияния партий и их контроля над поведением групп населения, недовольных своим положением. В результате политическая система переставала выполнять функцию «компенсатора» социального протеста, социальное недовольство стало менее управляемым и прогнозируемым.

Изменение законов электорального поведения можно проследить на примере более длительных отрезков времени. В 1970–1997 гг. по сравнению с предшествующим послевоенным периодом средняя кривая явки избирателей шла вниз, что было одним из признаков

начавшейся деформации партийно-политической системы страны. По мере падения популярности двух главных партий их электорат фрагментировался и перетекал к третьим партиям. Однако вышесказанное не объясняло сужения общей электоральной базы политических партий. Все чаще политические аналитики приходили к выводу, что речь идет о закреплении политической апатии и ослаблении связи между обществом, с одной стороны, и политической надстройкой в целом и партиями в частности — с другой.

Такая точка зрения получила подтверждение в 2001 г., когда произошел обвал явки избирателей до 59,4%. В XX в. ниже показатель был зафиксирован лишь на всеобщих выборах 1918 г. С тех пор падение явки по сравнению с предыдущими выборами никогда не превышало 6%, однако на этот раз оно составило 12%. Принимая во внимание, что на парламентских выборах действовала мажоритарная система простого большинства, у власти оказывалась партия, опиравшаяся на незначительное меньшинство населения. Подобная негативная тенденция прослеживалась не только на всеобщих выборах, но на выборах всех уровней, но с той лишь разницей, что на них избиратели вели себя еще пассивнее. На региональных выборах 2003 г. в Шотландии явка составила 49%, в Уэльсе — 38%. В следующем году в евровыборах на избирательные участки пришло 38,8% электората, а на выборы мэра Лондона — 37%. Ситуация принципиально не изменилась на всеобщих выборах 2005 г. Как и ожидалось, явка выросла по сравнению с 2001 г., составив 62%, но осталась значительно ниже показателя 1997 г.

Самые удручающие результаты демонстрировали местные выборы, которые в Великобритании часто называют «забытыми». Явка на них редко достигала 40%, но чаще была ниже 30%. Местные выборы никогда не пользовались популярностью; на них также прослеживалась тенденция по снижению активности избирателей, однако этот отсчет начинался от низких показателей. Так, в 1973 г. на выборах в английские городские советы явка составила 33%, а в 1999 г.[1] — 26%.

Несмотря на то что муниципальные образования обладают широкими полномочиями и в 2004 г. располагали бюджетом в 60 млрд ф. ст., местные выборы в политической культуре страны рассматриваются в первую очередь как показатель популярности правящей партии. По статусу местной власти в 80-е годы сильный удар нанесли реформы консервативного правительства: они лишили ее многих рычагов влияния, особенно в финансовой сфере. При лейбористах ситуация изменилась незначительно. Так, местные органы образования потеряли

[1] Metropolitan district councils.

контроль над бюджетами школьных учебных заведений, местные органы социального обслуживания — над бюджетами «социальных трастов», продолжается перевод жилищного фонда в ведение министерства регионального развития. По всей видимости, меры по повышению явки на местных выборах будут аналогичны тем, которые призваны увеличить популярность выборов иных уровней: упрощение процедуры голосования и введение пропорциональной избирательной системы. В то же время многие британские специалисты считают, что решить проблему может только существенная децентрализация власти в пользу местного самоуправления.

Падение явки в 1997 г., и особенно в 2001 г., объяснялось и слабостью оппозиции, однако дело все же в другом. Несмотря на внешний драматизм противостояния лейбористов и консерваторов, идеологические различия между ними благодаря сдвигу в 90-е годы ЛПВ вправо были менее значительными, чем во времена «батскеллизма». Выборы в значительной степени потеряли элемент соревновательности и альтернативности, голосование за ту или иную партию перестало иметь принципиальный характер. Побочным эффектом идеологического консенсуса стало снижение явки избирателей. В противоречие приходили две стратегические цели политиков: увеличить шансы своей партии на победу путем отказа от четких идеологических ориентиров и стимулировать интерес избирателей к выборам. Одно исключает другое. Вместе с тем весомым аргументом против тезиса о необходимости адаптации партий к нуждам избирателей служит утверждение, что участие в выборах — не способ поддержки или осуждения конкретной политики, а выполнение гражданского долга.

Вероятно, в будущем, чтобы стимулировать политическую активность, британские партии истеблишмента усилят идеологическую составляющую своих программ, проведут более четкие разделительные линии между собой. Убедительные победы, одержанные лейбористами в 1945 и 1997 гг. и консерваторами в 1970 и 1979 гг., говорят о том, что усиление идеологических различий (глубоких или поверхностных) способствует успеху той политической силы, которая правильно оценивает изменение общественных настроений. Но ведущие партии не рискнут выйти за рамки жизненных ориентиров «среднего британца». Для многих лейбористов еще свежи в памяти воспоминания о том, как в 1983 г. избиратель наказал ЛПВ за излишнюю радикальность.

Ни одна из крупных партий не собирается возвращаться на почву классовой идентичности и возрождать модель политической конкуренции, стержнем которой были вопросы собственности и способа производства. В качестве центральных пунктов нового межпартийно-

го противостояния, возможно, закрепятся пункты «новой повестки дня»: роль Британии в процессах европейской интеграции, в первую очередь присоединение к еврозоне, вопросы внешней политики, федерализация государственного устройства, проведение иных конституционных реформ и др. Положительный опыт выдвижения на первый план этой повестки уже имеется. Так, заметное увеличение явки на европейских выборах 2004 г. произошло благодаря очередному всплеску дискуссий о будущем Британии в ЕС. В то же время не вызывает сомнения, что в обозримой перспективе партии сохранят элементы своей традиционной «прописки» и будут по-прежнему широко использовать «левые» и «правые» шаблоны. Проблема сочетания частных и общественных интересов не потеряет злободневности в условиях и постиндустриальной экономики, и модернизированного «государства благосостояния».

Однако курс на усиление различий между партиями в качестве способа борьбы с политической апатией на общенациональном уровне не принесет существенных плодов, если парламент страны будет по-прежнему избираться на основе мажоритарной системы голосования. Если эта система уступит место пропорциональной или смешанной (что уже произошло на региональных, евровыборах и происходит на местных), партии будут вынуждены следовать новому алгоритму поведения — строить отношения между собой не на принципе конфронтации, а приспосабливаться к коалиционному механизму принятия решений. И именно это может привести к увеличению явки избирателей.

Во-первых, пропорциональная система голосования редко позволяет одной партии претендовать на единоличное правление, и модель «партии для всех» теряет смысл. У партий появится возможность занять более четкие идейные позиции, что может импонировать определенным группам электората. Во-вторых, партийная система неизбежно трансформируется в многопартийную. В результате на политической сцене идейное разнообразие будет сочетаться с коалиционным способом управления, культура политической конфронтации будет вытесняться культурой политического плюрализма. Что касается избирателей, то они получат возможность выбирать между реальными альтернативами и для многих, чей голос в условиях мажоритарной системы считался «потраченным впустую», голосование обретет смысл.

Снижение явки избирателей — одно из проявлений политической апатии. Другой красноречивый показатель — сокращение количества членов партий (*табл. 5,* см. с. 41). Подавляющее большинство британцев уже не состоит в политических организациях. Часть из них принимает участие в деятельности различных групп давления, время от вре-

мени присоединяется к акциям гражданского протеста, демонстрациям, забастовкам, но не более того. Особенно распространена аполитичность среди молодежи.

Политическая апатия подтачивала демократическую опору государственного устройства. На ситуацию в этой области должны были повлиять солидный пакет конституциональных реформ, реформирование организационных структур и механизмов принятия решений в Консервативной, Лейбористской и других партиях. Также внедрялись новые методы работы с избирателями. В 1999 г. в ЛПВ был запущен эксперимент по созданию базы данных электронных адресов избирателей для персональной рассылки предвыборных посланий. На всеобщих выборах 2001 г. правительство пошло на ряд нововведений для упрощения процедуры голосования. Так, теперь для участия в голосовании по почте требовался лишь письменный запрос (раньше голосовать таким образом могли только проживающие за рубежом, инвалиды, работники ночных смен и т. п.). Этим правом воспользовались около двух миллионов человек. Кроме того, впервые к голосованию были допущены бездомные. Символическое значение имело наделение правом голоса наследственных пэров, исключенных из палаты лордов в ходе ее реформирования.

На выборах 2001 г. предпринятые усилия не принесли ожидаемых результатов, положение лишь ухудшилось. Разобраться в ситуации было поручено Избирательной комиссии, созданной правительством годом ранее. В докладе комиссии, опубликованном вскоре после выборов, предлагалось организовывать голосование по Интернету и телефону, проводить его в течение нескольких дней, упростить процедуру регистрации избирателей, активнее использовать голосование по почте. Однако среди рекомендаций комиссии отсутствовали наиболее действенные, например введение обязательного голосования по примеру ряда стран или отложенная правительством в долгий ящик реформа мажоритарной избирательной системы, предусматривающая проведение референдума по данному вопросу. В 2001 г. предвыборный манифест лейбористов содержал лишь обещание изучить выводы комиссии лорда Дженкинса и проанализировать результаты применения новых систем голосования на выборах парламента Шотландии и ассамблеи Уэльса. После выборов Дженкинс в очередной раз привлек внимание общественности к бездействию правительства в отношении избирательной реформы, осуществление которой, по его мнению, оживило бы интерес избирателей к выборам[1].

---

[1] BBC Radio 4's Today programme, 26 June 2001.

Экспериментальные формы голосования начали выборочно применяться на местных выборах 2000 г. В ряде мест поучаствовать в избрании депутатов органов самоуправления стало возможным в супермаркетах, учреждениях, в том числе с помощью терминалов удаленного доступа (стационарных и передвижных машин электронного голосования), продливалось время работы избирательных участков, голосование проводилось не только в рабочие, но и в выходные дни. С 2002 г. в ряде округов голосование на избирательных участках было полностью заменено голосованием по почте. Именно эта мера оказалась наиболее эффективной. На местных и европейских выборах в июне 2004 г. сразу в четырех избирательных регионах Англии (Центрально-Восточном, Северо-Восточном, Северо-Западном, Йоркшир и Хамбер), где проживает до 40% британских избирателей, гражданам было предложено проголосовать исключительно по почте. Несмотря на то что такой крупномасштабный эксперимент сопровождался немалым количеством технических погрешностей и даже случаев фальсификации избирательных бюллетеней, он привел к положительным сдвигам. Если в целом в стране по сравнению с предшествующими местными выборами явка увеличилась на 9%, то в четырех экспериментальных округах — на 13%.

Однако в докладе Избирательной комиссии, изданном в сентябре 2004 г., приводились многочисленные факты мошенничества и ошибок, допущенных на июньских выборах в экспериментальных округах. Так, количество бюллетеней, доставленных адресатам с опозданием, приблизилось к полумиллиону. Фактически авторы доклада выступили за то, чтобы отменить обязательное голосование по почте и предоставить избирателям право выбирать метод голосования. Обнародование этих рекомендаций привело к тому, что в регионах Северо-Западный, Центрально-Восточный, Йоркшир и Хамбер референдумы по созданию законодательных собраний, которые планировалось провести по почте, были отложены. Зеленый свет получило лишь голосование в регионе Северо-Восточный.

Отсутствие существенных результатов от нововведений свидетельствовало, что избиратели игнорировали выборы по причине принципиального, а не технического характера, имя которой — недоверие политикам. На серьезность проблемы указывал шестой по счету доклад, выпущенный в сентябре 2004 г. парламентским Комитетом по стандартам общественной жизни[1]. Он был основан на опросах общественного мнения, проведенных в 2003–2004 гг. Выяснилось, что члены правительства пользовались незавидной славой, опередив по степени

[1] The Committee for Standards in Public Life. The Report, September 2004.

недоверия агентов по продаже недвижимости и журналистов бульварной прессы. Лишь 24% опрошенных заявили, что доверяют им. Авторы доклада пришли к неутешительному выводу: «Широко распространилось мнение, что сложившаяся политическая культура помогает политикам скрывать свои ошибки... Многие считают, что политика партий приходит в противоречие с общественным интересом».

С 80-х годов появились дополнительные возможности участвовать в политической жизни. В этот период быстро росло число полуавтономных неправительственных организаций (кванго), в работу которых к настоящему моменту вовлечено несколько сот тысяч британцев. Система кванго, которую часто критикуют за то, что она распыляет ответственность между структурами государственного управления, в данном случае сыграла положительную роль.

В Британии разброс мнений по поводу участия населения в политической жизни велик, так как отношение к этому вопросу сильно зависит от понимания сути демократического процесса. Сторонники партиципарной модели демократии обычно указывают на три главных недостатка британской партийной системы. Во-первых, косвенная и эпизодическая вовлеченность подавляющего большинства граждан в политический процесс дискредитирует саму идею гражданской ответственности, мешает развитию политической культуры, приводит к отчуждению широких слоев населения от институтов власти, создает впечатление, что «власть далека от народа». Во-вторых, легитимность такой системы в виду перечисленных обстоятельств невысока. В-третьих, общение с народом «на расстоянии вытянутой руки» снижает эффективность работы представительных органов власти, демократически избранные чиновники имеют слабое представление об общественных нуждах и настроениях, вследствие чего принимают неверные решения.

Применение партиципарных форм демократии разной степени легитимности не чуждо политической культуре Британии. На уровне приходов до сих пор распространена практика общих собраний. Не раз в истории страны различные слои населения напрямую обращались к власти с помощью петиций. На решения власти нередко влияние оказывали массовые народные выступления в форме забастовок, митингов и шествий. Одним из последних примеров является миллионная демонстрация, проведенная в британской столице в марте 2003 г. против войны в Ираке.

В 70-е годы появилась практика проведения общенациональных референдумов. Впервые это произошло в 1975 г., когда лейбористское правительство Гарольда Вильсона обратилось к мнению избирателей

по вопросу об участии Великобритании в ЕЭС. До этого референдумы уже проводились на региональном и местном уровнях. Например, вопрос о разрешении работы по воскресеньям лицензированных заведений выносился на референдум жителей Уэльса в 1961, 1968, 1975 и 1982 гг. В 1979 г. правительство Джеймса Каллагэна предоставило возможность жителям Шотландии и Уэльса решить судьбу законов о деволюции, принятых парламентом. Законы провались, и в 1997 г. состоялись повторные референдумы.

Тогда же лейбористы обещали организовать референдум о введении в стране пропорциональной системы голосования. Позже к этим обещаниям добавились обязательства провести референдумы о вступлении Британии в еврозону и по одобрению конституции ЕС. Консерваторы до недавнего времени были непримиримыми противниками референдумов, но в двух последних случаях изменили позицию, рассчитывая на то, что правительство потерпит поражение. Либерал-демократы, наследники либеральной традиции поддерживать национальные движения, напротив, всегда выступали за укрепление института референдума, особенно в сфере федерализации государственного устройства страны и замены системы голосования. Не остались в стороне и малые партии. В выборах 1997 г. активное участие приняла Партия референдума во главе с Джеймсом Голдсмитом. Единственным программным требованием организации было проведение референдума по замене фунта стерлингов на евро. Существуют прецеденты организации референдумов в Великобритании на низовом территориальном уровне. Так, в 2000 г. жители трех приходов графства Лейсестершир провели голосование по вопросу присоединения Британии к еврозоне.

Часть сторонников представительной модели демократии выступают против распространения практики референдумов. Партиципарная модель демократии, с их точки зрения, легкая добыча для популизма. Они полагают, что референдумы открывают путь для манипулирования общественным сознанием (например, с помощью нужной постановки вопроса или времени проведения голосования), прямые формы демократии плохо согласуются с защитой прав меньшинств, обращение к мнению народа напрямую, в обход партийных и других «передаточных механизмов» политического участия, лишь способствует ослаблению институтов представительной демократии.

До сих пор институт референдума был задействован в Великобритании ограниченное число раз. Однако опыт последних трех десятилетий показал, что прямые формы участия граждан в политической жизни способствовали повышению эффективности представительной модели демократии и повышали легитимность действий правительства.

2. Политическое представительство и организация выборного процесса

Политические партии играют незаменимую роль в обеспечении политического представительства и организации избирательного процесса. Независимым кандидатам в современных условиях чрезвычайно сложно пройти в местные органы власти, не говоря уже о палате общин, без поддержки какой-либо партии. Так, в результате выборов в феврале 1974 г. в парламент пробились два независимых кандидата, а в следующий раз это удалось сделать лишь в 1997 г., и только одному независимому кандидату — Мартину Беллу. В пользу известного журналиста, выступившего против дискредитировавшего себя консерватора, свои кандидатуры сняли лейбористы и либерал-демократы. На всеобщих выборах 2001 г. Белл по-прежнему выступал как независимый депутат, но на этот раз, не получив поддержки ведущих партий, проиграл.

У независимых мало шансов победить даже тогда, когда на выборах используется пропорциональная система голосования. В 2004 г. Мартин Белл выставил свою кандидатуру на выборах в Европарламент и получил более 90 тыс. голосов, опередив целый ряд малых партий, включая Шотландскую социалистическую партию. Однако этого оказалось недостаточно для победы, хотя, например, Ольстерская юнионистская партия, набрав меньшее количество голосов, получила один мандат. Примером успешного выступления независимого кандидата стала победа Кена Ливингстона на выборах мэра Лондона в 2000 г., хотя немалую роль в его успехе сыграли грубые просчеты, допущенные лейбористами в ходе предвыборной кампании.

Политические партии — главная движущая сила выборов всех уровней, они формируют коллективные идентификации с помощью идеологических программ и предлагают электорату альтернативы. Для Британии характерно проведение всеобщих и местных выборов по одномандатной плюральной системе (ОПС). Большую часть XX в. ведущие партии страны обеспечивали эффективную связь между выборным процессом и политическим представительством, однако начиная с 70-х годов ОПС все чаще стала давать сбои и подвергаться критике. К концу 90-х годов более половины избирателей поддерживали идею модернизации системы голосования, и в декабре 1997 г. правительство лейбористов учредило независимую комиссию по этому вопросу во главе с лордом Дженкинсом.

Считается, что мажоритарная система отвечает давним традициям Великобритании, однако впервые ОПС была применена здесь только

в 1885 г. До этого в большинстве избирательных округов выбиралось по два, а в некоторых по три-четыре депутата. Округа такого типа сохранялись в Англии и Уэльсе вплоть до 1950 г., а в Северной Ирландии — до 1965 г. В них выборы проводились по системе «единого переходного голоса». С 1973 г. эта система вновь стала применяться в Северной Ирландии на выборах всех уровней, с 1999 г. — на выборах в Европарламент.

Недостатки ОПС становились более зримыми по мере того, как коррозии подвергалась классическая двухпартийная система Великобритании. От ОПС страдали третьи партии, в первую очередь либералы, а затем и социал-демократы: процент голосов, который они получали на выборах, не находил отражения в количестве выигранных депутатских мандатов. Почему так происходило? Электорат таких партий распределялся по стране «тонким слоем» и в большинстве округов не мог обеспечить кандидатам от своих партий первое место. Например, Альянс либералов и социал-демократов на парламентских выборах 1983 г. получил 25,4% голосов, однако только 23 места в парламенте. В то же время Лейбористская партия с 27,6% голосов была награждена 209 мандатами. Эта система не обеспечивает постоянную зависимость между количеством полученных голосов и мест в парламенте. Так, Партия либеральных демократов, получив 18,3% голосов на всеобщих выборах 2001 г. (намного меньше показателя Альянса в 1983 г.), выиграла 52 мандата.

Долгое время от мажоритарной системы страдали малые партии, а выигрывали консерваторы и лейбористы. Однако на парламентских выборах 1997 и 2001 гг. недостатки ОПС почувствовали на себе и тори. ОПС ведет к сильным искажениям в региональном представительстве партий. В 80-е годы ЛПВ почти не имела депутатов от южных и восточных регионов Англии. Та же судьба постигла в 90-е годы Консервативную партию в северной Англии, Шотландии и Уэльсе. В 1997 г. в Шотландии и Уэльсе консерваторы получили соответственно 17 и 20% голосов, но не провели в Вестминстер ни одного представителя от этих регионов. Последствия применения ОПС усложняются еще одним обстоятельством. Благодаря фактору географической концентрации в выигрыше оказываются националистические партии. Например, в 1997 г. либеральные демократы в Уэльсе получили 12% голосов и 2 мандата, а Плайд Камри — 11% голосов и 4 мандата.

Использование мажоритарной системы приводит к непропорционально большому представительству крупнейших партий в парламенте по сравнению с долей полученных ими голосов. ЛПВ имела в Палате общин большинство свыше 100 человек в 1945, 1966 и 1997 гг.,

а тори — в 1959, 1983 и 1987 гг. В других случаях ОПС занижает результаты голосования: на выборах 1951 г. лейбористы собрали на 250 тыс. голосов больше, чем тори, получив максимальный для себя процент голосов в XX в. — 48,8, но выборы проиграли. В феврале 1974 г. ту же злую шутку ОПС сыграла с консерваторами: они получили 37,8% голосов против 37,1% у лейбористов, но уступили им по количеству мандатов. Еще одно следствие применения мажоритарной системы — решающее значение для партий имеет исход борьбы в незначительном количестве округов. Остальные считаются «гарантированными»[1], так как в них есть большой перевес сторонников одной партии над другой. В результате страдают интересы избирателей всех партий за исключением партии-лидера, и многие граждане не видят смысла участвовать в голосовании.

В октябре 1998 г. комиссия лорда Дженкинса опубликовала доклад, в котором предложила заменить ОПС на комбинированную систему «альтернативного голоса плюс»[2]. Согласно этой системе 80–85% депутатов должны избираться по одномандатным округам; выигрывает кандидат, набравший не простое, а абсолютное большинство голосов (на парламентских выборах 1997 г. абсолютное большинство набрали немногим более половины депутатов — 345). В этих округах избирателю предлагается ранжировать кандидатов в порядке предпочтения. Если ни один из кандидатов не набирает больше 50% голосов, то голоса кандидата, занявшего последнее место, перераспределяются между остальными. Эта процедура повторяется, пока один из претендентов не наберет абсолютного большинства голосов. Остальные 15–20% депутатов избираются в 80 регионах по 1–2 человека от каждого. Количество голосов, поданных за партию, делится на количество выигранных округов плюс 1, что позволяет скорректировать наиболее явные недостатки ОПС. Если бы такой механизм голосования применялся на практике, то в 1974–1979 гг. и 1992–1997 гг. страна управлялась бы коалиционными правительствами. Предложения комиссии Дженкинса были приняты правительством к сведению, однако дальше этого дело не пошло.

В рекомендациях комиссии был учтен опыт избирательных систем, используемых в Британии на различных выборных уровнях, кроме парламентского. В первую очередь это относится к системе пропорционального типа «единого переходного голоса» (ЕПГ), которая применяется в многомандатных округах Северной Ирландии.

---

[1] Safe seat.

[2] Alternative vote plus.

Каждая партия имеет право выдвинуть столько кандидатов, сколько мандатов разыгрывается в округе. Избиратель ранжирует кандидатов в избирательном бюллетене в соответствии со своими предпочтениями; они могут быть отданы как кандидатам от одной, так и от нескольких партий. Количество необходимых голосов для победы вычисляется по квоте Друпа[1]. Кандидаты, занявшие первую строчку в рейтинге и получившие необходимый минимум голосов, считаются избранными, а излишек голосов (при его наличии) перераспределяется в пользу вторых номеров в списках. В случае необходимости в пользу вторых номеров перераспределяют также голоса кандидатов, занявших первое место в рейтинге, но не набравших количества голосов, определенного квотой.

На выборах мэра Лондона с 2000 г. используется система «замещающего голоса». Избиратели ранжируют претендентов в порядке предпочтения. Выигрывает тот, кто получает больше половины поданных голосов. Если никому это не удается, из числа претендентов исключаются все кандидаты, кроме занявших два первых места, и между этими последними распределяются вторые предпочтения из списков исключенных кандидатов. Таким образом, второе предпочтение избирателя может решить исход голосования, если даже первый номер в его списке выбыл из борьбы.

Выборы в ассамблею Большого Лондона, как и региональные выборы в Шотландии и Уэльсе, проводятся по комбинированной системе «дополнительного голоса». Она схожа с системой «альтернативного голоса плюс», но здесь часть кандидатов избирается от парламентских округов по простой плюральной системе, а «дополнительные» кандидаты — в многомандатных округах по партийным спискам, когда избиратели голосуют за партии, а не за конкретных кандидатов. Количество голосов, отданных за «дополнительных» кандидатов, подсчитывается по методу д'Ондта[2]. Партия, получившая больше всего голосов в регионе, получает первый мандат. Затем ее голоса делятся на два, и полученная сумма сравнивается с голосами других партий. Партия с наибольшим количеством голосов получает следующий мандат. Каждый раз, когда партия выигрывает мандат, ее голоса делятся на число уже полученных мандатов плюс один. Пропорциональная система голосования, основанная на методе д'Ондта, применяется также с 1999 г. на выборах в Европарламент.

---

[1] $\text{Droop Quota} = \frac{\text{общее количество поданных голосов}}{\text{количество вакантных мест} + 1} + 1$

[2] d'Hondt system.

На местных выборах в некоторых округах Англии и Уэльса используется система «блокового голоса»[1] — плюральная система голосования в многомандатных округах. Сильная сторона большинства перечисленных вариантов в том, что избиратель имеет возможность проголосовать и за партию, и за индивидуального кандидата.

Другой аспект избирательного процесса — реализация интересов различных групп населения. Так, ЛПВ в течение большей части XX в. претендовала на роль защитницы интересов рабочего класса, а тори — среднего и высшего. В период 1945–1970 гг. за консерваторов в среднем голосовали 66% представителей среднего класса, а за лейбористов — лишь 24%; обратная картина наблюдалась по голосам рабочего класса — соответственно 30 и 62%[2]. В период 1974–1992 гг. положение несколько изменилось: поддержка консерваторов средним классом упала в среднем до 55%, а у лейбористов — до 22%. По голосам рабочего класса консерваторы увеличили свою долю в среднем до 31,5%, а у лейбористов она упала до 50%.

Выборы 1997 г. привели к еще более необычной ситуации. Отток голосов среднего класса у тори ускорился: они получили 38% голосов по сравнению с 56% в 1992 г., а популярность лейбористов среди среднего класса резко увеличилась с 24 до 40% (предыдущий максимум составил в 1945 г. 28%). Растеряли тори и голоса рабочего класса, привлеченные в 80-е годы: в 1992 г. их поддержали 36% рабочих, а в 1997 г. — только 29%, в то время как их основных конкурентов — соответственно 51 и 58%. Таким образом, ЛПВ не только получила долю голосов рабочего класса, сравнимую с показателем 1970 г., но впервые в истории обогнала консерваторов по количеству полученных голосов среднего класса.

С точки зрения социальной классификации достижения лейбористов становятся еще очевиднее. По данным социологического агентства МОРИ, к 1997 г. ЛПВ имела над тори абсолютное преимущество по голосам пенсионеров и «синих воротничков» — низко- и квалифицированных рабочих (группы населения DE и C2)[3]. Она также опередила их по голосам «белых воротничков» (C1) и отставала лишь по голосам наиболее зажиточной части общества — управленцев, средних

---

[1] Block Vote.

[2] Dearlove John, Saunders Peter. *Introduction to British Politics.* Cambridge: Polity Press, 2000, 3rd edition. P. 143.

[3] Butler David, Kavanagh Dennis. *The British General Elections of 2001.* Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 257.

и крупных собственников (АВ)[1]. Выборы 2001 г. почти в точности повторили этот расклад сил.

Со временем партии начали более дифференцированно относиться к требованиям национальных меньшинств, женщин, иммигрантов, защитников окружающей среды и др.; шкала предвыборных приоритетов заметно увеличилась. Однако парламенту никогда не удавалось стать зеркальным отражением социального, гендерного и этнического состава общества. Например, в 1997 г. в палате общин лишь 8% депутатов были выходцами из рабочего класса, который составлял 40% населения страны[2]. Это соотношение было гораздо хуже, чем ранее, и причина коренилась в трансформации Лейбористской партии: в 1918–1935 гг. три четверти депутатов-лейбористов представляли интересы рабочих, в 1945–1950 гг. — половина, в 1997 г. — 13%.

Если процент представительства рабочего класса в парламенте в последние десятилетия стал непропорционально низок, то представительство других групп населения, напротив, увеличивалось. До 1983 г. женщины составляли менее 5% депутатов. После выборов 1997 г. их количество в парламенте заметно возросло. До этого консерваторы и лейбористы не занимались проблемой женского представительства, и хотя женщин-депутатов, избранных от ЛПВ, как правило, было больше, чем у консерваторов, за последних женская половина населения голосовала охотнее. Положение начало меняться после 1992 г. Тогда от лейбористов в парламент были избраны 37 женщин (21 — в 1987 г.), а от консерваторов — 20 (17)[3]. Настоящий прорыв произошел на следующих выборах, на которых ЛПВ провела в Палату общин рекордное количество женщин — 101, в то время как у Консервативной партии женское представительство снизилось до 13 человек. Всего на выборах 1997 г. в парламент попали 120 женщин. Но они составили лишь 18% от общего числа депутатов (в стране доля женщин на тот момент — 52%). И все же это было большим достижением. Коренным образом изменилось положение по количеству голосов, поданных женщинами за две ведущие партии. Если в 1992 г. 48% жен-

---

[1] Данные других ведущих социологических служб давали аналогичную картину. Значительная разница наблюдалась лишь в оценке настроений «белых воротничков» (С1). Так, если по данным опросов МОРИ «на выходе», за лейбористов на выборах 1997 г. голоса отдали 39% представителей этой социальной группы, а за консерваторов — 37%, то данные опросов «на выходе» BBC/NOP не оставляли сомнений в лидерстве лейбористов — соответственно 47 и 26%.

[2] Dearlove John, Saunders Peter. *Introduction to British Politics.* 3rd edition. Cambridge: Polity Press, 2000. P. 85.

[3] Ibid. P. 84.

ского населения проголосовало за консерваторов и только 34% — за лейбористов, то в 1997 г. соотношение стало 31 к 51%[1]. На выборах 2001 г. картина почти не изменилась — количество женщин-депутатов сократилось на два человека. Количество женщин-кандидатов увеличилось с 360 до 381, на этот раз благодаря изменению в политике отбора кандидатов в Консервативной партии[2]. За консерваторов проголосовали 33% женщин, за лейбористов — 42%[3].

После выборов 1997 г. интересы расовых и этнических меньшинств, которые на тот момент составляли около 7% населения страны, представляли восемь парламентариев-лейбористов. В промежутке до следующих всеобщих выборов от ЛПВ было избрано еще два таких депутата. Лейбористская партия всегда пользовалась абсолютной поддержкой «цветных» избирателей, так как до недавнего времени в отличие от тори занимала традиционно либеральную позицию по вопросам иммиграции. За ЛПВ голоса отдавали не менее 80% «цветных» жителей страны, а за консерваторов — редко выше 10%. Наибольшей поддержкой лейбористы пользовались среди «черного» населения, затем среди выходцев из Бангладеш и Индии.

На выборах 1997 г. поддержка ЛПВ среди этих избирательных групп составила соответственно 93, 83 и 72%. Лишь среди пакистанцев консерваторы получили цифры, сравнимые с результатами лейбористов: 39 против 55%[4]. В период 1929–1987 гг. этнические меньшинства не имели своих представителей в парламенте. На выборах 1987 г. от ЛПВ избрали четырех депутатов с черным цветом кожи. На выборах 1997 г. три ведущие партии выставили 42 кандидата от этнических меньшинств (13 — от лейбористов, 10 — от консерваторов и 19 — от либерал-демократов), в 2001 г. — 66 (соответственно 22, 16 и 28). Количество «цветных» депутатов выросло до 12 человек (т. е. доля представителей этнических меньшинств в парламенте повысилась до 2%), однако вновь исключительно за счет фракции лейбористов. Лишь двое из них представляли интересы мусульманской общины страны. Ожидается, что с ростом «цветного» населения его представительство в парламенте будет увеличиваться. Не исключено повышение «текучести» этого

---

[1] Ibid. P. 152. Другие источники дают иные цифры, которые, однако, принципиально не меняют картину. Так, по данным МОРИ, на выборах 1997 г. за консерваторов голоса отдали 32% женщин, а за лейбористов — 44%.

[2] Butler David, Kavanagh Dennis. *The British General Elections of 2001.* Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 196.

[3] Ibid. P. 257.

[4] Cocker Phil, Jones Alistair. *Contemporary British Politics and Government*. 3rd edn. Liverpool Academic Press, 2002. P. 324.

электората. Ужесточение позиции лейбористов по вопросам иммиграции после 1997 г., последовавшие события в Ираке оттолкнули от правительства многих представителей этнических меньшинств, особенно мусульман. Поражения, которые правящая партия потерпела в 2004 г. на довыборах, в значительной степени объясняются этим фактором.

Как и в других развитых странах, в Великобритании политические партии не успевали приспособиться ко всем вновь возникающим проблемам; в результате появлялись новые социальные движения, группы давления, «однопроблемные группы»[1]. Они не превратились в конкурентов традиционных партий, которые сохранили за собой роль политических акторов, представляющих сумму общественных интересов; они стали не столько альтернативой, сколько дополнением. «Однопроблемные группы» доказали свою важность в деле корректировки политики классических партий, особенно в тех случаях, когда правительство вовремя не прислушивается к общественному мнению, тем более игнорирует его. Яркие тому примеры — события вокруг «подушного налога» и иракской войны.

Ведущие партии постарались сохранить влияние на наиболее важные с общенациональной точки зрения лоббистские общественные структуры, как новые, так и старые. Лейбористы поддерживают, хотя и с меньшей интенсивностью, особые отношения с профсоюзами, связи со многими национальными, феминистскими, антивоенными и другими движениями. Консерваторы дорожат своими отношениями с организациями, представляющими интересы зажиточных слоев населения, предпринимателей, противников евро, сторонников ужесточения политики в области иммиграции и др.

Стремление партий учитывать в своих политических программах всю сумму общественных интересов имеет и свою оборотную сторону. Излишняя распыленность предвыборных приоритетов может лишить партию четких политических ориентиров, связать ее действия противоречивыми обязательствами, которые невозможно реализовать на практике. Не случайно Лейбористская партия, трансформировавшаяся в 90-е годы в «партию для всех», после 1997 г. не раз подвергалась критике за излишнюю многовекторность и компромиссность политики. В обществе, имеющем сложную социальную структуру, неизбежны столкновение интересов и противоречия, подчас непримиримые, между различными социальными слоями. Когда партия стремится отражать чрезвычайно широкую палитру интересов, она выполняет предвыборные обещания в лучшем случае лишь частично.

---

[1] Single-issue groups.

3. Государственное управление и политическое рекрутирование

Политические партии участвуют в государственном управлении, формируют государственную политику, являются ключевым механизмом представительной демократии, ответственного правительства, занимаются политическим рекрутированием и воспитанием политических элит. В подавляющем большинстве случаев исполнительные и законодательные органы власти формируются из представителей ведущих партий страны. В их рядах воспитываются будущие депутаты местных и региональных органов власти, центрального парламента, члены правительства. Значение партий в этом отношении возрастало по мере того, как происходила постепенная политизация государственных структур управления, ускорившаяся в 70-х годах. Такая политизация принесла и свои выгоды, и негативные последствия. Яркий тому пример — подчинение деятельности местных органов власти логике партийной борьбы в общенациональном масштабе. Процесс деволюции способствует укреплению этой тенденции, создавая новые промежуточные звенья политической власти между центральным правительством и местным населением.

Политика проникает во многие сферы жизни, свободные от нее ранее, благодаря росту квангократии[1] — системе полуавтономных неправительственных организаций, с помощью которых ответственность за оказание тех или иных услуг населению переносится с плеч министерств на органы власти более низкого уровня. Напрямую эти организации им не подчиняются, но назначение на руководящие посты в них контролируют министры, которые одновременно входят в руководство той или иной партии. При консерваторах в 80–90-е гг. численность кванго увеличилась в несколько раз, и правительство активно эксплуатировало эту систему в своих политических интересах. При лейбористах данная тенденция продолжилась, хотя ее наиболее гротескные проявления исчезли. С 1997 г. начался новый этап политизации, на сей раз в структуре государственного аппарата с введением института политических советников.

В системе государственного управления Великобритании многие десятилетия существовала прозрачная система подотчетности, когда ответственность за то или иное государственное решение несла не безликая бюрократия, а конкретная политическая сила. По мере сни-

[1] От англ. аббревиатуры quango — quasi-autonomous non-governmental organisations.

жения доли электората, поддерживающего одну из двух основных политических сил, партии становились подотчетны все меньшей группе населения. Фрагментация британской партийной системы, начавшаяся в 70-е годы, возрастание в ней элементов коалиционности и плюральности могут исправить это положение, так как в политический процесс будут вовлекаться пассивные группы электората. В то же время система подотчетности может стать менее прямолинейной, потому что увеличится количество партий, определяющих государственную политику.

Давление на устоявшуюся роль партий в системе государственного управления оказывает институт премьер-министра. Со времен Маргарет Тэтчер и с новой интенсивностью при Тони Блэре утверждался феномен президентства, когда глава правительства, являющийся одновременно лидером правящей партии, претендует на положение, приближающее его статус к статусу первого лица государства при президентской форме правления. Коллегиальность и кабинетный стиль правления ослабевают, процесс принятия решений монополизируется премьер-министром. Он стремится встать над партией, сосредотачивает в своих руках нити управления, все чаще игнорирует мнение активистов на местах и первых лиц в партийной иерархии, а также членов правительства. В результате значение партии и кабинета министров как субъектов политики снижается.

Эта тенденция приводила к тому, что прославленная на весь мир британская система политического управления все чаще становилась предметом критики, а не примером для подражания. Краеугольный принцип британского варианта конституционной монархии — суверенитет парламента был в значительной степени подорван тем, что раньше являлось, по словам Уолтера Баджета, «секретом эффективности» этого государства, — системой «сдержек и противовесов», означавшей в действительности частичное слияние законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. В современных условиях чрезмерное усиление исполнительного органа власти — правительства во главе с премьер-министром — привело к снижению роли парламента, который стал напоминать приводной механизм по реализации политики правящей партии. В глазах многих партийная система перестала выполнять свою роль, не обеспечивая не только реальное разделение властей, но даже усеченный британский вариант «сдержек и противовесов». Одни критики полагали, что положение можно исправить, если создать действительно независимые друг от друга институты власти, вплоть

до введения элементов президентской республики, например выборности премьер-министра[1]; другие считали институт политической партии анахронизмом и предлагали проекты радикальной модернизации британского парламентаризма[2].

Вместе с тем политические институты Великобритании не без успеха сопротивлялись этой тенденции. Маргарет Тэтчер лишилась кресла премьера в результате «восстания» в рядах собственной парламентской фракции, когда зашла слишком далеко в стремлении изменить баланс сдержек и противовесов в партийном и государственном механизме в свою пользу. Тони Блэр в 2004–2006 гг. все больше приближался к тому, чтобы повторить судьбу «железной леди», постепенно становясь для своей партии предвыборным балластом. До определенной степени партийные элиты устраивает, если лидер партии, тем более когда он премьер-министр, сосредотачивает в своих руках властные полномочия и возлагает всю ответственность на себя. В случае поражения его политики партия с точки зрения рейтингов популярности уходит от прямого удара и, заменив лидера, может сохранить шансы остаться у власти. Так, смена лидера тори в 1990 г. стала одним из факторов, обеспечивших победу консерваторов на парламентских выборах 1992 г., что вряд ли было бы возможно, останься у власти Маргарет Тэтчер. По той же причине вероятна замена Тони Блэра после всеобщих выборов 2005 г.

Исполнение функции государственного управления напрямую зависит от того, насколько политическим партиям у власти удается формировать государственную политику, корректировать ее, предлагать альтернативы и выполнять свои предвыборные обещания. Добиваясь этих целей, партии вынуждены все чаще принимать во внимание технологические, демографические, социальные и экономические факторы, ограничения, накладываемые на деятельность глобальными процессами. В то же время в идеологическом плане свобода маневра в последние два десятилетия увеличилась, партиям стало легче «вторгаться» на территорию соперников и перехватывать их электорат. В результате снижения идейных различий и необходимости противопоставлять одну группу избирателей другой границы между политическими платформами партий размываются, принципиальных отличий между ними сохраняется все меньше, а возможность для межпартийного консенсуса увеличивается.

---

[1] Graham Allen. *The Last Prime Minister — being honest about the UK Presidency.* Politico's Publishing, 2001.

[2] Sutherland Keith. *The Party's Over — Blueprint for a Very English Revolution.* Imprint Academic, 2004.

Эффективность деятельности британских партий во многом зависит от продолжительности их пребывания у власти. Правящей партии требуется не менее двух полных парламентских сроков, чтобы осуществить намеченные реформы. В XX в. исключением стало правление Лейбористкой партии в 1945–1951 гг., реформаторская деятельность которой была подготовлена всем ходом Второй мировой войны. «Золотыми годами тэтчеризма» называют период с 1987 г., когда консерваторы в третий раз одержали победу на всеобщих выборах. Лейбористы, пришедшие к власти в 1997 г., по-настоящему предприняли попытку социальной модернизации после парламентских выборов 2001 г., однако рассчитывать на ее крупномасштабную реализацию можно только после их третьей победы, одержанной в 2005 г.

Природа политического процесса в Британии такова, что в большинстве случаев правительство проводит свою политику методом небольших шагов, когда реализация той или иной крупной реформы растягивается на годы. Несмотря на то что со временем такую реформу могут признать «радикальной» или «революционной», избиратель в ходе длительного процесса ее реализации часто испытывает разочарование. Левые сторонники Клемента Эттли были так же недовольны недостаточной радикальностью первого послевоенного правительства, как и правые сторонники Маргарет Тэтчер. Основная критика слева в адрес «новых лейбористов» заключалась в «медлительности» действий правительства. Однако правящие партии редко форсируют события, демонстрируя радикальность лишь в сфере пропагандистской риторики. Причина этого в том, что поспешность в деятельности властей, попытка навязать, а не приспособить свою политику к настроению масс, приводит, как правило, к плачевным результатам. Об этом красноречиво свидетельствуют фиаско с «подушным налогом» в конце 80-х годов и внешняя политика в отношении Ирака в 2002–2004 гг.

4. Политическая коммуникация

Одна из важных функций политических партий — политическая коммуникация и политическое просвещение населения. От деятельности партий во многом зависит уровень политической культуры электората. Партиям для своего успеха необходимо формировать политические предпочтения избирателей, информировать их о своей позиции по насущным проблемам жизни страны, заниматься агитацией и пропагандой, отстаивать свои взгляды в борьбе с конкурентами. Классические формы политической коммуникации: митинги, встречи с из-

бирателями, посещение их по месту жительства в ходе предвыборных кампаний[1], публикация и распространение партийной литературы (в первую очередь программных документов и предвыборных манифестов) — средства прямого общения с населением.

Вторая не менее значимая составляющая политической коммуникации — доведение до сведения органов власти настроений электората и информирование избирателей о позиции государственных чиновников по тем или иным вопросам. Таким образом, политические партии играют роль информационных трансмиттеров, которые передают и интерпретируют информацию, идущую в обоих направлениях — от общества во властные структуры и наоборот.

В последние десятилетия британские партии, как и их коллеги в других развитых странах, все чаще применяют косвенные, опосредованные методы общения с электоратом, а прямой контакт утратил прежнее значение, стал эпизодическим, «от выборов к выборам». Причина этого — изменение политической культуры: в прошлое ушли массовые митинги, как и сам феномен «массовой партии», активно используются технологии политического маркетинга, широко распространились независимые электронные и печатные средства массовой информации. К концу XX в. крупные партии могли позволить себе напрямую общаться лишь с небольшой частью электората.

С 60-х годов политические новости и информацию большинство населения получает через СМИ. Впервые телевидение активно использовали в предвыборной кампании 1959 г. Британские СМИ быстро превратились из «передаточного устройства», транслирующего позицию партий электорату, в субъекта политики, влияющего на исход политических сражений. Британские СМИ, словно копируя жесткий стиль межпартийного противостояния, свойственный политической культуре страны, освещают политическую жизнь критически, агрессивно, зачастую предвзято. Особенно этим грешат британские таблоиды — «желтая пресса».

Усиление роли СМИ и независимой журналистики позволило сделать политическую систему более прозрачной, увеличило ответственность политиков за свои предвыборные обещания; СМИ превратились в важное средство борьбы с политической коррупцией. Однако у этого процесса есть оборотная сторона: СМИ культивируют негативный образ политика, усиливают недоверие простых граждан к политической системе. Движущей силой политического репортажа стали погоня за реальными или мнимыми сенсациями в мире политики,

[1] Canvassing.

стремление обличить правящую партию в отступлении от своей политической линии, в невыполнении обещаний. Граница между политической карикатурой и оскорблением личности стала размытой. Бульварная пресса отслеживает каждый шаг политиков в личной жизни, и такое вмешательство уже стало традицией.

В политической истории Британии правящие партии действительно не раз нарушали взятые на себя обещания, за что подвергались резкой критике СМИ. Так называемые повороты на 180 градусов (резкие изменения в политике правительства) совершали: правительство Эдварда Хита в 1971–1972 гг., лейбористы в 1976–1979 гг., неоднократно консерваторы в 80–90-е гг., лейбористы после 1997 г. В то же время количество раз, когда таблоиды занимали, часто намеренно, предвзятую позицию в отношении деятельности правительства, намного превосходило количество случаев, когда критика была оправданной. В некоторых случаях СМИ, «независимость» которых определялась политическими воззрениями их собственников, оказывали не только косвенное влияние на политический процесс, но, выйдя за рамки политкорректности и самоцензуры, напрямую вмешивались в его ход. Так, на всеобщих выборах 1992 г. опросы общественного мнения прочили лейбористам либо победу, либо правительство меньшинства. В последний момент чаша общественных симпатий склонилась в пользу консерваторов. Заметную роль в этом сыграла кампания, развернутая против лейбористов и лично против Нила Киннока газетой «Сан» — самым массовым британским таблоидом, принадлежащим медийному магнату Руперту Мёрдоку. После выборов «Сан» претендовала на то, что именно она «победила лейбористов».

Со временем политические партии начали активно осваивать медийное пространство и использовать его для манипуляции общественным сознанием, в том числе с помощью «черного» пиара. В 70–90-е гг. СМИ заняли ведущее место в коммуникационном механизме политического участия, а при «новых лейбористах» превратились в ключевой элемент стратегии политического маркетинга. Политический маркетинг, основанный на приемах маркетинга коммерческого, стал главным инструментом политтехнологий, в первую очередь информационных. Совершенствуя искусство политического маркетинга, в 90-е годы лейбористы импортировали из-за океана методы адресной работы с группами избирателей[1], а также феномен «спин-доктора», ставшего неотъемлемой частью имиджа «нового лейборизма». В результате ускорилась политизация госслужбы, по-

[1] Focus groups.

явились новые возможности для «нужной» подачи информации в прессе, на телевидении и радио.

Однако одержимость лейбористов идеей контроля над информационными потоками приводила не только к желательным для них результатам, но неоднократно оказывала им медвежью услугу. Так, чрезмерная уверенность в самодостаточности политического маркетинга закончилась для правительства фиаско в истории вокруг «купола тысячелетия»[1], при избрании главы законодательной ассамблеи Уэльса в 1998 г., в ходе выборов мэра Лондона в 2000 г. Обвинения в «черном» пиаре больно ударили по репутации Питера Манделсона, фаворита Тони Блэра, а позже и Аластара Кэмпбелла, его пресс-секретаря.

В то же время практика показала, что пренебрежение возможностями политического маркетинга, игнорирование информации, получаемой в результате его применения, не менее опасно, чем попытка заменить реальные действия партии по выполнению предвыборных обещаний изощренным пиаром. Например, в отношении иракских событий в 2002–2003 гг. Тони Блэр пошел наперекор законам политического маркетинга, действовал вразрез с общественными настроениями, в результате рейтинг его популярности значительно снизился.

* * *

В период модернизации партийно-политической системы Великобритании, начавшейся в 70-е годы, ведущие партии страны продемонстрировали достаточную гибкость, способность к адаптации и внутренней перестройке. В результате они сохранили за собой ключевую роль в функционировании демократического процесса, а британская ППС избежала кризиса, поразившего в прошлом партийно-политические системы таких стран, как Италия или Япония. Важной новацией стало увеличение в ней количества акторов, развитие региональных и локальных партийных подсистем.

Вместе с тем наиболее серьезной проблемой в деятельности политических партий оказались рост аполитичности британского электората, хроническое падение явки избирателей. Протестные настроения все труднее находили себе выход в электоральном пространстве, увеличилась поддержка радикальных организаций. Способность политической системы Великобритании играть роль «компенсатора»

---

[1] Огромный развлекательный комплекс на берегах Темзы, построенный при поддержке государства в честь празднования миллениума, оказался финансово несостоятельным.

социального недовольства снизилась. Рост плюральности партийно-политической системы Великобритании в последней трети XX в. не привел к заметному усилению политической активности.

Ряд британских ученых и политиков забили тревогу о глубинных, системных причинах роста политической апатии и ослабления легитимности британских институтов представительной демократии. Среди этих причин: возрастание несоответствия британской ППС требованиям общественного развития, увеличение несоответствия ее структуры распределению групповых интересов, профессионализация деятельности партий, сопровождающаяся ослаблением прямого контакта с избирателями. Высказывается опасение, что аполитичность общества на руку радикальным политическим силам, которые воспользуются потерей интереса граждан к политике. Другая опасность, что профессионализация политических элит усилит их замкнутость, превратит в политические касты, мало подконтрольные избирателям.

Однако эти и другие опасения подобного рода пока не находят убедительного подтверждения. Управляемость британского государства по-прежнему высока, действия властей в целом эффективны, а социальная напряженность в обществе значительно ниже, чем в 70–80-е гг. Падение явки избирателей на всеобщих выборах до 60% и ниже — в целом объективное явление, отражающее долгосрочные тенденции политической стабилизации, снижения роли идеологического фактора и сближения позиций ведущих партий, уменьшения роли государства в общественном развитии.

Действительная опасность заключается в другом. Политические партии удовлетворительно выполняют свои традиционные функции, решают задачи, поставленные перед ними в прошлые десятилетия, но пока не могут справиться с новыми вызовами времени. К таковым относятся возрастание культурной неоднородности Великобритании, усиление процесса ее регионализации, ослабление общебританской идентичности. Поэтому задача эффективного управления британским обществом будет лишь усложняться, и, чтобы ее решить, необходимы последовательные действия всех политических сил. В этом случае роль партий в жизни общества должна не уменьшаться, а увеличиваться, ведь партийно-политическая система в условиях развитой представительной демократии — безальтернативный передаточный механизм, через который транслируется воля электората государству, а действия последнего обретают легитимность.

Заключение

Британская вестминстерская модель демократии, основанная на принципе суверенитета парламента и неписаной конституции, развивается в сторону плюральности, а партийно-политическая система (в том числе ее двухпартийное/«двухсполовинное» ядро) — в сторону многопартийности. На эти процессы оказывали и продолжают оказывать влияние многочисленные факторы. Среди них: конституционные реформы лейбористов, включающие первый этап реформирования палаты лордов, деволюцию и применение новых систем голосования на различных электоральных уровнях; связанные с ними развитие и усиление региональных партийно-политических систем; принятие Акта о регистрации политических партий (1998), Акта о правах человека (1998), Акта о политических партиях, референдумах и выборах (2000), Акта о свободе информации (2000), Акта о конституционной реформе (2206) и др.; упрочение практики использования института референдума и др. Свою роль играют внешние факторы, например постепенное распространение юрисдикции ЕС на территорию Великобритании, в первую очередь присоединение страны к Европейской конвенции по правам человека (1998), опыт работы британских политиков в Европарламенте.

Сказанное не означает, что сдвиг от мажоритарной к плюральной модели демократии происходил по всему фронту британской политической системы и не встречал сопротивления. Больше всего он выразился в изменении партийно-политической системы, перераспределении государственной власти между центром и регионами, наделе-

нии Банка Англии «операционной независимостью», в намерении упразднить должность лорда-канцлера, создать в стране Верховный суд и учредить независимую комиссию по назначению судей.

Отношение лейбористов к происходящим в стране процессам было неоднозначным. Заложенные в конституционных реформах противоречия называют «парадоксом Блэра». С одной стороны, действия правительства в 1997–2005 гг. способствовали децентрализации власти в стране, демократизации механизмов государственного управления, придали политической системе более открытый характер. С другой — лейбористы попытались удержать эти процессы в русле концепции парламентского суверенитета, сохранить в неприкосновенности ряд принципов мажоритарной политической системы. Так, реформа палаты лордов в своем нынешнем половинчатом виде привела не к ослаблению, а к усилению асимметричности британского парламента. В долгий ящик положен вопрос об изменении избирательной системы на всеобщих выборах. Косметическими мерами закончилась модернизация работы палаты общин. Централизация процесса принятия решений произошла как в Лейбористской партии, так и в правительстве. Значение инкорпорации Европейской хартии по правам человека в британское законодательство было снижено тем, что судебные инстанции, в том числе будущий Верховный суд, не получили права приостанавливать действие или отменять парламентские законы, а лишь выступать с заявлением об их «несоответствии».

Классический период двухпартийности в Великобритании, присущей не только общенациональной партийно-политической системе на всеобщих выборах, но и ее подуровням — местному и региональному, пришелся на 45–60-е гг. В следующие три десятилетия двухпартийность уступила место «двухсполовинной» партийно-политической системе, где новым элементом на всех уровнях стали не только либералы/либерал-демократы, которые в общенациональном масштабе добились статуса «третьей партии», но и совокупность малых партий, в первую очередь региональных. Монополией на центральную власть по-прежнему обладали консерваторы и лейбористы. Однако на локальном уровне во многих муниципальных образованиях появились элементы многопартийной системы, когда доступ к власти получили более двух партий, стали использоваться коалиционные формы правления. В последние годы многопартийность достигла регионального уровня благодаря осуществлению деволюции и применению комбинированных избирательных систем. Главной преградой на пути ее распространения в общенациональном масштабе остается мажоритарная система голосования, традиционная для всеобщих выборов.

Хотя монополией на центральную власть продолжали обладать Лейбористская и Консервативная партии, они не раз были вынуждены обращаться за помощью и поддержкой к малым партиям. Помимо устоявшейся культуры политического противостояния возникали элементы культуры политического взаимодействия и диалога. Значительный политический вес набрала Либеральная партия, а после поглощения Социал-демократической партии — Партия либеральных демократов. ПЛД в отличие от малых партий не только прочно утвердилась как третья по значению сила на электоральном поле и в палате общин, но после 1997 г. получила доступ к исполнительной власти в рамках сотрудничества с лейбористами в сфере конституционных реформ. В связке с лейбористами она претендует на место консерваторов.

В 70–90-е гг. структура общенациональной партийно-политической системы усложнилась. Такое усложнение было частью модернизации политической системы страны. По ряду параметров произошел сдвиг от мажоритарной к плюральной модели демократии. Во-первых, с 1979 г. у нее появился новый уровень — наднациональный в виде европейских выборов, которые в Великобритании с 1999 г. стали проводиться по пропорциональной системе голосования. Во-вторых, на уровне локальной и региональной подсистем задолго до проведения деволюции фактически сформировалась многопартийность и распространялись коалиционные методы правления. В 70-е годы громко заявили о себе Либеральная партия, шотландские и уэльские националисты, партии Северной Ирландии.

В-третьих, на региональном уровне после проведения реформы в регионах «кельтской периферии» сформировались автономные партийно-политические системы с собственными электоральными и институциональными измерениями. С введением на региональных выборах в Шотландии и Уэльсе комбинированной системы голосования здесь громко заявили о себе малые партии, которые до этого играли второстепенную роль. Вестминстер остался единственным уровнем, на котором продолжает действовать «двухсполовинная» партийная система.

Деволюция в Великобритании стала уникальной формой распыления власти в стране и ключевым элементом конституционных реформ лейбористов. Она отличается от «децентрализации» — передачи на нижние этажи государственного управления, например в муниципальные образования, функций исполнительной (но не законодательной) власти, и от «деконцентрации» — размещения части органов центральной власти в регионах. Кроме того, деволюция — это, с одной стороны, передача части властных полномочий регио-

нам, а с другой — их перераспределение между местными и региональными органами власти в пользу последних. Например, полицейская и пожарная службы, жилой фонд раньше были в ведении местных органов власти, а теперь — региональных.

Деволюция также отличается от применяемого в ЕС принципа «субсидиарности», согласно которому решение должно приниматься на возможно более низком уровне властного управления (уровень ЕС, Европейского региона, национального государства, национального региона или местной власти). Цель субсидиарности — предотвратить нежелательное усиление власти наднациональных органов ЕС за счет государств-членов. В случае британской деволюции задача была обратной — обезопасить центр от нежелательного расширения легитимности и властных полномочий субнациональных регионов.

В строгом смысле слова деволюция — это делегирование части государственного суверенитета законодательным и исполнительным органам власти, избираемым жителями регионов; при этом принцип суверенитета британского парламента, основанный на неписаной конституции, формально остается незыблемым. Однако в действительности деволюция ведет к размыванию суверенитета Вестминстера. Унитарная форма государственного устройства Британии сменяется на квазифедеративную (Англия — Шотландия — Уэльс) с элементами конфедерации (Великобритания — Северная Ирландия), когда отдельные регионы государства обладают элементами ограниченного суверенитета.

Деволюция — переходное состояние британского государственного устройства от унитарного к федеративному. Великобритания в строгом смысле слова уже не отвечает критериям унитарного государства, однако еще не может классифицироваться как федерация, т. е. переживает процесс федерализации[1]. Необходимо отметить, что этот процесс находится в своей начальной стадии, отличается асимметричностью, разноскоростным движением и развивается зигзагообразно. С большой долей вероятности можно прогнозировать, что, учитывая своеобразие британского конституционного права и политической культуры, смешанный тип государственного устройства страны будет свойственен Великобритании долгое время.

В последние десятилетия XX в. британские политические партии не только приспосабливались к изменяющимся внешним условиям —

[1] В британском политологическом дискурсе промежуточность современного государственного устройства Великобритании определяется термином *federacy* — государство, которое еще не стало федерацией (federation), но которое перестало быть унитарным.

социальным, экономическим и демографическим, но и сами активно участвовали в формировании среды, в которой функционировали. Например, энергичные действия консерваторов в области приватизации и либерализации рынка труда наложили характерный отпечаток на развитие страны в 80–90-е гг. и не имели аналогов в других странах Западной Европы, а конституционные реформы, осуществленные лейбористским правительством после 1997 г., были вопросом как практической необходимости, так и принципа. Эти и другие изменения позволяют говорить о тэтчеризме и «новом лейборизме» как о двух этапах новейшего периода модернизации британского государства. Такая точка зрения имеет своих сторонников и среди британских политологов[1].

Параллельно с эволюцией мажоритарной (вестминстерской) модели демократии в сторону плюральной (консенсусной) модели, а двухпартийности — в сторону многопартийности, происходила смена социально-реформистского политического цикла 1945–1979 гг. либерально-рыночным/леволиберальным на фоне заката коллективизма и подъема индивидуализма, дробления крупных социальных идентичностей. Ключевую роль в этих процессах сыграли трансформация индустриального общества в постиндустриальное и информационное с новой системой ценностей, социальная реструктуризация, изменения в национальном самосознании после распада Британской империи и последующее усиление националистических настроений на «кельтской периферии». Для обоих циклов характерно достижение состояния межпартийного консенсуса[2]; в первом случае — на базе социал-демократического этатизма (кейнсианство, «смешанная экономика», «государство благосостояния»), во втором — на базе неолиберализма (рыночная экономика, усеченное государство) и леволиберальных подходов (деволюция, экономика знаний, государство социальных инвестиций, вспомогательное государство и др.).

Между старой и новой моделями консенсуса есть существенная разница. Во-первых, послевоенный межпартийный консенсус носил добровольный «симметричный» характер, т. е. обе крупнейшие партии страны на равных участвовали в нем, хотя инициативу взяли на себя

---

[1] Gamble Andrew. *Between Europe and America. The Future of British Politics.* London: Palgrave Macmillan, 2003. P. 6–7, 191.

[2] Дэнис Кавана, один из ведущих британских политологов, определил этот процесс как «политическую конвергенцию по ключевым вопросам британской политики»: Dennis Kavanagh. *The Paradoxes of British Political Parties.* In: Hay Colin (ed.). *British Politics Today.* Cambridge, Polity Press, 2002. P. 77.

лейбористы. Современный консенсус асимметричен, поскольку вначале лейбористы были вынуждены модернизировать свою политику в условиях доминирования тэтчеризма, а затем консерваторы — в условиях доминирования «новых лейбористов».

Во-вторых, в первом случае консенсус был многосторонним, распространялся на ключевые элементы социально-экономического устройства и на другие сферы государственной жизни; второй имеет фрагментарный характер — по социально-экономическим вопросам принципиальных расхождений не возникло, однако конституционные реформы, федерализация страны вызвали полное неприятие консерваторов.

В-третьих, послевоенный консенсус сложился в один этап, быстро приобрел законченный характер и уже к началу 70-х годов исчерпал свой ресурс; второй складывался в два этапа (тэтчеризм и «новый лейборизм») и сформировался лишь к концу 90-х годов. Соответственно он имеет более сложную структуру. В связи с этим нельзя не согласиться с видным британским политологом Эндрю Гэмблом, который считает, что фундамент неолиберального консенсуса был заложен тэтчеристами, однако, со своей стороны, консерваторы после 1997 г. смирились с новыми конституционными и политическими правилами игры, введенными лейбористами[1].

В-четвертых, в послевоенный период партийная система строилась на отношениях двух политических партий — лейбористов и консерваторов; с 70-х годов в игру вступили другие акторы, в первую очередь либералы/либерал-демократы и националистические партии, появились разноуровневые партийные конфигурации. Наконец, партийно-политическая база сложившегося к настоящему времени рамочного межпартийного консенсуса подвижна. Если на уровне всеобщих парламентских выборов будет задействована избирательная система с пропорциональным элементом, то страну ждет существенная партийная реконфигурация, структурное изменение соотношения сил между партиями.

Ведущие политические партии Великобритании, входившие в основную «тройку» (консерваторы, лейбористы и либералы/либерал-демократы), в зависимости от периода своей истории каждая по-своему сочетали черты кадровой и массовой партии. Большую часть XX в. к ним была применима характеристика «массовые бюрократические партии», которые пришли на смену «массовым электоральным партиям». Они характеризовались внутрипартийной иерархией, сло-

[1] Gamble Andrew. Op. cit. P. 228–229.

ем профессиональных партийных функционеров, массовой базой, но механизм принятия решений находился в руках высших партийных эшелонов. В 80–90-е гг., подчиняясь изменениям в социальном составе общества и поведении избирателей, и Лейбористская, и Консервативная партии развивались в направлении «электоральной профессиональной партии» (универсальной партии, «партии для всех»), в которой появляется звено специалистов-профессионалов: консультантов по рекламе, специалистов по связям с общественностью и избирательным технологиям, вооруженных методологией политического маркетинга.

Следуя данной логике, крупные партии могут трансформироваться в «электоральные кадровые партии», жестко структурированные по вертикали, потерявшие интерес к массовому членству, мобилизующие выгодные в каждый конкретный момент времени электоральные коалиции. Однако в чистом виде реализация такой партийной модели вряд ли возможна даже на нынешнем этапе развития политтехнологий. Пример тори, потерявших массовую базу в Шотландии и Уэльсе, наглядно демонстрирует, к чему приводят ослабление работы на местах и пренебрежение постоянной сетью местных отделений, отвечающих за рекрутирование активистов и рядовых членов. В целом современные крупные британские партии еще находятся в переходном состоянии — от «массовой бюрократической партии» к «электоральной профессиональной партии».

Для крупных партий движущей силой идеологической модернизации стал фактор «среднего избирателя». Принадлежность к социальной группе или классу перестала быть базой политической идентификации, за исключением ядра партийного электората. Голос избирателя все больше становился «голосом потребителя», который отдают за наиболее привлекательный «продукт». Перед голосованием британцы все чаще сверяли программу той или иной партии с собственным интересами и были готовы менять свои политические пристрастия. Фрагментация и «департизация» электората, сближение позиций партий, превращение СМИ в мощный канал политической коммуникации и формирования общественного мнения, как никогда, повысили значение образа партии, умения «подать материал». Возрос персональный фактор предвыборных кампаний, избиратель стал оценивать политическую организацию в первую очередь по действиям, словам и имиджу ее лидера. В этих условиях правящая партия уже не рассчитывает на переизбрание, полагаясь исключительно на удачную социально-экономическую конъюнктуру, а оппозиция — на легкую победу, если экономика на спаде. Требуется убедить изби-

рателей в своей надежности и компетентности, завоевать доверие и добиться их расположения по широкому кругу вопросов.

«Рационализация» поведения электората в масштабах страны, стирание классовых, социальных идентичностей сопровождались противоположным процессом в британских регионах — усилением группового, в данном случае национального (в отличие от общенационального), самосознания. Ярче всего об этом свидетельствуют успехи как на всеобщих, так и на региональных выборах Плайд Камри и Шотландской национальной партии. Такая тенденция объясняется и внешними факторами, включая рост регионализма по всей Европе (что является необъемлемой чертой процесса глобализации), и внутренними — изменением ментальности британцев в постимперскую эпоху, реакцией на политику централизации государственного аппарата за счет местных органов власти в годы тэтчеризма. Деволюция, создав меньшие по размеру электоральные пулы, привела к росту значения малых партий, которые выиграли вдвойне благодаря использованию систем голосования с пропорциональным элементом.

До сих пор лейбористы не выполнили обещания, данного перед всеобщими выборами 1997 г., — провести референдум о замене мажоритарной системы голосования. В случае введения комбинированной избирательной системы в общенациональном масштабе возможны два сценария развития событий. Первый: усиление разнообразия политических предпочтений и плюрализма мнений, укрепление прав национальных меньшинств в рамках британской идентичности, сохранение общенационального характера электоральных баз ведущих британских партий. Второй: появление идентичностей, вступающих в противоречие с общенациональной, политизация этнических кливажей («разломов»), усиление сепаратизма (развитие отношений между Шотландией и Уэльсом, с одной стороны, и Англией — с другой, по ольстерскому сценарию), регионализация электората партий, подрыв принципов мультиэтнического и мультикультурного государства.

В настоящее время шансы на реализацию выше у первого сценария. Результаты социологических исследований, проведенных в 1997 г., свидетельствуют о том, что английский «средний» избиратель принципиально не отличается от шотландского и уэльского за исключением того, что в двух последних случаях он имеет более левые взгляды, а также больше озабочен вопросами региональной идентичности[1]. Однако эти критерии не применимы к Северной Ирландии. Если процесс мир-

[1] Sanders David. *Electoral Competition in Contemporary Britain*. In: Hay Colin (ed.). *British Politics Today*. Cambridge: Polity Press, 2002. P. 93–99.

ного урегулирования проблемы Ольстера на базе консоциативной модели демократии потерпит неудачу и победу одержат силы этноконфессионального, а не гражданского национализма, принципы этой модели не будут востребованы в других регионах страны, и реализация второго сценария станет более вероятной.

Модернизация партийно-политической системы Великобритании выразилась не только в изменении ее конфигурации и «правил игры», на основе которых действовали партии, но и в глубокой внутренней перестройке организаций, значительном, а порой принципиальном изменении их политической платформы. Общими для них чертами стали более четкое внутреннее структурирование, укрепление дисциплины, параллельные процессы усиления позиций партийного руководства, демократизации механизма принятия решений и расширения прав рядовых членов («не-лидеров»). Вместе с тем баланс властных полномочий в ведущих партиях страны еще больше сместился: у активистов и критически настроенных заднескамеечников («сублидеров») уменьшилась возможность влиять на принятие решений, а у «лидеров» (руководителей партий, переднескамеечников и лояльных членов парламентских фракций) соответственно увеличилась. Иная ситуация в большинстве малых партий, где руководящее звено подконтрольно активистам и рядовым членам, а пост лидера в ряде случаев отсутствует вовсе.

Но доминирование партийных элит в крупных партиях не было абсолютным ни раньше, ни теперь, а между «лидерами» и «сублидерами» сохраняется система сдержек и противовесов. Показательны раскол консерваторов при Джоне Мейджоре, чехарда со сменой лидеров тори в последние годы, проблемы лейбористов, связанные с избранием мэра Лондона и руководства Лейбористской партии Уэльса, «восстания» заднескамеечников из-за войны в Ираке и т. д. Процессу принятия решений по-прежнему присуща коллегиальность. С 1997 г. политику правительства фактически определял дуумвират Тони Блэра и Гордона Брауна.

Существенные изменения претерпели партийные идеологии. В целом идеологическая составляющая партийной борьбы уменьшилась, и крупные партии уже не имеют четко выраженных и узконаправленных идеологических программ. Партийная система на общенациональном уровне больше не предлагает альтернативу «коллективизм — индивидуализм» и базируется на признании рыночной экономики. Все три крупнейшие партии — прорыночные. Лейбористская партия, заметно переместившись вправо, отказалась от классового подхода в политической борьбе, дистанцировалась от тред-юнионов и измени-

ла свой Устав (из него была изъята установка на национализацию средств производства, распределения и обмена), формально признала равноценность государственной и частной форм собственности.

ЛПВ во многом потеряла социал-демократический характер, перейдя на позиции социального либерализма. Тони Блэр не раз выражал сожаление по поводу того, что в свое время пути либеральной и социалистической мысли разошлись, и выступил за необходимость воссоздать коалицию «прогрессивных сил», примером которой он считает взаимодействие либералов и лейбористов в начале XX в. Беспрецедентное смещение ЛПВ вправо сделало ее уязвимой для критики со стороны влиятельных сил не только правого, но и левого политического спектра.

Несмотря на то что Лейбористская партия в последнее десятилетие сильно изменилась, она по-прежнему связана многими нитями со своим прошлым. Так, изменению «пункта 4» Устава ЛПВ, осуществленному Тони Блэром, предшествовала аналогичная попытка Хью Гейтскелла в 1960 г. Задолго до Гордона Брауна Энтони Кросленд ставил отношение к вопросу перераспределения в зависимость от экономического роста. «Новые лейбористы» в основном остались верны идее государственной системы всеобщего образования и здравоохранения. О преемственности лейбористских правительств во внешней политике (особенно в отношении концепции атлантизма) можно говорить со времен Клемента Эттли.

Идея «третьего пути», которую взяли на вооружение «новые лейбористы», была призвана найти новые формы сочетания коллективизма и индивидуализма, а не их противопоставления, по-новому трактовать ценности равенства и справедливости. «Третий путь» стал экспериментальной площадкой по поиску новых подходов к обеспечению справедливого и эффективного общественного устройства в условиях коррозии механизмов «государства благосостояния», созданных в 40–60-е гг., ужесточения конкуренции на мировых рынках. В то же время он так и не превратился в полноценную идеологию. «Хотя “третий путь” имеет разветвленную теоретическую базу, — пишет Мэфью Флиндерс, — центральным элементом концепции и, следовательно, стратегии “новых лейбористов” парадоксальным образом являются практические результаты, а не политическая философия»[1]. На смену концепциям «соучастия» и коммунитаризма пришли «государство социальных инвестиций» и «экономика

[1] Flinders Matthew. *Majoritarian Democracy in Britain: New Labour and the Constitution*. West European Politics, Vol. 27, No 1, January 2005. P. 87.

знаний», которые, в свою очередь, уступают место идеям неопрогрессивизма, адаптированного рынка и государства-гаранта[1].

Консервативная партия со своей стороны отошла от прямолинейной трактовки рыночных реформ, свойственной периоду тэтчеризма, признала ряд важных социальных нововведений лейбористов, включая минимальный уровень оплаты труда, отказалась от однозначно негативного отношения к повышению социальных расходов государства, смирилась с реформой палаты лордов и деволюцией. Была развита идея «заботливого консерватизма», в партии усилилась оппозиция социальному авторитаризму. Но открытым остается вопрос, не идут ли тори по пути превращения в партию английского национализма. Консерваторы пока только вырабатывают свою новую идеологическую программу. Если в прошлом тори традиционно называли себя партией, выражающей интересы всей нации, то за прошедшее десятилетие они не раз проводили популистскую политику, ориентируясь на отдельные группы избирателей, недовольных по тем или иным причинам политикой лейбористского правительства: фермеров, охотников, автовладельцев, сторонников ужесточения иммиграционного законодательства и т. п. Лишь в одном электоральном сегменте консерваторы довольно успешно претендовали на представление интересов большинства населения — среди противников присоединения Британии к еврозоне и европейской конституции. Однако и в этом случае их преследовали проблемы. Если для лейбористов яблоком раздора стали «особые отношения» с США, спровоцировавшие самое крупное за историю партии восстание заднескамеечников в 2003 г., то для консерваторов — европейский вопрос: уже второе десятилетие тори находятся в тисках противостояния евроскептиков и евроэнтузиастов.

Партия либеральных демократов вобрала в себя богатые традиции английского либерализма и правой части британской социал-демократии. Но в 90-е годы либерал-демократы столкнулась, как и консерваторы, с трудностями при формировании идеологического кредо, так как многие их инициативы и лозунги были перехвачены лейбористами. Либерал-демократы, как шотландские и валлийские националисты, зеленые, Социалистический альянс и иные политические организации, воспользовались значительным поправением ЛПВ, в результате которого оголился левый фланг британской политики. ПЛД заняла принципиальную позицию по вопросу о повышении верхней ставки подоходного налога для финансирования социального сектора, в первую очередь сферы образования. Другими

[1] См.: Giddens Anthony (ed.). *The Progressive Manifesto*. Polity Press, 2003.

отличительными чертами партии являются последовательный европеизм, включающий скорейшее присоединение страны к зоне евро и отказ от особых отношений с США, требование проведения всеобщих выборов по пропорциональной системе голосования, защита окружающей среды, промышленная демократия. Из трех ведущих партий страны либерал-демократы наиболее активно поддерживают переход страны от вестминстерской к плюральной модели демократии и от унитарного устройства государства к федеративному.

Однако перед либерал-демократами стоит дилемма. Чтобы оттеснить консерваторов с позиций главной оппозиции Ее Величества, они должны перетянуть на себя часть электората тори и, следовательно, идеологически сместиться вправо. Но при выборе этого варианта им грозит потеря левоцентристского электората, приобретенного за счет поправения ЛПВ. Кроме того, разрыв в количестве голосов между либерал-демократами и консерваторами пока слишком значителен, чтобы рассчитывать на замещение последних. Второй вариант — продолжение стратегии Пэдди Эшдауна: взаимодействие с лейбористами с позиций конструктивной оппозиции, всяческое противодействие тори и терпеливое ожидание того времени, когда пропорциональная система голосования заменит мажоритарную на выборах в палату общин. Случись это, и коалиция лейбористов и либерал-демократов в палате общин рано или поздно станет неизбежной. Политическая линия преемника Эшдауна Чарлза Кеннеди и сменившего его в 2006 г. Мензиса Кемпбелла заключается в следующем: использовать ошибки и слабые места обеих ведущих партий для привлечения избирателей на свою сторону и блокироваться с лейбористами там, где это дает ПЛД доступ к власти, особенно на региональном уровне.

Несмотря на модернизацию партийно-политической системы, не решенной остается проблема политической апатии. Опасность в том, что чем меньше граждан участвуют в политическом процессе, тем слабее легитимность политических институтов и сильнее отчуждение между гражданским обществом и государством. Интерес и доверие простых граждан к институтам представительной демократии и профессиональным политикам находятся на небывало низком уровне. Исключением является краткосрочный период усиления политической активности граждан в 1997–1999 гг. Ярким свидетельством политической апатии служат снижающиеся показатели явки избирателей на выборах всех уровней, а также деполитизация граждан Великобритании, более 90% которых не принадлежат ни к одной политической партии. Одновременно развилась густая сеть «однопроблемных групп» и новых социальных движений. Уже не раз британские

политологи задавались вопросом о возможном закате эпохи политических партий в том виде, в котором мы знали их до сих пор[1].

Пока на негативные тенденции не смогли заметно повлиять ни развитие двухпартийной системы в сторону многопартийной, ни деволюция, ни либерализация правил голосования на выборах, ни распространение комбинированных и пропорциональных систем голосования. Вероятно, это объективная тенденция в условиях индивидуализации общества, стирания классовых границ и размывания роли государства. Однако она чревата дестабилизацией политической системы представительной демократии. Возможно, что прошло слишком мало времени, чтобы меры, направленные на стимулирование политической активности граждан, принесли свои плоды, и дальнейшее внедрение принципов плюральной демократии в политической системе страны изменит ситуацию. Многое зависит от действий самого правительства и его способности занять более последовательную позицию в отношении развития плюральной модели демократии. От политической воли правительства зависит, получат ли конституционные реформы лейбористов второе дыхание.

На национальном уровне двухпартийная модель устояла, лишь консерваторы и лейбористы имели возможность формировать центральное правительство. Лейбористы сумели парировать вызов, брошенный ей в 80-е годы Альянсом либералов и социал-демократов, осуществить глубокую модернизацию партии и в следующее десятилетие вернуться к власти. Консерваторы в конце XX — начале XXI столетия оказались в положении, в котором в недавнем прошлом находились лейбористы: идеологически и организационно ослабленная политическая партия, полная внутренних противоречий. К концу 90-х годов «третья сила» британской политики — Партия либеральных демократов — оказалась на дальних подступах к позициям тори, она претендует на роль главного конкурента лейбористов.

Громкие успехи ЛПВ на всеобщих выборах в 1997 и 2001 гг., их третья подряд победа в мае 2005 г. не означают, что на общенациональном уровне двухпартийную модель сменяет модель доминирующей партии. Как и в 1951–1964 гг. и в 1979–1997 гг., когда страной единолично руководили консерваторы, речь идет о временном зависании

---

[1] Gamble Andrew, Wright Tony. *Commentary: Is The Party Over?* Political Quarterly, 73 (2), 2002. Столетием раньше Моисей Острогорский писал о возможной замене политических партий, в том числе британских, мобильными электоральными «коалициями граждан», см.: Ostrogorski Moisei. *Democracy and the Organisation of Political Parties.* Vol. 1, Chapter 8, Sections 2, 5. New York, 1902.

политического маятника в пользу одной из партий. Традиции политической культуры Великобритании, долговременные последствия конституционных реформ, запущенных лейбористами, другие объективные факторы вновь приведут его в движение. На следующих всеобщих выборах, которые могут состояться в 2009 г., консерваторы впервые с 1992 г. будут иметь реальные шансы побороться с лейбористами за власть. Временное усиление диспропорций в партийно-политической системе, вызванное нынешним доминированием Лейбористской партии, не исключает ни возврата к равновесной двухпартийной системе, ни даже ее слома и замены на многопартийную.

Таким образом, в 1970–2006 гг. партийно-политическая система Великобритании претерпела существенную трансформацию. Изменились внешняя среда, в которой она действовала, ее собственная структура, «правила игры» входящих в нее акторов. На подуровнях британской партийно-политической системы происходило формирование обособленных партийно-политических систем, использующих многопартийность и коалиционные методы правления. Распространение этого опыта на Вестминстер, а фактически на партийно-политическую систему Англии — вопрос времени. Эти изменения проходили на фоне замены социал-реформаторского цикла либерально-рыночным, федерализации государственного устройства, сдвига Великобритании от мажоритарной к плюральной модели демократии. Современный этап модернизации партийно-политической системы Великобритании не завершен и займет еще немало времени.

Литература

Ананьева Е.В. «Тихая революция» Т. Блэра. Актуальные проблемы стран Европы. Учебное пособие. Дипломатическая Академия МИД РФ. М., 2001.

Ананьева Е.В. О современных путях реформизма и о реформизме как современном пути (политика убеждений М. Тэтчер и перманентный ревизионизм Т. Блэра) // Полис, № 5, 2001.

Ананьева Е.В. Тенденции политического развития ведущих стран Запада. Учебное пособие. Дипломатическая Академия МИД РФ. М., 2000.

Англия на постимперском пространстве: Уроки для России и Европы. Доклады Института Европы № 126. М.: Огни, 2003.

Англия на постимперском пространстве: уроки для России и Европы. М., Доклады Института Европы, № 126, 2003.

Бадьян Е.В. Опыт работы Лейбористской партии Великобритании с избирателями (новые формы и методы). Канд. дисс. М., 2004.

Байкова А.Н. Правительство Энтони Блэра, тред-юнионы и массовая лейбористская партия (принципы взаимоотношений). В: Россия и Британия. Выпуск 2. М.: Наука, 2000.

Великобритания после всеобщих выборов 2001 г.: результаты и тенденции. М.: Доклады Института Европы, № 91, 2002.

Великобритания. Современный монополистический капитализм. Под редакцией С.П. Мадзоевского и Е.С. Хесина. М.: Мысль, 1981.

Гаджиев К.С. Либерализм — история и современность // НиНИ, № 6, 1995.

Гаджиев К.С. Современный консерватизм: опыт типологизации // НиНИ, № 1, 1991.

Гасратян К.В. В Великобритании подъем продолжается // МЭиМО, № 3, 1996.

Гидденс Энтони. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.

Горбик В.А. Основные направления эволюции буржуазных партий Великобритании (1945–1979 гг.). Докт. дисс. Киев: 1984.

Громыко Ал.А. Великобритания. Эпоха реформ. 2007 (Отв. ред. и соавтор).

Громыко Ал.А. «Третий путь» — что дальше? // Современная Европа, № 2, Институт Европы РАН. М., 2006.

Громыко Ал.А. Российско-британские отношения во второй половине XX века // Россия и Британия. Вып. 4. «Связи и взаимные представления XIX–XX века», под ред. Давидсона А.Б. Институт всеобщей истории РАН. М., 2006.

Громыко Ал.А. Английские лейбористы после выборов 2005 г. // В: Актуальные проблемы Европы. Социал-демократия Европы в начале XXI века. Время перемен. Серия «Европа: XXI век», под ред. Орлова Б.С. ИНИОН РАН. М., 2006.

Громыко Ал.А. Мал золотник, да дорог. Малые партии в современной Великобритании // Современная Европа, № 2, 2005.

Громыко Ал.А. Внешняя политика Великобритании: от империи к «осевой державе» // Космополис, № 1 (11), весна 2005.

Громыко Ал.А. Эволюция партийно-политической системы Северной Ирландии в процессе мирного урегулирования // В: Ученые записки, под ред. Е.П. Бажанова. Институт актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. Научная книга. М., 2005.

Громыко Ал.А. Политический реформизм в Великобритании. 1970–90-е годы. М.: XXI век — Согласие, 2001.

Громыко Ал.А. 100-летие британских лейбористов // Современная Европа, № 4, 2000.

Денискина В.Я. Политический портрет Маргарет Тэтчер // ИНИОН, 1991.

Жигалов И.И. Современная история Великобритании (1945–1975). М., 1978.

Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998.

Капитонова Н.К. Британский политический ландшафт до и после парламентских выборов 1997 г. // Проблемы безопасности в Европе: история и современность. М.: МГИМО (Университет), 1998.

Капитонова Н.К. Великобритания в конце XX — начале XXI века: от консерваторов к лейбористам. Учебное пособие. М.: МГИМО (Университет), 2003.

Колосов Г.В. Политический портрет Джеффри Хау // ИНИОН, 1989.

Консерватизм: идеи и люди. Пермь, 1998.

Консерваторы у власти: опыт Великобритании. Сборник статей // ИМЭМО, 1992.

Кочетков А. Экономические концепции британских лейбористов // Вопросы экономики. № 2, 1994.

Липкин М.А. Англия или Британия? Дискуссия о национальной идентичности. (История, культура и политика в Соединенном Королевстве) // Россия и Британия. В мире английской истории. Выпуск 3. М.: Наука, 2002.

Матвеев Р.Ф. Проблемы общей теории политической партии. Обзор диссертаций современных российских политологов. В: Партии и партийные системы. Москва, Ростов-на-Дону, 2004.

Милин Н.Н. «Третий путь» Тони Блэра // Международная жизнь, № 7, 1999.

Мысливченко А.Г. Западная социал-демократия: поиски обновления // Свободная мысль — XXI, № 5, 1999.

Науменков А.П., Хесин Е.С. Консерваторы и метаморфозы британской экономики. — В: Великобритания: политика, экономика, история. М., 1995.

Новинская М.И. Коммунитарная парадигма: модификация левой идеи в западной политической культуре // МЭиМО, № 4, 2000.

Орлова М.Е. Северная Ирландия: опыт преобразований в расколотом обществе. М., 1994.

Осадчая Ж.Ф. Лейбористская партия Великобритании: лицом к будущему. М., 1990.

Осадчая И.М. Кейнсианство сегодня // МЭиМО, № 8, 1996.

Осипова Е.В. Западный марксизм: социальный аспект // Социологические исследования, № 4, 1991.

Осипова Е.В. Идея социального прогресса в концепциях «новейших левых» // МЭиМО, № 8, 1990.

Остапенко Г.С. Общественно-политическая жизнь Великобритании во второй половине XX века. М., 2002.

Перегудов С.П. Великобритания после парламентских выборов 2001 года: время платить по векселям. В: Россия и Британия. Выпуск 3. М.: Наука, 2002.

Перегудов С.П. Западная социал-демократия на рубеже веков // МЭиМО, № 6–7, 2000.

Перегудов С.П. Консервативная партия // МЭиМО, № 3, 1996.

Перегудов С.П. Политические сдвиги в странах Запада. М., 1989.

Перегудов С.П. Тони Блэр. М.: ИНИОН, Серия Политические портреты, 1999.

Перегудов С.П. Тэтчер и тэтчеризм. М.: Наука, 1996.

Перегудов С.П. Эра Тэтчер: эволюция или революция? // МЭиМО, № 8, 1992.

Политическая мысль Великобритании: некоторые итоги и перспективы. М., Доклады Института Европы, № 101, 2002.

Полякова Е.Ю. Ирландия в XX веке. М., 2002.

Полякова Е.Ю. Ольстер: истоки трагедии. М., 1982.

Понять современные британские государственные институты. Oxford: Perspective Publications, 1998.

Попов В.И. Джон Мейджор // МЭиМО, № 7, 1991.

Попов В.И. Маргарет Тэтчер: человек и политик. М.: Прогресс, 1991.

Рахшмир П.Ю. Вариации на тему консерватизма. Пермь, 2004.

Рахшмир П.Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // НиНИ, № 1, 1990.

Россия и Британия в процессах европейской интеграции. М.: Доклады Института Европы, № 114, 2003.

Салмин А.М. Политический портрет Маргарет Тэтчер // ИНИОН, 1982.

Самарина А.Я. Борьба течений в Консервативной партии Великобритании в конце 70-х — начале 80-х гг. М., 1989.

Современная Великобритания: проблемы и перспективы. Доклады Института Европы № 83. М.: Флинта, 2001.

Согрин В.В. Этапы британского либерализма // НиНИ, № 4, 1996.

Сорокина В.Ф. Великобритания: сфера услуг в 90-е годы // МЭиМО, № 2, 2000.

Степанова Н.М. Британский неоконсерватизм и трудящиеся. 70-е — 80-е годы. М.: Наука, 1987.

Степанова Н.М. Консервативная партия Великобритании: долгий путь к поражению 1997 года. В: Россия и Британия. Выпуск 2. М.: Наука, 2000.

Степанова Н.М. Консервативная партия и рабочий класс в послевоенной Англии: политическое влияние на массового избирателя. М.: Наука, 1972.

Стрежнева М.В. Великобритания и Западная Европа: политические аспекты. М.: Наука, 1988.

Студенцов В.Б. Два течения в социальной философии британского консерватизма // Вопросы философии, № 2, 1985.

Студенцов В.Б. Концепция и практика «демократизации собственности» // Консерваторы у власти: опыт Великобритании. М.: ИМЭМО, 1992.

Трубина Н.В. Экономическая политика тэтчеризма: теория и практика. Санкт-Петербург, Гос. ун-т, 1995.

Удальцов Е.И. Эволюция левого лейборизма в Великобритании (1950-е — нач.1980-х гг.). М.: Институт всеобщей истории, 1994.

Фролов В.П. Альянс либералов и социал-демократов: история образования // Вестник КазГУ. Серия международные отношения и международное право, № 2 (6). Алматы, 2001.

Фролов В.П. Либеральные демократы Великобритании на парламентских выборах: программные установки, стратегия, избиратели (середина 70-х годов XX в. — начало XXI в.). Магадан, 2003.

Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992.

Хесин Е.С. Великобритания // МЭиМО, № 8, 2001.

Хесин Е.С. Великобритания: седьмой год подъема // МЭиМО, № 8, 2000.

Хесин Е.С. Великобритания: шестой год подъема // МЭиМО, № 8, 1998.

Ackerman Bruce, Alstott Ann. *The Stakeholder Society*. Yale, 1999.

Anderson Paul, Mann Nyta. *Safety First: The Making of New Labour*. Granta, 1997.

Ascherson Neal. *When was Britain?* Prospect, May 1996.

Ash Thimoty G. *Is Britain European?* International affairs. Vol. 77, No 1. Oxford, 2001.

Ashdown Paddy. *The Ashdown Diaries. Volume 1: 1988–1997*. London: Allen Lane, 2000.

Ashford Nigel, Davies Stephen (eds). *A Dictionary of Conservative and Liberal Thought*. London: Routledge, 1991.

Ball Stuart, Seldon Anthony (eds). *Recovering Power. The Conservatives in Opposition Since 1867*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Baucom I. *Out of place: Englishness, Empire and locations of identity*. Princeton, 1999.

Beer Samual. *Modern British Politics*. London: Faber & Faber, 1982.

Beer Samuel. *Liberalism rediscovered*. The Economist, 7 February 1998.

Bellamy R. *Liberalism and Modern Society*. Cambridge: Polity Press, 1992.

Blair Tony, Schroder G. *Europe: The Third Way — die Neue Mitte*. London: Labour Party and SPD, 1999.

Blair Tony. *1945 Anniversary Lecture*. Fabian Society. London, 1995.

Blair Tony. Centenary Anniversary Speech to the Labour Party, 27 February 2000.

Blair Tony. *Change and Renewal*. Leadership Election Statement. 23 June 1994.

Blair Tony. *Democracy's second age*. The Economist, 14 September 1996.

Blair Tony. *Let Us Face the Future*. London: Fabian Society, 1995.

Blair Tony. *New Britain: My Vision of a Young Country*. London: Fourth Estate, 1996.

Blair Tony. *Socialism*. Fabian Pamphlet No 565, 1994.

Blair Tony. *The Third Way*. London: Fabian Society, 1998.

Blair Tony. *The Third Way: New Politics for a New Century*. London: Fabian Society, 1998.

Blair Tony. *Why modernisation matters*. Renewal, Vol. 1, No 4, 1993.

Blake Robert. *The Conservative Party from Peel to Thatcher*. London: Fontana Press, 1985.

Blunkett David. *Politics and Progress*. London: Demos, Politico's, 2003.

Blyth Mark, Katz S. Richard. *From catch-all parties to cartelisation: the political economy of the cartel party*. West European Politics, Vol. 28, No 1, January 2005.

Bobbio Norberto. *Left and Right*. Cambridge: Polity Press, 1996.

Bogdanor Vernon. Devolution in the UK. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Bogdanor Vernon. *Power and the People: A Guide to Constitutional Reform*. London: Gollancz, 1997.

Boyce D. George. *The Falklands War*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Bradbury Jonathan. *Union and Devolution. Territorial Politics in the United Kingdom from Thatcher to Blair*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Bradley Ian. *The Strange Rebirth of Liberal Britain*. London: Chatto & Windus, The Hogarth Press, 1985.

Brittan Samuel. *A Restatement of Economic Liberalism*. London: Macmillan, 1988.

Brittan Samuel. *Capitalism with a Human Face*. Aldershot: Edward Elgar, 1995.

Brivati Brian, Heffernan Richard. *The Labour Party: A Centenary History*. London: Macmillan, 2000.

Brown A. *Scottish Politics After the Elections: Towards a Scottish Political System*? In: A.Wright (ed.). *Scotland: The Challenge of Devolution*. Aldershot: Ashgate, 2000.

Bryant Chris. *Possible Dreams. A Personal History of the British Christian Socialists*. London: Sydney, Auckland: Hodder & Stoughton, 1996.

Buckler Steve, Dolowitz David. *New Labour's Ideology: a reply to Michael Freeden*. The Political Quarterly, Vol. 71. Oxford: Blackwell Publishers, 2000.

Butler David, Butler Gareth. *Twentieth-Century British Political Facts. 1900–2000*. Macmillan Press, 2000.

Butler David, Kavanagh Dennis. *The British General Elections of 2001*. Basingstoke: Palgrave, 2002.

Butler David, Westlake Martin. *British Politics and European Elections 2004*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Chaney P., Hall T., Pithouse A. (eds). *New Governance: New Democracy? Post-Devolution Wales*. Cardiff: University of Wales Press, 2001.

Clark Alan. *The Tories. Conservatives and the Nation State 1922–1997*. London: Phoenix, 1999.

Coates David. *Prolonged Labour. The Slow Birth of New Labour in Britain*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Cockett Richard. *Thinking the Unthinkable*. London: Fontana Press, 1995.

Cohen Robin. *The incredible vagueness of being British/English*. International affairs. Vol. 76, No 3. Oxford, 2000.

Committee for Standards in Public Life. The Report, September 2004.

Conservative Party. *Better Public Services, Better Value*. London, 2005.

Conservative Party. *Blueprint for Change*. London, 1997.

Conservative Party. *Our Vision of Britain*. CCO, 1997.

Cook Chris. *A Short History of the Liberal Party 1900–1997*. 5th ed. London: Macmillan, 1997.

Copsey Nigel. *Contemporary British Fascism. The British National Party and the Quest for Legitimacy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Cox Michael, Guelke Adrian, Stephen Fiona (eds). *A Farewell to Arms?: From «Long War» to Long Peace in Northern Ireland*. Manchester: Manchester University Press, 2000.

Cox Michael. *Thinking «globally» about Northern Ireland*. Politics, Vol. 18, No 1, February 1998.

Crewe Ivor, King Anthony. *SDP: The Birth, Life and Death of the Social Democratic Party*. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Crosland Anthony. *The Future of Socialism*. London: Jonathan Cape, 1956.

Crouch C. *A Third Way in Industrial Relations*. In: S.White (ed.). *New Labour: The Progressive Future?* Basingstoke: Palgrave, 2001.

Dahrendorf Ralph. *What happened to liberty?* New Statesman, 6 September 1999.

Dalyell Tam. *Devolution: The End of Britain*. In: Keith Sutherland (ed.). *The Rape of the Constitution*. London: Imprint Academic, 2000.

Davies Norman. *The Isles: A History*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Department for Constitutional Affairs Departmental Report 2003/04. Cm 6210. The Stationary Office, 2004.

Dixon Paul. *Northern Ireland: The Politics of War and Peace*. Basingstoke: Palgrave, 2001.

Downs Anthony. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper, 1957.

Draper Derek. *Blair's 100 Days*. London: Faber and Faber, 1997.

Driver Stephen, Martell Luke. *New Labour. Politics after Thatcherism*. Polity Press, 1998.

Dunleavy Patrick. *Introduction: Transformations in British Politics*. In: Patrick Dunleavy, Andrew Gamble, Richard Heffernan, Gillian Peele (eds). *Developments in British Politics 7*. Palgrave Macmillan, 2003.

Dutton David. *A History of the Liberal Party in the Twentieth Century*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Duverger Maurice. *Political Parties, Their Organization and Activity in the Modern State*. London: Methuen & Co, 1954.

Eccleshall Robert. *English conservatism since the Restoration: an introduction and anthology*. London: Unwin Hyman Ltd, 1990.

Eccleshall Roberty, Geoghegan V., Jay R., Wilford R. *Political Ideologies*. London: Hutchinson, 1984.

Etzioni Amitai. *The New Golden Rule. Community and Morality in a Democratic Socie*ty. London: Profile Books, 1997.

Etzioni Amitai. *The Spirit of Community: Rights, Responsibilities, and the Communitarian Agenda*. New York: Crown, 1993.

Evans Brendan. *Thatcherism and British Politics, 1975–1999*. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 2000.

Fielding Steven. *Labour. Decline and Renewal*. 2nd Edition. Tisbury, Wiltshire: Baseline Book Company, 1999.

Fielding Steven. *The Labour Party. Continuity and Change in the Making of 'New' Labour*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Finlayson Alan. *Third Way theory*. The Political Quarterly, Vol. 70, No 3. Oxford: Blackwell Publishers, 1999.

Flinders Matthew. *Majoritarian democracy in Britain: New Labour and the Constitution*. West European Politics, Vol. 27, No 1, January 2005.

Flinders Matthew. *Shifting the balance? Parliament, the executive and the British constitution*. Political studies, Vol. 50, No 1, 2002.

Flynn P. *Dragons Led by Poodles: The Inside Story of a Labour Stitch Up*. London: Politicos, 1999.

Freeden Michael. *The ideology of New Labour*. The Political Quarterly, Vol. 70. Oxford: Blackwell Publishers, 1999.

Freedland Jonathan. *Bring Home the Revolution*. London: Fourth Estate, 1998.

Fukuyama Fransis. *Trust*. London: Penguin Books, 1995.

Galbraith J.K. *The Good Society. The Human Aganda*. London: Sinclair-Stevenson, 1996.

Gamble Andrew, Tony Wright. Commen*tary: Is the party over?* The Political Quarterly, Vol. 73, No 2. Oxford: Blackwell Publishers, 2002.

Gamble Andrew. *Between Europe and America. The Future of British Politics*. Palgrave Macmillan, 2003.

Gamble Andrew. *The Free Economy and the Strong State*. Basingstoke: Macmillan Education, 1988.

Geddes Andrew. *The European Union and British Politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Giddens Anthony (ed.). *The Progressive Manifesto*. London: Polity Press, 2003.

Giddens Anthony, Hutton Will (eds). *On the Edge. Living with Global Capitalism*. London: Jonathan Cape, 2000.

Giddens Anthony. *Beyond Left and Right*. Cambridge: Polity Press, 1994.

Giddens Anthony. *The Third Way and its Critics*. Cambridge: Polity Press, 2000.

Giddens Anthony. *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1998.

Giddings Philip, Drewry Gavin. *Britain in the European Union. Law, Policy and Parliament*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Gilmour Ian. *Dancing with Dogma*. London: Pocket Books, 1992.

Gilmour Ian. *Inside Right. A Study of Conservatism*. London: Hutchinson, 1977.

Gould Bryan. *A Future for Socialism*. London: Cape, 1989.

Gould Philip. *The Unfinished Revolution*. Little, Brown, 1998.

Graham Allen. *The Last Prime Minister — being honest about the UK Presidency*. Politico's Publishing, 2001.

Gray John, Willetts David (eds). *Is Conservatism Dead?* London: Profile Books, 1994 (2nd edition 1997).

Gray John. *Beyond the New Right*. London: Routledge, 1993.

Gray John. *Blair's project in retrospect*. International Affairs, No 1, January 2004.

Gray John. *Enlightenment's Wake*. London: Routledge, 1995.

Gray John. *False Dawn. The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books, 1998.

Guelke Adrian. *British policy and international dimensions of the Northern Ireland conflict.* / Regional Politics and Policy, Vol. 1, No 2, 1991.

Gunther R., Montero J.R., Linz J.J. (eds). *Political Parties: Old Concepts as New Challenges.* Oxford: Oxford University Press, 2002.

Hague William. *A Fresh Future for the Conservative Party.* London: Conservative Central Office, 1997.

Hague William. *Thinking Creatively About the Constitution.* Centre for Policy Studies, 24 February 1998.

Halcrow M. *Keith Joseph: A Single Mind.* London: Macmillan, 1989.

Hall Stuart. *The great moving centre show.* New Statesman, Vol. 126, No 4361, 1997.

Hall Stuart. *The great moving nowhere show.* Marxism Today, November/December 1998.

Harris K. *Thatcher.* London: Weidenfeld & Nicolson, 1988.

Hattersley Roy. *Choose Freedom: The Future for Democratic Socialism.* London: Penguin, 1987.

Hay Colin. *Labour's Thatcherite revisionism: playing the «politics of catch-up».* Political Studies, No 42, 1994.

Hay Colin. *The Political Economy of New Labour: Labouring under False Pretences?* Manchester: Manchester University Press, 1999.

Hayek F.A.The Road to Serfdom. University of Chicago Press, 1994.

Heath Edward. *The Course of My Life.* London: Hodder & Stoughton, 1999.

Heffernan Richard. *New Labour and Thatcherism: Exploring Political Change.* Basingstoke: Palgrave, 2001.

Heffernan Richard. *Political Parties and the Party System.* In: Patrick Dunleavy, Andrew Gamble, Richard Heffernan, Gillian Peele (eds). *Developments in British Politics 7.* Palgrave Macmillan, 2003.

Henig Stanley (ed.). Modernising Britain: Central, Devolved, Federal? London: The Federal Trust for Education and Research, 2002.

Hennesy Peter. *The Prime Minister: The Office and its Holders since 1945.* Harper-Collins, 2000.

Hichson Kevin (ed.). *The Political Thought of the Conservative Party Since 1945.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Hobsbawm Eric. *The New Century.* London: Little, Brown and Company. 2000.

Hobsbawn Eric. *The Death of Neo-Liberalism.* Marxism Today Special Issue, November — December 1998.

Holmes S. *The Anatomy of Antiliberalism.* Harvard University Press, 1996.

Hutchison I.G.C. *Scottish Politics in the Twentieth Century.* Basingstoke: Palgrave, 2001.

Hutton Will. *The Fourth Way*. Prospect, October 2003.

Hutton Will. *The Stakeholding Society: Writings on Politics and Economics*. London: Blackwells, 1999.

Hutton Will. *The State We're In*. London: Vintage, 1996.

Hutton Will. *The World We're In*. London: Little, Brown, 2002.

Jacques Martin. *Good to be back*. Marxism Today Special Issue, November– December 1998.

Jenkins Simon. *Accountable to None*. London: Penguin Books, 1995.

Jones N. *The Control Freaks*. London: Politicos, 2002.

Jones Tudor. *Remaking the Labour Party. From Gaitskell to Blair*. London, New York: Routledge, 1996.

Kampfner John. *Robin Cook*. Victor Gollancz, 1998.

Katz R., Mair P. *The Ascendancy of the Party in Public Office: Party Organisational Change in Twentieth Century Democracies*. In: R. Gunther, J.R. Montero, J. Linz (eds). *Political Parties: Old Concepts and New Challenges*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Kavanagh Dennis. *The Reordering of British Politics: Politics after Thatcher*. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Kenny Michael, Smith Martin. *(Mis)understanding Blair*. The Political Quarterly. Oxford: Blackwell Publishers, Vol. 68, No 3, July–September 1997.

King Anthony. *Big Government: The Programme Approach*. London, Beverly Hills: Sage, 1984.

King Anthony. *Political parties in Western Democracies. Some skeptical reflections*. Polity, No 2, 1969.

Kinnock Neil. *Reforming the Labour Party*. Contemporary Record, Vol. 8, No 3, Winter 1994.

Kinnock Neil. *The Future of Socialism*. London: Fabian Society, 1985.

Laakso Markku, Taagepera Rein. *Effective number of parties: a measure with application to Western Europe*. Comparative Political Studies, No 12, 1979.

Labour Party NEC (National Executive Committee). *Partnership in Power*. London, 1997.

Labour Party. *21st Century Party*. London, 1999.

Labour Party. *Ambitions for Britain: Labour's manifesto 2001*. London, 1 March 2001.

Labour Party. *Labour into Power: A Framework for Partnership*. London, 1997.

Labour Party. *Labour's Aims and Values*. London, 1995.

Labour Party. *Meeting the Challenge, Make the Change: A New Agenda for Britain*. Final Report of Labour's Policy Review for the 1990s. London, 1989.

Labour Party. *New Labour: Because Britain Deserves Better*. London, 1997.

Laybourn Keith. *A Century of Labour. A History of the Labour Party, 1900–2000.*

Laybourn Keith. *Fifty Key Figures in Twentieth-century British Politics.* London and New York: Routledge, 2002.

Leach R. *British Political Ideologies*. London: Philip Allan, 1991.

Leadbeater Charles. *Power to the person*. Marxism Today, October 1988.

Lee Christopher. *This Sceptred Isle. Twentieth Century. From the Death of Queen Victoria to the Dawn of a New Millennium*. London: BBC Worldwide, Penguin, 1999.

Leonard Dick. *A Century of Premiers. Salisbury to Blair*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Letwin Shirley R. *The Anatomy of Thatcherism*. London: Fontana, 1992.

Leys Colin. *The British Labour Party's transition from Socialism to Capitalism*. Socialist Register. Leo Panitch, Colin Leys (eds). Near Woodbridge: The Merlin Press, 1996.

Lijphart Arend. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty Six Countries*. New Haven and London: Yale University Press, 1999.

Lijphart Arend. *Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Century*. New Haven and London: Yale University Press, 1984.

Lijphart Arend. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. Yale University Press, 1997.

Lipset Samuel, Rokkan Stein. (eds). *Party System and Voter Alignment*. New York: Free Press, 1962.

Little Adrian. *Democracy and Northern Ireland. Beyond the Liberal Paradigm?* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Ludlam Steve. *New Labour and the Unions: The End of the Contentious Alliance?* In: Steve Ludlam, Martin J.Smith. *New Labour in Government*. Basingstoke: Palgrave, 2001.

Lynch Philip. *The End of Conservative Britain?* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Major John. *The Autobiography*. London: HarperCollins, 1999.

Mandelson Peter, Liddle Roger. *The Blair Revolution. Can New Labour Deliver?* London: Boston: Faber and Faber, 1996.

Manifesto for New Times. Supplement to Marxism Today, October 1988.

Marquand David, Seldon Anthony (eds.). *The Ideas That Shaped Post-War Britain*. London: Fontana Press, 1996.

Marquand David. *Decline of the Public*. London: Polity Press, 2004.

Marquand David. *Pluralism v. Populism*. Prospect, June 1999.

Marquand David. *The Blair paradox*. Prospect, May 1998.

Marquand David. *The fall of civic culture*. The New Statesman, 13 November 2000.

Marquand David. *The Progressive Dilemma. From Lloyd George to Kinnock*. London: Heinemann, 1991.

Marr Andrew. *The Day Britain Died*. London: Profile Books, 2000.

Marsh David. *The New Politics of British Trade Unionism, Union Power and the Thatcher Legacy*. London: Macmillan, 1992.

May John. *Opinion structures of political parties: The special law of curvilinear disparity*. Political Studies, No 21, 1973.

McKenzie Robert. *British Political Parties*. London: Mercury Books, 1955 (переиздание — London: Heinemann, 1995).

McSmith Andy. *John Smith*. 1994.

Minford Patrick. *Markets Not Stakes: The Triumph of Capitalism and the Stakeholder Fallacy*. Trafalgar Square; Orion Business Books, 1999.

Minkin Lewis. *The Contentious Alliance*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992.

Mitchell James. *Politics in Scotland*. In: Patrick Dunleavy, Andrew Gamble, Richard Heffernan, Gillian Peele (eds). *Developments in British Politics 7*. Palgrave Macmillan, 2003.

Mitchell James. *The Study of Scottish politics post-devolution: new evidence, new analysis and new methods?* West European Politics, No 24, 2001.

Mitchell P. *Transcending an ethnic party system?* In: R.Wilford (ed.). *Aspects of the Belfast Agreement*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Mulgan Geoff (ed.). *Life After Politics. New Thinking for the twenty-First Century*. London: Fontana Press, 1997.

Murray Gerard, Tonge Jonathan. *Sinn Fein and the SDLP. From Alientation to Participation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Murray Gerard. *John Hume's SDLP*. Dublin: Irish Academic Press, 1998.

Nairn Tom. *After Britain: New Labour and the return of Scotland*. London: Granta Books, 2000.

Norris P. *Electoral Change in Britain since 1945*. Oxford: Blackwell, 1997.

O'Leary Brendan. *The Belfast Agreement and the Labour Government*. Chapter 21. In: Anthony Seldon (ed.). *The Blair Effect. The Blair Government 1997–2001*. London: Little, Brown and Company, 2001.

O'Shaughnessy N.J. *The Phenomenon of Political Marketing*. London: Macmillan, 1990.

Ostrogorski Moisei. *Democracy and the Organisation of Political Parties*. London: Macmillan, 1902.

Owen David. *Time to Declare*. London: Penguin Books, 1992.

Panitch Leo, Leys Colin. *The End of Parliamentary Socialism. From New Left to New Labour.* London, New York: Verso, 2001.

Peele Gillian. *Politics in England and Wales.* In: Patrick Dunleavy, et al. (eds.) *Developments in British Politics 7.* Palgrave Macmillan, 2003.

Pierson P. *Dismantling the Welfare State?* Cambridge, 1994.

Plender John. *A new Third Way.* Prospect, February 1998.

Plender John. *A Stake in the Future. The Stakeholding Solution.* London: Nicholas Brealey Publishing, 1997.

Quinn Thomas. *Modernising the Labour Party. Organisational Change since 1983.* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Radice Giles. *Southern Discomfort.* Fabian Pamphlet No 555, 1992.

Ranelagh John. *Thatchers's People.* London: Fontana, 1992.

Rawnsley Andrew. *Servants of the People.* Hamish Hamilton, 2000.

Redwood John. *The Death of Britain? The United Kingdom's Constitutional Crisis.* London: Macmillan, 1999.

Rentoul John. *Tony Blair.* London: Little, Brown, 1995.

Rentoul John. *Tony Blair. Prime Minister.* London: Warner Books, 2001.

Riddel Peter. *The Thatcher Era and its Legacy.* London: Blackwell, 1991.

Rose Richard. *Policy-Making in Britain.* London: Macmillan, 1969.

Routledge Paul. *Gordon Brown: The Biography.* Simon & Schuster, 1997.

Sanders David. *Electoral Competition in Contemporary Britain.* In: Hay Colin (ed.). *British Politics Today.* Cambridge, Polity Press, 2002.

Sartori Giovanni. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis.* London: Cambridge University Press, 1976.

Sartori Giovanni. *Party types, organisation and functions.* West European Politics, Vol. 28, No 1, January 2005.

Sassoon Donald. *One Hundred years of Socialism. The West European Left in the Twentieth Century.* London: Fontana Press, 1997.

Savage Stephen P., Atkinson Rob. *Public Policy under Blair.* London: Palgrave, 2001.

Scruton Rodger. *The Meaning of Conservatism.* London: Penguin, 1980 (переиздание в 1984 г. в изд. Macmillan).

Seldon Anthony (ed.). *The Blair Effect. The Blair Government 1997–2001.* London: Little, Brown and Company, 2001.

Shaw Eric. *The Labour Party Since 1945.* London: Blackwell, 1996.

Shaw Eric. *The Labour Party since 1979. Crisis and Transformation.* London: Routledge, 1994.

Skidelsky Robert. *Social Market Economy.* London: Social Market Foundation, 1989.

Smith Martin J. *Understanding the "politics of catch-up": the modernization of the Labour Party.* Political Studies, No 42, 1994.

Smith Martin. *Tony Blair and the Transition to New Labour*. In: Brian Brivati, Rich Heffernan (eds). *The Labour Party. A Centenary History*. London: Macmillan Press, 2000.

Sopel J. *Tony Blair: the Moderniser*. London: Michael Joseph, 1996.

Stakeholding and Its Critics. Institute of Economic Affairs. London, 1997.

Stevenson Jonathan. *Irreversible peace in Northern Ireland?* / Survival, Vol. 42, No 3, 2000.

Stewart John. *Modernising British Local Government. An Assessment of Labour's Reform Programme* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Stoker Gerry, Wilson David. *British Local Government into the 21st Century*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Stoker Gerry. *Transforming Local Governance. From Thatcherism to New Labour*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Sykes Alan. *The Radical Right in Britain. Social Imperialism to the BNP*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Taylor B., Thomson K. (eds). *Scotland and Wales: Nations Again?* Cardiff: University of Wales Press, 1999.

Tebbit Norman. *The Upwardly Mobile*. London: Futura, 1988.

Thatcher Margaret. Statecraft. Strategies for a Changing World. London: HarperCollins, 2002.

Thatcher Margaret. *The Downing Street Years*. London: HarperCollins, 1993.

Thatcher Margaret. *The Path to Power*. London: HarperCollins, 1995.

Thompson Willie. *The Long Death of British Socialism*. London: Pluto, 1993.

Thomson Stuart. *The Social Democratic Dilemma: Ideology, Governance and Globalization*. New York: St. Martin's Press, 2000.

Thorpe Andrew. *A History of the Labour Party*. Basingstoke: Macmillan, 1997.

Tonge Jonathan. *Politics in Northern Ireland*. In: Patrick Dunleavy et al. (eds) *Developments in British Politics 7*. Palgrave Macmillan, 2003.

Tonge Jonathan. *The New Northern Irish Politics?* Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Vincent Andrew. *New Ideologies for Old?* The Political Quarterly. Oxford, Blackwell Publishers, Volume 68, 1998.

Ware A. *Political Parties and Party Systems*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Webb Paul. *Modern British Party System*. London: Sage Publications, 2000.

White Stuart. *Interpreting the Third Way*. Renewal, Vol. 6, No 2, 1998.

Whiteley Paul, Seyd Patrick, Richardson Jeremy. *True Blues. The Politics of Conservative Party Membership*. Oxford: Clarendon Press, 1994.

Whyman Philip. *«Third Way» Economics. An Evaluation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.

Wilford Rick (ed.). *Aspects of the Belfast Agreement*. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Willetts David. *Modern Conservatism*. London: Penguin Books, 1992.

Wolinetz S. *Beyond the Catch-All Parties: Approaches to the Study of Parties and Party Organisations in Contemporary Democracies*. In: R. Gunther, J.R. Montero, J. Linz (eds). *Political Parties: Old Concepts and New Challenges*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Wright Tony. *Socialisms — Old and New*. London and New York: Routledge, 1996.

Young Hugo. *One of Us*. London: Pan Books, 1990.

Summary

The processes at the root of Great Britain's transition from an industrial to a post-industrial society have influenced all aspects of life. Among them is the modernization of the country's party system, which began in the 1970s. It led not only to major changes in the leading parties but also to qualitative changes in the system itself — in its make-up, structure, and direction of development. The crisis of the two-party system could be seen, among others, in the fact that the political pendulum, which had assured for a long time the alternation of the Conservatives and Labour at the helm of power, stopped functioning at the national level: first the Conservatives came to power for almost 18 years, and then Labour began to predominate.

The Westminster model of democracy (the majoritarian democracy), based on the principles of the sovereignty of parliament and the unwritten constitution, has been evolving towards plurality, while the two-party system – towards a multiparty system. This does not mean that the shift from the Westminster to a plural model of democracy has taken place in the entire British political system or that it has not been opposed. This shift was most visible in changes in the party system, in the redistribution of power between the centre and the regions and in other constitutional reforms.

Labour have had an ambivalent attitude to the processes, initiated by their reforms. The contradictions inherent in them are referred to as the «Blair paradox». On the one hand, government policies implemented in 1997–2005 led to the decentralization of power and the democratization of mechanisms of state governance and made the political system more open.

On the other, Labour tried to keep these processes within the framework of parliamentary sovereignty and to preserve a series of principles of the majoritarian democracy. For example, the current «half-way» reform of the House of Lords has only increased the misbalance in British parliament. Changing the electoral system for general elections has been postponed for an indefinite period. Attempts to modernize the work of the House of Commons has ended up with superficial measures. The decision-making process has been centralized in the Labour Party as well as in government.

The period from 1945 to the 1960s was the heyday of the two-party system in Great Britain. The latter was the dominant political model not only at general elections but also at the local and regional levels. During the subsequent three decades, the two-party system gave way to a «two-and-a-half party» system, in which not only the Liberals (later Liberal Democrats) but also a group of small parties, especially regional ones, became the new element. The Conservatives and Labour continued to have a monopoly on national power. However, aspects of a multiparty system began to appear at the local level in many municipalities where more than two parties had access to power and coalition forms of government began to emerge. In recent years, the multi-party system has reached the regional level as a result of devolution and the application of various proportional systems of voting. The main hindrance preventing it from attaining the national level is the majority electoral system (the single member plurality system), which is traditionally used at general elections.

Although Labour and the Conservatives continue to have a monopoly on national power, they have had to turn to small parties for support and assistance on several occasions. Alongside the traditional culture of political opposition, a certain culture of political cooperation and dialogue has emerged. The Liberal Party (which became the Liberal Democrats after merging with the Social Democratic Party) has gained considerable political weight. In contrast to small parties, the Liberal Democrats have not only achieved a solid standing as the third party among voters and in the House of Commons but also gained access to executive government since 1997 through their cooperation with Labour in the sphere of constitutional reforms.

In the 1970s–1990s, the structure of the British party system became more complex. First of all, a new «supranational» voting level appeared in 1979 with the introduction of European parliamentary elections, which have been held according to a proportional system since 1999. Secondly, a multiparty system appeared in practice, and coalition methods of government began to spread at the local and regional levels long before the devolution process was launched. In the 1970s, the Liberal Party, Scottish and Welsh nationalists. Thirdly, after the reforms in the «Celtic Fringe», autonomous

party systems emerged at the regional level with their own electoral and institutional dimensions. With the introduction of a mixed electoral system at regional elections in Scotland and Wales, small parties came to the fore after having been in the background for many years. Westminster is the only level which retains a «two-and-a-half» party system.

Devolution is the delegation of a part of state sovereignty to elected regional legislative and executive bodies of government. At the same time, the principle of the sovereignty of British Parliament, which is based on an unwritten constitution, formally remains untouched. Nevertheless, devolution has in reality eroded the sovereignty of Westminster. Great Britain's unitary state structure is giving way to a quasi-federative structure (England — Scotland — Wales) with confederative elements (Great Britain — Northern Ireland) in which some of the country's regions obtain limited sovereignty.

In addition to the evolution of the Westminster model of democracy towards a plural one and of the two-party system towards a multiparty system, a shift has taken place from the political cycle of Social Democratic reformism (1945–1970s) to a neoliberal — social liberal cycle against the backdrop of the decline of collectivism and the ascendancy of individualism. The transformation of industrial society into a post-industrial society with a new system of values, social restructuring, and changes in national self-awareness after the break-up of the British Empire accompanied by a rise of nationalistic trends on the «Celtic Fringe» played a key role in this process. Both cycles were based on inter-party consensus underpinned respectively by Social Democratic statism (Keynesianism, «mixed economy», the «welfare state») and by combination of neoliberalism and social liberalism approaches.

Each of the leading British parties (the Conservatives, Labour, and Liberals/Liberal Democrats) has combined the traits of a cadre and a mass party in a particular way depending on the period of their history. During much of the 20th century, these parties were characterized as «mass bureaucratic parties» that had come to replace the «mass electoral parties». They were marked by inner party hierarchy and a mass membership. In the 1980s–1990s, changes in the social make-up of society and in the behaviour of voters made the Labour and the Conservative Parties evolve towards «electoral professional parties» («catch-all» parties) with a staff of professional specialists (advertising consultants, PR specialists, and electoral technology specialists employing an arsenal of political marketing techniques).

It is possible that major parties transform into «electoral cadre parties» with a rigid vertical structure and no interest in mass membership, ready to mobilize electoral coalitions to their advantage at any given moment. However, the implementation of such a party model is far from certain. The Tories, who lost their mass membership base in Scotland and Wales, are a

vivid example of what can happen to a party that neglects the maintenance of a permanent network of local offices for recruiting activists and grass root members. Generally speaking, modern major British parties are still in transition from «mass bureaucratic parties» to «electoral professional parties».

The modernization of the British party system has not only led to changes in its configuration and in the «rules of the game» regulating party activities but also to a profound inner restructuring of organizations and considerable (or even radical) changes in their political platforms. Common traits include a better defined inner structure, a stricter party discipline, and the parallel processes of the consolidation of the authority of the central office, the democratization of decision making, and the expansion of the rights of grass root members. At the same time, the balance of power within the British major parties became even more lopsided: the influence of activists and critically minded backbenchers on the decision-making process diminished, while the influence of «leaders» (party management, frontbenchers, and loyal members of parliamentary parties) grew accordingly.

Party ideologies were extensively revised. On the whole, the ideological aspects of party struggle became less important, and major parties no longer have narrow and sharply defined ideological programmes. The national party system has stopped putting voters before the choice between collectivism and individualism and does not bring the market economy into question. All of the three major parties are pro-market. The Labour Party, which distinctly shifted to the right, has rejected the class-based approach to political struggle, distanced itself from trade unions, changed its constitution (Clause IV), and recognized the equal merit of public and private forms of ownership.

The Third Way championed by New Labour is about a search for new ways of combining (rather than opposing) collectivism and individualism, the values of social justice and economic efficiency. The Third Way has furnished an experimental platform for the search of new approaches for assuring a fair social order in the conditions of the stiff competition on world markets. At the same time, it has not become a full-fledged ideology.

In turn, the Conservative Party abandoned its unconditional support of free market reforms that had been typical of the Thatcher era, recognized a number of important social innovations of Labour such as the minimum wage, gave up its opposition to high and sustained level of public spending, and reconciled itself with devolution and the reform of the House of Lords. The party developed the idea of «caring Conservatism» and manifested a growing opposition to «social authoritarianism». Still, the question remains whether the Tories are on the way to becoming an English nationalist party.

The Liberal Democrats took up the rich traditions of British Liberalism

and revisionist Social Democracy. However, the Liberal Democrats (just as the Conservatives) had problems formulating their ideological credo in the 1990s, for many of their initiatives and mottos had been taken over by the Labourites. The Liberal Democrats took advantage of the Labour Party's considerable shift to the right, which had left bare the left wing of British politics. Out of the country's main three parties, the Liberal Democrats most actively support the transition from a Westminster to a plural model of democracy and from a unitary to a federative state structure.

At the same time, the Liberal Democrats are facing a dilemma. In order to displace the Conservatives as the main opposition party, they must attract part of the Tory electorate and consequently shift ideologically to the right. However, if they choose to do this, they risk losing left-centrist voters that they had obtained after the Labour Party's shift to the right. Moreover, the gap in the number of votes between the Liberal Democrats and the Conservatives is still too great to allow the former to supplant the latter. Another possibility is to continue cooperating with Labour as a constructive opposition, to oppose the Tories on all fronts, and to wait patiently for a proportional electoral system to replace the majority one in elections to the House of Commons.

The stunning success of the Labour Party at the 1997 and 2001 general elections and their third victory in a row in 2005 does not mean that the two-party model is being replaced by a single-party system at the national level. As during the periods of single-handed Conservative rule in 1951–1964 and 1979–1997, it seems that the political pendulum is only temporarily favouring one of the parties. British political traditions, long-term consequences of constitutional reforms launched by New Labour, and other objective factors are already leading the pendulum to move again. At the next general elections, which may take place in 2009, the Conservatives stand a real chance of winning power for the first time in many years. In spite of the temporary distortions in the party system resulting from the current predominance of the Labour Party, the re-establishment of the two-party system can not be ruled out. However it is more likely that the further dismantling of this system and its replacement by a multiparty one is in the making.

Alexey A. Gromyko* graduated from the Moscow State University with distinction, Faculty of History. Later worked at the Institute of Comparative Political Studies, Russian Academy of Sciences (RAS). In 1997 — candidate of political science. From 2000 — a Senior Researcher and Head of the Centre for British Studies at the Institute of Europe, RAS. In 2005 defended the doctoral thesis «Modernisation of the British Party System (1970s-2005)». The same year was appointed Deputy Director of the Institute of Europe. A member of: the Scientific Council of the Institute, the Editorial Board of the journal «Contemporary Europe», the Dissertation Council of the Russian Diplomatic Academy. In 2002 was awarded a Webb memorial Trust Scholarship and was a researcher at Ruskin College, Oxford University. In 2004 was elected to Senior Associate Membership of St. Antony's College, Oxford University. Co-founder of the Russian non-governmental move-ment «For the Democratic Legal World Order and the Support of the United Nations».

* www.gromyko.ru

Указатель имен

Адамс Джерри 199–201, 204, 208
Анкрам Майкл 59
Арчер лорд 19
Асквит Герберт 195
Ахерн Берти 202, 215
Ахтисаари Марти 203

Баджет Уолтер 283
Бальфур Артур 58
Беверидж Уильям 17, 120, 124, 126, 127
Бевин Эрнест 126
Бекетт Маргарет 48, 51
Белл Мартин 274
Бенн Тони 33, 43, 46, 54, 55, 95, 226
Берлин Исайа 85
Бернштейн Эдуард 146
Биван Эньюрин 42, 121, 240
Бир Самуэль 122, 123
Бирч Рег 240
Блэр Тони 13, 17, 19, 31, 33, 34, 36, 37, 42, 44, 45, 49, 51, 54–56, 64, 66, 95, 96, 104, 109, 110, 120, 121, 123, 125, 126, 128, 137–141, 144, 145, 151, 164, 178, 186, 187, 202, 203, 214, 226, 227, 229, 244, 245, 247, 249, 262, 264, 283, 284, 288, 299, 300
Брандт Вилли 125
Браун Гордон 37, 51, 123, 299, 300
Бриттан Самуэль 130
Брукс Энди 241
Брютон Джон 202
Буш-младший Джордж 91, 247
Бюмон лорд 256

Вигли Дэвид 180
Вильгельм III (Вильгельм Оранский) 195
Вильсон Гарольд 15, 42, 45, 138, 196, 272
Вудворд Шон 53
Вудин Майк 255

Гайндман Генри 238
Галлахер Уильям 239
Галловей Джордж 38, 231, 235, 247
Гейтскелл Хью 42, 126, 137, 138, 141, 300
Гидденс Энтони 104, 105, 110, 121, 146–149
Гитлер Адольф 239
Гладстон Уильям 195
Гоббс Томас 122
Голдсмит Джеймс 257–259, 273
Голлан Джон 240
Грант Тэд 243
Грей Джон 112, 122
Грин Томас 120

Гриффин Ник 231, 252, 253
Гриффитс Роберт 241
Гулд Брайан 48, 121
Гулд Филипп 110

Данкан-Смит Иан 65, 91–93
Дарендорф Ральф 121, 122
Даунс Энтони 80, 83, 84
Дейвис Лиз 50
Дёркан Марк 206, 215
Десмонд Ричард 261
Дженкинс Рой 15, 16, 18, 43, 121, 270, 274
Джёрман Майкл 187, 190
Джозеф Кит 62, 86
Джонс Уин 180, 187
Дизраэли Бенджамин 58, 88
Дилнот Эндрю 100
Добсон Фрэнк 226
Доналдсон Джеффри 215
Дуглас-Хьюм Алек 62, 64, 162
Дьювор Дональд 170
Дэйвис Лиз 53, 245
Дэйвис Рон 186
Дэйвис Стефен 148
Дэлиэлл Тэм 166
Дэнджерфилд Джордж 127
Дюверже Морис 40, 58, 67, 71
Дюркгейм Эмиль 104

Ельцин Б.Н. 55

Жак Мартин 105

Инкпин Альберт 238

Каллагэн Джеймс 15, 42, 45, 69, 138, 162, 182, 273
Камерон Дэвид 94
Канаван Дэннис 53, 168, 175
Кант Эммануил 122
Карл II 58
Кастл Барбара 240
Каутский Карл 146
Кей Джон 130, 133
Кейнс Джон Мейнард 17, 120, 124, 126, 127
Кемпбелл Мензис 302
Кеннеди Чарлз 36, 69, 72, 173, 228, 302
Керр Ричард 214
Керр Хью 245
Килбрандон лорд 162
Килрой-Силк Роберт 230, 260, 261
Киннок Нил 44–46, 48, 49, 121, 137, 138, 141, 262, 287
Кларк Кеннет 35, 62, 65, 88, 91, 92, 230
Клинтон Билл 51, 91, 109, 110, 202
Кнапман Роджер 260
Коатс Кен 245
Коллинз Джоан 260
Конгдон Тим 130
Коннери Шон 34, 164
Конрад Джек 242
Коул Джордж124
Коулинг Морис 85
Крамер Сьюзан 226
Криппс Стаффорд 240
Кросленд Энтони 42, 54, 95, 119, 121, 300
Кроссмен Ричард 95
Кук Робин 43
Кэмпбелл Аластар 253, 288

Ласки Гарольд 124
Лвид Элвин 180
Ливингстон Кен 51, 54, 144, 225, 226, 241, 248, 249, 274
Лидбиттер Чарльз 105
Лиддл Роджер 115
Липсет Сеймур 104
Ллойд Джордж Дэвид 41, 113, 120, 123
Локк Джон 122
Лукас Каролина 255

Майкл Алун 186, 187, 189
Макгиннес Мартин 204, 208
Макдона Маргарет 54
Макдоналд Марго 176
Макдоналд Рамсей 15, 41, 43, 137, 151
Маккартни Иан 56
Маккензи Роберт 3, 5
Макконнел Джек 175
Маклейш Генри 170, 175

Макленнан Гордон 240
Макленнан Роберт 16
Макмиллан Гарольд 88, 95, 257
Макмюрей Джон 151
Маллон Сеамус 206, 210
Манделсон Питер 19, 33, 210–212, 244, 245, 288
Маркуэнд Дэвид 112, 119, 121, 122, 124, 125, 144, 145
Мастерман Чарльз Ф. 126
Мейджор Джон 6, 15, 33, 35, 59, 62, 87, 90, 92, 130, 163, 201, 202, 257, 258, 299
Мейер Энтони 62
Меллор Дэвид 258
Мёрдок Руперт 34, 287
Мёрфи Пол 186, 203, 214
Милибэнд Дэвид 109
Милль Джон Стюарт 122
Минфорд Патрик 130
Митчелл Джордж 201, 203, 210
Мичер Майкл 253
Молино Джеймс 198
Морган Родри 186–191
Моррис Дик 109
Моррис Уильям 238
Мосли Освальд 239, 251
Моулам (Мо) Марджори 34, 203, 209
Мулган Геофф 103, 115
Муфф Шанталь 113
Мэй Джон 71

Нейл Алекс 169
Нейлл лорд 19, 20
Неллист Дэйв 245
Нисон Шон 209
Нозик Роберт 86, 123
Нолан лорд 19
Норман Арчи 59
Норрис Стив 226

О'Лири Брендан 205
Олдердайс Джон 209
Оуэн Дэвид 15, 16, 67

Паркинсон Сесил 59
Парло Джон 68
Паттен Кристофер 211
Пауэлл Инок 86, 250
Пейсли Иан 38, 198, 204, 209, 216
Пий XII, Папа Римский 109
Пил Роберт 58
Пиратин Фил 239
Поллит Гарри 239
Поппер Карл 85
Портилло Майкл 35, 92, 93
Прескотт Джон 34, 43, 48, 51, 123
Путнам Роберт 99

Райс Кондолиза 214
Райт Тони 121
Рамафоза Сирил 203
Редвуд Джон 62
Рейнолдс Альберт 201
Рид Джон 212
Робертсон Джордж 171
Робинсон Джеффри 19
Роджерс Уильям 15
Ролз Джон 122, 127
Россели Карл 120
Ротбард Мюррей 86
Руссо Жан-Жак 122

Саклатвала Шапурджи 239
Салмонд Алекс 163, 168, 169, 174, 178, 179
Самуэл Герберт 126
Сартори Джованни 3–5, 40, 58
Седдон Марк 50
Сидгвик Генри 122
Сикорски Пэт 244
Скаргилл Артур 33, 44, 54, 55, 235, 244, 245
Скед Алан 258
Скратон Роджер 85, 136
Смит Джон 17, 48, 49, 51, 121, 137, 139, 141, 262
Сноуден Филипп 15, 41, 151
Сойер Том 55
Стёржен Никола 179
Стил Дэвид 15, 68, 69
Стро Джек 253, 254
Суинни Джон 169, 174, 178
Сэндс Бобби 199, 200

Тааф Питер 243
Теббит Норман 228
Темпл Нина 241
Тёрнер Джин 175
Тиндалл Джон 251
Томлинсон Рики 244
Торп Джереми 15
Тоуни Ричард 119, 124
Тревельян Чарльз Ф. 124
Тревет Эрик 241
Тримбл Дэвид 38, 198, 204, 206, 208, 210–213, 215
Троцкий Лев 242
Тэтчер Маргарет 28, 34, 37, 55, 62, 86, 88, 123, 162, 180, 197, 199, 226, 227, 251, 283–285

Уидикомб Энн 92
Уиллетс Дэвид 113, 130
Уилсон Билл 178
Уильямс Ширли 15, 16
Уоллас Джим 170, 173, 177
Уорсторн Перегрин 85

Фараг Найджел 259
Фитт Джерри 199
Френч Сид 241
Фридман Милтон 86
Фут Майкл 45, 46, 240

Хайек Фридрих фон 85
Халперн Дэвид 109
Хамилтон Нил 18
Харди Кейр 141
Харпер Робин 168
Хаттерсли Рой 46, 48, 121, 122
Хаттон Уилл 118, 119, 122, 130, 148
Хезелтайн Майкл 34, 62, 230
Хейг Уильям 19, 35, 59, 60, 62, 64, 66, 71, 91
Хелдейн Ричард 124
Хили Дэнис 45, 46
Хит Эдвард 15, 33, 62, 162, 250, 257, 287
Хобсон Джон 124, 126
Хобхаус Леонард Т. 120, 126
Ховард Майкл 36, 37, 65, 92, 227, 230
Холкери Харри 201
Холл Стюарт 101–103, 105, 113
Холмс Майкл 259
Холтман Геральд 112
Хрущев Н.С. 241
Хусейн Саддам 247
Хьюм Джон 199, 200, 240, 215
Хьюс Симон 69, 226

Шастелен Джон де 201, 203
Шеридан Томми 168, 243
Шмидт Гельмут 125

Эванс Гвинфор 180
Эйткен Джонатан 18
Эттли Клемент 27, 42, 124, 141, 285, 300
Этциони Амитаи 99
Эшдаун Пэдди 17, 18, 34, 68, 69, 71, 121, 302

Юм Дэвид 122

Якобс Майкл 112
Яков II 195

О книгах серии «ТЕМА»

Серия основана издательством «Весь Мир» в 2000 году. «Тема» объединяет актуальные монографические работы отечественных и зарубежных ученых по общественным и гуманитарным наукам, обращенные не только к академический, но и к достаточно широкой общественной аудитории.

В предыдущие годы в серии вышли в свет:

Бенетон Ф. Введение в политическую науку. Пер. с фр. 2002

Декомб В. Современная французская философия. Пер. с фр. 2000

История Европы в трех кн. Кн. 1. *Кёнигсбергер Г.* Средневековая Европа, 400–1500 годы. Пер. с англ. 2001; Кн. 2. *Кёнигсбергер Г.* Европа раннего нового времени, 1500–1789 годы. Пер. с англ. 2006; Кн. 3. *Бриггс А., Клэвин П.* Европа нового и новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. Пер. с англ. 2006

Керни Р. Диалоги о Европе. Пер. с англ. 2002

Коэн Ж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. 2003

Лимэн О. Введение в классическую исламскую философию. Пер. с англ. 2007

Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики после 1945 года. Пер. с англ. 2002

Майроф Б. Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. Пер. с англ. 2000

Плимак Е. Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. 2004

Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде. Большевики приходят к власти. Пер. с англ. 2003. 2-е испр. и доп. изд.

Ристе У. История внешней политики Норвегии. Пер. с англ. 2003

Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. 2005

Согрин В. Политическая история США. XVII—XX вв. 2001

Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции. Под ред. К. Мисгельда, К. Мулина и К. Омарка.; Предисловие Ю.М. Лужкова. Пер. с англ. 2001

Сэндлер Т. Экономические концепции для общественных наук. Пер. с англ. 2006

Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. Пер. с англ. 2003

Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. Пер. с англ. 2001

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. 2003

Шмелев Н.П. В поисках здравого смысла. Двадцать лет российских экономических реформ. 2006

По вопросам приобретения литературы издательства «Весь Мир» обращайтесь в книжные магазины, к дистрибьюторам и в отдел сбыта издательства. Подробную информацию можно получить на веб-сайте издательства: www.vesmirbooks.ru. Там же можно оформить заказ на приобретение литературы по почте.

Наш адрес:
101000 Москва Колпачный пер. 9а.
Тел. (495) 623 68 39, 625 37 70
Факс (495) 625 42 69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru
http://www.vesmirbooks.ru

Громыко Алексей Анатольевич

Модернизация партийной системы Великобритании

Редактор *Е.Л. Чеканова*
Художники: *А.Н. Глухов, И.А. Глухов*
Верстка *Е.А. Поташевская*
Корректор *Е.В. Карасева*

Подписано в печать 03.04.2007. Формат 60 x 90 $^{1}/_{16}$
Печать офсетная. Гарнитура NewtonC.
Печ. л. 21,5. Тираж 1500 экз. Заказ №
Изд. № 01/06-и

ООО Издательство «Весь Мир»
101000 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а
Тел.: (495) 623-68-39, 623-85-68
факс (495) 625-42-69
E-mail: orders@vesmirbooks.ru;
http://www.vesmirbooks.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ОАО «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ISBN 978-5-7777-0382-8

9 785777 703828

Громыко Алексей Анатольевич, заместитель директора Института Европы РАН, доктор политических наук. Автор статей, индивидуальных и коллективных монографий, среди которых: «Политический реформизм в Великобритании (1970–1990-е годы)» М.: Изд. XXI Век — Согласие. 2001; « Великобритания. Эпоха реформ» М.: Весь Мир, 2007. Член Ученого совета Института Европы и Диссертационного совета Дипломатической Академии МИД РФ; редколлегии журнала « Современная Европа». Стипендиат Фонда Сиднея и Беатрисы Вебб 2002 г., Раскин колледж, Оксфордский университет. В 2004 г. избран старшим ассоциированным членом колледжа Сент-Энтони, Оксфордский университет. Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке (2004, 2006). Соучредитель российского движения «За укрепление демократического мирового правопорядка и в поддержку ООН».

Книга рассказывает о качественных изменениях в британской партийно-политической системе, произошедших в последние десятилетия. В ней представлены новейшие тенденции в организации и идеологическом оснащении ведущих партий, впервые в российской политологии описываются региональные партийные системы страны. Восполняется недостаток внимания к деятельности и классификации малых партий Великобритании. Рассматривается проблематика функций политических партий в современном мире. Монография дает возможность прогнозировать ход политического развития Великобритании, предвидеть те партийно-политические конфигурации, которые в ближайшем будущем определят внутреннюю и внешнюю политику одного из ведущих государств Европы.